

05
Ж 66

Ж12179

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Годъ XXII.

Выпускъ III—IV.

1913.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.

1914.

Редакція „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“

ПОСВЯЩАЕТЪ НАСТОЯЩІЙ ВЫПУСКЪ

НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ

АКАДЕМИКА

Всеволода Теодоровича

МИЛЛЕРА,

ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ.

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Годъ XXII.

1913.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.

1914.

ОГЛАВЛЕНИЕ. 1913 год. Вып. 1-4

Отъ Редакціи (съ портретами Д. Н. Анучина и В. Ө. Миллера (†)).	
Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи (за 1912 г.) . . .	I—XX
Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Этнографіи и состоящихъ при немъ постоянныхъ комиссій за 1912 г.	XXI—XXVII
Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи (за 1913 г.) . . .	XXVIII—LV
Д. К. Зеленинъ. Русскіе народные обряды со старою обувью	1— 16
А. В. Марковъ. Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи. (Образъ Горы)	17— 24
М. Б. Едемскій. О крестьянскихъ постройкахъ на сѣверѣ Россіи (съ 62 рис.)	25—116
Э. К. Пекарскій и И. И. Майновъ. Программа для изслѣдованія домашняго и семейнаго быта якутовъ.	117—135
Программа для описанія этнографическихъ музеевъ Россіи.	136
И. М. Калининъ. Чудь и Паны.	137—146
(†) Полихроній Сырку. Изъ быта бессарабскихъ румынъ. I. Народный календарь румынскаго населенія въ Бессарабіи	147—180
В. А. Михайловъ. Замѣтка по поводу перевода выраженія „зэгэтэ аба“—охота на росомахъ въ статьѣ М. Н. Хангалова и Д. А. Клеменца „Общественныя охоты у сѣверныхъ бурятъ“.	181—182
А. А. Каменевъ. Два условія въ договорѣ найма пастуха въ Кемскомъ уѣздѣ Архангельской губ.	183—184
Е. В. Аничковъ. Изъ прошлаго каликъ переходящихъ	185—200
Ө. П. Коноваловъ. † Александръ Николаевичъ Минхъ. (Некрологъ и списокъ трудовъ А. Н. Минха)	201—212
И. М. Калининъ. Обязательства по обычаямъ крестьянъ Онежскаго уѣзда Архангельской губ.	227—304
Г. И. Орѣховъ. Свадебные обряды, обычаи и пѣсни въ Холмскомъ уѣздѣ, Псковской губ.	305—317
Б. Соколовъ. Вс. Ө. Миллеръ, какъ изслѣдователь русскаго былевого эпоса	318—336
А. Розенфельдъ. Памяти Всеволода Ѳеодоровича Миллера	337—345

І. Каллиниковъ. О собираніи сказокъ въ Орловской губ.	346—362
(†) П. А. Сырку. Изъ быта бессарабскихъ румынъ. II. Погребальные обычаи и обряды румынъ Бессарабіи	363—370
М. Моллесонъ. Русскіе этнографическіе музеи и собранія. III. Троицкосавско-Кяхтинскій Музей	371—377
И. С. Абрамовъ. Повѣрья, примѣты и заговоры жителей Новоградъ-Волынскаго и Заславскаго уѣздовъ	378—383
И. В. Яковлевъ. Способъ умыканія невѣстъ среди вотяковъ Елабужскаго уѣзда	384—386
И. В. Яковлевъ. Вотяцкія легенды, занисанныя въ Поршурскомъ приходѣ Елабужскаго уѣзда Вятской губ. въ 1902 и 1903 гг.	387—394
Т. К. Борисовъ. Изгнаніе шайтана у вотяковъ	395—399
Всев. Шнитниковъ. Матеріалы по киргизской и татарской музыкѣ	400—416
Л. Я. Штернбергъ. В. Θ. Миллеръ, какъ этнографъ. Рѣчь	417—425
Критика и библіографія.	213—226, 426—440
<p>1. А. И. Путинцевъ. Талагайская свадьба. Д. Зеленина (213—214). 2. С. Смирновъ, проф. Исповѣдь землѣ. Е. Елеонской (214—215). 3. Кн. Д. Ухтомскій. Чукотскія стрѣлы. Алексѣя Макаренко (215—218). 4. В. Ф. Трощанскій. Наброски о якутахъ Якутскаго округа. Н. Виташевскаго (218—226). 5. Р. Кедрина. Обрядъ „крещенія“ и „похоронъ кукушки“ въ связи съ народнымъ кумовствомъ. Ю. Соколова (426—429). 6. Даніиль Святскій. Подъ сводомъ хрустальнаго неба. Очерки по астральной міеологiи. Дм. Зеленина (430—432). 7. Prof. Dr. Lubor Niederle. Život starých slovánů. Дм. Зеленина (432—437). 8. Die Schröpfköpfe bei den Slaven. Von M. Murko. Дм. Зеленина (437—440).</p>	
Б. Э. Петри. Библіографія за 1911 годъ по этнографіи, религіи, языкознанію и фольклору	441—468
Э. А. Вольтеръ. Матеріалы для своднаго списка періодическихъ изданій по этнографіи, антропологiи, фольклору и археологiи въ петроградскихъ библіотекахъ	469—499

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

V. Засѣданіе 5 апрѣля 1913 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, Вс. Θ. Миллера, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Произведены выборы Медальной Комиссіи по Отдѣленію Этнографіи на 1913 годъ. Избранными оказались: С. Θ. Ольденбургъ, Д. К. Зеленинъ, В. Л. Котвичъ и Θ. К. Волковъ.

III.

Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе печатныхъ изданійхъ:

1. *Revue d'Ethnographie et de Sociologie*. 1913, № 1—2.
- 2—6. *Lietuvių Tauta*. Knig. I, Dalis 1—4; Knig. II, Dalis 1.
7. *Гермесь*, 1913, № 6 (112).

Постановлено: передать въ бібліотеку Общества.

IV.

Б. Э. Петри сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Селеніе, дворъ и юрта нудинскихъ бурятъ въ связи съ нѣкоторыми особенностями семейно-родовыхъ отношеній“ по слѣдующей программѣ:

Общій видъ улуса, его составъ (родовой) и планировка юртъ: Экономическій строй улуса. Нѣсколько словъ о разселеніи бурятскихъ родовъ.

Дворъ и его составъ (семейный).

Юрта; постройка юрты, обрядъ перенесенія огня; наружный видъ юрты; типы юртъ: 8, 7, 6 и 4-хъ стѣнныхъ.

Внутренній видъ юрты; планъ ея; мѣсто онгоновъ; очагъ, значеніе огня и обряды по отношенію къ огню, линія огня. Распредѣленіе мебели и предметовъ хозяйства; чистые, грязные и священные углы.

Пристройки къ юртѣ.

Мѣста для гостей по рангамъ и поламъ.

Женская и мужская половины. Планъ юрты въ связи съ между-половыми запретами.

Жизнь въ улусѣ; мужскія и женскія работы и обряды, съ ними связанныя: скотоводство, ужуги, приготовленіе войлока, кожи и тарасуна.

V.

В. А. Михайловъ прочелъ сообщеніе на тему: „Посвященіе шамана и жертвоприношенія у кудинскихъ бурятъ“ по слѣдующей программѣ:

Назначеніе дня посвященія. Сборъ подарковъ. Заготовка деревьевъ и выемка конныхъ тростей. Разстановка деревьевъ. Приготовленіе различныхъ обрядовыхъ вещей. День посвященія. Выборъ помощниковъ шаману. Предварительныя обрядовыя брызганія божествамъ и духамъ шамановъ. Разстановка жертвенныхъ животныхъ и прочія приготовленія. Схема призванія. Очищеніе шамана: а) огнемъ съ богородской травой, б) водою съ верескомъ, в) кровью козла. Присяга шамана. Призваніе у деревьевъ посвященія. Закалываніе жертвенныхъ животныхъ. Обрядъ хороненія костей и нѣкоторыхъ частей мяса жертвенныхъ животныхъ. Жертвоприношеніе мясомъ. Обрядъ хурі—завываніе благодати отъ божествъ. Игры и пиршества. Заключительныя жертвоприношенія. Жертвоприношенія кровныя и безкровныя, общественныя и частныя.

VI. Засѣданіе 2 мая 1913 года.

Засѣданіе было открыто Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Вс. Ѳ. Миллеромъ, который затѣмъ передалъ предсѣдательствованіе С. К. Буличу, какъ знатоку народной музыки. Секретарствовали А. Д. Рудневъ и А. Н. Самойловичъ.

Я. В. Прохоровъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Музыкально-поэтическое творчество русской женщины-крестьянки. Танковыя пѣсни“ по слѣдующей программѣ:

Что такое Танки? Возжденіе двѣдушками Танковъ въ Калужской губерніи. Танковыя пѣсни. Ихъ историческая древность и оригинальность и выдающіяся музыкальныя достоинства. Затрудненія при отысканіи ихъ и записяхъ.

Что говорится о Танкахъ въ литературѣ по Русскому и Южно-Славянскому фольклору; искаженіе смысла слова „Танокъ“ и, вслѣдствіе этого, ложныя мнѣнія и ошибки собирателей.

Что говорить о Танкахъ сама народная пѣсня Великороссовъ, Бѣлороссовъ, Малороссовъ, Болгаръ и др. славянскихъ народностей.

Постепенное видоизмѣненіе Танковыхъ пѣсенъ и превращеніе ихъ въ пѣсни другихъ категорій. Причины этого видоизмѣненія.

Выводы изъ всего вышесказаннаго.

Танки—старинный общеславянской обычай; торжественныя весеннія гулянья дѣвушекъ по улицамъ, полямъ и лугамъ, съ вѣнками на головахъ и съ пѣніемъ особыхъ весеннихъ (Танковыхъ) пѣсенъ.

Содержаніе этихъ пѣсенъ, ихъ музыка и нѣкоторыя музыкально-психологическія особенности.

Кое-что о другихъ весеннихъ обрядахъ, во время которыхъ происходило вожденіе Танковъ. Празднованіе Семика. Хожденіе въ лѣсъ завивать вѣнки и пр. Общая трапеза въ лѣсу. Остатки языческаго ритуала. Завиваніе вѣнковъ, кумовство, гаданіе и нѣкоторые другіе обряды и относящіеся къ этимъ обрядамъ пѣсни.

Сообщеніе сопровождалось исполненіемъ Танковыхъ, Семичныхъ игровыхъ и др. весеннихъ пѣсенъ въ исполненіи г-жъ: О. Л. Зараевой-Михельсонъ, О. А. Ольгиной, А. В. Красновой, О. С. Бѣгичевой, * *, Е. Б. Кристь, а также были продемонстрированы фонограммы Танковыхъ пѣсенъ, записанныхъ Я. В. Прохоровымъ въ Калужской губ.

Программа:

1. По улицѣ по широкой:

Исполнили: О. Л. Зараева-Михельсонъ, О. С. Бѣгичева и А. В. Краснова.

2. Вдоль да по улицѣ...

Исполнили: О. А. Ольгина, Е. Б. Кристь и А. В. Краснова.

3. Во сыромъ бору елынька...

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ, О. С. Бѣгичева и г-жа * *

4. Стояло тутъ косово дерево...

Исп.: О. А. Ольгина, Е. Б. Кристь и А. О. Краснова.

5. Леле іано, Маленевка... (Болгарская).

Исп.: Я. В. Прохоровъ.

6. По лугу-лугу, по зеленому...

7. Ужъ я палася, перепалася...

} Фонограммы.

8. Саша по саду гуляла. Бытовая пѣсня.

Исп.: О. А. Ольгина, Е. Б. Кристь и г-жа * *.

9. Ахъ ты пчелка, пчелочка...

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ.

10. А и густо, густо на березѣ листы...

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ, О. С. Бѣгичева и Е. Б. Кристь.

11. За дворомъ, дворомъ за батюшкинымъ...

12. Наша улица широкая...

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ.

13. Въ бору сосенка колыхалася... (Бѣлорусская пѣсня).

Исп.: А. В. Краснова.

14. Ой, перепелычка мала-невеличка... (Малорусская).

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ, О. С. Бѣгичева и А. В. Краснова.

15. Не спала я, млада, не дремала... (Фонограмма).

16. Пойдемте, дѣвочки, завивать вѣночки...

Исп.: Я. В. Прохоровъ.

17. Ой, улица, улица зеленая...

Исп.: О. А. Ольгина, Е. Б. Кристь и г-жа * *.

18. Болитъ мені головонька... (Малорусская).

Исп.: О. А. Ольгина.

19. Иойду, млада, тишкомъ—лужкомъ...

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ, О. С. Бѣгичева и А. В. Краснова.

20. Пиду у садочокъ... (Малорусская).

Исп.: Е. Б. Кристь.

21. Рыболовъ мой мужилушка...

Исп.: О. А. Ольгина, О. С. Бѣгичева и А. В. Краснова.

22. Ну-ка, кумушка, мы покумимся...

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ, Е. Б. Кристь и г-жа * *.

23. Вѣночекъ, вѣночекъ мой...

24. Не летай, соловей, не летай, молодой... } игровыя пѣсни.

25. На горѣ лужокъ зеленешенекъ... (Веснянка).

Исп.: О. Л. Зараева-Михельсонъ, О. С. Бѣгичева, Е. Б. Кристь, А. В. Краснова и г-жа * *.

26. Лугава яки, сыри алаша... (Мордовская пѣсня).

Исп.: Я. В. Прохоровъ.

27. Ахъ ты душечка, красна дѣвица...

Исп.: А. В. Краснова и Я. В. Прохоровъ.

28. Какъ на рѣчкѣ, на лужечкѣ... Женскій квартетъ а сарелла.

Исполнили: О. А. Ольгина, О. С. Бѣгичева, Е. Б. Кристь и А. В. Краснова.

Акомпанировалъ Н. И. Аладовъ.

Рояль фабрики Мюльбахъ.

Примѣчаніе: № 10-й гармонизованъ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ; №№ 11 и 12 гармонизованы М. А. Балаки-

ревымъ; всѣ остальные нумера, за исключеніемъ фонограммъ, гармонизованы И. В. Прохоровымъ. №№ 1, 2, 3, 4, 8, 14, 17, 19, 22, 23, 24, 25, — Тріо а capella; 14 и 21-й — Тріо съ аккомпанементомъ фортепіано, — 27 — Дуэтъ, 28 — Квартетъ а capella, остальные: — 5, 9, 13, 16, 18, 20 и 26 — соло съ аккомпанементомъ фортепіано.

Передъ сообщеніемъ проф. С. К. Буличъ указалъ на то, что предстоящее сообщеніе будетъ иллюстрироваться какъ чисто народными мелодіями, такъ и переработками народныхъ пѣсенъ, принадлежащими композиторамъ Балакиреву, Римскому-Корсакову и самому докладчику. Эти художественныя переработки сырого матеріала народныхъ пѣсенъ, являясь искусственными опытами освѣщенія народной музыки съ извѣстной стороны, опытами, проникнутыми стремленіемъ постичь и выразить духъ народной пѣсни, — переработки эти имѣютъ нѣкоторое основаніе быть представленными въ ученomъ обществѣ, хотя сами по себѣ онѣ и не являются чисто-научнымъ матеріаломъ.

VII. Засѣданіе 27 сентября 1913 года.

Засѣданіе состоялось подъ предѣдательствомъ д. чл. О. К. Волкова, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Доложено о выходѣ въ свѣтъ „Живой Старины“ за 1913 г., вып. 1—2; „Записокъ И. Р. Г. Общ. по Отдѣленію Этнографіи“, т. 36 и 40.

III.

Доложено о поступившихъ отвѣтахъ на вопросникъ „Живой Старины“ объ этнографическихъ музеяхъ и собраніяхъ въ Россіи.

Вопросникъ былъ разосланъ 44 музеямъ; до 27 сентября получили отвѣты отъ 12 музеевъ:

- 1) Эстонскаго Національнаго Музея въ Юрьевѣ.
- 2) Кубанскаго войскового этнографическаго и естественно-историческаго Музея.
- 3) Историческаго Музея Императора Александра III въ Москвѣ.
- 4) Музея Уральскаго Общества любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ.
- 5) Архангельскаго Городскаго Музея.

- 6) Городского Музея Волынской губерніи барона Штейнгеля.
- 7) Кавказскаго Музея въ Тифлисѣ.
- 8) Музея Терской Области.
- 9) Уфимскаго Губернскаго Музея.
- 10) Музея Украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ.
- 11) Домскаго Музея (Dom-Museum) въ Ригѣ.
- 12) Музея Оренбургскаго края въ Оренбургѣ.

IV.

Доложена справка о разсылкѣ опросниковъ Комиссін по составленію этнографической карты Россіи:

Текущимъ лѣтомъ была произведена разсылка программъ по собиранію различныхъ свѣдѣній для этнографической карты Россіи.

Разсылка производилась такимъ порядкомъ —

Малорусская. Были написаны письма Предсѣдателямъ Уѣздныхъ Земскихъ Управъ губерній Екатеринославской (8 уѣздовъ) и Херсонской (6 уѣздовъ) съ просьбой принять на себя разсылку. Послѣ выраженного согласія, по ихъ требованіямъ было выслано заготовленныхъ пакетовъ, содержащихъ въ себѣ семь страницъ опросныхъ листовъ, обращеніе къ учителю и конвертъ съ печатнымъ адресомъ Общества для обратнаго возвращенія —

по Екатеринославской губ	545
„ Херсонской	997

Итого . . 1.542

Отвѣты съ согласіемъ принять на себя разсылку получены отъ всѣхъ земствъ означенныхъ губерній за исключеніемъ одного — Александровскаго, Екатеринославской губерній.

Кромѣ того, были удовлетворены прошлогоднія требованія нѣкоторыхъ земствъ Подольской и Черниговской губерній, коимъ не хватило листовъ при разсылкѣ 1912 года; послано 260

А всего въ 1913 г. разослано малорусской программы 1.802

Башкирская. Посланы отдѣльныя письма съ приложеніемъ готовыхъ пакетовъ, содержащихъ въ себѣ шесть страницъ опросныхъ бланковъ, обращеніе къ учителю и печатный конвертъ для возвращенія —

Предсѣдателямъ Уѣздн. Зем. Управъ:

ПЕРМСКОЙ губ. Шадринскаго уѣзда . . .	30
Екатеринбургскаго . . .	30
Красноуфимскаго	30
Осинскаго	30

УФИМСКОЙ губ. Уфимскаго	100
Златоустовскаго	100
Мензелинскаго	100
Стерлитамакскаго	100
Белебеевскаго	100
САМАРСКОЙ губ. Бугульминскаго	25
Бугурусланскаго	25

Инспекторамъ Народныхъ Училищъ — Оренбургской губ., уѣздовъ Оренбургскаго, Орскаго, Верхнеуральскаго, Троицкаго, Челябинскаго по 20 экз., всего	100
Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи	120

А всего разослано башкирской программы 890

Бѣлорусская. Были написаны просьбы къ Попечителю Виленскаго Учебнаго Округа и Директорамъ Народныхъ Училищъ Виленской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской, Черниговской и Смоленской губерній.

Попечитель Виленскаго Округа циркулярнымъ распоряженіемъ предложилъ Директорамъ Народныхъ Училищъ означенныхъ губерній доставить свѣдѣнія о потребномъ количествѣ программъ для каждого инспекторскаго района.

До сего времени поступило требованій отъ 11-ти инспекторовъ народныхъ училищъ, коммъ и послано готовыхъ пакетовъ, содержащихъ въ себѣ 12 опросныхъ листовъ, обращеніе къ учителю и печатный конвертъ для обратнаго доставленія, всего 925

Остатокъ -- Малорусской	229
Башкирской	89
Бѣлорусской	1.075

V.

Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе и въ редакцію „Живой Старины“ печатныхъ изданій:

- 1) Гермесъ, 1913, №№ 7—10.
- 2) Труды Оренб. Уч. Арх. Комиссіи, вып. 27.
- 3) Б. Владиміровъ. Отчетъ о командировкѣ къ бантамъ Кобдоскаго округа. Отд. отд. изъ Изв. Русск. Ком. для изуч. Ср. и Вост. Азіи, № 11.
- 4) Сообщенія И. Правосл. Палест. Общества, томъ 24, вып. 2, 1913.
- 5) Извѣстія Кіевск. Коммерч. Института, кн. 18, 1913.
- 6) Г. Ф. Чурсинъ. Очерки по этнологіи Кавказа. Тифлисъ. 1913. Цѣна 60 к.

- 7) Н. К. Могилѣянскій. Матеріалы для географіи и статистики Бессарабіи. Кишиневъ, 1913.
  - 8) Библиографическія Извѣстія, № 1, 1913.
  - 9) Этнографическое Обозрѣніе, № 3—4, 1912. Москва, 1913.
  - 10) Труды Саратовск. Уч. Арх. Комиссіи, вып. 30, 1913.
  - 11) Григорій Де-Волланъ. Исторія общественныхъ и революціонныхъ движеній въ связи съ культурнымъ развитіемъ Русскаго государства. Часть I, томъ I. Изданіе М. О. Вольфъ. 1913.
  - 12) В. А. Кельтуяла. Курсъ исторіи русской литературы. Часть I, книга I, изданіе 2-ое. СПб. 1913.
  - 13) Русскій Филологическій Вѣстникъ, №№ 1, 2, 3, 1913.
  - 14) Этнографічний збірник, томъ 33. Львовъ, 1912.
  - 14) Archives des traditions populaires suédoises, №№ 1—5, въ 1912 г. Стокгольмъ.
  - 16) Revue d'ethnographie et de sociologie, № 3—4, 1913.
  - 17) Národopisny Věstník Česko-slovansky, годъ VIII, №№ 3—5, Прага, 1913.
  - 18) Рецензія G. Polivka на August von Lövis of Menar: Der Held in deutschen und russischen Märchen. Отд. отт. изъ Archiv für slavische Philologie, т. 35, №№ 1—2.
  - 19) Его же. Neuere Arbeiten zur slavischen Volkskunde. Отд. отт. изъ Zeitschrift des Vereins für Volkskunde in Berlin, № 3, 1913.
  - 20) Его же. Nachträge zu dem „Trug des Nektanebos“ (ibid. № 1, 1913).
  - 21) F. F. Communications, № 11. Die Tiere auf der Wanderschaft, von Antti Aarne.
  - 22) Political science Quarterly, vol. 28, № 2, 1913.
  - 23) Lietuvių Tauta. 2. Mokslo Draugijos raštai. Kn. II, Dal. 2, Вильно, 1913.
  - 24) Prof. Dr. Matthias Murko. Bericht über eine Bereisung von Nordwestbosnien und der angrenzenden Gebiete von Kroatien und Dalmatien behufs Erforschung der Volkspoesie der bosnischen Mohammedaner. Отд. отт. изъ Sitzungsber. der K. Ak. der Wiss. in Wien. Вѣна, 1913.
  - 25) Его же. Bericht über phonographische Aufnahme epischer, meist mohammedanischen Volkslieder in nordwestlichen Bosnien in Sommer 1912. № XXX der Berichte der Phonogramm-Archivs-Kommission der K. Ak. der Wiss. in Wien. Вѣна, 1912.
- Постановлено: передать въ бібліотеку Общества.

VI.

Доложено предложеніе редакціи „Извѣстій Общества изученія Олонеккой губерніи“ обмѣниваться журналомъ съ редакціей „Живой Старины“.

Постановлено: предложеніе принять, если библіотека Общества не получаетъ названнаго журнала.

VII.

Доложено о присланныхъ въ Отдѣленіе рукописяхъ П. А. Росіева, неизвѣстнаго и Чубинова.

Постановлено: передать въ Редакціонную Комиссію.

VIII.

Доложено оповѣщеніе Совѣта II. Общ. любителей естествозн., антропол. и этнографіи объ исполняющемся 15 октября с. г. пятидесятилѣтій дѣятельности Общества.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

IX.

Доложена просьба Василія Шатайло выслать ему вопросникъ о малороссахъ Комиссіи по сост. этн. карты Россіи.

Постановлено: исполнить.

X.

Предсѣдательствующій предложилъ Отдѣленію избрать въ члены-корреспонденты Исмаилъ-мурзу Гаспринскаго, издателя татарской газеты „Терджиманъ“ въ Бахчисараѣ, могущаго быть полезнымъ Отдѣленію по изученію крымскихъ татаръ.

Постановлено: избрать и доложить объ этомъ Совѣту Общества.

XI.

Д. чл. А. Н. Самойловичъ просилъ Отдѣленіе представить Совѣту Общества двухъ крымскихъ татаръ: Али Боданинскаго и Яхья Байбуртлы и трехъ ставропольскихъ туркменовъ Реджеба, Торгая и Ибраева къ награжденію бронзовыми медалями Общества за содѣйствіе, оказанное ими Самойловичу во время его этнографическихъ поѣздокъ по Крыму и Ставропольской губ.

Постановлено: исполнить.

XII.

Н. И. Ульяновъ прочелъ сообщеніе на тему: „Дивья красота“ въ причитаніяхъ и обрядахъ наканунѣ свадьбы въ селѣ Шмановскомъ, Ирбитскаго уѣзда, Пермской губерніи“.

I.

Рѣдкіе свадебные обряды въ селѣ Шмаковскомъ. Записи 1911 г. и 1912 г. Краткая характеристика населенія и мѣстности, гдѣ производились записи. Способъ записей и ихъ провѣрки. Сложность свадебнаго порядка въ с. Шмаковскомъ. Схема этого порядка въ важнѣйшіе свадебные дни — „рядъ“, рукобитья, провѣданія женихомъ невѣсты, дѣвишника и обрученія, свадьбы (вѣнчанія), столованія — и въ дни послѣсвадебные.

II.

Опредѣленіе понятія „дивьей красоты“ по матеріаламъ нашихъ собирателей (украшеніе, красота, лента въ косѣ дѣвушки) и по свадебнымъ матеріаламъ с. Шмаковского (дивья красота, какъ идея дѣвичества). Дивья красота въ причитаніяхъ: о житиѣ дѣвичьемъ, качествахъ дѣвушки, о косѣ и лентахъ.

Дивья красота (въ домъ родителей невѣсты) наканунѣ свадьбы — въ день дѣвишника и обрученія.

Утро. „Кличъ зари“ въ обрядовыхъ причитаніяхъ.

Приготовленіе матерью „благословенія“ (благословенная булка). Взаимныя причитанія невѣсты и родственницъ (бытovyя стороны брачной жизни). Обрядовый обѣдъ невѣстѣ съ подружками.

Время около полудня. Бани и ея роль въ обрядахъ, связанныхъ съ дивьей красотой. Приглашеніе сестры-истопницы для обряда смыванія дивьей красоты. Благословеніе родителей. Обрядъ прощанія съ домомъ. Обрядовое шествіе невѣсты къ банѣ. Обрядовыя дѣйствія въ предбанникѣ и банѣ (обряды съ вѣнникомъ, поклоны, выпускъ голубя). Смываніе красоты. Отлетъ красоты. Обряды — „зоренія“ каменки, расплескиванія воды и разрыва вѣника. Причитанія послѣ бани при возвращеніи домой. Заплетеніе косы подружками послѣ бани и причитанія о „русой“ косѣ и отлетѣвшей дивьей красотѣ.

Вечеръ. Приготовленія къ пріѣзду гостей. Обращеніе невѣсты въ причетахъ къ подружкамъ съ просьбой задержать жениха. Пріѣздъ свадебнаго поѣзда. Обрядъ встрѣчи гостей и благословенія хлѣбомъ и иконою. Угощеніе. Обрядовое столованіе съ обмѣномъ дарами со стороны родни жениха и невѣсты. Величальныя пѣсни. Обрядъ мѣны огней. „Столованіе“. Отѣздъ гостей.

Обрядовыя дѣйствія и причитанія невѣсты и ея матери. Расплетеніе и заплетеніе (въ послѣдній разъ) косы невѣсты матерью въ формѣ хлѣбныхъ злаковъ и сѣмянъ. Великое благословеніе матери.

III.

Выводы доклада.

Въ преніяхъ по поводу сообщенія приняли участіе гг. Зеленинъ, Богаевскій, Едемскій, Макаренко, Золотаревъ, Матафтинъ и Волковъ.

Д. К. Зеленинъ высказать предположеніе, что символъ и обряды съ „дивьей красотою“ развились изъ прежнихъ обрядовъ обрѣзанія невѣстиной косы. Переживанія этого послѣдняго у великороссовъ: эпитетъ свахи „косорѣзка“ (Костромск. губ.), приговоръ мальчика во время расплетанія невѣстиной косы: „косу рѣжу“ (Исковск. губ.), пожницы въ рукахъ мальчика, продающаго косу невѣсты (Саратовск. губ.) и т. п.

Д. А. Золотаревъ указалъ на то, что основное положеніе докладчика, устанавливающаго понятіе „дивьей красоты“, какъ понятіе, обнимающее не только украшенія, ленты и пр., а главнымъ образомъ идею дѣвчества, символизируемую такъ или иначе, вполне естественно. Едва ли возможно думать, что названіе „дивья красота“ относится лишь къ косѣ невѣсты. Несомнѣннымъ подтвержденіемъ взгляда докладчика является то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи „красотою“ называютъ дерево, украшенное лентами и тряпками. Самъ докладчикъ упомянулъ о Исковской губ., гдѣ называютъ такое дерево „дивьей красотою“, но не придавъ этому большого значенія. Между тѣмъ, въ Ярославской губ. и нѣкоторыхъ мѣстахъ Тверской губ. „дивьей красотою“ называютъ молодое деревцо, обыкновенно елку, украшенную лентами и цвѣтами, которую ставятъ передъ домомъ невѣсты и во время дѣвичника вносятъ въ домъ. Несомнѣнно, эта молодая елочка въ данномъ случаѣ есть символъ дѣвчества, молодости и свѣжести.

Аналогія настолько очевидна и проста, что не зачѣмъ искать другого объясненія. Названіе украшенной елки не является новымъ, наноснымъ или случайнымъ. Оно существуетъ не только въ жизненномъ обиходѣ, но и въ старыхъ свадебныхъ пѣсняхъ. Такова пѣсня, записанная въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губ. въ 1910 году Д. А. Золотаревымъ (со словъ Ир. Вас. Смирновой, мѣстной крестьянки).

М. Б. Едемскій находитъ, что подробности записи свадебныхъ причитаній, пѣсенъ и заговоровъ въ докладѣ содержатъ много интереснаго и цѣннаго; остается пожелать, чтобы и другія стороны свадебнаго обряда были переданы въ записяхъ такъ же подробно. Только напрасно докладчикъ противопоставляетъ тотъ матеріалъ, который имъ собранъ, записямъ по этому вопросу другихъ собирателей: вѣдь, въ своемъ выводѣ о значеніи красоты онъ пользуется какъ разъ словами одной изъ цитированныхъ имъ записей свадебнаго обряда („Свадьба въ Кокшеньѣ Т. у.“, „Ж. Ст.“ 1910 г.).

Даже изъ самыхъ короткихъ записей, въ которыхъ нѣтъ никакихъ выводовъ записывающаго (да и задача эта для него была бы ужъ совсѣмъ побочной),—все же скорѣе можно притти къ тому выводу, что „дивья красота“, чѣмъ бы она ни символизировалась, имѣетъ значеніе всего лучшаго, что связано съ дѣвческой жизнью; не даромъ

въ причетахъ постоянно встрѣчаются наименованія дѣвической жпѣни „красованьемъ“, а „красоваться“, „покрасоваться“ значитъ — пожить въ дѣвицахъ. Что касается еще болѣе отвлеченнаго значенія, заключающагося въ обрядахъ и причитаніяхъ о „дивьей красотѣ“, формулированнаго докладчикомъ, какъ идея дѣвчества, то мнѣ кажется, что въ сознаніи народа такого значенія „дивьей красотѣ“ не придается, и если бы оно въ такомъ видѣ существовало въ народномъ сознаніи дѣйствительно, то это бы несомнѣнно заслуживало быть особенно отмѣченнымъ.

VIII. Засѣданіе 11 октября 1913 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, Вс. Ѳ. Миллера, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловнчѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Доложено о поступившихъ печатныхъ изданіяхъ:

- 1) Андр. Сиротининъ. Россія и славяне. Спб. 1913.
- 2) А. А. Башмаковъ. Очерки права родового, наследственнаго и обычнаго. Спб. 1911.
- 3) Просвіта. Очерки по исторіи украинской культуры. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Томъ XX. Изданъ въ честь проф. Д. Н. Багалѣя. Харьковъ, 1912.
- 4) Вѣстникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Выпуски 3 и 4. 1912 г.
- 5) Этнографическое Обзорѣніе 1913, № 1—2. Москва, 1913 г.
- 6) Труды Оренб. Уч. Арх. Комиссіи. Вып. XXVIII. Н. Н. Модестовъ: Бывшій префектъ гродненской гимназіи, Іеромонахъ доминиканскаго ордена. Кандидъ Зеленко въ Оренбургѣ. Оренбургъ, 1913. Постановлено: передать въ бібліотеку Общества.

III.

Доложено о поступленіи рукописи д. чл. Калинина по обычному праву русскаго населенія Архангельской губерніи.

Постановлено: передать въ Редакціонную Комиссію.

IV.

С. Д. Майнагашевъ прочелъ сообщеніе: „Изъ матеріаловъ по шаманству у сагайцевъ и сосѣднихъ племенъ“ по слѣдующей программѣ:

I.

Нѣсколько общихъ замѣчаній о бытѣ сагайцевъ. Современное положеніе шаманства у сагайцевъ. Личность шамана. Шаманское облаченіе: одежда и бубенъ и связанные съ ними спеціальныя духи шамана. Камланіе и шаманское жертвоприношеніе. Демонстрированіе шаманскихъ пѣснопѣній на фонографѣ.

II.

Родовой праздникъ жертвы Небу (Тигир тайи).

Сообщеніе сопровождалось показываніемъ діапозитивовъ и воспроизведеніемъ фонографическихъ записей.

Въ преніяхъ по поводу сообщенія приняли участіе гг. Штернбергъ, Йохельсонъ, Іоновъ, Макаренко, Евстифѣевъ, Зеленинъ, Васильевъ.

В. М. Іоновъ спросилъ докладчика, не существуетъ ли у сагайцевъ дѣленія духовъ на добрыхъ и злыхъ въ связи съ распределеніемъ ихъ по странамъ свѣта, и не дѣлятся ли соответственно этому шаманы на служащихъ тѣмъ и другимъ.

Н. П. Евстифѣевъ сказалъ, что интересно было бы знать, сколько шамановъ и шаманокъ докладчику удалось узнать лично. Если такихъ оказывается только 6—7, то, принимая во вниманіе, что докладчикъ самъ сагаецъ и уроженецъ Сагайской степи, можно предположить, что шаманство за послѣдніе 20 лѣтъ значительно убывло, такъ какъ 20 лѣтъ назадъ Н. П. Евстифѣеву въ теченіе одного лѣта удалось составить списокъ 38 именъ и точныхъ адресовъ шамановъ и шаманокъ. Н. П. Евстифѣевъ до сихъ поръ не рѣшался помочь этимъ спискомъ изслѣдователямъ шаманства, такъ какъ боялся, что оглашеніе этого списка повредитъ личной судьбѣ указанныхъ лицъ. Боязнъ же вызывалась тѣмъ, что среди этихъ 38 лицъ нѣкоторыя уже потерпѣли отъ антишаманскаго рвенія, напримѣръ, отца Павла Силина. Поэтому интересно было бы знать также, измѣнилось ли отношеніе къ шаманамъ въ смыслѣ болѣеи терпимости. Во всякомъ случаѣ, въ виду того, что докладчикъ спеціально заинтересовался шаманствомъ, Н. П. Ев—въ предоставляетъ въ его распоряженіе всѣ свои свѣдѣнія и записи по шаманству.

Убыль шаманскаго культа можно вывести не только изъ выше-указанныхъ цифръ, но и изъ того, что докладчику не пришлось слы-

шать указаній на множественность душъ челоѣка вообще и шамана въ частности. Между тѣмъ, Н. П. Ев—ву двадцать лѣтъ назадъ пришлось слышать въ той же Сагайской степи разсказъ о созданіи челоѣка, изъ коего вытекало, что челоѣкъ при сотвореніи своемъ получилъ нѣсколько душъ. Насколько Н. П. Ев—въ помнить безъ справки въ своей записи, число душъ равнялось тремъ.

Д. К. Зеленинъ предложилъ вопросъ о способѣ погребенія шамана.

V.

Предсѣдательствующій предложилъ Отдѣленію избрать въ члены-сотрудники Ник. Ѳед. Познанскаго.

Постановлено: избрать Н. Ѳ. Познанскаго членомъ-сотрудникомъ и доложить объ этомъ Совѣту Общества.

IX. Засѣданіе 25 октября 1913 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, Вс. Ѳ. Миллера, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитать и утверждень журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Э. А. Вольтеръ обратился къ Отдѣленію съ просьбой пожертвовать указатель этнографической литературы Д. К. Зеленина Бѣлорусскому и Украинскому студенческимъ кружкамъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Постановлено: просьбу удовлетворить.

III.

Л. Я. Штернбергъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Орель въ сравнительномъ фольклорѣ“.

Въ обсужденіи сообщенія приняли участіе гг. Іоновъ, Богаевскій, Турчаниновъ, Орбели, Пекарскій, Савенковъ, Виташевскій, Р. Д. Семеновъ-Тянь-Шанскій, Матафтинъ, Новгородѣвъ и Вс. Ѳ. Миллеръ.

В. М. Іоновъ указаль на то, что въ данномъ случаѣ мы оперируемъ терминами, которые не имѣютъ точнаго опредѣленія, и данными, не всегда строгаго провѣренными. Сравненія при такихъ условіяхъ могутъ привести къ рискованнымъ выводамъ. Мы употребляемъ, напр., слово „шаманъ“ (орелъ, по словамъ докладчика, отецъ всѣхъ шамановъ), не давая ему строгаго опредѣленія, и обнимаемъ этимъ словомъ какъ бѣлыхъ, такъ и черныхъ шамановъ, тогда какъ эти двѣ категоріи по якутскимъ воззрѣніямъ не имѣютъ между собою ничего общаго, и магическое лѣченіе, о которомъ говоритъ докладчикъ, не входитъ въ кругъ дѣятельности якутскихъ бѣлыхъ шамановъ, которые одни только и даются орломъ.

Двуглавая птица—*öksökö*—играетъ большую роль и въ якутскихъ вѣрованіяхъ, но этимъ словомъ никогда не называютъ орла (хотол), и если якуты примѣняютъ къ этой двуглавой птицѣ заимствованное изъ русскаго языка слово *örööl*, то это потому, что они видятъ ея изображеніе на русскихъ монетахъ (*öröölläh* манъяат—рубль съ орломъ); но и слово *örööl* къ настоящему орлу никогда не примѣняется.

Выраженіе *ajı tojon*, которое, по словамъ докладчика, служить у долганъ для обозначенія орла, очень сомнительно; оно, повидимому, сочинено при переводѣ священныхъ книгъ на якутскій языкъ. Оно проникло въ сказки, но не встрѣчается въ якутскихъ заклинаніяхъ.

Сближенія терминовъ, взятыхъ изъ разныхъ языковъ, возможны при знаніи родословной этихъ терминовъ, такъ какъ нужно имѣть увѣренность, что мы имѣемъ дѣло не съ простымъ созвучіемъ.

Ссылку на Сѣрошевскаго оппонентъ устраняетъ указаніемъ на то, что Сѣрошевскій утверждаетъ, напр., будто якуты березу называютъ госпожей, при чемъ онъ смѣшиваетъ два слова—хатын (госпожа) и хатың (береза). Этотъ примѣръ показываетъ, какъ надо быть осторожнымъ при пользованіи литературными данными.

Наконецъ, В. М. Іоновъ настаиваль на томъ, что для сравненій нужно брать народности, находящіяся на одинаковомъ уровнѣ развитія, такъ какъ мы должны имѣть въ виду главнымъ образомъ строи религіознаго міровоззрѣнія, а не внѣшнее сходство образовъ, имъ порождаемыхъ. Поэтому В. М. Іоновъ вполне присоединяется къ заключительнымъ словамъ докладчика о необходимости детальнаго изученія вѣрованій отдѣльныхъ народностей.

Н. В. Турчаниновъ сказалъ: У меня вызвало недоумѣніе указаніе докладчика на огромную роль орла въ шаманствѣ. Сравнивая упоминаніе докладчика объ орлѣ съ тѣмъ, что имъ говорилось на предыдущемъ докладѣ о шаманствѣ у сагайцевъ г. Майнагашева по вопросу объ украшеніи шаманской одежды, когда ни разу объ орлѣ упомянуто не было, хотя въ преніяхъ вопросъ былъ расши-

ренъ и говорилось не только о шаманствѣ у сагайцевъ, но и вообще о шаманствѣ среди инородцевъ Сибири,—я усматриваю въ этомъ нѣкоторую недоговоренность и прошу докладчика разъяснить, въ чемъ же тутъ дѣло?

Прошу я также докладчика разъяснить, умышленно ли онъ опустилъ—при перечисленіи инородцевъ Сибири, у которыхъ наблюдается культъ орла—остяковъ и вогуловъ, живущихъ въ низменныхъ частяхъ Тобольской губ. и, вѣроятно, рѣдко орла видящихъ. Перечисляя инородцевъ, г. докладчикъ останавливался, по-моему, преимущественно лишь на такихъ, которые такъ или иначе горы видятъ и даже въ горахъ живутъ и потому объ орлѣ представленіе имѣютъ. А, между тѣмъ, выясненіе вопроса о томъ, наблюдается ли культъ орла и у названныхъ мною инородцевъ, могло бы сильно подкрѣпить мысль г. докладчика объ общности этого культа какъ у якутовъ, такъ и у народовъ финскаго племени вообще.

Э. К. Пекарскій сказалъ: Работая исключительно въ области накопленія фактовъ лингвистическаго и этнографическаго характера и въ этомъ отношеніи вполне присоединяясь къ мнѣнію В. М. Іонова, настаивающаго на необходимости дѣлать какіе-либо выводы съ большою осторожностью, я, однако, всегда привѣтствую работы обобщающаго характера.

Такъ, Трощанскій, о которомъ упомянулъ докладчикъ, въ своей книгѣ: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ“, несомнѣнно грѣшитъ слишкомъ смѣлыми обобщеніями, но, тѣмъ не менѣе, его книга до сихъ поръ является чуть ли не единственнымъ изслѣдованіемъ, дающимъ болѣе или менѣе полное представленіе о шаманствѣ вообще и о якутскомъ шаманствѣ въ частности.

Работу Л. Я. Штернберга я читалъ еще въ рукописи и прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ. Тѣ недочеты, которые встрѣчаются въ докладѣ, когда докладчикъ оперируетъ якутскимъ матеріаломъ, объясняются отчасти тѣмъ, что работа В. М. Іонова: „Орелъ по воззрѣніямъ якутовъ“, на которую ссылается докладчикъ, написана слишкомъ сжато и настолько избылуетъ якутскими терминами, что разобраться въ нихъ довольно трудно для человѣка, незнакомаго съ языкомъ. Самый крупный недочетъ въ оперированіи якутскимъ матеріаломъ заключается въ томъ, что докладчикъ приурочиваетъ терминъ ајы-тојон (творецъ-господинъ) къ орлу—хотоі ајы. Это не тождественныя божества. Можетъ-быть, тутъ просто типографская ошибка: нѣтъ запятой между ајы и тојон; это можно допустить, ибо орелъ въ одно и то же время и ајы и тојон (=тојон кыл). Не могу согласиться съ В. М. Іоновымъ, что терминъ ајы-тојон привитъ миссіонерами, а у якутовъ такого термина будто бы нѣтъ, а есть только Ырүң-ајы-тојон (Бѣлый-создатель-господинъ). Я утверждаю, что Ырүң часто опускается, и тогда остается только ајы-тојон.

Еще ошибается докладчикъ, если отождествляетъ встрѣчающуюся въ якутской мнѳологіи двуглавую птицу ѳксѳкѳ съ орломъ. Сожалѳю, что своевременно не указалъ докладчику на якутскія сказки И. А. Худякова. Тамъ докладчикъ замѣтилъ бы, что въ своемъ переводѣ Худяковъ нигдѣ не рѣшается назвать эту птицу орломъ и вездѣ оставляетъ слово ѳксѳкѳ безъ перевода.

Отвѣтъ докладчика, Л. Я. Штернберга.

Прежде всего, отвѣчу В. М. Іонову. Онъ упрекаетъ этнографовъ въ оперированіи „неопредѣленными, не строго провѣренными терминами“, но какіе именно „неопредѣленные и не строго провѣренные термины“ были употреблены въ настоящемъ докладѣ—онъ, къ сожалѣнію, не счелъ нужнымъ указать. Онъ, правда, привелъ въ примѣръ терминъ „шаманъ“ и указываетъ при этомъ, что шаманы дѣлятся на бѣлыхъ и черныхъ. Это дѣленіе этнографамъ давнымъ-давно извѣстно, и, когда это требуется, дѣленіе это, конечно, этнографами-специалистами всегда строго проводится. Въ данномъ случаѣ примѣненіе этого дѣленія совершенно излишне, потому что центръ вопроса въ томъ, что у якутовъ сохранилось преданіе о происхожденіи шаманства отъ орла, а какого именно шаманства, бѣлаго или чернаго—это совершенно для данного вопроса безразлично.—Извѣстіе о двуглавомъ орлѣ взято мною у В. Н. Васильева, лица, которое владѣетъ якутскимъ языкомъ, какъ роднымъ, и притомъ данныя, сообщаемыя имъ объ этой птицѣ, въ своемъ комплексѣ настолько убѣдительны, что не остается никакого сомнѣнія, что рѣчь именно идетъ объ орлѣ якутской мнѳологіи, а не объ орлѣ на русскихъ монетахъ. Наконецъ, къ свѣдѣнію г. Іонова долженъ добавить, что двуглавый орелъ фигурируетъ у цѣлага ряда другихъ тюркскихъ и нетюркскихъ народовъ Азіи.—По поводу термина аҕы тоҕон г. Іонову уже отвѣтилъ Э. К. Пекарскій. Что касается вопроса о степени довѣрія къ сообщеніямъ г. Строневскаго, то я долженъ сказать, что онъ могъ, какъ и всякій другой, ошибиться во многихъ случаяхъ, но это не даетъ основанія огульно признать все сообщаемое имъ недостовернымъ, тѣмъ болѣе что въ вопросѣ объ орлѣ онъ въ существенномъ ни въ чемъ не расходится съ г. Іоновымъ. Наконецъ, г. Іоновъ настаиваетъ на томъ, что „для сравненія нужно брать народности, находящіяся на одномъ уровнѣ развитія“. Въ данномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о *займствованіи* фольклорныхъ сюжетовъ, этотъ принципъ совершенно неумѣстенъ. Тутъ можетъ быть только вопросъ о томъ, возможно ли, при данной комбинаціи географическихъ и историческихъ условій, допустить фактъ займствованія или нѣтъ. Но въ этомъ отношеніи сомнѣній въ данномъ случаѣ быть не можетъ: контактъ между народами Сибири и Средней, Передней и даже Южной Азіей—посредственно или непосредственно—несомнѣнно существовалъ съ древнѣйшихъ временъ, и потому факты займствованія вполне допустимы.

Перехожу къ вопросамъ г. Турчанинова. Г-нъ Майнагашевъ въ только одно лѣто занимался изученіемъ шаманства и потому исчерпать вопроса, конечно, не могъ. Я не сомнѣваюсь, что и у сагайцевъ онъ со временемъ натолкнется на связь орла съ шаманствомъ.— Напрасно г. Турчаниновъ думаетъ, что жители низинъ не имѣютъ представленія объ орлѣ. И у остяковъ и у самоѣдовъ извѣстны слѣды культа орла.

Наконецъ, нѣсколько словъ Э. К. Пекарскому. Онъ вслѣдъ за г. Ионовымъ говоритъ объ осторожности въ выводахъ, но, къ сожалѣнію, въ чемъ эта осторожность въ моемъ сообщеніи была нарушена, онъ не счелъ нужнымъ указать, изъ чего я заключаю, что его замѣчаніе—общаго характера и снeciально къ моему сообщенію не относится. Что же касается того, что я будто бы не совсѣмъ разобрался въ работѣ г. Инова вслѣдствіе изобилія въ ней якутскихъ терминовъ, то съ этимъ я не совсѣмъ могу согласиться. Г. Пекарскому хорошо извѣстно, что при редактированіи этой работы каждое маломальски неясное мѣсто мною тщательно выяснялось при помощи какъ самого г. Инова, такъ и г. Пекарскаго, такъ что въ пониманіи работы г. Инова могу себя считать достаточно компетентнымъ.

Х. Засѣданіе 29 ноября 1813 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, А. А. Шахматова, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ.

I.

По предложенію Товарища Предсѣдательствующаго, почтена встановленіемъ память скончавшагося Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи, Всеволода Ѳедоровича Миллера.

Постановлено: посвятить памяти покойнаго Вс. Ѳ. Миллера особое засѣданіе Отдѣленія.

II.

Обсуждалась смѣта расходовъ по Отдѣленію Этнографіи на 1914 годъ.

III.

Е. Э. Линева сдѣлала сообщеніе: „О пѣсняхъ Краины“ по слѣдующей программѣ:

Верхняя Краина. Характеръ мѣстности. Блѣдѣ. Замокъ-крѣпость. Блѣдское озеро. Церковь Св. Маріи на островѣ. Легенды. Жизнь въ Блѣдѣ. Характерныя черты населенія. Вліяніе католичества. Духовные стихи. Народныя пѣсни. Первая запись пѣсенъ въ Блѣдѣ. Поѣздка въ Блечи. Запись духовныхъ стиховъ. 3 сестры изъ Рѣчицы. Запись ихъ пѣсенъ. Семейство изъ Польшицы. Запись пѣсенъ. Поѣздка въ Бѣлую Краину Черномель. Виница. Адлешичи. Записываніе пѣсенъ. Знакомство съ нѣкоторыми дѣятелями по собранію пѣсенъ.

Организація переписки въ Австріи. Заключение.

XI. Засѣданіе 6 декабря 1913 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ д. чл. С. К. Булича въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Предсѣдательствующій произнесъ рѣчь о чешско-моравской пѣснѣ въ связи съ музыкальнымъ творчествомъ другихъ славянскихъ народовъ.

II.

Г-нъ Клецанда прочелъ на русскомъ языкѣ переводъ вступительнаго слова проф. Ф. Ваха „О моравской народной пѣснѣ“.

III.

Хоръ Вокальнаго общества Моравскихъ педагоговъ исполнилъ рядъ чешско-словацкихъ пѣсенъ.

Обязательства

по обычаямъ крестьянъ Онежекаго уѣзда
Архангельской губ.

Гдѣ какѣ деревня, тамъ своя по-
рѣдня.

Онежская пословица.

I.

Если въ наиболѣе культурныхъ западно-европейскихъ странахъ источникомъ правовыхъ нормъ является не только законъ, но и обычай, то тѣмъ большую роль для правообразованія играетъ обычай въ нашемъ отечествѣ, значительно отставшемъ отъ своихъ сосѣдей въ культурномъ отношеніи. Въ средѣ нашего многочисленнаго крестьянства еще и до сихъ поръ цѣлыя отрасли частно-правовыхъ отношеній нормируются обычаями; поэтому изученіе правовыхъ нормъ, создавшихся исторически въ нѣдрахъ народа, можетъ служить для цивилиста не только дополненіемъ къ общеправовому образованию, но и весьма полезнымъ подспорьемъ въ будущей практической дѣятельности. Для криминалиста изученіе обычного права полезно тѣмъ, что онъ получаетъ возможность узнать народные взгляды на различные институты уголовного права. Наконецъ, всякій, кто вообще интересуется народной жизнью, будетъ ли это ученый специалистъ или простой бытоописатель, въ изученіи обычного права найдетъ богатый и интересный матеріалъ для удовлетворенія своей любознательности.

Въ виду столь неоспоримаго и серьезнаго значенія народныхъ юридическихъ обычаевъ, возникаетъ необходимость въ извлеченіи ихъ на свѣтъ Божій изъ-подъ спуда, въ возможной систематизаціи ихъ и въ сведеніи въ сборники. Это, такъ сказать, черновая работа, добываніе сырого матеріала, который специалисты могутъ использовать въ научныхъ цѣляхъ. Незначительную долю этой черновой работы мы взяли на себя во время нашихъ поѣздокъ лѣтомъ 1912 и 1913 гг. въ Архангельскую губернію, по порученію 2-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію самыхъ юридическихъ обычаевъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о бытѣ крестьянъ Онежскаго уѣзда вообще и объ условіяхъ нашей работы въ этомъ уѣздѣ.

Малолюдная, малопроходимая сѣверная полоса Европейской Россіи до послѣдняго времени являлась тѣмъ медвѣжьимъ угломъ, гдѣ народный бытъ еще не стряхнулъ съ себя слѣдовъ глубокой старины. Но еще большій интересъ представляетъ изъ себя эта окраина тѣмъ, что здѣшнее населеніе не испытало на себѣ пагубнаго вліянія крѣпостного ярма, не знало ни татарщины, ни хищныхъ воеводъ и дьяковъ, ни многихъ другихъ отрицательныхъ сторонъ до-Петровской и послѣ-Петровской Руси.

Однако, слѣдуетъ имѣть въ виду, что съ середины прошлаго столѣтія этотъ вѣками сложившійся укладъ жизни сѣверянъ началъ подвергаться существенному измѣненію подъ вліяніемъ бурлачества. Малопродуктивнѣе почвы вынудило сѣверянъ покидать родныя села и птти на чужбину въ поискахъ заработковъ. Съ теченіемъ времени бурлачество приняло эпидемическій характеръ, въ особенности въ Онежскомъ уѣздѣ, гдѣ въ данное время повальное бѣгство крестьянъ изъ деревни на заводы и лѣсные промыслы достигло своего апогея. Недаромъ, почти повсемѣстно на сѣверѣ существуетъ пословица: „Безъ онежанъ сплавъ нейдетъ“. Но, уходя на чужбину на долгіе годы, сѣверянинъ вообще и онежанинъ въ частности не порываетъ окончательной связи съ деревней, какъ это часто наблюдается въ другихъ мѣстахъ Россіи. Не боясь разстаться съ родиной болѣе, чѣмъ на полжизни, онъ любитъ ее, какъ вѣчную кормилицу, любитъ землю, сознавая ея преимущества передъ обильнымъ, но невѣрнымъ заводскимъ заработкомъ. Наживъ на чужбинѣ состояніе и передавъ своихъ образованныхъ дѣтей въ ряды интеллигенціи, онъ возвращается доживать послѣдніе дни своей жизни въ родныхъ мѣстахъ и кончаетъ свою жизнь тѣмъ, чѣмъ и начинается ее, т. е. земледѣльцемъ¹⁾.

Въ виду непрерывныхъ сношеній онежской деревни съ городомъ, бытовой укладъ началъ значительно видоизмѣняться. Слѣдствіемъ городского вліянія, между прочимъ, явилась борьба закона съ обычнымъ правомъ. Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе и болѣе позиціи отвоевываетъ законъ въ области частно-правовыхъ отношеній. Юридическіе обычаи, на которые, какъ на незыблемые авторитеты, еще не такъ давно ссылались въ своихъ рѣшеніяхъ Волостные Суды, постепенно изсякаютъ даже изъ памяти новыхъ поколѣній. Все чаще и чаще встрѣчаются рѣшенія, основанныя на точномъ духѣ закона. Правда, сѣверъ такъ великъ, что не вездѣ въ одинаковой степени обычай склоняетъ свою выю передъ закономъ; но намъ, по крайней мѣрѣ,

---

¹⁾ О бытѣ крестьянъ Онежскаго уѣзда см. наши статьи въ журналѣ „Извѣстія Арх. Общ. Изуч. Русск. Сѣвера“, 1911 г., №№ 5, 8—9.

приходилось наблюдать такія мѣста, гдѣ авторитетъ обычнаго права значительно пошатнулся.

Такъ какъ въ Архангельской губ. почти каждый уѣздъ представляетъ изъ себя особый мірокъ, отдѣленный отъ другихъ огромными лѣсными пустынями и отличающійся своеобразнымъ говоромъ, одеждой, обычаями и т. п., то мы предполагаемъ, что изученіе обычнаго права даже въ предѣлахъ одного уѣзда можетъ оказаться не безынтереснымъ и не безрезультатнымъ дѣломъ¹⁾. Архангельская губернія нашла себѣ изслѣдователей въ лицѣ А. Ефименко и П. Ефименко, производившихъ изученіе мѣстнаго юридическаго быта въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія²⁾. Мы будемъ считать цѣль нашей работы вполне достигнутой, если намъ удастся пролить хоть одинъ новый лучъ свѣта на обычное право сѣверянъ.

Источниками для нашей работы служили, прежде всего, книги договоровъ и книги Волостныхъ Судовъ, хранящіяся въ Волостныхъ Правленіяхъ. Заручившись любезнымъ разрѣшеніемъ г. Архангельскаго губернатора, мы просмотрѣли архивы шести волостей въ различныхъ частяхъ Онежскаго уѣзда³⁾. Всякій, имѣвшій дѣло съ архивной работой, отлично знаетъ о тѣхъ невзгодахъ, которыя выпадаютъ на долю того, кто отряхиваетъ пыль вѣковъ отъ пожелтѣлыхъ хартій. Съ немалыми затрудненіями пришлось встрѣтиться и намъ, прежде чѣмъ удалось найти нужный матеріалъ. Такъ, напр., въ одной изъ волостей старшина и писарь никакъ не могли вспомнить, гдѣ помѣщается архивъ. Наконецъ, кто-то напомнилъ имъ, что года четыре тому назадъ ихъ предшественники по должности переносили какія-то бумаги въ училище. Какъ на бѣду, двери разсадника просвѣщенія оказались запертыми учительницей, которая уѣхала на лѣто изъ деревни и увезла съ собой ключъ. Такимъ образомъ въ училище удалось попасть только путемъ взлома замка, самый же архивъ разыскали въ одномъ изъ чулановъ. Можно себѣ представить, какой порядокъ царилъ въ архивѣ, о существованіи котораго даже не догадывались нѣсколько лѣтъ! Въ другой волости писарь категорически заявилъ намъ черезъ правлепскаго сторожа, что никакихъ старыхъ дѣлъ разыскать не можетъ; въ третьей ссылались на недавно бывшій пожаръ, который, якобы, все уничтожилъ, и т. д.

1) При этомъ мы упускаемъ изъ виду тѣ мѣстности Онежск. уѣзда, которыя расположены по берегамъ Онежской губы и которыя входятъ въ составъ такъ называемаго Поморья. Поморы существенно разнятся отъ собственно онежанъ, какъ по говору, такъ и по особенностямъ быта.

2) П. Ефименко: Приданое по обычному праву кр-нъ Арх. губ.; Народные юридич. обычаи Арх. губ.—А. Ефименко: Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ; Народные юридич. обычаи инородцевъ Арх. губ.

3) Въ Савинской, Кирилловской, Посадной, Мардинской, Алексѣвской и Кокоринской волостяхъ.

Но, какъ бы то ни было, послѣ нѣкоторой настойчивости и собственныхъ усилій намъ удавалось, наконецъ, разыскать нужныя свѣдѣнія, касающіяся даже того времени, когда еще существовали Волостныя Расправы.

Помимо обозрѣнія дѣлъ, хранящихся въ волостныхъ архивахъ, мы старались добывать или, по крайности, прочитывать старыя рукописи юридическаго характера, хранящіяся у нѣкоторыхъ крестьянъ. У одной дряхлой вдовы-крестьянки, свекоръ которой занимался „аблакатством“, мы приобрѣли цѣлую кипу различныхъ судебныхъ дѣлъ первой половины XIX вѣка.

Кромѣ этихъ, письменныхъ источниковъ, намъ по необходимости приходилось практиковать въ широкихъ размѣрахъ систему разспросовъ. Здѣшніе старики при случаѣ любятъ поговорить о томъ, какъ жилось въ старину, и въ разговорѣ съ ними можно почерпнуть много различныхъ свѣдѣній. Для того, чтобы удобнѣе вести эти разспросы, мы всегда имѣли подъ рукой изданную въ 1889 г. Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ „Программу для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ“ ¹⁾.

Наконецъ, послѣднимъ источникомъ для изученія обычнаго права послужило для насъ народное творчество, выразившееся въ поэзіи, перлы которой мы тщательно собирали для Императорской Академіи Наукъ. Въ народныхъ пѣсняхъ, а особенно въ пословицахъ и поговоркахъ, отыскивали мы народныя воззрѣнія на различные правовые институты и указанія на существованіе того или другого юридическаго обычая. Обезпечивъ себя подобнымъ матеріаломъ, мы имѣли возможность не только наблюдать самые обычаи юридическаго характера, но и борьбу ихъ съ невѣдомымъ для нихъ пришельцемъ — закономъ.

II.

Объ обязательствахъ вообще.

Обязательства должны занимать среди гражданско-правового матеріала первенствующее мѣсто, ибо здѣсь, по словамъ Пахмана, „по преимуществу раскрывается подвижность гражданскаго оборота и свободное проявленіе гражданской личности“ ²⁾. Съ обязательственныхъ отношеній, мы считаемъ, удобнѣе всего начать наши очерки обычнаго права, ибо въ правоотношеніяхъ этого рода проявляются наиболѣе характерныя особенности юридическаго быта онежанъ.

¹⁾ Названная программа, несмотря на то, что издана 25 лѣтъ тому назадъ, вполне пригодна для настоящаго времени и почти не нуждается въ исправленіяхъ.

²⁾ С. В. Пахмана, Обычное гражданское право въ Россіи, т. I, стр. 53.

Отличительная черта всѣхъ вообще обязательствъ, по обычному праву онежанъ, это полное уваженіе къ личной свободѣ человѣка. Оно могло создаться только въ такомъ краю, который не испыталъ на себѣ разлагающаго вліянія сословной розни и гдѣ человѣкъ никогда не нисходилъ до степени вещи. Наиболѣе рѣзко эта особенность выражается въ договорахъ личнаго найма. Вторая особенность, отличающая обязательства онежанъ, заключается въ томъ, что они не являются средствомъ для развитія кулачества. Человѣкъ, имѣвшій несчастье впасть въ долгъ, здѣсь не можетъ быть доведенъ вѣрителемъ до полного разоренія, ибо здѣшнимъ обязательствамъ чужды тѣ условія, которыя отягощаютъ долгъ и превращаютъ должника въ неоплатнаго, закабаленнаго кредиторомъ контрагента. Эти двѣ характерныя особенности остаются неизблѣнными въ обычномъ правѣ онежанъ до настоящаго времени, несмотря на сильное вліяніе со стороны.

Для того, чтобы лицо могло выступать въ качествѣ субъекта обязательственнаго права, оно должно удовлетворять двумъ условіямъ, а именно: оно должно обладать 1) сознательной волей и 2) имущественной самостоятельностью.

Не почитаются обладающими сознательной волею лица малолѣтнія. Совершеннолѣтіе наступаетъ, по мѣстнымъ возрѣніямъ, въ 15—16 лѣтъ, т. е. въ такомъ возрастѣ, когда лицо можетъ зарабатывать себѣ пропитаніе собственными трудами. Косвеннымъ образомъ указываетъ на этотъ возрастъ слѣдующее судебное рѣшеніе. Крестьянская дѣвица Z жаловалась на то, что она прижила отъ кр-на Y ребенка, и просила привлечь его къ содержанію сына. Судъ постановилъ взыскивать съ отца по 10 рублей ежегодно на пропитаніе внѣбрачнаго сына до достиженія имъ 15-лѣтняго возраста, а, въ случаѣ смерти его, прекратить эти взысканія ¹⁾.

Относительно правоспособности и дѣеспособности лицъ, страдающихъ умственными и физическими недостатками, свѣдѣнія наши слишкомъ скудны, чтобы дѣлать какіе-либо общіе выводы. Впрочемъ, одно изъ судебныхъ дѣлъ наводитъ насъ на мысль, что для обладанія правомъ и дѣеспособностью глухонѣмота не является существеннымъ препятствіемъ. 31 окт. 1890 г. Савинскій Вол. Судъ разобралъ слѣдующее дѣло. Вдова кр-ка Малыгина заявила притязаніе на амбаръ, принадлежащій глухонѣмой крестьянской дѣвицѣ X., которая будто бы уступила его истицѣ. Родственники глухонѣмой оспорили право Малыгиной на амбаръ. Судъ вызвалъ въ засѣданіе глухонѣмую, которая объяснила, что она согласна амбаръ на горѣхъ уступить истицѣ. Руководясь согласіемъ глухонѣмой, судъ рѣшилъ дѣло въ пользу Малыгиной.

Далѣе слѣдуетъ упомянуть о состояніи опьяненія, при которомъ возникаетъ вопросъ о наличіи или отсутствіи у лица сознательной

¹⁾ Рѣш. Посад. Вол. Суда 3 марта 1875 г.

воли. Но можно безошибочно сказать, что пьяное состояніе при заключеніи договора, по воззрѣніямъ онежанъ, не служитъ причиною, влекущей признаніе сдѣлки ничтожною.

— Пьянъ, пьянъ, а объ уголь не ударится, въ рѣку не бросится! говорить мѣстная поговорка.

Заключеніе договора подъ пьяную руку въ ущербъ себѣ есть оплошность, гордый же сѣверянинъ крайне неохотно сознается въ своей оплошности, предпочитаетъ нести убытки, лишь бы не быть уличеннымъ въ ротозѣйствѣ, не быть прозваннымъ простофилей. Несмотря на то, что великое множество мѣстныхъ договоровъ заключается подъ пьяную руку, намъ не пришлось прочесть ни одного такого дѣла, которое началось бы по жалобѣ истца на то, что отвѣтчикъ воспользовался его пьянымъ состояніемъ и заключилъ съ нимъ невыгодную для него сдѣлку.

Сознательная воля часто отсутствуетъ при наличіи обмана или ошибки. Но этотъ вопросъ будетъ рассмотрѣнъ въ главѣ о куплѣ—продажѣ, такъ какъ на практикѣ наиболѣе часто возникаютъ обманы и иначе контрагенты впадаютъ въ ошибку именно при этомъ договорѣ.

Что касается имущественной самостоятельности, то таковою, по мѣстному праву, не обладаютъ жены при мужьяхъ, не объявленныхъ „роспѣтчими“ (расточителями), и дѣти, если они не отдѣлены отъ родителей по приговору сельскаго схода,—тѣ и другія лишь въ отношеніи семейнаго и надѣльнаго имущества. Въ случаѣ смерти отца, сынъ при матери не считается полноправнымъ хозяиномъ, и всѣ сдѣлки, совершенныя имъ въ отношеніи вышеуказаннаго имущества, признаются недѣйствительными. Укажемъ слѣдующій примѣръ. Крестьянская вдова Помогалова жаловалась суду на то, что урожай сѣна изъ числа 24 „зѣколинъ“ ¹⁾ былъ раздѣленъ со снохой, по 12 „зѣколинъ“ на пай, но сынъ Иванъ, по прибытіи изъ отлучки, продалъ 2 „зѣколины“ изъ ея доли. Сынъ показалъ на судѣ, что продалъ сѣно, какъ имѣющій на то право, ибо онъ полный домохозяинъ. Судъ, имѣя въ виду, что между сыномъ и матерью не было формальнаго семейнаго раздѣла и что, посему, сынъ не можетъ быть домохозяиномъ, обязалъ его 2 „зѣколины“ возвратить матери и арестовалъ на 3 дня ²⁾.

Точно также ограничивается право-и дѣеспособность тѣхъ лицъ, которыя объявлены „роспѣтчими“. Подобное объявленіе чаще всего вызывается какимъ-нибудь судебнымъ дѣломъ, напр., жалобой жены

¹⁾ Зѣколина (зѣкъ, промѣжокъ) — количество сѣна или соломы, помѣщающееся между двумя жердями „зорѣда“ (стога). Жерди эти вбиваются въ землю на разстояніи 2 аршинъ другъ отъ друга.

²⁾ Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 28 декабря 1892 г.

на продажу мужемъ продуктовъ сельскаго труда, въ добываніи которыхъ онъ не принималъ и не желаетъ принимать участія. Убѣдившись, что лицо своимъ дѣйствіями доказываетъ неразумное отношеніе къ семейному имуществу, судъ поступаетъ двоякимъ образомъ: или объявляетъ лицо „роspутчимъ“ своею властью, если поведение его—фактъ общензвѣстный, или предлагаетъ соотвѣтствующему сельскому сходу обсудить вопросъ о признаніи отвѣтчика „роspутчимъ“. Это признаніе распространяетъ свою силу и на прошлое время: считаются недѣйствительными всѣ тѣ сдѣлки, которыя совершены по поводу семейнаго и надѣльнаго имущества и которыя вызвали обращеніе заинтересованныхъ лицъ къ суду ¹⁾.

Источники обязательствъ двояки: договоръ и правонарушеніе.

Правонарушеніе въ иныхъ случаяхъ бываетъ прямымъ, въ иныхъ случаяхъ косвеннымъ источникомъ обязательствъ. Конечно, въ томъ случаѣ, когда потерпѣвшій прямо обращается къ суду, и этотъ послѣдній признаетъ отвѣтчика обязаннымъ вознаградить истца, обязательство какъ бы возникаетъ изъ одного факта правонарушенія. Но истецъ, потерпѣвшій отъ дѣйствій отвѣтчика, не всегда сразу обращается къ суду, какъ это видно изъ слѣдующаго случая. Крестьянинъ, осуществляя свое право самовольнаго установленія залога, захватилъ 38 овецъ, производившихъ у него потраву, и выдалъ ихъ лишь послѣ того, какъ взялъ съ владѣльцевъ расписку, въ которой они обязались уплатить ему за потраву по 15 коп. съ овцы ²⁾. Здѣсь правонарушеніе (т. е. въ данномъ случаѣ—потрава) влечетъ заключеніе договора, и только этотъ послѣдній устанавливаетъ обязательство. Слѣдуетъ замѣтить, что договоры, возникающіе изъ правонарушеній, исполняются неохотно и часто вызываютъ обращеніе къ суду для принудительнаго исполненія.

Главнымъ же источникомъ обязательствъ, конечно, являются договоры, безотносительно къ тому, по какимъ побужденіямъ они заключены.

Господствующая форма договоровъ—устная. Только болѣе крупныя займы, сдѣлки относительно недвижности и договоры, заключаемые при особыхъ обстоятельствахъ, какъ это мы видѣли въ только что приведенномъ примѣрѣ, облакаются въ письменную форму. Личный наемъ, купля-продажа, мелкіе займы, т. е. тѣ роды обязательствъ, которые чаще встрѣчаются въ мѣстномъ быту, прекрасно обходятся безъ всякихъ контрактовъ и расписокъ, и это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ влечетъ къ недоразумѣніямъ.

Наибольшее количество договоровъ, словесныхъ и письменныхъ, заключается зимою, въ періодъ отъ Рождества Христова до масле-

---

¹⁾ Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 16 декабря 1901 г.

²⁾ Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 22 августа 1871 г.

ницы. Въ это время идетъ усиленная подготовка крестьянъ къ уходу „въ бурлаки“: земля поручается „казакѣ“ (работнику) или же сдается въ аренду, а вещи—на храненіе; заключаются займы для покрытія дорожныхъ расходовъ, продаются для той же цѣли различныя вещи; „десятники“ (подрядчики) набираютъ артели рабочихъ и т. д.

Весьма часто договоры заключаются въ послѣдпраздничные дни. Это объясняется ничѣмъ инымъ, какъ страстнымъ желаніемъ опохмелиться; при заключеніи же договора выпивка составляетъ необходимую обрядность. Такъ, напр., въ дер. Пертемѣ, какъ намъ сообщали, выборы пастуха и заключеніе съ нимъ ряды всегда производятся на второй день Рождества Христова, причемъ выпивается за счетъ пастуха значительное количество водки, непьющіе же получаютъ калачи.

Моментомъ заключенія всевозможныхъ договоровъ на Онегѣ считается „богомолье“ и непосредственно слѣдующее за нимъ „рукобитье“. Эти обряды состоятъ въ томъ, что контрагенты, точно опредѣливъ всѣ условія договора, встаютъ, молятся съ колѣнопреклоненіемъ Богу, а потомъ, стоя лицомъ къ лицу, берутъ другъ друга подъ руки такъ, что сперва одинъ изъ контрагентовъ обхватываетъ своей правой рукой правую же руку другого контрагента, а затѣмъ продѣлываютъ то же лѣвыми руками. Эти обрядности соблюдаются прежде всего при заключеніи брачныхъ договоровъ, что видно изъ одной свадебной пѣсни, въ которой дѣвушка умоляетъ родителей не выдавать ее замужъ. Родители объясняютъ ей нелѣпость ея требованія:

Ой ты, глупое дитятко!
У насъ дѣло-то сдѣлано,
У насъ Богу помоленось,
По рукамъ-то ударено,
Платками задарено.

О томъ, что „богомолье“ является моментомъ заключенія договоровъ, порождающихъ обязательства, можно заключить на основаніи судебныхъ дѣлъ. Нерѣдко хозяева жалуются на то, что „казачиха“ (работница) не желаетъ идти служить, хотя у нихъ „было помоленось Богу“. Или, напр., въ одной изъ жалобъ, представленной въ Посадный Волостной Судъ пастухомъ, которому отказали до срока, читаемъ: „Въ задатокъ получить ряжено по 10 коп. и на 29 іюня получить тоже по 10 коп., а остальные (25 коп.) получить по окончаніи пастьбы на 14 сентября, на что онъ (пастухъ) съ крестьянами Богу помолился, при томъ они вырядили съ него на угощеніе одну четверть ведра водки, которую онъ имъ купилъ“ ¹⁾.

¹⁾ Книга Посаднаго Вол. Суда за 1882 г.; жалоба записана 15 сентября.

Относительно обезпеченія обязательствъ слѣдуетъ сказать, что оно бываетъ какъ вещнаго, такъ и личнаго характера. Изъ личныхъ средствъ обезпеченія извѣстны только поручительство и задатокъ. Поручительство примѣняется преимущественно при займахъ изъ мірскаго капитала; самое примѣненіе его въ этомъ случаѣ находится подъ сильнымъ воздѣйствіемъ закона, такъ что поручительство не характерно для обычнаго права онежанъ. Болѣе характернымъ представляется вознагражденіе поручителю при займахъ изъ мірскаго капитала. Такъ какъ поручная запись пишется въ Волостномъ Правленіи, а хожденіе въ „волюсть“ сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами, напр., въ виду распутицы, дальности разстоянія, страдной поры и т. д., то отсюда возникаетъ необходимость вознаградить поручителя. Средствомъ вознагражденія служатъ исключительно спиртные напитки, тѣмъ болѣе, что продажа питей, тайная или явная, всегда свиваетъ себѣ гнѣздо по близости Волостныхъ Правленій.

Другой видъ личнаго обезпеченія обязательствъ — задатокъ. Этотъ послѣдній не всегда имѣетъ денежную форму, ибо, какъ мы уже видѣли въ жалобѣ пастуха, онъ можетъ заключаться въ опредѣленномъ количествѣ спиртныхъ наитковъ.

Юридическое значеніе задатка выражается прежде всего въ томъ, что принятіе или дача его является несомнѣннымъ признакомъ заключенія договора; посему задатокъ обычно дается при „богомольѣ“. Далѣе, задатокъ есть одностороннее средство обезпеченія обязательства; сторона, дающая задатокъ, утрачиваетъ его, если по ея винѣ нарушится договоръ. Это наиболѣе рельефно обнаруживается при куплѣ-продажѣ. Всякое позднѣйшее заявленіе покупателя, касающееся качества покупаемой вещи и имѣющее цѣлью опорочить сдѣлку, не влечетъ расторженія ея, разъ былъ данъ задатокъ. Въ этомъ случаѣ говорятъ: „Глазокъ—смотрѣкъ“, т. е. имѣлъ глаза и зналъ, что дѣлалъ, когда давалъ задатокъ.

Небезынтересно отмѣтить бытовое значеніе задатка. Въ изслѣдованныхъ нами мѣстностяхъ онъ нерѣдко представляетъ изъ себя не что иное, какъ возмѣщеніе расходовъ по предварительнымъ переговорамъ. Какъ уже было нами говорено раньше, при заключеніи всевозможныхъ договоровъ на Онегѣ приносятся обильныя возліянія Бахусу; напр., при продажѣ коровы или лошади продавецъ угощаетъ покупателя за счетъ тѣхъ денегъ, которыя получаетъ въ задатокъ. Особенно бросается въ глаза подобное значеніе задатка при заключеніи браковъ. Такъ какъ всѣ предварительные переговоры о свадьбѣ ведутся въ домѣ невѣсты, но за счетъ жениха, то существуетъ обычай давать задатокъ со стороны невѣсты.

Обезпеченія обязательствъ, носящія вещный характеръ, суть „залогѣ“. Понятіе „залога“ въ народномъ быту весьма близко подходитъ къ понятію заклада, опредѣляемому писанымъ правомъ. „Залогѣ“ хотя

и распространены въ быту опежанъ при обезпеченіи преимущественно займовъ, но судебныя дѣла о нарушеніи обязательствъ, обезпеченныхъ „залогомъ“, возникаютъ весьма рѣдко, самая же отдача вещей въ качествѣ „залога“ производится въ строгой тайнѣ и совершается въ средѣ самыхъ близкихъ сосѣдей. Причина такого явленія коренится въ чрезвычайной заботливости опежанъ о доброй славѣ своего имени. Въ самомъ дѣлѣ, отдача вещей въ качествѣ обезпеченія, напр., займа, свидѣтельствуешь о нѣкоторой неблагонадежности заемщика. Но и кредиторъ, со своей стороны, опасается прослыть профессиональнымъ займодавцемъ. Какъ мы уже упоминали, проценты и сопряженное съ ними ростовщичество неизвѣстно мѣстному быту, обращеніе же принятой въ качествѣ залога вещи въ свою собственность, въ случаѣ неуплаты долга, сопровождается нѣкоторой выгодой для займодавца, такъ какъ цѣнность заложенной вещи всегда превосходитъ цѣнность занятой суммы. Поэтому опежанинъ опасается даже и принимать „залогъ“, ибо это можетъ подать поводъ къ уличенію его въ рѣзкоимствѣ. На той же почвѣ выросло отсутствіе въ мѣстномъ быту неустойки.

Рѣдко-рѣдко доходятъ до суда дѣла о нарушеніи обязательствъ, обезпеченныхъ „залогомъ“. Приведемъ для примѣра два такихъ дѣла. Крестьянинъ Я. Поповъ занялъ у кр. С. Михайлова 10 руб., обязуясь, въ случаѣ неуплаты, предоставить кредитору свозить сѣно съ его пожни. Должникъ не уплатилъ въ срокъ, и кредиторъ со спокойной совѣстью отправился на пожню за сѣномъ должника; но послѣдній, провъдавъ объ этомъ, встрѣтилъ его у сѣна съ дрекольемъ въ рукахъ и мужественно отстоялъ свою собственность. Тогда кредиторъ обратился въ Волостной Судъ, который призналъ за нимъ право увезти сѣно ¹⁾.

Второй случай таковъ. Мельникъ продать своему сосѣду мельницу, причемъ, по условію, покупатель долженъ былъ произвести уплату въ 4 года; если же въ этотъ періодъ онъ не выплатитъ всей суммы, то мельница переходитъ къ прежнему собственнику. Покупатель условія не выполнилъ, уплативъ въ теченіе 4 лѣтъ лишь незначительную часть долга. Мельникъ обратился къ Вол. Суду, который, на основаніи договора, призналъ за нимъ право собственности на мельницу ²⁾.

Въ этихъ двухъ случаяхъ „залогомъ“ служатъ такія вещи, которыя не могутъ быть предметомъ залога, такъ какъ при закладѣ вещь должна находиться въ рукахъ кредитора. Но такіе случаи рѣдки; чаще всего „залогомъ“ являются различныя домашнія вещи, какъ-то: одежда, часы, самовары и т. п., причемъ они передаются кредитору.

О судьбѣ „залоговъ“ болѣе подробно будетъ сказано при раз-

¹⁾ Рѣшеніе Савинскаго Вол. Суда 25 ноября 1882 г.

²⁾ Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 18 сентября 1911 г.

борѣ займа, ибо „залогн“ главнымъ образомъ обезпечиваютъ этотъ видъ обязательствъ.

Самовольное установленіе права залога также практикуется на Онегѣ, причемъ оно нерѣдко приводитъ къ самымъ неожиданнымъ результатамъ, въ виду особенностей характера онежанъ. Изъ судебныхъ рѣшеній намъ удалось усмотрѣть нѣсколько случаевъ, въ которыхъ самовольное установленіе права залога вызвало не менѣе самовольное прекращеніе его. Такъ, напр., одинъ крестьянинъ, замѣтивъ на своей пожнѣ чужую лошадь и жеребенка, производившихъ потраву, захватилъ ихъ и заперъ въ свою конюшню. Узнавъ объ этомъ, собственникъ лошадей ворвался въ конюшню сосѣда, взломавъ замокъ, и увелъ своихъ животныхъ домой ¹⁾).

Разсмотрѣвъ вопросъ объ обезпеченіи обязательствъ, слѣдовало бы перейти къ вопросу о прекращеніи ихъ, но мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о такихъ обязательствахъ, при которыхъ въ договорѣ участвуетъ не нѣсколько лицъ на сторонѣ вѣрителя или должника. Подобныя совокупныя обязательства довольно часты въ быту онежанъ. То парни и дѣвцы нанимаютъ избу для вечеринокъ, то цѣлая деревня беретъ въ аренду церковную землю, то самъ Вол. Судъ устанавливаетъ подобное обязательство въ случаѣ правонарушенія. По обычаю онежанъ, совокупное обязательство бываетъ долевымъ и только въ исключительныхъ случаяхъ превращается въ солидарное. Такимъ исключеніемъ являлись въ прежнее время займы, производимые цѣлой семьей для взноса денегъ взамѣнъ отбыванія натурой воинской повинности. „Десятники“ (подрядчики) охотно ссужали нуждающихся деньгами, но требовали письменнаго условія, въ которомъ должники обязывались отработать занятые деньги, причемъ между членами семьи устанавливалась круговая отвѣтственность („окольная порука“). Слѣдуетъ замѣтить, что подобное условіе заключалось подъ сильнымъ вліяніемъ закона („Общее положеніе о крестьянахъ“, приложение къ IX тому), такъ какъ должники обязывались отработать долгъ на заводахъ или по силавамъ, въ составѣ формируемой „десятникомъ“ артели.

Изъ всѣхъ способовъ прекращенія обязательствъ исполненіе есть наиболѣе естественный. Принимая во вниманіе простоту деревенскаго быта, казалось бы весьма труднымъ представить себѣ возбужденіе вопроса о томъ, гдѣ должно быть произведено удовлетвореніе кредитора. На дѣлѣ оказывается не такъ. Въ одномъ изъ Волостныхъ Судовъ разбирался такой случай. Хозяйка не доплатила работницѣ („казачихѣ“) 3 рубля. На судѣ онѣ помирились на 2 р. 50 коп., но при этомъ судъ постановилъ, что хозяйка должна принести деньги

---

¹⁾ Рѣшеніе Кирилловскаго Вол. Суда 18 сентября 1911 г.

на квартиру работницѣ, такъ какъ эта послѣдняя опасалась итти къ своимъ бывшимъ хозяевамъ ¹⁾).

Послѣдствіемъ неисполненія договоровъ являются, въ зависимости отъ рода обязательствъ, или опредѣленное имущественное взысканіе съ нарушителя или принудительное исполненіе договора. Первое относится къ обязательствамъ личнымъ, второе къ имущественнымъ. Въ то время какъ, по свидѣтельству Пахмана, въ средней полосѣ Россіи существуетъ обычай принуждать виновнаго въ нарушеніи личнаго найма къ выполненію его ²⁾, на Онегѣ это совершенно не принято. Самая мысль о принудительномъ служеніи одного человека другому здѣсь не могла получить развитія благодаря счастливымъ историческимъ условіямъ. Поэтому въ дѣлахъ о нарушеніи личнаго найма судъ ограничивается лишь производствомъ самаго тщательнаго разсчета между наймодавцемъ и наемникомъ, въ рѣдкихъ случаяхъ санкціонуя какое-либо невыгодное послѣдствіе для виновной стороны.

Нарушеніе договоровъ имущественнаго характера хотя можетъ повлечь принудительное исполненіе по суду, но и здѣсь проглядываетъ удивительная гуманность, которая, казалось бы, такъ несвойственна суровымъ сѣверянамъ. Эта гуманность выражается прежде всего въ допущеніи судомъ самой широкой разсрочки. Иногда она простирается на весьма почтенный періодъ. Изъ одного рѣшенія видно, что судъ призналъ долгъ въ размѣрѣ 28 рублей, но уплату его разсрочилъ на 6 лѣтъ ³⁾. Если принять во вниманіе общую зажиточность онежанъ, то подобное постановленіе суда кажется излишнимъ снисхожденіемъ.

Допускается и отсрочка платежа, причемъ моментомъ, на который переносится уплата, служатъ: 1) уборка урожая, 2) поряженіе въ работники, 3) возвращеніе члена семьи „изъ бурлаковъ“ и т. п. Далѣе, судъ нерѣдко производитъ зачетъ, причемъ не требуетъ, чтобы обязательства были однородны по вещественному субстрату. Разсматривая рѣшенія Вол. Судовъ, мы наблюдали погашеніе денежныхъ обязательствъ въ цѣломъ или въ части путемъ зачета 1) работы, совершенной должникомъ въ пользу кредитора, 2) вознагражденія, слѣдуемаго должнику за проживаніе кредитора въ его домѣ, 3) предметовъ, данныхъ должникомъ кредитору. Работа, которою погашается денежное обязательство, можетъ быть самой различной, какъ-то: починка дома, косьба, жатва, подковываніе лошади и т. п. Работа въ подобныхъ формахъ служитъ также эквивалентомъ денегъ при обновленіи обязательствъ. Оцѣнка работы, при переводѣ ея на деньги, производится судомъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній.

¹⁾ Рѣшеніе Алексѣевского Вол. Суда 30 апрѣля 1911 г.

²⁾ Пахманъ, Обычное гражд. право въ Россіи, т. I, стр. 203 и слѣд.

³⁾ Рѣшеніе Кирилловскаго Вол. Суда 4 декабря 1888 г.

Относительно прекращенія обязательствъ силою давности слѣдуетъ сказать, что въ быту онежанъ не выработалось опредѣленнаго понятія объ этомъ институтѣ. Правда, здѣсь часто цитируется поговорка „Что было, то прошло, какъ былѣмъ поросло“; она какъ бы свидѣтельствуешь, что народному сознанію не чуждо представленіе о погашающей силѣ времени; тѣмъ не менѣе опредѣленной обычной давности у онежанъ не существуетъ. Разновременныя и не всегда ясныя толкованія Сената относительно примѣненія или непримѣненія Волостными Судами общегражданской давности даютъ обильную пищу для нѣворотливыхъ умовъ деревенскихъ казуистовъ и порождаютъ самыя произвольныя рѣшенія. Такъ, напр., Посадный Волостной Судъ истолковалъ одно сенатское рѣшеніе о примѣненіи давности (отъ 18 окт. 1885 г., № 4656) въ томъ смыслѣ, что будто бы отъ усмотрѣнія самого Волостного Суда зависитъ примѣнять или не примѣнять десятилѣтнюю давность, и, основываясь на такомъ заблужденіи, допустилъ рядъ противозаконныхъ рѣшеній. 22 іюня 1903 года этотъ судъ, руководясь вышеупомянутымъ своевольнымъ толкованіемъ нѣсколькихъ словъ сенатскаго рѣшенія, призналъ долгъ кр-на Парамонова кр-ну Ершову, несмотря на то, что протекла гражданская давность. А 29-го февраля 1904 года тотъ же судъ отказалъ кр-ну Дорохову въ искѣ 19 руб. съ кр-на Патракѣва, мотивируя это тѣмъ, что истецъ 21 годъ не предъявлялъ расписки.

Прекращеніе обязательства путемъ обновленія его, въ силу миролюбивой сдѣлки, явленіе весьма частое въ быту крестьянства. Если миролюбивая сдѣлка заключается во время судебного разбирательства, то роль суда сводится лишь къ одной формальности, именно, къ провозглашенію сдѣлки законной и дѣйствительной. Въ случаѣ, если одинъ изъ контрагентовъ, послѣ состоявшагося полюбовнаго соглашенія, возбудитъ новый искъ по прежнему обязательству, то судъ, естественно, отказывается принять подобный искъ ¹⁾.

III.

Личный наемъ и два отдѣльных его вида.

Изъ всѣхъ личныхъ обязательствъ наиболѣе характернымъ для мѣстнаго обычнаго права является личный наемъ. Разбирая его, мы наткнемся на нѣкоторыя любопытныя особенности и, дабы наилучше отбѣнить ихъ, считаемъ не лишнимъ, помимо разбора личнаго найма вообще, привести для примѣра два отдѣльных его вида, именно договоры о наймѣ „казачихи“ (работницы) и пастуха. При систематизаціи обычнаго права какого-либо громаднаго района можно удоволь-

¹⁾ Рѣшеніе Савин. Вол. Суда 15 окт. 1883 г.

ствоваться одними отвлеченіями общаго характера; но для того, чтобы дать наглядную характеристику юридическаго быта одного уѣзда, не слѣдуетъ пренебрегать разборомъ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, хотя бы въ качествѣ иллюстрацій.

Личный наемъ, по обычаямъ крестьянъ Онежскаго уѣзда, прежде всего отличается отъ всѣхъ другихъ обязательствъ тѣмъ, что зиждется на наиболѣе опредѣленныхъ, устойчивыхъ и общепризнанныхъ обычно-правовыхъ нормахъ. Въ созданіи ихъ, главнымъ образомъ, принимало участіе творчество мѣстнаго населенія; вліяніе же со стороны почти совершенно не отразилось на юридической структурѣ личнаго найма, несмотря на развитіе бурлачества, черезъ которое легко могли привиться народному правосознанію специфическія черты фабрично-заводскаго законодательства.

Опреѣленность обычая имѣетъ колоссальное значеніе въ практическомъ отношеніи: ею значительно ослабляется произволъ такого несовершеннаго судилища, какъ судъ волостной. Поэтому дѣла, касающіяся нарушеній личнаго найма, рѣшаются болѣе или менѣе единообразно въ самыхъ разныхъ мѣстахъ уѣзда; постановленія Волостныхъ Судовъ по этимъ дѣламъ почти никогда не вызываютъ обжалованія въ высшую инстанцію. А вѣдь при разборѣ этихъ дѣлъ судейской совѣсти грозятъ серьезныя искушенія, такъ какъ заимодавцами, въ большинствѣ случаевъ, являются лица съ приличнымъ имущественнымъ достаткомъ. Но ясность обычая, хорошо извѣстнаго и суду и тяжущимся, въ значительной степени умѣряетъ вредное вліяніе могоарыча.

Договоръ личнаго найма заключается всегда въ устной формѣ. Этотъ порядокъ имѣетъ свои положительныя и отрицательныя стороны. Если бы письменная форма вошла въ обычай, то многіе бывалые люди, въ особенности же „десятники“, освоившіеся на чужбинѣ съ фабрично-заводскимъ наймомъ, могли бы привить правосознанію своихъ земляковъ новые взгляды, ввести въ моду другія понятія о личномъ наймѣ. Полуневѣжественный волостной судья судить такъ, какъ онъ можетъ, т. е. руководствуется усвоенными съ молокомъ матери правовыми воззрѣніями. Но авторитетъ писаной и печатной бумаги для него чрезвычайно великъ, и если бы ему представился случай разбирать дѣло о нарушеніи договора, облеченнаго въ письменную форму да еще вдобавокъ переполненнаго ссылками на законъ, хотя бы не всегда соотвѣтствующій обстоятельствамъ дѣла,—въ этомъ случаѣ волостной судья едва ли бы разрѣшилъ коллизію нормъ закона съ нормами обычно-правовыми въ пользу послѣднихъ. При частомъ повтореніи такихъ дѣлъ и такихъ рѣшеній нетрудно вывернуть наизнанку самое представленіе о личномъ наймѣ, сложившееся исторически въ нѣдрахъ народа.

Но и устная форма неудобна тѣмъ, что судъ нерѣдко лишень

возможности установить существованіе сдѣлки, или же вынуждается рѣшить этотъ вопросъ по совѣсти, что можетъ вызвать злоупотребленія.

Вступать въ договоръ личнаго найма въ качествѣ нанимателя и наемника можетъ всякое дѣеспособное лицо. Только дѣти, хотя бы и совершеннолѣтнія, но не обладающія имущественной самостоятельностью, могутъ наниматься въ услуженіе не иначе, какъ съ согласія родителей. Юридическая несамостоятельность дѣтей въ дѣлахъ личнаго найма простирается даже до того, что, при нарушеніи этого договора, родители наемниковъ нерѣдко выступаютъ на судѣ въ качествѣ полноправныхъ истцовъ и отвѣтчиковъ, а не представителей тяжущихся. Это подтверждается слѣдующимъ примѣромъ. Кр-ка Ефимова заявила Вол. Суду, что кр-ка Шадрина, нанявъ къ ней въ работницы свою дочь, взяла задатокъ (деньги, рыба и работа на лошади истицы), а затѣмъ порядила дочь въ другое мѣсто. Судъ постановилъ взыскать задатокъ и наказать кр-ку Шадрину 3-мя днями ареста за обманъ ¹⁾. Отсюда видно, что въ глазахъ суда дѣти не считаются свободными вступать въ договоры личнаго найма: иначе не было бы основанія судамъ наказывать родителей за провинности ихъ дѣтей. Но если дѣло обстоитъ такъ юридически, то фактически при личномъ наймѣ рѣшающее значеніе придается согласію самихъ дѣтей, а не родителей, потому что отношенія онежанъ къ своимъ дѣтямъ, въ большинствѣ случаевъ, отличаются гуманностью; они не принуждаютъ дѣтей итти въ услуженіе, но и не препятствуютъ имъ въ этомъ, въ случаѣ желанія. Чаше всего, имѣя въ виду порядить свою дочь въ „казачихи“, родители заявляютъ ей, что у нихъ нѣтъ средствъ, чтобы „обряжать“ (наряжать) ее, и поэтому предоставляютъ ей на выборъ: или зарабатывать себѣ деньги на „обряды“ (наряды), или ходить бѣдно одѣтой. Но дѣти, разумѣется, всегда склонны винить родителей въ томъ, что имъ приходится служить чужимъ людямъ. Если спросить какую-либо здѣшнюю „казачиху“ о причинахъ, побудившихъ ее итти въ услуженіе, то она отвѣтитъ:

— Знамо дѣло, воля не своя, matka (или батька) отдала.

Пастухъ въ одной изъ пѣсенокъ жалуется на свою судьбу:

Батька отдалъ въ пастушки,
Сѣлъ на камешекъ, заплакалъ:
Всѣ коровушки ушли.

Что касается супругъ, которыя въ силу 2202 статьи I ч. X тома не могутъ наниматься безъ согласія мужей, то по мѣстному праву онѣ вполне свободны располагать своей волею въ этомъ отношеніи. Право супругъ наниматься безъ согласія мужей вытекаетъ изъ со-

1) Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 14 сент. 1902 г.

временныхъ взглядовъ онежанъ на сущность брачнаго союза. Въ старые годы, при существованіи круговой поруки въ платежѣ податей, суды иногда постановляли рѣшенія, обязывающія жену возвратиться къ мужу, ибо безъ жены, какъ рабочей силы, супругъ могъ разстронть свое хозяйство и явиться неисправнымъ плательщикомъ податей, а это влекло увеличеніе налогового бремени для всѣхъ остальныхъ членовъ общины. Въ данное время подобная практика волостными судами оставлена; народному сознанію все болѣе и болѣе прививается та мысль, что жена отнюдь не раба мужа и, въ случаѣ несласной жизни, можетъ свободно покинуть супружескій домъ. Весьма часты случаи, когда бѣглая жена рядится въ „казачихи“, и супругъ безсиленъ предпринять что-либо противъ нея.

Моментъ заключенія договоровъ личнаго найма—рукобитіе и богомолье, причемъ нанимателемъ тутъ же дается задатокъ наемнику. Условія каждой ряды, т. е. тѣ вопросы, которыхъ касается договоръ, бываютъ двоякаго рода: опредѣленно-выраженныя (необходимыя) и подразумѣваемые по самой сути дѣла (естественныя). Первые варьируются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ каждаго отдѣльнаго вида личнаго найма; вторыя подразумѣваются сами собою, и если въ договорѣ о нихъ ничего не говорилось, то судъ все-таки признаетъ эти условія. Ясность и общеизвѣстность нормъ, опредѣляющихъ личный наемъ, допускаютъ существованіе естественныхъ условій ряды.

Срокъ необходимо долженъ быть обозначенъ въ договорѣ; этотъ послѣдній считается дѣйствительнымъ только въ томъ случаѣ, когда заключенъ на срокъ не болѣе года. Фактически нѣтъ даже и годового найма. По особымъ свойствамъ характера онежанъ, непрерывная личная зависимость кажется имъ самымъ тяжкимъ изъ всѣхъ золъ. Отсутствіе долгосрочнаго найма въ мѣстномъ быту препятствуетъ образованію особаго класса лицъ, имѣющихъ своей профессіей продажу личныхъ услугъ и являющихся поэтому какъ бы низшимъ, подчиненнымъ слоемъ населенія.

Другое существенное условіе ряды—вопросъ о денежномъ вознагражденіи. По мѣстнымъ обычаямъ, вознагражденіе непременно складывается изъ денежной суммы и платы натурою. Служить ли одно лицо другому, служить ли одно или нѣсколько лицъ обществу, натуральная плата, въ противоположность денежной, считается естественнымъ условіемъ договора. Почему это такъ, понять не трудно. Въ старину, при слабомъ развитіи денежнаго хозяйства, плата за услуги вся цѣлкомъ состояла изъ произведеній сельскаго труда; денежная форма платы—явленіе позднѣйшее. Сначала деньги являлись какъ бы привѣскомъ къ натуральной платѣ, и при томъ необязательнымъ. Поэтому и въ данное время, по усвоенному издревле взгляду, стороны обязаны условиться лишь о денежной платѣ, натуральная же сама собою подразумѣвается; если о ней не было условлено, то тѣмъ

не менѣе, какъ это видно изъ слѣдующаго судебного дѣла, она можетъ быть присуждена наемнику самимъ судомъ, на основаніи мѣстнаго обычая. Кр-тъ Ар. Харитоновъ обязался вспахать поле для кр. Ушакова на своей лошади. Исполнивъ работу, онъ пожаловался суду на то, что Ушаковъ не давалъ корму для его лошади, и просилъ о взысканіи стоимости такового. Судъ рѣшилъ, что, хотя, какъ это выяснилось при разборѣ дѣла, Харитоновъ былъ пораженъ со своимъ кормомъ для лошади, но такъ какъ, по мѣстнымъ обычаямъ, Ушаковъ долженъ былъ доставить нѣкоторую часть корма для лошади Харитопова, то постановилъ взыскать одинъ рубль въ пользу истца ¹⁾.

Въ договорахъ, которые заключаетъ сельское общество съ перевозчиками въ письменной формѣ, о вознагражденіи натурою совершенно не упоминается; тѣмъ не менѣе перевозчики неукоснительно собираютъ съ крестьянъ то, что имъ полагается по обычаю, сверхъ денежной суммы.

Для образчика укажемъ, въ чемъ заключается плата натурою. „Казачиха“ и „пѣстунья“ (нянька) получаютъ, главнымъ образомъ, наряды и обувь, пастухъ—хлѣбъ и масло, подпасокъ получаетъ то же самое отъ пастуха, просвирня и перевозчикъ—хлѣбъ, сметану или масло, повитуха—„житникъ“ (житный хлѣбъ), „рыбникъ“ (пирогъ съ рыбой) и „ставецъ“ ²⁾ соли, свѣженикъ—голову освѣженнаго имъ животнаго.

Опредѣленіе тѣхъ услугъ, которыя обязывается совершить наемникъ въ пользу нанимателя, отнюдь не обязательно для многихъ видовъ личнаго найма; услуги, напр., пастуха ясны всѣмъ и всякому изъ мѣстныхъ жителей.

Точно также почти никогда не дѣлается никакого заблаговременнаго условія относительно довольствія наемника. Въ подавляющемъ большинствѣ отдѣльных видовъ личнаго найма наниматель долженъ кормить нанятаго.

Права и обязанности сторонъ, вытекающія изъ договора личнаго найма, несложны. Наниматель имѣетъ право требовать исполненія той работы, которая или вытекаетъ изъ существа даннаго договора, напр., работа пастуха, или прямо была обусловлена. Наемникъ имѣетъ право на полученіе вознагражденія: денежнаго—въ опредѣленные договоромъ сроки, натурального—въ тѣ сроки, которые указываются обычаемъ для даннаго вида найма. Такъ, напр., пастухъ и перевозчикъ получаютъ хлѣбъ и масло въ Петровъ день (петрѳвщина), и только одинъ хлѣбъ—по окончаніи договора (осеньщина). Въ тѣ же сроки получаютъ „казачиха“ подарки отъ хозяевъ.

Но самое главное право сторонъ—это полная возможность одпо-

¹⁾ Рѣшеніе Кирилловскаго Вол. Суда 5 марта 1889 г.

²⁾ Ставецъ—большая деревянная миска, изъ которой хлебають щи.

сторонняго отступленія отъ обязательства во всякое время, безъ опасенія быть вынужденнымъ по суду выполнить его. Никогда и нигдѣ намъ не приходилось читать такихъ рѣшеній суда, въ которыхъ онъ принуждалъ бы нанимателя держать у себя уволенного до срока наемника, или, наоборотъ, вмѣнялъ бы въ обязанность самовольно ушедшему отъ хозяина наемнику отработать то, что онъ не доработалъ до срока. Въ этомъ характерная особенность мѣстнаго юридическаго быта: одинъ человѣкъ никогда не можетъ быть заставленъ служить другому; всякая услуга есть результатъ свободнаго волеизъявленія лица.

Нельзя сказать, чтобы здѣшніе Волостные Суды всегда и во всѣхъ случаяхъ оставляли безъ отвѣтственности виновнаго въ нарушеніи договора личнаго найма; намъ приходилось читать такія рѣшенія, въ которыхъ суды постановляли то или другое невыгодное послѣдствіе для нарушителя договора. Но самое нормальное рѣшеніе по такимъ дѣламъ—это производство тщательнаго расчета между сторонами, т. е. вычисленіе, сколько долженъ дополучить наемникъ съ хозяина или сколько излишне забранныхъ денегъ долженъ возвратить онъ хозяину. Судъ часто не интересуется вопросомъ, кто является истиннымъ виновникомъ нарушенія договора: это весьма затруднительно обнаружить, ибо при личномъ наймѣ чрезчуръ сближены различные интересы контрагентовъ, и коллизіи ихъ могутъ возникать на каждомъ шагу и по самому ничтожному поводу. Можно провести нѣкоторую параллель между рѣшеніями Волостныхъ Судовъ по дѣламъ личнаго найма и по дѣламъ о семейныхъ ссорахъ. Суды перѣдко отказываются разбирать эти вторыя дѣла, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что въ семейномъ быту судъ не можетъ найти виновнаго. А такъ какъ во множествѣ случаевъ наемникъ живетъ совместно съ хозяиномъ, то, конечно, столкновенія возможны довольно часто, причемъ трудно выяснитъ, кто первый нарушилъ чужой интересъ. Къ тому же слѣдуетъ принять во вниманіе особенности характера онежанъ. Чувство собственнаго достоинства—черта, присущая всѣмъ онежанамъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. При томъ вѣковая личная свобода воспитала въ нихъ сознаніе полнаго равенства другъ съ другомъ; поэтому наемница или наемникъ видятъ въ своемъ временномъ хозяинѣ не барина, не господина, а своего же брата, сознаютъ свою независимость и привыкаютъ горюю стоять за свое достоинство. Пустое оскорбленіе со стороны хозяевъ, намекъ, двусмысленность, упреки,—все это способно вызвать немедленную репрессию со стороны обиженныхъ, именно, уходъ отъ нанимателя.

Меня хозяева ругаютъ,
Что я много хлѣба ѣмъ,—
Вы отдайте, что мнѣ ряжено,
Уйду не надоѣмъ—

такъ поетъ „казацхиха“, душа которой не мирится съ хозяйскими прѣказами.

Суды, естественно, сознають, что въ большинствѣ случаевъ, такъ или иначе, прямо или косвенно, въ нарушеніи договора личнаго найма повинны наниматели, ибо они являются стороною сильнѣйшей, которая легко можетъ злоупотреблять своимъ болѣе выгоднымъ положеніемъ. Это сознаніе судовъ подтверждается тѣмъ, что невыгодныя послѣдствія, которымъ онъ подвергается въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ нарушителей договора, гораздо ощутительнѣе для нанимателя, нежели для наемника.

Разберемъ эти случаи ответственности, — сперва нанимателей, потомъ наемниковъ.

„Десятникъ“ Гр. Савинъ предъявилъ искъ къ цѣлой группѣ рабочихъ, требуя возвратить задатки. На судѣ выяснилось, что Савинъ забралъ этихъ рабочихъ на Умбскіе лѣсопильные заводы, но тамъ въ это время возникла забастовка, учиненная „биржевыми“ (т. е. постоянными заводскими служащими). Савинъ за все время забастовки не показывался, а затѣмъ уѣхалъ, бросивъ рабочихъ на произволъ судьбы. Тогда рабочіе поступили къ другому хозяину, хотя, по ихъ заявленію на судѣ, они съ удовольствіемъ отработали бы Савину взятый задатокъ послѣ забастовки, если бы онъ не уѣхалъ. Судъ призналъ Савина дѣйствовавшимъ недобросовѣстно, и, въ виду исключительности случая, въ искѣ ему отказалъ ¹⁾.

Точно также отказъ наемнику въ такое время, когда онъ лишень возможности найти заработокъ (напр., послѣ полевыхъ работъ) влечетъ для нарушителя договора лишеніе всего того, что наемникъ забралъ у него впередъ. Такихъ рѣшеній намъ удалось вычитать достаточное количество, но приводить конкретные примѣры не представляеть особаго интереса.

Если судъ признаетъ, что въ нарушеніи договора вина лежитъ на наемникѣ, то опять-таки онъ санкціонируетъ какое-либо невыгодное для него послѣдствіе только въ томъ случаѣ, если вина эта усугубляется какими-либо посторонними обстоятельствами, напр. обманомъ, страдной порой, когда трудно достать рабочія руки, и т. п. Обманное полученіе задатка съ одного лица и поступленіе къ другому лицу влечетъ, помимо взысканія, возвращеніе задатка и арестъ за обманъ. Примѣръ былъ приведенъ въ началѣ настоящей главы (стр. 241). Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ нарушенія договора наемникомъ, какъ намъ удалось выяснить, единственнымъ невыгоднымъ послѣдствіемъ, которому подвергается виновный, является лишеніе права требовать натуральную часть платы, если она не была получена заблаговременно. Чаще всего такая гражданская отвѣтственность за нарушеніе договора

---

¹⁾ Рѣшеніе Кожоринскаго Вол. Суда 10 декабря 1906 г.

сводится къ пустой фикціи, такъ какъ едва ли какой-нибудь наемникъ упуститъ случай забрать плату натурою своевременно. Кромѣ того, эта часть общей платы довольно малоцѣнна, и потеря ея не является большой невыгодой.

Эти правила о взысканіи съ нарушителей договора личнаго найма неизбѣжно соблюдаются повсюду до сихъ поръ, и, какъ видимъ, интересы наемниковъ защищаются ими въ большей степени, чѣмъ интересы нанимателей.

Разсмотримъ теперь отдѣльные виды договоровъ личнаго найма.

I. Договоръ о наймѣ „казачихи“. Въ виду ухода мужчинъ на заводы въ лѣтнее время, вся тяжесть полевыхъ работъ ложится на женщинъ. Нерѣдки случаи, когда въ деревнѣ, состоящей изъ 5—10 домовъ, не бываетъ налицо ни одного, вполне работоспособнаго, мужчины. Необходимость наемной рабочей силы ощущается прежде всего въ зажиточныхъ семьяхъ, а такихъ здѣсь не мало. Продавцами рабочей силы являются по преимуществу дѣвушки изъ бѣдныхъ семействъ, а также вдовы; мужчины же находятъ болѣе выгоднымъ продавать свой трудъ на заводахъ.

Если одно лицо нанимается къ другому исполнять строго опредѣленную сельско-хозяйственную работу, причемъ живетъ отдѣльно отъ наймодавца, то такое лицо называется, по мѣстному „казакѣ“, безразлично, будетъ ли это женщина или мужчина (послѣднее весьма рѣдко). „Казачихой“ же называютъ лицо женскаго пола, нанявшееся къ кому-либо для оказанія услугъ вообще и живущее въ его семьѣ; въ „казачихи“ рядятся дѣвушки, бездѣтныя вдовы и бѣглыя жены. Въ одномъ и томъ же семействѣ иногда бываетъ нанятъ „казакъ“ и „казачиха“, притомъ оба могутъ принадлежать къ женскому полу.

Договоры о наймѣ собственно „казачихъ“ совершаются всегда въ устной формѣ; время заключенія этихъ договоровъ—январь или февраль; срокъ договора—не свыше 10 мѣсяцевъ. Отсутствие годового найма „казачихъ“ объясняется не только экономическими соображеніями нанимателей, но и психологическими мотивами наемницъ. Нанимаясь на добрыхъ $3\frac{1}{4}$ года въ услуженіе, „казачиха“ имѣетъ въ виду послѣднюю, самую веселую, часть года (Святки) пользоваться благами полной свободы наравнѣ со своими прежними хозяевами.

Начальные и конечные моменты срока, на который нанимается „казачиха“, весьма различны. Изъ судебныхъ рѣшеній мы видимъ, что въ однихъ случаяхъ за начальный моментъ считается 6-ое воскресенье, а за конечный—Воздвиженіе, въ другихъ—вторая недѣля Великаго поста и Николѣинъ день (6 декабря), въ третьихъ—чистый понедѣльникъ и Филиппово заговѣнье. Весьма рѣдко, но бываютъ такіе случаи, когда „казачиха“ нанимается не на одинъ сплошной періодъ года, а на два или три, отдѣляющихся другъ отъ друга нѣко-

торыми промежутками. Такъ, напр., изъ одного рѣшенія Вол. Суда видно, что „казачиха“ была нанята на 6 недѣль весною во время посѣва и съ 1-го іюля по 14 ноября ¹⁾. Самый наибольшій срокъ, какой мы наблюдали, и, какъ намъ извѣстно — исключительный, это съ 4 февраля по 25 декабря ²⁾; но и въ этомъ случаѣ, какъ мы видимъ, „казачиха“ обезпечила себѣ полную свободу на время Святковъ.

Вознагражденіе „казачихъ“ слагается изъ двухъ частей: денежной суммы и „приклада“ (подарковъ). Такъ какъ намъ удалось просмотрѣть судебныя рѣшенія почти за 70 лѣтъ, то мы имѣли возможность наблюдать возрастаніе цѣнности рабочихъ рукъ въ Онежскомъ уѣздѣ. Еще 50 лѣтъ тому назадъ средняя плата „казачихамъ“ не превосходила 10—12—15 рублей; въ 70-хъ годахъ, когда начало развиваться бурлачество, плата повысилась до 20—25 рублей; постепенно она дошла до 35—40 рублей, а въ наше время не трудно встрѣтить „казачиху“, получающую 50—55 рублей. Такая плата настолько значительна въ крестьянскомъ быту, что про современную „казачиху“ выражаются такъ:

— „Казачиха“ лѣто прожила да-й жениха себѣ купила! т. е. что она обезпечила себѣ приданое.

Размѣръ денежнаго вознагражденія видоизмѣняется въ зависимости отъ срока, подарковъ и отъ вида работы. Извѣстная часть денежной суммы дается задаткомъ при заключеніи ряды. Такъ какъ въ мѣстномъ быту подъ задаткомъ разумѣется весь заборъ денегъ, сдѣланный „казачихой“ у хозяевъ до окончанія срока найма, то изъ судебныхъ рѣшеній трудно опредѣлить величину задатка, получаемого при заключеніи договора. По разсказамъ старожилловъ, онъ не превосходитъ 2—3 рублей.

Вторая часть условленной платы — „прикладъ“, т. е. подарки; они бываютъ самые разнообразные. Изъ одного судебного дѣла видно, что „казачиха“ вырядила себѣ ситцу на платьѣ 12 аршинъ, ситцу же на рукава 2½ аршина, бумажный платокъ, „полсапожки“ (башмаки) и одинъ фунтъ шерсти. ³⁾ Изъ другихъ рѣшеній видно, что подарки „казачихамъ“ при переводѣ на деньги составляютъ отъ 4 руб. до 6 руб. 75 коп. ⁴⁾ Часть подарковъ „казачиха“ иногда получаетъ при заключеніи договора, другую часть въ серединѣ своей службы (въ Петровъ день), остальное — по окончаніи срока найма.

Третье условіе ряды — опредѣленіе тѣхъ услугъ, которыя обязана совершить наемница въ пользу наймодавца. Обыкновенно въ рядѣ усиливаются только относительно пашни и „метанія сѣна“ въ стоги, т. е. болѣе тяжелой работы. Она не подъ силу молоденькимъ дѣвушкамъ,

1) Рѣшеніе Кирилловскаго Вол. Суда 22 ноября 1881 г.

2) Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 1 ноября 1881 г.

3) Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 14 окт. 1885 г.

4) Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 22 сент. 1909 г.

идушимъ въ работницы, но подѣ силу взрослымъ, окрѣпшимъ въ трудѣ женщинамъ, вдовамъ и бѣглымъ женамъ; поэтому въ самой рядѣ дѣлается оговорка относительно производства или непроизводства этого рода работы, въ зависимости отъ личности наемницы. Чаще всего тяжелая полевая работа ложится на мужчинъ, членовъ семьи, или на наемнаго „казака“. Если же „казачиха“—сильная, здоровая женщина, то, нанявшись съ условіемъ производить и болѣе тяжелыя работы, она, конечно, получаетъ большее вознагражденіе, причемъ иногда называется „казакомъ“, въ виду того, что исполняетъ мужскую работу.

Если не считать пашни и „метанія сѣна“, то, не дѣлая большой ошибки, можно сказать, что на „казачиху“ возлагаютъ всѣ хозяйственныя работы, какъ полевыя, такъ и домашнія; но и тѣ и другія всей тяжестью ложатся не исключительно на наемницу. Если хозяева сами живутъ дома, то „казачиха“ имѣетъ вспомогательное значеніе; она дѣлаетъ все то, что и хозяева, не исключая даже отбыванія нѣкоторыхъ повинностей общественнаго характера. Такова, напр., ночная караульная служба, тушеніе лѣсныхъ пожаровъ и т. п. При этомъ безынтересная подробность: получаемое отъ казны вознагражденіе за тушеніе лѣсныхъ пожаровъ, по обычаю, идетъ въ пользу „казачихи“. Вообще же слѣдуетъ имѣть въ виду, что, хотя договоры о наймѣ „казачихъ“ нарушаются, но источникомъ нарушенія никогда не служитъ самый трудъ, такъ что неопредѣленность работы при заключеніи договора не порождаетъ существенныхъ недоразумѣній.

Точно также въ рядѣ не дѣлается никакихъ условій касательно довольствія, ибо предполагается, что „казачиха“, по обычаю, будетъ пить и ѣсть за однимъ столомъ съ хозяевами. Одежду „казачиха“ имѣетъ, по обычаю, свою; „прикладъ“ служитъ нѣкоторымъ возмѣщеніемъ той порчи одежды, которая неизбежна при выполненіи сельскихъ работъ. Не дѣлается также никакихъ условій относительно отлучекъ наемницы на побывку къ родителямъ или въ гости, хотя эти отлучки изъ хозяйскаго дома нерѣдко продолжаются съ недѣлю.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, онежское обычное право допускаетъ въ договорахъ найма „казачихъ“ множество естественныхъ условій, т. е. такихъ, которыя хотя и не упоминаются въ рядѣ, но подразумеваются сами собой.

Остается сказать нѣсколько словъ о положеніи „казачихъ“ въ домѣ хозяевъ.

Такъ какъ сѣверное крестьянство не видѣло дурного примѣра въ лицѣ сословнаго или классоваго различія, то посему въ его средѣ еще до сихъ поръ сохраняются самыя патріархальныя отношенія къ наемницамъ. „Казачиха“ пользуется правами члена семьи; если у хозяевъ имѣются дочери, то она является ихъ подругой. Дѣвушки вмѣстѣ ходятъ на зимнія вечеринки и на весеннія ночныя гулянья,

причемъ „казачиха“ безъ малѣйшаго стѣсненія становится въ хорюводѣ рядомъ съ самыми первѣйшими богачихами. Никому не приходится въ голову видѣть въ этомъ апомалію.

Конечно, чѣмъ дальше идетъ время, чѣмъ сильнѣе сказывается вліяніе города, тѣмъ болѣе начинаетъ видонзмѣняться положеніе „казачихъ“. Но покамѣстъ ихъ доля несравнима съ положеніемъ какъ городской прислуги, такъ и фабричныхъ работницъ. Изучая современную деревенскую иѣсню, такъ называемую „частушку“, мы только въ двухъ изъ нихъ нашли сѣтованіе „казачихъ“ на свою долю:

„Казачихи“ бѣдныя!	„Казачихи“ бѣдны люди,
У нихъ колечки мѣдныя,	Ихъ хозяева не любятъ,
Брошки оловяшныя,	Долго чаемъ не поятъ,
Хозяйки окаянныя.	На работушку турятъ.

Но не будетъ парадокса, если мы скажемъ, что эти иѣсенки характеризуютъ не столько бѣдственное положеніе „казачихъ“, сколько ихъ чрезмѣрную избалованность, вызывающую крайне требовательное отношеніе къ хозяевамъ.

Обратимся теперь къ послѣдствіямъ, сопровождающимъ неисполненіе договора найма „казачихи“. Конечно, нарушителями бываетъ какъ та, такъ и другая сторона, на судѣ же объясняютъ нарушеніе договора причинами, порожденными противной стороной. Изъ судебныхъ рѣшеній видны тѣ причины, которыми „казачихи“ мотивируютъ свой уходъ отъ хозяевъ, а именно: 1) опасность заразиться отъ больной хозяйки, 2) склоненіе хозяиномъ къ прелюбодѣянію, 3) притѣсненія со стороны хозяевъ. Наоборотъ, со стороны хозяевъ бываютъ заявлены слѣдующія причины нарушенія договора: 1) гостѣба „казачихи“ у родителей долѣе срока, указаннаго хозяиномъ, 2) оскорбленія, нанесимыя хозяйкѣ со стороны „казачихи“, и т. п.

При разборѣ подобныхъ дѣлъ, Волостные Суды строго отличаютъ договоръ о личномъ наймѣ отъ другихъ видовъ обязательствъ, что, къ сожалѣнію, не всегда соблюдается въ средней полосѣ Россіи и на черноземѣ. Какъ это можно заключить, онежскіе Волостные Суды на договоры личнаго найма смотрятъ такъ же, какъ на брачныя договоры, неисполненіе которыхъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ повлечь принудительнаго исполненія. Можно, пожалуй, объяснять подобное явленіе различными экономическими причинами, напр., тѣмъ, что средства существованія сѣверянъ не заключаются въ однихъ только продуктахъ сельскаго труда, и посему досрочный уходъ „казачихъ“, даже въ разгаръ страды, не можетъ нанести особаго ущерба благосостоянію хозяевъ. Но эти соображенія ничуть не умаляютъ господствующаго въ средѣ онежанъ уваженія къ личной свободѣ челоуѣка.

Далѣе, невыгодныя послѣдствія, которыя выпадаютъ на долю

нарушителей договора найма „казачихъ“, не имѣютъ ничего общаго съ суровыми послѣдствіями для нарушителей договора личнаго найма въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Первое, что дѣлаетъ судъ при рѣшеніи этихъ дѣлъ, заключается въ производствѣ самаго подробнаго разсчета между наемницей и хозяевами. Судъ опредѣляетъ количество мѣсяцевъ, на которые нанята „казачиха“, количество прожитыхъ мѣсяцевъ, условленное вознагражденіе и задатокъ, причемъ подъ задаткомъ разумѣется вся забранная во время службы сумма денегъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ затрудняется выяснить, сколько времени прослужила „казачиха“, въ виду разнорѣчивыхъ показаній сторонъ, онъ беретъ среднее арифметическое изъ указываемыхъ сторонами періодовъ времени ¹⁾. Вычисливъ среднюю мѣсячную или недѣльную плату и умноживъ ее на число прожитыхъ мѣсяцевъ или недѣль, судъ опредѣляетъ, сколько слѣдуетъ получить „казачихѣ“. Конечное рѣшеніе суда варьируется въ зависимости отъ того, на чьей сторонѣ вина (конечно, если она достаточно тяжела), и отъ количества забранныхъ денегъ.

Если заборъ превышаетъ слѣдующую „казачихѣ“ сумму и если судъ признаетъ наемницу повинной въ нарушеніи договора, то она обязывается вернуть остатокъ, получающійся отъ вычитанія изъ забранныхъ денегъ слѣдующей ей суммы. Если же заборъ менѣ этой суммы то „казачиха“, хотя бы повинная въ самовольномъ уходѣ отъ хозяевъ, во всякомъ случаѣ дополучаетъ до этой суммы. Въ случаѣ вины хозяевъ, они безповоротно теряютъ всѣ данныя впередъ деньги или же присуждаются доплатить то, что полагается „казачихѣ“ за прожитую часть условленнаго времени.

Это, такъ сказать, нормальный разсчетъ. Онъ нѣсколько усложняется въ зависимости отъ того, прожила или нѣтъ „казачиха“ мѣсяцы страды. Работа въ эти мѣсяцы оцѣнивается выше. Точно также иногда, при опредѣленіи слѣдующей „казачихѣ“ суммы, принимается во вниманіе стоимость подарковъ. Приведемъ примѣръ судебного разсчета при наличіи этихъ обстоятельствъ.

Крестьянская дѣвица Спицина жаловалась Посадному Волостному Суду на то, „что порядилась она въ работницы на лѣто сего года къ кр. П. Ашмарину жить съ Өомина воскресенья до 15 ноября сего года, за это вырядила съ него платы деньгами 25 рублей и подарки. 27 сентября я съ дозволенія хозяина отправилась къ празднику домой на 3 дня, а пробыла лишнихъ 3 дня, какъ онъ мнѣ говорилъ: „Если у тебя дѣло есть кое-что поправить, то можешь пробыть и болѣе трехъ дней“; но нынѣ, 4 сего октября, явилась я къ хозяину Ашмарину; онъ меня не принялъ дожить до срока, сказалъ, что теперь у меня дѣла нѣтъ, я ему не нужна. Въ число платы я полу-

---

¹⁾ Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 12 марта 1899 г.

чила съ него деньгами 13 руб., а остальныхъ денегъ 12 рублей и выраженныхъ вещей Ашмаринъ мнѣ добровольно не отдаетъ и дожить до срока не беретъ. Посему прошу судъ взыскать недоплатенные 12 рублей и вещи“. 1885 года 14 октября судъ произвелъ расчетъ между Ашмариннымъ и Спициной. „Всего Спициной съ Ашмарина слѣдовало получить 29 рублей (25 руб. + стоимость подарковъ), а получено ею 13 рублей; за недоживъ 2½ мѣсяца, какъ время нестрадное, вычесть за каждый 1 руб. 50 коп., итого 3 руб. 75 коп.; еще она должна невѣсткѣ Ашмарина 25 коп., итого забору 17 руб., а остатокъ 12 рублей должна получить съ Ашмарина. Такъ какъ тяжущіеся не помирились, то судъ постановилъ взыскать съ Ашмарина эти 12 рублей въ пользу Спициной“.

Подобныхъ приговоровъ мы встрѣчали по нѣсколько въ каждой изъ волостей, и вездѣ мѣсяцъ страды цѣнится однимъ рублемъ выше другихъ мѣсяцевъ.

Изъ другихъ рѣшеній выясняется участь „приклада“. Если „казачиха“ уходитъ послѣ страды и если выставленные ею причины ухода судъ признаетъ неуважительными, то она лишается права получить подарки, которые ей не доданы; въ случаѣ же вины хозяевъ, они присуждаются къ принудительной выдачѣ подарковъ, если „казачиха“ ушла отъ нихъ послѣ страды. Иногда же, какъ мы видѣли, стоимость подарковъ присовокупляется къ суммѣ денежнаго вознагражденія, такъ что судебныя рѣшенія о „прикладѣ“ бываютъ двухъ родовъ.

Итакъ, рассмотрѣвъ послѣдствія нарушенія договора найма „казачихъ“, видимъ, что единственнымъ взысканіемъ, которому подвергаются хозяева за безпричинное увольненіе „казачихи“ или вынужденіе ея къ уходу, является потеря всѣхъ денегъ, данныхъ впередъ, и принудительная выдача подарковъ, если договоръ нарушенъ послѣ страды. Наоборотъ, неисполненіе договора „казачихою“ влечетъ за собою потерю подарковъ, если она не получила ихъ ранѣе, и возвращеніе хозяевамъ незаслуженной части денегъ. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ судъ какъ бы неохотно дѣлаетъ свое постановленіе; это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ одного изъ рѣшеній: „Судъ постановилъ остатокъ задатка (забора) возвратить Поповой (хозяйкѣ), потому что она должна понести убытокъ въ виду дороговизны рабочихъ рукъ во время страды“ ¹⁾.

Никакихъ дѣлъ о взысканіяхъ съ „казачихъ“ за порчу вещей намъ не приходилось наблюдать; точно также не встрѣчали мы, за исключеніемъ одного случая, жалобъ хозяевъ на дерзость или своеволие „казачихъ“. Единственная жалоба, поданная кр-ой Ш. въ Посадный Волостной Судъ, заключалась въ томъ, что „казачиха“ нарушаетъ ея семейное счастье и наноситъ ей оскорбленія. Судъ поста-

1) Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 5 авг. 1873 г.

новили вывести работницу изъ дома хозяевъ и арестовать ее на три сутки за оскорбленіе хозяйки ¹⁾. До чего благожелательно относятся Волостные Суды къ „казачихамъ“, можно судить изъ слѣдующаго факта. „Казачиха“ дѣвица Залѣзская самовольно ушла отъ кр. Епифанова, который вынужденъ былъ отказаться отъ работы на заводахъ и вернуться домой, такъ какъ въ разгарѣ страды трудно было нанять другую работницу. Несомнѣнно, что хозяинъ понесъ существенный ущербъ, но судъ тѣмъ не менѣе ограничился только производствомъ расчета между тяжущимися ²⁾.

Вообще, при разборѣ дѣлъ въ Волостныхъ Судахъ о нарушеніи договоровъ найма „казачихъ“ проглядываетъ замѣчательное единообразіе рѣшеній, столь несвойственное такимъ несовершеннолѣтнимъ судилищамъ, какими безспорно являются наши народные суды. Эта устойчивость рѣшеній доказываетъ не что иное, какъ опредѣленность и ясность правовыхъ нормъ, которыми руководствуются судьи въ подобныхъ дѣлахъ. Если недостатки законовъ искупаются юридическимъ образованіемъ судей, то несовершенства обычая могутъ пагубно отражаться на разборѣ дѣлъ полуграмотными волостными судьями. Наоборотъ, чѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе обычаи, тѣмъ сильнѣе сковываетъ онъ произволъ судей, устраняя ихъ мудрствованія, порождаемые различными, подчасъ весьма нечестными, мотивами. Единообразіе, наблюдаемое нами при разборѣ дѣлъ о „казачихахъ“ въ разные годы и въ разныхъ волостяхъ, несомнѣнно доказываетъ большую справедливость и меньшее пристрастіе судовъ. Между тѣмъ, гдѣ какъ не въ этихъ дѣлахъ должно было бы сказываться вліяніе могарыча! Наймодавцами, по преимуществу, являются люди зажиточные и вліятельные. Однако слѣдующій фактъ прямо указываетъ на то, что ихъ воздѣйствіе на Волостные Суды въ дѣлахъ о „казачихахъ“ разбивается о твердость и опредѣленность правовыхъ нормъ, регулирующихъ этотъ договоръ. Крестьянинъ Л. Р., по профессіи „десятникъ“, и при томъ столбовой ³⁾, человекъ, привыкшій къ власти надъ людьми, подалъ жалобу въ Волостной Судъ на свою „казачиху“, которая ушла отъ него самовольно до срока, и просилъ понудить ее дожить у него, согласно условію. Однако требованіе торговца чело-вѣческой работой, сильнаго и вліятельнаго, не нашло себѣ отклика, не могло поколебать вѣками установившихся взглядовъ на свободу личности. Судъ, согласно обычаю, произвелъ расчетъ между тяжущимися и санкціонировалъ лишь единственное невыгодное послѣдствіе для „казачихи“ — лишеніе подарочныхъ денегъ, тѣмъ болѣе,

---

¹⁾ Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 9 іюля 1900 г.

²⁾ Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 1 авг. 1897 г.

³⁾ Столбовыми десятиниками въ Онеж. уѣздѣ зовутъ такихъ лицъ, у которыхъ предки промышляли тѣмъ же, чѣмъ и они сами, т. е. подрадами.

что, въ силу условія, она должна была получить ихъ по окончаніи срока ¹⁾.

Или возьмемъ другой случай. Кирилловскій Вол. Судъ разбиралъ дѣло „казачихи“ Агр. Баженовой, которая заявила, что она ушла отъ хозяйки А. Шомонтьевой до срока, получивъ отъ нея всего лишь 1 р. 90 коп., тогда какъ по расчету ей полагается 3 руб., которыя и просить взыскать съ хозяйки. Хотя просительница не представила ни одного свидѣтеля, который могъ бы подтвердить условія найма, но судъ постановилъ по совѣсти взыскать съ Шомонтьевой 1 р. 10 к. ²⁾. Наконецъ, въ этой же главѣ мы приводили случай, когда судъ обязалъ хозяйку отнести недоданныя деньги на домъ „казачихъ“. Неужели все это не свидѣтельствуетъ объ удивительной гуманности, объ удивительномъ уваженіи онежскихъ крестьянъ къ личности наемника?

Для того, чтобы еще болѣе отбѣнить договоры о личномъ наймѣ по обычному праву онежанъ, разберемъ, хотя бы вкратцѣ, тѣ контракты, которые заключали „десятники“ съ бурлаками въ 60, 70 и 80-ые годы, руководясь „Общимъ положеніемъ о крестьянахъ“ (глава „Временныя правила о наймѣ сельскихъ рабочихъ“). По нѣкоторымъ чертамъ эти контракты схожи съ договорами найма „казачихъ“. Бурлакъ—тотъ же лѣтній работникъ, только нанятый для ухода въ другія губерніи на сплавъ лѣса или на заводы; служилъ у подрядчика примѣрно съ 25 марта по 14 ноября, харчи имѣлъ хозяйскіе, обувь и одежду свою, работа точно не опредѣлялась. Но если вникнуть поглубже въ суть этихъ контрактовъ, заключавшихся на основаніи закона, то сразу почувствуется пропасть, отдѣляющая ихъ отъ неписанныхъ, наивныхъ, патріархальныхъ договоровъ найма „казачихъ“.

„Во все срочное время обязуемся мы, говорится въ одномъ изъ такихъ контрактовъ, быть въ полномъ послушаніи и повиновеніи у Л., и всѣ его приказанія по работѣ исполнять безъ отговорокъ у его самого или кого онъ прикажетъ. Рабочій день имѣть отъ 3 час. утра до 9 ч. вечера (18 часовъ работы!), отдыхъ по назначенію подрядчика. За прогульные и пьянскіе дни штрафъ до 1 руб. 15 коп. въ день, а за время болѣзни—вычетъ по расчету стоимости дня; за несвоевременную явку—штрафъ 50 коп.; за промотаніе хозяйскихъ вещей, помимо уплаты убытковъ, тотъ долженъ судиться, какъ воръ, уголовнымъ порядкомъ. Въ случаѣ болѣзни и невозможности возвратить задатокъ—заслужить ³⁾“. Вотъ какія обязательства налагали на себя тѣ изъ онежанъ, которыхъ прельщалъ заработокъ на чужбинѣ. А если принять во вниманіе, что за нарушеніе контракта полагались розги, столь чуждыя сѣверному быту, то станутъ вполне понятны

¹⁾ Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 1 ноября 1881 г.

²⁾ Рѣшеніе Кириллов. Вол. Суда 26 окт. 1875 г.

³⁾ Книга сдѣлокъ и договоровъ Посаднаго Вол. Суда.

онежскія пословицы: „Дома хоть походишь рабой, зато за столъ сядешь госпожей“ и „Оси́нка ¹⁾ горька, зато своя волька“.

II. Договоръ о наймѣ пастуха. Разработкѣ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ договора о наймѣ пастуха, П. С. Ефименко посвятилъ особую монографію, въ которой онъ систематизировалъ весь имѣвшійся у него подъ руками матеріалъ. Отдавая должное почтенному труду П. С. Ефименко, мы все-таки не можемъ не обмолвиться хоть нѣсколькими словами объ этомъ любопытнѣйшемъ видѣ договоровъ, въ силу двухъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, изслѣдованія П. С. Ефименко относятся къ эпохѣ 60-хъ годовъ и, слѣдовательно, имѣютъ болѣе историческое значеніе, нежели значеніе сборника нормъ дѣйствующаго обычнаго права; во-вторыхъ, „Договоръ найма пастуховъ“ имѣетъ въ виду не только взаимоотношенія пастуха и хозяевъ на сѣверѣ, но и повсемѣстно въ Россіи. Мы же систематизируемъ юридическіе обычаи одного только уѣзда, о которомъ Ефименко почти не упоминаетъ. Конечно, многое изъ сообщеннаго нами не будетъ носить на себѣ прелести новизны, ибо существуетъ не мало сходныхъ чертъ между юридическими обычаями Онежскаго уѣзда и другихъ мѣстностей сѣвера. Но все же наши изслѣдованія, мы надѣемся, добавятъ хоть нѣсколько лишнихъ штриховъ къ той картинѣ, на которой представлены г. Ефименко взаимоотношенія между пастухомъ и хозяевами. Не наша вина, если эти штрихи окажутся болѣе общебытового, нежели чисто-юридическаго характера. Въ этомъ повинна сама природа народныхъ юридическихъ обычаевъ, въ которыхъ правовыя нормы нерѣдко бываютъ заслонены отъ глазъ наблюдателя сплошной стѣной самаго разнообразнаго этнографическаго матеріала.

Соотвѣтственно тремъ видамъ животныхъ, имѣющихся у онежанъ, пастухи бываютъ трехъ категорій: 1) собственно пастухъ (для крупнаго рогатаго скота), 2) лошадиный пастухъ и 3) овечій пастухъ.

Въ отношеніи пастыби лошадей не мѣшаетъ замѣтить, что ихъ нерѣдко отпускаютъ въ лѣсъ безъ всякаго присмотра. Умныя животныя въ теченіе трехъ—четырёхъ дней и даже цѣлой недѣли пасутся на подножномъ корму за 5—10 верстъ отъ двора. Особый конскій пастухъ назначается только въ большихъ деревняхъ, и вся его обязанность сводится къ тому, чтобы прогнать лошадей въ лѣсъ, коль скоро онѣ появятся подлѣ деревни. Несложнымъ обязанностямъ соотвѣтствуетъ мизерное вознагражденіе, что-то въ родѣ 10 коп. съ лошади въ лѣто.

Овцы и телята чаще всего выгоняются въ „тѣлетникъ“ (испорченное слово телятникъ). Подъ этимъ названіемъ разумѣется огороженная лужайка, на которой растетъ плохая трава; таковы, напр., высокіе

¹⁾ Осинная кора, которую ѣдятъ въ голодные годы.

берега рѣчекъ, пригорки и т. п. Въ большихъ же деревняхъ нерѣдко нанимають особаго овечьяго пастуха, чаще всего мальчугана лѣтъ 12—15, и платять ему также копеекъ десять съ овцы. Вся обязанность подобнаго пастуха заключается въ наблюдении за тѣмъ, чтобы животныя не выбѣжали изъ „телетника“ и не произвели потравы.

Что касается личности нанимателя, то таковою является совокупность крестьянъ одной деревни или нѣсколькихъ мелкихъ деревень, смежныхъ между собою. Въ пастухи же нанимаются лица безъ различія пола и возраста, но преимущественно мужчины и не моложе 12—15 лѣтъ. Несовершеннолѣтіе не служитъ препятствіемъ къ занятію должности пастуха, какъ это прямо сказано въ одномъ изъ судебныхъ рѣшеній ¹⁾. Выборы пастуховъ происходятъ зимою на сходкахъ. Малыя смежныя деревушки выбираютъ общаго пастуха, преимущественно изъ подростковъ, причемъ иногда руководствуются не столько личностью избираемаго, сколько его семейнымъ положеніемъ, стараясь дать заработокъ кому-либо изъ бѣдныхъ семействъ. Въ большихъ деревняхъ на это дѣло смотрятъ посерьезнѣе: тамъ стараются найти взрослого искуснаго пастуха. Не смущаются нанимать и чужака; въ особенности цѣнятся шенкуряне, специалисты-пастухи, изрѣдка приходящіе сюда на лѣтніе заработки.

Въ рядѣ уставляются только относительно срока найма, платы и количества „литокъ“. Остальныя условія сами собой подразумеваются. Изъ вышеприведенной жалобы пастуха (см. стр. 234) на нарушеніе ряды крестьянами мы видимъ ясно опредѣленный конечный моментъ пастьбы, а именно 14 сентября, начало же пастьбы, конечно, не можетъ быть опредѣлено при заключеніи ряды точной датой, такъ какъ оно находится въ зависимости отъ климатическихъ условій. Общая формула, опредѣляющая начало пастьбы и составляющая естественное условіе ряды, заключается въ словахъ: „какъ только вода уйдетъ изъ наволоковъ“, т. е. когда разлившаяся рѣчная вода возвратится въ свое русло ²⁾.

Вознагражденіе пастухамъ слагается изъ двухъ видовъ: денежной платы и продуктовъ сельскаго хозяйства натурой. Естественно, немаловажную роль при назначеніи платы играетъ какъ личность нанимаемаго, такъ и мѣстныя условія. Развитіе бурлачества также отразилось на платѣ пастухамъ. Въ 1882 г. въ деревнѣ Пертемѣ, какъ мы

---

¹⁾ Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 3 ноября 1879 г.

²⁾ Не мѣшаетъ замѣтить, что осенью, по окончаніи пастухомъ своей службы у общества, скотъ еще продолжаетъ пастись, но уже подъ наблюдениемъ крестьянской дѣтвора. Пастухъ же несетъ свои обязанности до тѣхъ поръ, пока скотъ гоняется на пастбища общаго пользованія, именно лѣса и наволоки. Осенью же каждый пасетъ скотъ на той изъ своихъ поженъ, на которой, по его мнѣнію, выросла лучшая „отáva“ (вторая трава). Конечно, при такихъ условіяхъ дѣятельность пастуха становится немислимою.

видѣли изъ жалобы пастуха на крестьянъ, плата составляла 45 коп. съ коровы, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что эта деревня сравнительно большая и къ выборамъ пастуха относятся серьезно, стараясь нанять взрослого, опытнаго мужчину. Теперь же, черезъ 30 лѣтъ, въ той же Пертемѣ платятъ съ коровы 70 коп. деньгами, да кромѣ того, по самой скромной оцѣнкѣ, копеекъ на 15—20 различныхъ принасовъ.

Чтобы судить о вліяніи мѣстныхъ условій на вознагражденіе пастухамъ, мы приведемъ для примѣра ту плату, которую получали пастухи за лѣто 1912 года въ разныхъ мѣстахъ Онеж. уѣзда. Въ с. Шелексѣ, наиболѣе глухой лѣсной мѣстности, пастуху платятъ по 1 р. 20 коп. съ коровы; въ Беричевскомъ приходѣ, лежащемъ среди лѣсистыхъ горъ, пастухъ получаетъ 1 р. 50 к. Въ мѣстностяхъ же болѣе культурныхъ, гдѣ поступательное движеніе колонизаціи повлекло опустошеніе лѣсовъ, плата пастуху не превышаетъ 70—80 коп.

Другой видъ вознагражденія, натуральный, заключается, главнымъ образомъ, въ сборѣ масла, хлѣба и шанегъ¹⁾. Въ рядѣ обыкновенно договариваются только относительно количества масла. За единицу измѣренія принимается „пѣхтусъ“, такой комъ масла, который умѣстится между пригоршнями, если ихъ сложить шарообразно. Вѣсъ „пѣхтуса“ не превышаетъ 1—1½ фунта. Иногда, во избѣжаніе недоразумѣній, весьма возможныхъ въ виду неточной опредѣленности единицы измѣренія, стоимость масла переводятъ на деньги, которыя уплачиваютъ пастухамъ. Такъ, въ деревняхъ Беричевского прихода вмѣсто масла пастухъ получаетъ 10 коп. съ коровы. Но даже и безъ особаго, заранѣе установленнаго условія, пастухи охотно берутъ деньги вмѣсто масла, такъ какъ этимъ они избавляются отъ необходимости отыскивать сбытъ полученному продукту.

Плату, какъ денежную, такъ и натуральную, пастухи получаютъ въ нѣсколько пріемовъ. Деньги обыкновенно уплачиваются въ 3 срока: при рукобитѣ, въ Петровъ день и по окончаніи найма. Масло собирается преимущественно въ Петровъ день, а хлѣбъ въ тотъ же праздникъ и, кромѣ того, по окончаніи пастъбы. Сборъ, совершаемый 29 іюня или около этого времени, называется „петровщиной“, а сборъ по окончаніи пастъбы—„осеньщина“ или „отпасно“. Количество хлѣба и шанегъ, получаемыхъ при этихъ сборахъ, доходитъ до 3 фунтовъ за каждую корову.

Естественныя условія ряды касаются довольствія, одежды, обязанностей и отвѣтственности за гибель скота.

Способъ довольствія не характеренъ, такъ какъ онъ практикуется аналогично во многихъ другихъ мѣстахъ, кромѣ Онежскаго уѣзда. Этотъ способъ состоитъ въ томъ, что пастухъ „ѣстъ“, т. е. довольствуется

¹⁾ Шангá—лепешка изъ житной муки, покрываемая сверху сметаной, картошкой, пшеномъ и т. п.

поочередно у крестьянъ,—по одному или по два, по три дня подрядъ въ одномъ семействѣ, въ зависимости отъ количества скота. Но, если мы обратимся теперь къ роду довольствія, то тутъ скажется особенность, характерная для мѣстнаго быта. Первую „выть“ (ѣду) пастухъ получаетъ въ очередномъ домѣ передъ уходомъ на пастбище (въ серединѣ лѣта—около 2—3 часовъ ночи). Къ этому времени хозяйки стараются напечь самыхъ вкусныхъ кушаній, какъ-то горячихъ блиновъ, шанегъ, аладій и т. п. Пастухъ въ волю ѣсть, пьетъ и забираетъ себѣ провизіи цѣлый „пестёръ“ (кошель изъ бересты), причѣмъ этого забраннаго провіанта хватаетъ ему для прокормленія цѣлой семьи. Вечеромъ, пригнавъ скотъ, онъ опять идетъ въ очередной домъ, гдѣ получаетъ обильный ужинъ.

Человѣколюбіе и мягкосердечіе, вполнѣ уживающееся съ замкнутостью и видимой непривѣтливостью сѣверянина, кажется, нигдѣ не проявляется такъ, какъ въ отношеніяхъ къ пастухамъ. До чего доходитъ вниманіе хозяевъ къ пастухамъ, видно изъ того, что очередная ѣда пастуха въ какомъ-либо домѣ есть цѣлое событіе. Готовятся къ этому дню, точно къ большому празднику ¹⁾. Если пастухъ рачителенъ къ своимъ обязанностямъ, то въ видѣ чрезвычайной награды онъ иногда получаетъ къ ужину сотку или сороковку водки (Пертема).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Онежскаго уѣзда, напр. въ деревняхъ Беричевскаго прихода, пастухъ получаетъ верхнюю одежду изъ того дома, въ которомъ „ѣсть“. Но въ большинствѣ мѣстностей одежда и обувь у него бываетъ своя.

Разсмотримъ теперь права пастуха. Въ этомъ отношеніи можно замѣтить не мало такихъ особенностей, которыя присущи только быту онежанъ.

Прежде всего, пастухъ имѣетъ полное право на неприкосновенность личности, особа его окружается почти священнымъ ореоломъ. Важныя обязанности и суевѣрный страхъ содѣйствуютъ возникновенію этихъ правъ пастуха. И не только нравственный характеръ носятъ эти нормы,—онѣ находятъ защиту во виѣшнемъ авторитетѣ, и слѣдовательно вполнѣ подходятъ подъ понятіе юридическихъ нормъ. Доказательствомъ этому служить любопытное рѣшеніе Савинскаго Вол. Суда. Пастухъ произвелъ страшное буйство, за которое, при случаѣ, не постѣснялись бы примѣнить розги, весьма рѣдкое наказаніе въ здѣшнемъ краѣ. Однако, въ отношеніи пастуха судьи ограничились только тѣмъ, что присудили его къ краткосрочному аресту, но при этомъ постановили отложить исполненіе приговора до осени, когда виновный будетъ освобожденъ отъ своихъ обязанностей ²⁾.

¹⁾ Объ угощеніяхъ пастуха см. жур. „Извѣстія Арх. Общ. Изуч. Рус. Сѣвера“, 1910 г., № 24, статья Богданова: „Домашняя жизнь, нравы и нѣкоторые обычаи поморовъ“.

²⁾ Рѣшеніе Савинскаго Вол. Суда 4 іюля 1882 г.

Далѣе, никто не имѣетъ права оскорбить пастуха. Если малые ребятишки позволяютъ какую-либо неприличную выходку въ отношеніи его личности, онъ можетъ, не опасаясь отвѣтственности, пороть ихъ „вицей“ (прутомъ). Ни одна чадолюбивая мать никогда не заступится за своихъ дѣтей, видя, какъ пастухъ наказываетъ ихъ за проступки въ отношеніи его личности.

По словамъ корреспондента изъ Онежскаго уѣзда въ газету „Сѣверное Утро“ (см. № 132, за 1912 г.), „передъ пастухомъ никто не имѣетъ права показываться съ голыми ногами, и онъ имѣетъ право отлупить всякаго по босымъ ногамъ своимъ батогомъ“ ¹⁾. Даже всѣ вещи пастуха получаютъ священный характеръ: нельзя дотронуться до его одежды, „пестеря“, трубы и батога.

Второе право пастуха, охраняемое не столько юридическими нормами, сколько нравственными императивами, состоитъ въ требованіи отъ нанимателей исполненія всѣхъ запретовъ (такъ наз. „отпусковъ“), налагаемыхъ имъ на крестьянъ. Эти запреты бываютъ довольно невиннаго свойства, напр., не ломать вересу, не разорять птичьихъ гнѣздъ и т. п. Съ теченіемъ времени, въ особенности, если одинъ и тотъ же запретъ повторяется часто, онъ переходитъ въ суевѣрный обычай.

Нечего и говорить, что происхожденіе „отпусковъ“ вызывается практическими соображеніями пастуховъ. Для того, чтобы во всякое время снять съ себя нравственную отвѣтственность за гибель скота, при наличіи запретовъ они могутъ ссылаться на то, что скотина погибла, по всей вѣроятности, изъ-за ненадлежащаго соблюденія кѣмъ-либо изъ крестьянъ установленнаго запрета.

Обставляя суевѣріями пастьбу скота, внушая къ себѣ уваженіе и боязнь, пастухи склонны притязать на безсмѣнность въ теченіе лѣта. Но претвореніе этого притязанія пастуховъ въ право едва ли когда-нибудь можетъ осуществиться; въ данное же время охрана этого узурпированнаго пастухами права крайне проблематична, такъ какъ въ договорахъ личнаго найма стороны остаются вполне свободными во всякое время отступить отъ обязательства, не опасаясь какихъ-либо серьезныхъ невыгодныхъ послѣдствій. Поэтому, случаи отказа пастухамъ до срока, хотя и весьма рѣдко, но наблюдаются, и результаты ихъ таковы же, какъ это мы видѣли, разсматривая нарушеніе договоровъ о наймѣ „казачихъ“. Но если нарушеніе ряды съ пастухомъ не влечетъ никакихъ серьезныхъ послѣдствій матеріальнаго характера, то суевѣрная боязнь возмездія свыше ложится всей своей тяжестью на душу нарушителей договора и является однимъ изъ побужденій воздерживаться отъ досрочнаго отказа пастуху.

Можно усмотрѣть еще одно право пастуховъ, охраняемое въ

---

¹⁾ См. газету „Сѣверное Утро“, 1912 г., № 132, корреспонд. „Онежскіе обычаи“, Ваг.

наше время исключительно вѣшнимъ авторитетомъ, въ лицѣ общественнаго мнѣнія. Сущность его состоитъ въ томъ, что пастухъ можетъ воспрещать продажу или убой скота во время пастьбы.

Наконецъ, пастуху не возбраняется нанимать на свой счетъ подпасковъ и возлагать на нихъ всѣ свои обязанности, оставляя за собою только общее наблюденіе за ихъ дѣятельностью. Такимъ образомъ, пастухъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ выступать въ роли подрядчика. И, дѣйствительно, намъ неоднократно приходилось слышать такіе отзывы о пастухѣ:

— Нашъ пастухъ, какъ десятникъ: самъ только командуетъ, а дѣло дѣлаютъ подпаски.

Обязанности, лежащія на пастухахъ, въ свою очередь имѣютъ двойственную природу. Однѣ изъ нихъ проистекаютъ изъ вполне осмысленнаго источника, другія—изъ суевѣрій. Къ числу первыхъ относится обязанность пастуха передъ выгономъ скота пройти по деревнѣ и протрубить нѣсколько разъ. Ему не вѣняется въ обязанность ждать того момента, когда въ „улицѣ“¹⁾ соберется весь скотъ. Поэтому, если кто-либо запоздаетъ выгнать корову въ „улицу“, то такому домохозяину не остается ничего другого, какъ догонять стадо, хотя бы вплоть до самаго пастбища. Самая пастьба скота—дѣло несложное и нетяжелое, тѣмъ болѣе, что у пастуха, помимо наемныхъ подпасковъ, являются добровольные помощники въ лицѣ деревенскихъ ребятишекъ, находящихъ особую прелесть въ идиллической жизни среди лѣсныхъ дебрей. Главная обязанность пастуха во время пастьбы состоитъ въ наблюдении за безопасностью стада. Но, конечно, одинъ пастухъ, тѣмъ болѣе малолѣтній, безсиленъ бороться съ нападеніемъ такихъ хищниковъ, каковы, напр. медвѣди. Поэтому, единственное вѣрное средство для предохраненія стада отъ хищниковъ, это—возбужденіе тревоги, какъ только удастся замѣтить приближеніе звѣря. Если деревня невдалекѣ, то тревога поднимается своевременно, и кровожадные хищники встрѣчаютъ неожиданный отпоръ.

Далѣе, пастухъ обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы скотъ не разбродился по лѣсу и не застѣдалъ въ топяхъ и при переправахъ черезъ ручьи. Но ему не вѣняется въ вину, если онъ пригонитъ изъ лѣсу не все стадо. Въ тѣхъ случаяхъ, когда стадо невелико, и пастухъ имѣетъ возможность замѣтить, чья корова отсутствуетъ, то онъ сообщаетъ хозяевамъ о пропажѣ скотины. Въ большинствѣ же случаевъ сами хозяева замѣчаютъ отсутствіе своихъ животныхъ и отправляются на поиски ихъ.

Что же касается тѣхъ вѣтній, которыя проистекаютъ изъ суевѣрій и которыя обязательны для пастуха, то они аналогичны тѣмъ

---

¹⁾ Улицѣ—обгороженная дорога, идущая вдоль деревни, по направленію къ лѣсу.

запретамъ, которыя налагаются пастухами на крестьянъ. Какъ особа съ чрезвычайнымъ положеніемъ, пастухъ подвергается извѣстнымъ ограниченіямъ, приблизительно такимъ же, какія налагались на древнихъ пророковъ. Такъ, онъ не долженъ стричь волосъ и ногтей. Далѣе, въ иныхъ мѣстахъ пастуху запрещается ломать жерди отъ изгородей и самолично открывать ворота. Въ основѣ обоихъ этихъ запретовъ лежатъ практическія соображенія. Запрещеніе пастуху ломать жерди отъ изгороди произтекаетъ изъ весьма естественнаго стремленія крестьянъ предохранить свое имущество, такъ какъ для пастуха, гораздо чаще чѣмъ для кого-либо другого, представляется соблазнъ къ этимъ дѣяніямъ, влекущимъ за собой порчу изгородей. Наоборотъ, запрещеніе пастуху открывать самолично ворота произтекаетъ изъ стремленія пастуховъ облегчить себѣ трудъ, тѣмъ болѣе, что количество воротъ, устраниваемыхъ въ изгородяхъ, бываетъ довольно значительно на протяженіи деревни.

Какъ видимъ отсюда, пастухъ и его контрагенты конкурируютъ другъ съ другомъ въ изобрѣтеніи запретительныхъ нормъ, налагаемыхъ на противную сторону съ цѣлью охранить собственный интересъ.

Обратимся къ вопросу объ отвѣтственности пастуховъ. По общему правилу, за гибель скотины пастухи не отвѣчаютъ; причиной этому служатъ мѣстныя условія—дикіе лѣса, болота, множество хищниковъ. Точно также не вмѣняются въ вину пастухамъ отравы, произведенныя скотомъ. Всѣ дѣянія пашни и поля обносятся изгородями; по сему здѣсь существуетъ точный и неоспоримый обычай, устанавливающий отвѣтственность за отраву не владѣльцевъ скота, а владѣльцевъ изгороди, черезъ которую скотъ забрался въ поле. Наличіе пастуха при стадѣ судъ признаетъ лишь за обстоятельство, препятствующее полной безнаказанности владѣльцевъ скота. Разсмотримъ, напр., слѣдующій судебный казусъ. Скотъ крестьянъ д. Колосова произвелъ отраву у крестьянъ сосѣдней деревни. Потерпѣвшіе, ссылаясь на налічіе пастуха при скотѣ, во что бы то ни стало хотѣли добиться вознагражденія за причиненный вредъ. Судъ призналъ, что потерпѣвшіе сами повинны въ плохомъ состояніи своихъ изгородей и, слѣдовательно, въ произведенной отравѣ. Но такъ какъ скотъ колосованъ имѣлъ пастуха, то судъ постановилъ взыскать съ нихъ половину стоимости истребленнаго сѣна ¹⁾.

Такое рѣшеніе вызвано ничѣмъ инымъ, какъ возмущеніемъ суда противъ небрежности пастуха. Но, не считая себя въ правѣ возложить на него отвѣтственность и возлагая таковую на владѣльцевъ скота, судъ, разумѣется, постановилъ это рѣшеніе съ тою цѣлью, чтобы вызвать нѣкоторыя репрессивныя мѣры со стороны скотовладѣльцевъ въ отношеніи своего наемника. Освобождая пастуха отъ

---

¹⁾ Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 3 ноября 1879 г.

юридической отвѣтственности, судъ перенесъ на него, хотя и косвеннымъ образомъ, нѣкоторую долю нравственной отвѣтственности.

Но другое дѣло, если пастухъ умышленно впустить скотъ въ поле, и потрава произойдетъ по его прямой винѣ. Въ этихъ случаяхъ онъ отвѣчаетъ на общемъ основаніи за истребленіе чужого имущества ¹⁾.

Имѣя весьма несложный кругъ обязанностей, безотвѣтственный и хорошо обезпеченный, онежскій пастухъ можетъ не только чувствовать себя бариномъ, но и безнаказанно злоупотреблять своими обязанностями. И дѣйствительно, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу со стороны пастуха въ наше время составляетъ рѣдкое явленіе. Главный корень зла таится въ тѣхъ безчисленныхъ суевѣріяхъ, съ которыми сопряжена пастыба животныхъ въ лѣсу. Нерѣдко, ссылаясь на хорошіи „отпускъ“, пастухъ не считаетъ нужнымъ даже ходить въ лѣсъ.

А между тѣмъ матеріальное положеніе пастуха отнюдь не такъ плохо. Если принять за среднюю плату 80 коп. съ головы, то пастухъ, имѣющій стадо въ 100 головъ, зарабатываетъ въ четыре лѣтнихъ мѣсяца 80 руб. деньгами, не говоря уже о томъ, что отъ продажи масла и хлѣба онъ можетъ выручить до 15 рублей. При этомъ надо не упускать изъ виду того, что пастухъ зарабатываетъ эту сумму, никуда не уходя изъ своего уѣзда, ничего не затрачивая на дорогу и довольствуясь наготово, причемъ получаемой отъ хозяевъ пищи хватаетъ на прокормленіе всей его семьи, если она живетъ при немъ. Сличивъ этотъ заработокъ съ заработкомъ бурлаковъ, отправляющихся иногда за 1000 верстъ ²⁾ на тридцатирублевое мѣсячное жалованье, не трудно замѣтить, что обезпеченіе онежскихъ пастуховъ весьма и весьма прилично.

Но возникаетъ вопросъ, почему же мало желающихъ итти въ пастухи, почему предпочитаютъ ходить на чужбину, когда дома есть заработокъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно весьма просто: бурлачество, сдѣлавшееся въ наше время стихійнымъ явленіемъ, развилось тогда, когда не было особой матеріальной выгоды итти въ пастухи, ибо предложеніе превышало спросъ. Теперь же, вкусивъ плодовъ городской культуры, онежане, естественно, избѣгаютъ такого труда, какъ пастушій, протекающій среди безжизненныхъ лѣсовъ, въ уединенной обстановкѣ. Теперешняго онежскаго парня тянетъ въ городъ, ибо тамъ веселѣе, ибо, по мѣстнымъ воззрѣніямъ, тотъ не

---

¹⁾ Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 16 августа 1895 г.

²⁾ Онежанъ можно встрѣтить на лѣсопильныхъ заводахъ въ г. Онегѣ, Архангельскѣ, въ Олонецкой губ., Костромѣ, Старой Руссѣ, Псковѣ; значительное количество ихъ служитъ въ С.-Петербургѣ въ Новомъ Портѣ, при экспортѣ лѣса за границу.

женихъ, кто не бурлакъ, тому нѣтъ почета, кто не бывалъ на чужой сторонѣ. И никто уже не считается со стариковской поговоркой, которая гласитъ: „Батюшка Питеръ поитъ и кормитъ, да и нагихъ водитъ“.

IV.

П о д р я д ь.

Наслѣдователю народной жизни приходится потратить не мало труда, чтобы уловить хоть одинъ такой признакъ, который возводилъ бы подрядъ по обычному праву въ самостоятельный видъ обязательствъ. Нѣкоторые теоретики-цивилисты, какъ напр. Мейеръ, считают наиболѣе характернымъ для подряда тѣ послѣдствія, которыя порождаются этимъ договоромъ, а именно—рядъ послѣдующихъ договоровъ личнаго найма между подрядчикомъ и рабочими, фактическими исполнителями условленной работы ¹⁾. Дѣйствительно, въ обществѣ подъ подрядчикомъ разумѣютъ поставщика чужой рабочей силы, которую онъ долженъ пріобрѣсти прежде ея примѣненія. При сложности деревенскаго быта нерѣдко само лицо, именуемое подрядчикомъ, лично выполняетъ всю условленную работу, и этимъ окончательно сливается съ наемникомъ. Но самое существованіе слова „подрядъ“ должно свидѣтельствовать о томъ, что въ народномъ сознаніи имѣется какая-то, болѣе или менѣе опредѣленная, разница между личнымъ наймомъ и подрядомъ.

Въ Онежскомъ уѣздѣ слово „подрядъ“ въ большомъ ходу, и примѣняется оно къ обязательствамъ опредѣленнаго рода. Слѣдуетъ различать подряды двоякаго сорта: одни—порожденіе болѣе поздняго времени, создавшіеся подъ вліяніемъ закона и имѣющіе общественный или промышленный характеръ, таковы—исправление дорогъ, вырубка лѣса, вывозка бревенъ отъ мѣста порубокъ до сплавныхъ рѣчекъ и т. д.; другіе суть наслѣдіе глубокой старины, покоятся на нормахъ обычнаго права и имѣютъ чисто мѣстное хозяйственное значеніе. Къ числу ихъ относится, постройка дома, производство сельскихъ работъ, перевозка тяжестей по грунтовымъ дорогамъ и т. д.; на нихъ-то мы и будемъ обращать главное вниманіе.

При тщательномъ изученіи мѣстной жизни можно сказать, что характерный для подряда признакъ, указываемый Мейеромъ, здѣсь не имѣетъ мѣста, ибо, если характеризовать подрядъ послѣдующими договорами подрядчика съ рабочими, то одинъ и тотъ же договоръ придется признавать въ одномъ случаѣ подрядомъ, въ другомъ случаѣ—личнымъ наймомъ. Все зависитъ отъ того, будетъ ли лицо, обязавшееся оказать другому извѣстную услугу, пользоваться наем-

---

¹⁾ См. Русское Граждан. Право Д. И. Мейера, изд. 1902 г., стр. 572.

ной силой. Слѣдовательно, существуетъ какой-нибудь другой признакъ для отличія подряда отъ личнаго найма.

Въ то время, какъ наемникъ становится при выполненіи работы лицомъ къ лицу съ хозяиномъ, такъ что здѣсь главную роль играютъ отношенія личныя, при подрядѣ на первый планъ выступаетъ работа, какъ таковая, безотносительно къ тому, кто ее совершитъ. При наймѣ хозяинъ знаетъ только наемника и имѣетъ въ виду только его работу; при подрядѣ хозяину безразлично, кто исполнитъ работу, лишь бы она была совершена. Поэтому и характернымъ признакомъ для подряда, по мѣстному праву, будетъ выполненіе работы, по своимъ или чужими силами, безразлично. Съ этой точки зрѣнія, онежскіи пастухъ будетъ подрядчикомъ, ибо онъ можетъ нанять подпасковъ и свою собственную работу свести лишь къ наблюденію за ними. И дѣйствительно, какъ уже упоминалось, мѣстнаго пастуха крестьяне иногда приравниваютъ къ десятнику. Какъ бы ни было въ глаза такое наименованіе пастуха, какъ бы ни казалось оно курьезомъ съ фактической стороны, но юридическая сущность дѣла отъ этого нисколько не мѣняется.

То же самое слѣдуетъ сказать и про „казака“, т. е. такого наемника, которому поручается вся тяжелая полевая работа. Хозяинъ не интересуется, кто выполнитъ эту работу, самъ ли „казакъ“, члены ли его семьи или его ставленники; иногда хозяинъ даже знать этого не можетъ, находясь долгіе годы на заводахъ. И поэтому „казакъ“ также будетъ подрядчикомъ, доказательствомъ чему служитъ мѣстное выраженіе „сдать работу на подрядъ «казaku», „сдать такому-то на подрядъ пашню или косьбу“.

Но другое дѣло „казачиха“. При наймѣ ея, хозяинъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, человѣка съ его особыми качествами. Работа „казачихи“ точно не опредѣляется, и поэтому не она, а личность наемницы выступаетъ на первый планъ. Посему здѣсь будетъ наемъ.

Или возьмемъ, напр., поденщицу. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы работу выполнила не сама нанятая: заключая съ ней договоръ, хозяинъ имѣетъ въ виду, что тѣ деньги, которыя онъ обязуется заплатить, возмѣстятся ея, именно ея, работою. Если же поденщица вмѣсто себя поставитъ другого работника, то этотъ послѣдній можетъ быть настолько мало работоспособенъ, что не оправдаетъ и половины условленной платы. Нанимая поденщицу, хозяинъ рассматриваетъ ее, какъ опредѣленную рабочую силу, и оцѣниваетъ ее, въ зависимости отъ индивидуальных особенностей, какъ-то пола, возраста, здоровья и т. д. Другими словами, личность здѣсь выступаетъ на первый планъ, и мы будемъ видѣть передъ собою личный наемъ.

При разборѣ тѣхъ юридическихъ отношеній, которыя возникаютъ изъ договора личнаго найма, пастуха, „казака“, перевозчика мы считали простыми наемниками, а не подрядчиками. Причина этому та,

что названные лица въ большинствѣ случаевъ единолично выполняютъ всю условленную работу и почти ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ наемниковъ. Но такъ какъ они имѣютъ право передать выполнение даже всей условленной работы, конечно, за своею отвѣтственностью другимъ лицамъ, простые же наемники этимъ правомъ не пользуются, то между пастухомъ, „казакомъ“, перевозчикомъ съ одной стороны и „казачихой“ и поденщицей съ другой существуетъ довольно опредѣленная юридическая разница.

Оставляя въ сторонѣ договоры о наймѣ лицъ первой категоріи, хотя по существу это договоры о подрядѣ, обратимся къ разбору тѣхъ договоровъ, которые именуются, главнымъ образомъ, подрядами.

Они заключаются въ письменной и устной формахъ, условія ряды опредѣляются возможно точнѣе, и то, что не упоминается въ рядѣ, само собой не подразумевается. Срокъ работъ назначается не всегда, а если и назначается, то въ самыхъ общихъ чертахъ, напр., „построить домъ до зimy“, „загородить «огороды» (изгороди) до выгона скота въ «наволоки»“, и т. п.

Обезпеченія договоровъ также не существуетъ никакого, если не считать надежды на добропорядочность и честность подрядчика; но это уже выходитъ изъ области юридическихъ понятій. Когда мы спросили одного престарѣлаго крестьянина, какъ поступаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подрядчикъ не выполнить условленной работы, то онъ отвѣчалъ, что подобныхъ случаевъ неисполненія работы къ сроку ему не пришлось наблюдать ни одного разу за всю свою долгую жизнь.

Слѣдующее условіе ряды касается вознагражденія. Такъ какъ въ Онежскомъ уѣздѣ подрядчиками являются свои сосѣди, въ большинствѣ случаевъ не обладающіе никакимъ капиталомъ ¹⁾, то уплата денегъ производится не въ одинъ срокъ, а частями, причемъ сначала дается задатокъ, значительная доля котораго пропивается при заключеніи ряды (богомолье и рукобитье). При постройкѣ дома, напр., плата подрядчику производится въ три пріема: часть денегъ дается въ видѣ задатка, слѣдующая дача—по возведеніи фундамента и, наконецъ, остатки уплачиваются по окончаніи работы.

Другія условія ряды зависятъ отъ вида подряда и развиваются болѣе или менѣе подробно.

Особенностью договора о постройкѣ дома являются условія относительно трехъ традиционныхъ выпивокъ для рабочихъ, которыя носятъ слѣдующія названія: 1) „окладно“ (выпивка при закладкѣ), 2) „мостово“ или „балочно“ (выпивка при наведеніи пола или стро-

---

¹⁾ Подрядчиковъ, про которыхъ мы сейчасъ говоримъ, слѣдуетъ отличать отъ „десятниковъ“: послѣдніе промышляютъ по сплавамъ лѣсовъ, большею частью въ другихъ мѣстахъ сѣвера; они набираютъ въ Онеж. уѣздѣ артели и увозятъ ихъ на сплавы.

пилъ), 3) „князевъ“ (выпивка при наведеніи крыши). Печнику полагается особое угощеніе—„дымовъ“. Если внутреннюю отдѣлку производитъ тотъ-же самый подрядчикъ, который возводитъ срубъ, то въ рядѣ уставляются относительно особой выпивки для рабочихъ, именуемой „отработно“.

Всѣ вышеперечисленныя попойки не есть простое угощеніе, соотвѣтствующее дачѣ „на чай“; онѣ имѣютъ юридическое значеніе, такъ какъ относительно ихъ въ рядѣ существуетъ особое условіе, на чей счетъ онѣ должны быть отнесены, на счетъ ли подрядчика или домохозяина.

Старики, наблюдая вырожденіе прежнихъ обычаевъ, съ сожалѣніемъ отмѣчаютъ, что изъ всего наслѣдія прошлаго наиболѣе незаблемо сохраняются до сего времени именно эти вредныя обычая. Они до того вошли въ плоть и кровь онежанъ, что ни одинъ хозяинъ, строящій домъ самостоятельно, безъ подрядчика, никогда не рискнетъ отказать въ этихъ выпивкахъ своимъ рабочимъ ¹⁾.

---

¹⁾ Эти выпивки, обычныя при постройкѣ дома, очевидно, практикуются во всей Архангельской губ., какъ это видно изъ слѣдующей замѣтки, напечатанной въ газетѣ „Сѣверное Утро“, въ апрѣлѣ 1913 года:

Обиженные рабочіе.

Работая въ газетѣ, иногда приходится наталкиваться на смѣшныя исторіи. Одну изъ такихъ исторій я рѣшилъ вамъ описать.

4 апрѣля, по дорогѣ изъ редакціи „Сѣв. Утра“, меня встрѣтила партія рабочихъ. Молодой рабочій, знакомый мнѣ, выдѣлился изъ партіи и подойдя ко мнѣ обратился: !

— Намъ васъ то, господинъ, и надо... Пропечатайте, пожалуйста... Видите-ли, насъ работаетъ артель въ 30 человѣкъ. Строимъ вотъ тутъ по Петербургскому пр., домъ г. М—ву. Постройку оканчиваемъ и дошли уже „до балочныхъ“. Вы, конечно, знаете, что съ закладкой балокъ, т. е. строилъ, испоконъ вѣковъ, по установившемуся въ Архангельскѣ обычаю, отъ хозяина дома полагается угощеніе. М—въ обѣщалъ намъ „выставить“ угощеніе, но дальше обѣщаннаго дѣло не идетъ... Три раза ходили и просили, а онъ только завтраками кормитъ. А вѣдь скоро домъ закончимъ и тогда нужно „съ окончаніемъ“...

Я полюбопытствовалъ:

— А сколько вы считаете „балочныхъ“.

— Сушіе пустяки:—только $\frac{1}{2}$ ведра водки на всю артель!—Ну, а ежели онъ намъ не „выставить“, мы по двугривенному-то видали: сдѣлаемъ складчину и выпьемъ за его здоровье... Конечно, понимаете, что не въ такой пустяковой водкѣ дѣло, а не хотимъ портить обычая нашихъ дѣдовъ. Такъ ужъ, пожалуйста, еще разъ просимъ васъ, господинъ, пропечатайте!..

И рабочій крѣпко пожалъ мнѣ руку.

V.

Артельное начало въ быту онежанъ.

Великая идея солидарности испоконъ вѣка была присуща сознанию всего русскаго народа. Но особенно величественное выраженіе получила она на сѣверѣ, гдѣ воспитанный въ древней волѣ народъ долгое время пользовался довольно широкимъ самоуправленіемъ. Заброшенные въ лѣсныя дебри, вдали отъ центральной правительственной власти, потомки древнихъ новгородцевъ по необходимости должны были крѣпко держаться другъ друга, чтобы не распылиться среди финскихъ племенъ и чтобы съ успѣхомъ отражать нападенія сѣверныхъ нѣмцевъ. Общинная форма землевладѣнія также содѣйствовала выдренію въ сознание сѣверянъ духа товарищества, артельного, компанейскаго начала.

Посмотримъ, въ какихъ формахъ сохранилось это наслѣдіе сѣдой старины до нашего времени. Въѣшнимъ выраженіемъ товарищескаго духа онежанъ служить, прежде всего, взаимное привѣтствіе при встрѣчѣ. Трудящійся въ полѣ всегда услышитъ отъ прохожихъ „Богъ на помощь“, приходящій въ избу, кто бы онъ ни былъ, услышитъ приглашеніе „Приходи да садись“! Бурлакъ, возвратясь на родину, долженъ надѣлать гостинцами всѣхъ ребятишекъ, приходящихъ поздравить его съ прибытіемъ. Но наиболѣе рельефно товарищеское начало проявляется въ такъ называемыхъ „выжанкахъ“, во взаимопомощи при окончаніи жатвы. Единственнымъ вознагражденіемъ лицъ, явившихся на „выжанку“, служить угощеніе. Приглашеніе на „выжанку“ чаще всего носитъ характеръ объявленія о ней, т. е. заранее оповѣщается, что у такого-то тогда-то будетъ „выжанка“. Всякій желающій, не ожидая личнаго приглашенія, можетъ пожаловать на работу и принять участіе въ пиршествѣ. Женщины охотно идутъ на „выжанку“, имѣя въ виду: 1) нѣсколько повеселиться въ разгаръ полевыхъ работъ, 2) обезпечить себѣ подобную же помощь со стороны хозяевъ. Чаще всего на „выжанку“ являются съ полудня, а иные даже съ „пѣужны“¹⁾. Работаютъ съ пѣснями и шутками, одинъ другого подбодряя. Успѣхъ работы при этомъ бываетъ настолько великъ, что иные оставляютъ къ „выжанкѣ“ добрую половину всей своей жатвы.

Само собой разумѣется, что лицо, воспользовавшееся помощью сосѣдей, никогда не рискнетъ отказать имъ въ подобной же помощи.

¹⁾ Пѣужна—одна изъ четырехъ „вытей“ въ теченіе сутокъ. Первая „выть“—„завтрокъ“—въ 7—8 ч. утра; вторая—обѣдъ, въ 12 ч.; третья—„пѣужна“, въ 4 ч. дня и четвертая—„ужина“, передъ сномъ.

Въ противномъ случаѣ его ждетъ достойное возмездіе въ будущемъ году. Даже богачи, у которыхъ хватило бы средствъ обойтись одною наемной силой, никогда не отступаютъ отъ этого обычая.

Тотъ же духъ товарищества проявляется въ устройствѣ общественныхъ увеселеній и пиршествъ. Про вечеринки будетъ сказано при разборѣ имущественнаго найма, теперь же скажемъ нѣсколько словъ о „братчинѣ“, древнемъ новгородскомъ обычаѣ, сохранившемся кое-гдѣ на сѣверѣ даже до нашихъ дней. Въ Онежскомъ уѣздѣ „братчины“ долѣе всего продержались въ дикой Шелекѣ, и поэтому только тамъ намъ удалось получить кой-какія свѣдѣнія о нихъ. Сущность „братчины“ состояла въ слѣдующемъ. Наканунѣ Троицы, возлѣ часовни въ честь св. Антонія Сійскаго, шелековяне варили пиво; продукты, необходимые для сего, солодъ и хмель, собиралъ особый староста. Женщины приносили сюда съѣстные припасы—„рыбники“, „шаньги“ и прочія произведенія деревенской кухни. Богомольцы являлись на шелековское торжество изъ-за 50—100 и болѣе верстъ, и всякій, безъ особаго приглашенія, имѣлъ право принять участіе въ общественномъ угощеніи въ день праздника. Въ настоящее время подобныя угощенія вышли изъ употребленія, но и до сего дня пришедшихъ богомольцевъ мѣстные жители дѣлятъ между собою и уводятъ въ свои избы, гдѣ ихъ угощаютъ наравнѣ съ самыми близкими гостями. Въ иныхъ хлѣбосольныхъ домахъ принимаютъ по 15—20 богомольцевъ.

Такъ какъ хожденіе на храмовые праздники изъ одного прихода въ другой, иногда весьма отдаленный, сохранилось и до сего времени, то можно думать, что „братчины“ нѣкогда были широко распространены во всемъ Онежскомъ уѣздѣ. Нечего и говорить про то великое значеніе, которое имѣли „братчины“ въ прежнее время: онѣ содѣйствовали взаимному ознакомленію обитателей лѣсныхъ дебрей; обмѣнъ мнѣній и обмѣнъ цѣнностей, несомнѣнно, являлся неизбѣжнымъ спутникомъ ихъ; завязывались узы дружбы, возникала взаимная гостьба и, какъ слѣдствіе всего этого,—заключеніе браковъ между обывателями и обывательницами самыхъ дальнихъ мѣстностей. Однимъ словомъ, жители почти всего уѣзда приходили въ благодѣтельное соприкосновеніе другъ съ другомъ, передавая и заимствуя другъ отъ друга плоды духовной и матеріальной культуры.

Естественно, что въ средѣ такого народа, пропитаннаго духомъ товарищества, слѣдовало бы искать самаго широкаго развитія артелей, какъ коопераций труда. Къ сожалѣнію, мы затрудняемся сказать что-либо опредѣленное относительно прежняго времени, за отсутствіемъ письменныхъ и даже устныхъ памятниковъ. Въ болѣе позднѣйшую эпоху, именно съ 50—60-хъ гг. прошлаго столѣтія, здѣсь развились бурлацкія артели, имѣющія весьма мало общаго съ тою формою товарищества, которая называется въ теоріи гражданскаго

права артелью. Мѣстныя бурлацкія артели, въ сущности, совершенно случайное единеніе рабочихъ, нанятыхъ однимъ и тѣмъ же подрядчикомъ („десятникомъ“) для работъ по сплавамъ бревенъ. Составляются эти артели путемъ договора „десятника“ съ рабочими, съ каждымъ въ отдѣльности, и никакого предварительнаго соглашенія рабочихъ между собою не заключается. Поэтому, подобная форма совмѣстнаго труда только по имени напоминаетъ ту артель, которую опредѣляетъ Пахманъ, какъ „юридическій союзъ, въ которомъ нѣсколько лицъ соединяють свои личныя, а иногда и имущественныя средства съ цѣлью извлеченія изъ даннаго предпріятія общей прибыли“¹⁾.

Но и бурлацкія артели теперь вырождаются. Въ наше время въ Онежскомъ уѣздѣ существуютъ, или, вѣрнѣе, оперируютъ по временамъ слѣдующія артели: 1) рыболовныя, 2) звѣроловныя, 3) почтово-станціонныя (для содержанія почтовыхъ лошадей), 4) землекопательныя, 5) нищенскія, 6) по вырубкѣ и вывозкѣ лѣса.

Для образованія артели необходимо предварительное соглашеніе, но самая форма его можетъ быть весьма примитивнаго свойства.

Такъ артели суземлянъ-землекоповъ²⁾, образующіяся въ сосѣднемъ Пудожскомъ у. Олонецкой губ., но оперирующія въ Онежскомъ, получаютъ свое бытіе такимъ образомъ. Собирается компанія мужиковъ на бесѣду. Среди разговоровъ кто-нибудь воскликнетъ:

— А что, ребята, не пойдти ли на Онегу копать „навины“³⁾?

— Пожалуй, пойдете! отвѣчаютъ согласившіеся.

Вотъ и весь договоръ!

Позднѣйшее вступленіе въ члены артели происходитъ такимъ же манеромъ.

— Куда, ребята, пошли? спрашиваетъ землекоповъ кто-либо изъ встрѣчныхъ.

— На Онегу „навины“ копать.

— Ну, и я иду съ вами.

— А съ Богомъ!

И новый членъ вступаетъ въ товарищество.

Иногда самый родъ предпріятія обусловливаетъ артельный характеръ сообщества предпринимателей. Такъ, всякое участіе лица въ ловлѣ хищныхъ звѣрей Волостные Суды разсматриваютъ, какъ участіе въ артельномъ предпріятіи. Это видно изъ слѣдующаго дѣла. Кр-нѣ Д. Бахматовъ и М. Дѣяновъ заявили волостному суду, что они, въ товариществѣ съ кр. Н. Шайтановымъ, нашли берлогу съ

¹⁾ С. В. Пахманъ, Обычное Гражд. Право въ Россіи, т. I, стр. 250.

²⁾ Суземокъ—дикій лѣсъ, глухое мѣсто; суземленія или суземлякъ—человѣкъ изъ-за лѣса; въ частности такъ зовутъ обитателей Пудожскаго уѣзда, которые живутъ въ лѣсахъ.

³⁾ Навина—новъ; только что распаханное поле.

двумя медвѣдями, которыхъ убили всѣ трое. Освѣживъ медвѣдей, они шкуры оставили на квартирѣ Шайтанова, которыя тотъ продалъ за 18 руб. безъ вѣдома товарищей и далъ имъ лишь по 3 руб. Шайтановъ на судѣ показалъ, что берлогу выслѣдилъ онъ и что они двое шли къ нему за поденную плату. Судъ, приходя къ убѣжденію, что на охоту за медвѣдями идти никто не согласится за поденщину, постановилъ взыскать съ Шайтанова то, что имъ слѣдовало дополучить до равной части, т. е. еще по 3 рубля ¹⁾.

Изъ дрѣхихъ рѣшеній Вол. Судовъ можно убѣдиться, что даже лица, фактически не принимавшія участія въ убійствѣ звѣрей, считаются пайщиками наравнѣ съ прочими охотниками ²⁾.

Въ болѣе совершенной формѣ происходитъ заключеніе договора объ образованіи рыболовныхъ артелей, такъ какъ для даннаго предпріятія необходимъ нѣкоторый первоначальный капиталъ на пріобрѣтеніе рыболовныхъ принадлежностей. Помимо предварительнаго соглашенія, здѣсь иногда происходитъ складчина, деньгами или натурою (сѣтями), иногда же владѣлецъ рыболовныхъ принадлежностей приглашаетъ къ себѣ компаніоновъ для совмѣстнаго промысла, улавливаясь съ ними относительно дѣлежа прибыли ³⁾.

Нищенскія артели формируются не въ Онежскомъ, а въ сосѣднемъ Каргопольскомъ уѣздѣ Олонецкой губ. Цѣлыя волости промышленяютъ этимъ постыднымъ занятіемъ; зажиточные и бѣдные, убогіе и работоспособные, всѣ безъ исключенія, не считаютъ позорнымъ отправляться въ сосѣдніе уѣзды и выпрашивать Христа ради хлѣбъ, рыбу, чай, сахаръ и т. п.

— Кто кривой или убогой, за тѣмъ не пропадешь! говорятъ, напр., въ с. Коневѣ, Каргопольскаго уѣзда.—И, конечно, убожество даетъ особенно обильный источникъ дохода. Иные умышленно себя увѣчатъ, другіе обжигаютъ свои оглобли или сани и просятъ на погорѣлое, третьи поютъ Лазаря.

Вотъ стереотипная фраза, которую произносятъ эти нищіе при входѣ въ дома:

— Нѣтъ ли у васъ, добрые люди, шорсточки съ горсточку, чайку на напоечку, мучки да рыбки на рыбинчекъ, бѣдному человѣку для пропитомства.

Цинизмъ этихъ нищихъ доходитъ до того, что они иногда даже не скрываютъ своего истиннаго матеріальнаго положенія. Одинъ старый онежанинъ, въ домѣ котораго останавливаются эти нищенскія

---

¹⁾ Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 11 января 1899 г.

²⁾ Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 16 ноября 1880 г.

³⁾ Здѣсь мы не будемъ касаться юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ участія въ такихъ рыболовныхъ предпріятіяхъ, которыя принадлежатъ сельскимъ обществамъ, какъ напр. Порожскій семуужій промыселъ. Этотъ вопросъ будетъ разобранъ въ отдѣлѣ о собственности.

артели, передавалъ мнѣ, какъ одна баба, стоявшая во главѣ артели, рассказывала ему, что ей нужно съѣздить еще одинъ разъ „на на- живу“, и тогда она окончитъ постройку своего новаго дома.

Когда я спрашивалъ мѣстныхъ крестьянъ, зачѣмъ же они по- даютъ каргополамъ, разъ имъ извѣстно, что они симулируютъ свою бѣдность, то мнѣ отвѣчали:

— Какъ же можно не подать ради Христова имени?

И что гнуснѣе всего,—эти симулянты-нищіе, набравъ разныхъ припасовъ на Онегѣ, проникаютъ въ Поморье, выпрашиваютъ тамъ цѣлые возы рыбы и на обратномъ пути въ томъ же Онежскомъ уѣздѣ являются уже въ образѣ торговцевъ рыбою.

Такъ какъ намъ не удалось побывать на мѣстѣ возникновенія нищенскихъ артелей, то объ организаціи ихъ мы не можемъ сказать чего-либо опредѣленнаго. Составъ ихъ рѣдко превышаетъ 4 человѣка; чаще же всего попрошайничаетъ одна семья. Бываютъ случаи, когда соединяются двѣ семьи, причемъ одна поставляетъ сани, другая лошадь ¹⁾.

Вообще же, всѣ онежскія артели отличаются малолюдіемъ; звѣ- роловныя и рыболовныя рѣдко когда превосходятъ 4 человѣка; только артели суземлянъ-землекоповъ и рубщиковъ лѣса достигаютъ до 10 человѣкъ.

Личный составъ артелей, по большей части, однороденъ, т. е. нѣтъ такихъ лицъ, которые пользовались бы какими-нибудь особыми правами. Вступающій въ артель новый членъ становится совершенно равноправнымъ съ остальными.

Артельное имущество, если таковое есть, составляется путемъ складчины. Въ рыболовныхъ артеляхъ, какъ уже упоминалось, невода заводятъ или покупкою, или совмѣстнымъ плетеніемъ. Починка не- вода производится поочередно; одну недѣлю половина всѣхъ членовъ артели слѣдитъ за исправностью бережного, другую недѣлю—за ис- правностью рѣчного крыла.

Особыхъ лицъ для управленія дѣлами, въ виду малочисленности артелей, не существуетъ. Только полученіе доходныхъ денегъ и дѣ- лежъ ихъ поручается иногда наиболѣе старѣйшему или наиболѣе почтенному члену артели. Такихъ лицъ называютъ старостами, но въ юридическомъ ихъ положеніи нѣтъ никакой разницы отъ прочихъ членовъ.

Трудъ въ здѣшнихъ артеляхъ, по большей части, одинаковъ для всѣхъ участниковъ. Напр., при рыбной ловлѣ общимъ неводомъ всѣ одновременно принимаютъ участіе въ дѣлѣ. Въ однѣхъ лишь арте- ляхъ суземлянъ-землекоповъ наблюдается нѣкоторое раздѣленіе труда.

---

¹⁾ Въ виду преслѣдованія полиціей, въ настоящее время число нищенствующихъ каргополовъ въ Онеж. уѣздѣ сократилось до minimum'a.

Въ то время, какъ большая часть артели занята вскапываніемъ „на-винъ“, одинъ или два члена ея, по выбору остальныхъ, отправляются въ окрестныя деревни за сборомъ подаянія. Собранный Христа ради хлѣбъ идетъ на довольствіе артели.

Продукты труда, въ натуральномъ или денежномъ видѣ, дѣлятся въ большинствѣ случаевъ поровну между всеми участниками. Въ отношеніи звѣроловныхъ артелей это основное правило принято Волостными Судами; наличіе собакъ у того или другого охотника вносить въ него нѣкоторые видоизмѣненія. Приходилось читать такія рѣшенія Вол. Судовъ, гдѣ участіе собакъ въ охотѣ игнорируется, и владѣлецъ ихъ не получаетъ никакой особой доли барыша. Но приходилось встрѣчать рѣшенія иного свойства, причемъ нѣтъ устойчивости въ опредѣленіи лишней доли барыша въ пользу владѣльцевъ собакъ. Для примѣра приведемъ два рѣшенія Кокоринскаго Вол. Суда. Кр-нъ Кузнецовъ заявилъ, что его сынъ Степанъ совместно съ кр-омъ Збрун-нымъ убили въ лѣсу куніцу, подлаянную собакою Збрунна, и продали ее за 5 руб. 30 коп. Збрунъ далъ Кузнецову всего лишь 30 коп., тогда какъ ему слѣдовало $\frac{1}{3}$ часть добычи. Судъ призналъ право истца и присудилъ съ отвѣтчика то, что слѣдовало въ пользу его компаніона ¹⁾. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ на долю владѣльца собаки пришелся лишній пай.

Другое дѣло. Кр-нъ Семень Липнинъ заявилъ суду, что по осени сего (1880) года онъ вмѣстѣ съ кр-нами Сем. Рябовымъ и Мих. Липнинымъ убили медвѣдя, съ бывшими при томъ собаками, помогавшими дѣлу; шкуру съ него продали за 20 руб. 20 коп.; изъ числа этихъ денегъ Семень Рябовъ далъ Семену Липнину только 1 р. 60 к., а остальные, слѣдующія на его часть, присвоилъ на пай своего отца, бывшего только зрителемъ охоты. Судъ, производя разборъ дѣла, призналъ всехъ участниками охоты, не исключая и того, который былъ только зрителемъ, причемъ на долю владѣльцевъ собакъ, Сем. Липнина и Мих. Липнина, положилъ по лишнему полупаю. Такимъ образомъ образовалось пять паевъ, каждый по 4 руб. 4 коп., владѣльцы же собакъ получили по $4 \text{ р. } 4 \text{ к.} \times \frac{1}{2} = 6 \text{ р. } 6 \text{ к.}$ ²⁾.

Дѣленіе добытыхъ продуктовъ труда претерпѣваетъ существенное видоизмѣненіе также въ тѣхъ случаяхъ, когда орудія производства принадлежатъ кому-либо одному изъ членовъ артели. Таково, напр., положеніе вещей въ рыболовныхъ артеляхъ, гдѣ неводъ можетъ составлять собственность одного изъ рыболововъ. Такіе собственники, разумѣется, получаютъ болѣе прочихъ участниковъ. То же въ нищенскихъ артеляхъ: владѣльцы саней и лошадей получаютъ больше, чѣмъ прочія лица, приглашенныя въ компанію.

¹⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 30 декабря 1901 г.

²⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 16 ноября 1880 г.

Способы дѣлежа добытыхъ продуктовъ въ натуральномъ видѣ самые примитивные. Рыбу, напр., дѣлятъ иногда прямо „на глазъ“; большія рыбыны или продаютъ, или, если участниковъ только двое, разрѣзаютъ пополамъ. Въ нищенскихъ артеляхъ собранный чай иногда дѣлятъ чашками.

Скажемъ нѣсколько словъ объ отвѣтственности артелей. Слѣдуетъ различать отвѣтственность: 1) передъ контрагентомъ артели, 2) передъ посторонними лицами, въ случаѣ правонарушенія, 3) передъ членами артели, собственниками орудій производства.

Имѣющіяся у насъ свѣдѣнія объ отвѣтственности перваго рода касаются лишь такихъ артелей, которыя заключали условія съ работодателемъ на основаніи закона: поэтому исполненіе артелью взятаго подряда обусловливалось круговой порукой, чуждой мѣстному быту. При отказѣ кого-либо изъ членовъ отъ исполненія полагавшейся на его долю работы, таковую исполняли прочіе сотоварищи, причемъ, конечно, они имѣли право регресса въ отношеніи своего неисправнаго компаніона. Это видно изъ слѣдующаго дѣла. Крестьяне Мих. Дим. и Мих. Пет. Шайтановы обратились къ Волостному Суду съ письменнымъ прошеніемъ, въ которомъ говорили, что они вмѣстѣ съ кр. Уткинымъ взяли по контракту и съ общею порукою другъ за друга доставить дрова къ усольскимъ солянымъ варницамъ. Уткинъ обязался вывезти туда 5 саж., чего не исполнилъ, а подъ ихъ поруку получилъ задатку 3 р. Они за Уткина вывезли дрова, почему и просятъ вернуть задатокъ 3 руб. и за неустойку въ подрядѣ 3 рубля. Сдѣлка окончилась миролюбиво: Уткинъ заплатилъ своимъ сотоварищамъ 1 руб. 60 коп. ¹⁾.

Въ этомъ дѣлѣ наиболѣе интересно требованіе неустойки съ сотоварища. Безъ сомнѣнія, въ предварительномъ договорѣ объ образованіи этой артели не говорилось ни о какомъ взысканіи съ того изъ сотоварищей, который будетъ неисправенъ въ работѣ; но такъ какъ въ самомъ контрактѣ, заключенномъ артелью съ казеннымъ управленіемъ, упоминалось о неустойкѣ,—на случай неисполненія договора всею артелью,—то сотоварищи хотѣли воспользоваться этимъ условіемъ договора подряда для наказанія своего неисправнаго компаніона. Будь упомянуто о неустойкѣ въ ихъ предварительномъ договорѣ о составленіи артели, миролюбивая сдѣлка на такихъ условіяхъ, какъ уплата 1 р. 60 коп. вмѣсто 6 руб., едва ли бы могла состояться.

Если артелью совершено правонарушеніе въ отношеніи постороннихъ лицъ, и если они привлекаютъ къ отвѣтственности лишь нѣкоторыхъ членовъ ея, то суды, руководясь здравымъ смысломъ, признаютъ отвѣтственными и прочихъ членовъ артели. Таково, напр., слѣдующее дѣло. Купецъ Язиковъ, скупщикъ порожекской семги, жа-

¹⁾ Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 23 авг. 1881 г.

лается Кокоринскому Волостному Суду, что крестьяне-поѣзники ¹⁾ (слѣдуетъ перечисленіе) нарушаютъ контрактъ, продавая рыбу другому купцу, между тѣмъ какъ по контракту, заключенному имъ, Язиковымъ, съ волостью, они обязаны продавать семгу только ему. Судъ рѣшилъ, что, такъ какъ рыбу „поѣздомъ“ можно ловить только вдвоемъ, и у каждого изъ отвѣтчиковъ есть товарищъ, слѣд. не одни они должны нести отвѣтственность, и посему постановилъ вызвать въ судъ всѣхъ прочихъ членовъ этихъ рыболовныхъ артелей. Дальнѣйшая судьба дѣла неизвѣстна ²⁾).

Наконецъ, возможенъ и такой случай, когда артель несетъ отвѣтственность передъ однимъ изъ членовъ ея, которому принадлежатъ орудія производства. Таково, напр., слѣдующее дѣло. Кр-не Поповъ, Дьячковъ, Привалихинъ и кр-ка Харина ловили кореховъ, причемъ лопнула бичевка, и лодка погибла. Она принадлежала Попову, который и обратился въ судъ, требуя съ каждого изъ сотоварищей по $\frac{1}{4}$ стоимости лодки. Судъ удовлетворилъ требованіе истца, обязавъ отвѣтчиковъ уплатить ему по 2 руб. 50 коп. (10 руб. : 4) ³⁾.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть еще объ измѣненіи состава артелей и о способахъ прекращенія ихъ.

Въ виду малочисленности здѣшнихъ артелей и кратковременнаго ихъ дѣйствія измѣненіе состава происходитъ въ нихъ рѣдко. Чаще всего это наблюдается въ артеляхъ суземлянъ-землекоповъ. Если подобная артель уже нанялась и совершила часть работы, то для вступленія въ нее новаго члена требуется общее согласіе. Когда такое послѣдуетъ, то измѣряютъ площадь вскопанной земли и вычисляютъ для памяти ту сумму, которая полагается за расчистку, произведенную прежнимъ составомъ артели ⁴⁾, а новый членъ допускается къ работѣ.

Прекращеніе артелей происходитъ, прежде всего, вслѣдствіе достиженія цѣли. Напр., нищенская артель, проѣздивъ зиму по Онежскому уѣзду и набравъ подаянія столько, сколько влѣзетъ въ сани, возвращается домой, гдѣ и дѣлятъ свой доходъ. Суземляне-землекопы, окончивъ подрядъ, получаютъ расчетъ и идутъ въ другія деревни на заработки или отправляются на родину. Звѣроловыя артели прекращаютъ свое существованіе по сбытѣ добычи.

Другой способъ прекращенія артелей—гибель имущества. Напр., мережу можетъ унести водою, неводъ можетъ затонуть. Но само собой разумѣется, что въ этихъ случаяхъ отъ участниковъ за-

¹⁾ Поѣздъ—особая сѣть для ловли семги. Подробное описаніе— см. Словарь Област. Арх. нарѣчія, Алекс. Подвысоцкій, стр. 136.

²⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 29 сент. 1902 г.

³⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 9 мая 1900 г.

⁴⁾ Плата суземлянамъ за расчистку колеблется отъ 2 коп. до 5 коп. за 1 кв. саж.

висить, не теряя прежней связи другъ съ другомъ, приобрести новое имущество и продолжать артельное предприятие.

Таковъ юридическій строй мѣстныхъ артелей. Въ немногихъ словахъ изложили мы тотъ скудный матеріалъ, который удалось собрать въ Онежскомъ уѣздѣ. Какъ видимъ, артели, оперирующія въ данной мѣстности, не многочисленны, и экономическое значеніе ихъ весьма невелико. Паденіе артелей можно объяснить развитіемъ бурлачества въ одиночку, „одинкомъ“. Уходя на долгіе годы въ самыя различныя мѣста Россіи, онежане постепенно порываютъ связи другъ съ другомъ, значеніе компанейскаго начала само собою улетучивается изъ ихъ сознанія. Каждый привыкаетъ надѣяться исключительно на свои личныя силы, и зачастую жестоко ошибается въ этомъ. За послѣднее время артельное начало снова возрождается въ Онежскомъ уѣздѣ, но уже въ другой формѣ, именно въ формѣ потребительныхъ обществъ.

VI.

Купля-продажа.

Относительно договора купли-продажи въ мѣстномъ быту существуетъ слѣдующая поговорка: „Животъ на животъ, денежки положи“. Она указываетъ, что пародному сознанію присуще понятіе о куплѣ-продажѣ, какъ о такомъ обязательствѣ, въ силу котораго одно лицо обязуется передать другому какое-либо имущество въ собственность, за соотвѣтствующій денежный эквивалентъ. Но понимая самую сущность этого обязательства, мѣстные крестьяне не выработали для него опредѣленнаго, отличительнаго термина. Случается, что въ мѣстномъ быту куплей-продажей именуется тотъ видъ обязательствъ, который въ теоріи обозначается другимъ названіемъ. Напр., кое-гдѣ попадаетъ выраженіе „купилъ (или продалъ) пожню на одинъ годъ“¹⁾; это означаетъ или заблаговременную покупку (или продажу) травы, которая должна вырасти въ такомъ-то году на данной пожнѣ, или, что будетъ точнѣе, наемъ пожни на одинъ годъ.

Далѣе, въ правленскихъ книгахъ купля-продажа иногда именуется запродажей; напр., попадаютъ такія выраженія: „запродано сѣно и взять задатокъ, а сѣно продано другому“²⁾. Конечно, здѣсь вовсе не разумѣется тотъ предварительный договоръ запродажи, который въ торговомъ быту нерѣдко предшествуетъ собственно куплѣ-продажѣ. Но съ другой стороны, смѣшеніе терминовъ „запродажа“ и „продажа“ вовсе не доказываетъ того, что оба эти наименованія употребляются одно вмѣсто другого безъ всякаго разбору. Какъ намъ удалось выяс-

¹⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 3 декабря 1895 г.

²⁾ Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 3 янв. 1907 г.

нить, подъ запродажей здѣсь понимается договоръ купли-продажи въ той его стадіи, когда еще не совершилась передача проданной вещи. Ниже увидимъ, какое значеніе имѣетъ въ мѣстномъ быту фактическая передача, и тогда будетъ ясно, почему существуетъ два названія для одного и того же договора.

Для того, чтобы лицо могло выступать въ качествѣ продавца, требуется владѣніе имуществомъ, составляющимъ объектъ сдѣлки, на правѣ собственности и возможность распоряжаться имъ безъ ограниченія. Не признаются дѣйствительными тѣ сдѣлки о куплѣ-продажѣ, которыя заключены кредиторомъ относительно заложенныхъ ему, но не выкупленныхъ къ сроку, вещей. По мѣстнымъ обычаямъ, прежде таковой продажи кредиторъ долженъ обратиться въ судъ за признаніемъ за нимъ права на продажу заложеннаго; въ противномъ случаѣ сдѣлка теряетъ свою силу, и, кромѣ того, кредиторъ подвергается уголовной отвѣтственности ¹⁾.

Точно также признаются недѣйствительными сдѣлки относительно вещей, взятыхъ мастеромъ въ обдѣлку и не выкупленныхъ собственникомъ ихъ. Такъ, кр-ка Рѣшнікова сдала кр-ну Порошину въ обдѣлку кожу. Полтора года она не требовала своего товара, и мастеръ кожу продалъ. Судъ обязать Порошина возвратить истинцѣ стоимость кожи, а за растрату чужой собственности постановилъ арестовать отвѣтчика ²⁾.

Лицо, объявленное „роспутчимъ“ (расточителемъ), не признается правомочнымъ продавцомъ имущества, отъ котораго онъ считается отрѣшеннымъ ³⁾.

Говоря объ объектѣ купли-продажи, слѣдуетъ упомянуть: 1) о вещахъ, изъятыхъ изъ гражданскаго оборота, 2) о принадлежностяхъ продаваемыхъ вещей, 3) о тѣхъ мѣрахъ, которыя употребляются для опредѣленія количества замѣнимыхъ вещей.

По суевѣрнымъ соображеніямъ, не могутъ быть предметомъ купли-продажи всѣ атрибуты пастушьяго званія, какъ-то, труба, „пестерь“ и т. п. ⁴⁾. Далѣе, не продаются коровы въ то время, когда скотъ ходитъ въ лѣсу. По мѣрѣ разсѣиванія народной темноты, эти обычай выходятъ изъ употребленія, но въ глухихъ мѣстахъ, главнымъ обра-

---

1) Рѣшеніе Кокор. Вол. Суда 3 дек. 1895 г.

2) Рѣшеніе Писад. Вол. Суда 24 мар. 1891 г.

3) Рѣшеніе Кокор. Вол. Суда 16 дек. 1901 г.

4) Въ бытность нашу въ с. Шелекѣ лѣтомъ 1912 г. мы сдѣлали попытку купить у овечьяго пастуха берестянный рожокъ, довольно оригинальной конструкции. Отецъ пастуха, человѣкъ бывалый, ничего не имѣлъ противъ, но самъ юный пастухъ, выросшій въ атмосферѣ деревенскихъ суевѣрій, категорически отказался отъ сдѣлки, хотя мы давали приличное вознагражденіе. А, чтобы отецъ какъ-нибудь не продалъ рожокъ тайкомъ, онъ на слѣдующій же день послѣ переговоровъ сжегъ его въ полѣ.

зомъ, среди женщинъ они поддерживаются до сихъ поръ. Во всякомъ случаѣ, если договоръ купли-продажи скота и заключаютъ въ то время, когда скотъ ходитъ въ лѣсу, то передача все-таки состоится по минованіи этого періода пастбы¹⁾.

Представленіе о такихъ второстепенныхъ вещахъ, которыя должны слѣдовать судьбѣ главныхъ, т. е. о принадлежностяхъ, также не чуждо мѣстнымъ крестьянамъ. Такъ, принадлежностями дома считаются: 1) икона, 2) рамы, 3) столъ, 4) печка съ выюшками и заслонкой,—„однимъ словомъ все, что требуется при жиломъ строеніи“, какъ говорится въ одномъ договорѣ о продажѣ дома. При продажѣ коровы необходимо дать крынку, при продажѣ лошади—уздѣ.

Для измѣренія замѣнимыхъ вещей употребляются слѣдующія мѣстныя единицы. Сыпучія тѣла измѣряются „малѣнками“ или „осьминами“, равными четверику; двѣ „малѣнки“ составляютъ „пузину“, двѣ „пузины“—„мѣшокъ“. Соотвѣтственно этому, площадь пахатной земли измѣряется количествомъ засѣваемого хлѣба. Напр., говорятъ, „полоса на мѣшокъ“, „полоса на пузину“; это значитъ, такая полоса, для засѣва которой необходимъ „мѣшокъ“ или „пузина“ сѣмянъ.

Сѣно продается „закוליнами“ (см. стр. 232); отруби („париво“)—„облукѣми“, т. е. такимъ количествомъ, которое вмѣщается въ сани. При покупкѣ дровъ примѣняютъ „печатную“ сажень, т. е. обыкновенную квадратную сажень, которой измѣряютъ переднюю площадь „костра“ (полѣнницы); кубическія сажени здѣсь не въ ходу. Вѣрвѣки измѣряютъ „маховыми“ саженьями, т. е. размахомъ рукъ.

Договоръ купли-продажи заключается всегда въ устной формѣ относительно движимости и въ письменной формѣ относительно недвижимости (дома, мельницы). До послѣдняго времени договоры о куплѣ-продажѣ строеній заносились въ правленскую книгу сдѣлокъ и договоровъ; нынѣ же правительство требуетъ, въ интересахъ фиска, заключенія подобныхъ договоровъ у нотаріусовъ.

¹⁾ Намъ лично пришлось присутствовать при заключеніи договора о куплѣ-продажѣ коровы на этихъ условіяхъ, причемъ, какъ продавцомъ, такъ и покупателемъ являлись женщины. По выясненіи всѣхъ условій договора, хозяйка, продащица, заявила:

— Что, пожалуй, можно помолиться Богу?

— Во святой часъ! отвѣчала покупательница.

— Носи, Господи, коровушку здорово лѣто! проговорили обѣ разомъ.

Затѣпивъ лампаду передъ иконами, женщины начали отвѣшивать поклоны съ колѣнопреклоненіемъ. Послѣ этого совершили установленнымъ порядкомъ рукобитіе съ восклицаніями:

— Дай, Господи!

— Пособи Господи!

Покупательница дала 5 руб. въ задатокъ, обѣщая добавить остальное послѣ лѣта, когда состоится передача коровы.

— Какъ же вы будете считаться, если корова погибнетъ въ лѣсу до осени? спросилъ я.

— А на Бога надѣйся, Богъ насъ росчитаетъ! отвѣчали женщины.

Моментъ заключенія договора—богомолье и рукобитье, но переходъ права собственности на вещь считается лишь со времени передачи ея изъ рукъ продавца въ руки покупателя. До тѣхъ поръ, пока купленная вещь находится у продавца, она не считается принадлежащей покупателю, но разъ этотъ послѣдній получилъ купленную вещь, сдѣлка не подлежитъ расторженію. Это положеніе подтверждается многочисленными судебными рѣшеніями по поводу тѣхъ сдѣлокъ, которыя покупатели хотять опорожить въ виду показавшагося имъ обмана со стороны продавца. Коль скоро судъ признаетъ, что обмана не было, и вещь передана, сдѣлка оставляется въ силѣ; если обмана нѣтъ, но вещь не передана, то покупатель, не желающій брать купленного, лишается задатка; продавецъ же, не желающій передавать проданную вещь, обязывается выдать задатокъ, если таковой былъ имъ полученъ. Примѣръ: кр-нъ Каменевъ купилъ у кр-на Епифанова часы, причемъ будто бы тотъ выдавалъ ихъ за неспорченные и съ вѣрностью хода, но на самомъ дѣлѣ они оказались сломанными. Свидѣтели подтвердили, что часы куплены по согласію, что обмана тутъ не было никакого, поэтому судъ не нашелъ возможнымъ расторгнуть сдѣлку, какъ того требовалъ истецъ ¹⁾.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда покупатель недоволенъ купленнымъ, стороны чаще всего рѣшаютъ дѣло миролюбиво, до суда или во время судебного разбирательства. По этимъ мировымъ продавцы соглашаются принять обратно проданное, но взыскиваютъ съ покупателя убытки, причиненные имъ расторженіемъ договора. Таковы слѣдующіе примѣры. 1) Кр-ка Дьячкова купила у кр-на Липнина корову. Убѣдившись, что корова плохо стоитъ во время доенья, она привела ее къ Липнину. Этотъ послѣдній возвратилъ ей добровольно стоимость коровы, кромѣ 3 р. 50 коп., какъ неустойку и какъ вознагражденіе за прокормъ животного отъ момента заключенія договора до момента передачи. Поэтому Дьячкова обратилась въ судъ, требуя взыскать эти деньги съ Липнина. Отвѣтчикъ показалъ, что Дьячкова корову выбирала изъ трехъ любую и что онъ виновнымъ себя ни въ чемъ не признаетъ, а удержалъ 3 р. 50 коп. въ возмѣщеніе убытковъ. Судъ въ искѣ Дьячковой отказалъ, признавая, что Дьячкова такъ или иначе должна вознаградить Липнина за убытки ²⁾. 2) Кр-нъ Крысановъ купилъ у кр. Миронова за 55 руб. лошадь; впоследствии она оказалась нездорова, и онъ вернулъ ее продавцу, а денегъ не получилъ обратно, почему и обратился въ судъ съ просьбой понудить Миронова выдать завленную за лошадь часть рядной суммы, именно 30 руб. На судѣ стороны заключили такого рода миролюбивую сдѣлку: Мироновъ возвратилъ Крысанову 30 руб.; если осенью лошадь поправится, то Кры-

¹⁾ Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 30 ноября 1897 г.

²⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 21 мая 1910 г.

сановъ долженъ взять ее, съ уплатой 55 руб.; въ случаѣ продажи Мироновымъ лошади въ чужія руки за сумму менѣе 55 руб., Крысановъ долженъ заплатить Миронову недостающую сумму ¹⁾.—Въ этомъ второмъ случаѣ на покупателя, расторгнувшаго сдѣлку послѣ передачи, возлагается обязанность возмѣстить продавцу будущіе убытки.

Бываютъ и такія миролюбивыя сдѣлки, когда продавецъ, создавая недоброкачественность товара, дѣлаетъ уступку покупателю, уменьшая ему сумму долга.

Самая сущность передачи движимыхъ вещей происходитъ въ болѣе или менѣе торжественной формѣ. При продажѣ скота передаютъ поводья или веревку изъ рукъ въ руки и говорятъ:

— Съ богомъ владай!

или —

— Дай Богъ тебѣ владать ею здорово!

Для того, чтобы избавить продавца отъ нареканій со стороны покупателя на недоброкачественность товара, при отводѣ коровъ къ новому хозяину совершаются различныя суевѣрные обряды. Частымъ поводомъ къ расторженію сдѣлокъ послѣ передачи служить чрезмѣрная привязанность животнаго къ прежнему жилищу; новый хозяинъ сплошь и рядомъ вынуждается бѣгать за своей животной къ ея старому хозяину, куда она уходитъ съ пастбища. Чтобы предотвратить это, покупатель долженъ, во время отвода животнаго домой, вынимать изъ земли его слѣды и бросать ихъ въ направленіи своего жилища. Приведя ко двору, онъ долженъ поклониться коровѣ въ ноги, говоря: — Черноюшка, какъ ты служила старому хозяину, такъ и мнѣ послужи.—Если продавецъ самъ приводитъ корову къ жилищу покупателя, то онъ стучится во дворъ, приговаривая:

— Хозяинъ батюшко! пусти мою скотинку Красулюшку (или какое-либо другое имя), поѣй, корми, храни и береги, и тепломъ обогрѣвай и не обидь ей.—Когда новый хозяинъ заведетъ корову въ хлѣвъ, то долженъ срѣзать ножницами клочъ шерсти и забить его въ пазы хлѣвныхъ столбовъ.

Если всѣ эти обрядности будутъ выполнены, то покупатель уже не въ правѣ жаловаться, что, молъ, корова пришлась не ко двору; продавецъ же освобождается отъ нравственной отвѣтственности за подобную недоброкачественность товара.

Обезначеніемъ договора купли-продажи является задатокъ. Онъ всегда имѣетъ денежную форму и дается покупателемъ продавцу. Безъ задатка самое заключеніе договора не имѣетъ юридическаго значенія. Если же задатокъ данъ, то покупатель, виновный въ нарушеніи договора, лишается его.

---

¹⁾ Рѣшеніе Кокор. Вол. Суда 17 апрѣля 1879 г.

Разберемъ вопросъ объ обманахъ, которые случаются при куплѣ-продажѣ. Хотя этотъ договоръ, какъ и всѣ прочіе, предполагаетъ соглашеніе двухъ лицъ, что, между прочимъ, свидѣлствуется мѣстной поговоркой—„нѣтъ торгу не любя“, но тѣмъ не менѣе при куплѣ-продажѣ открывается богатое поле дѣятельности для недобросовѣстныхъ лицъ. Покупатель зачастую можетъ совсѣмъ не знать свойствъ какъ товара, такъ и самаго продавца; нерѣдко торгъ совершается быстро, такъ что покупатель не успѣваетъ тщательно разсмотрѣть товаръ. Наконецъ, случается, что покупатель совершаетъ сдѣлку по просьбѣ другихъ и не особенно заинтересованъ въ ней. Поэтому, пожалуй, ни при одномъ родѣ сдѣлокъ не бываетъ такого количества обманныхъ дѣйствій, какъ при куплѣ-продажѣ.

Онежане хорошо сознаютъ сущность обмана и строго отличаютъ его отъ ошибки. При обманѣ покупателя дѣятельность продавца носитъ активный характеръ, при ошибкѣ его—пассивный. Если, допустимъ, проданная лошадь оказалась хромой, но продавецъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ ухищреніямъ, чтобы скрыть недостатокъ ея или навязать ее покупателю, то здѣсь, по мѣстному воззрѣнію, не будетъ никакого обмана со стороны продавца, а будетъ лишь ошибка со стороны покупателя. Другое дѣло, если продавецъ старался скрыть недостатки товара или принималъ какія-либо мѣры, чтобы усыпить бдительность покупателя.

Однако, слѣдуетъ сказать, что гордый духомъ онежанинъ не совсѣмъ охотно сознается въ своей оплошности. Его характеру претитъ извиненіе своего недосмотра какими-либо причинами, свидѣтельствующими о его близорукости и простофильствѣ.

— На гнилой товаръ и слѣпой купецъ! такъ презрительно отзывается здѣшняя поговорка о тѣхъ ротозѣяхъ, которые поддаются обману. Конечно, въ суды нерѣдко поступаютъ жалобы, въ особенности отъ женщинъ, о вовлеченіи въ обманъ при куплѣ-продажѣ, но чаще всего эти дѣла оканчиваются миролюбиво, путемъ компромисса, безъ обращенія къ суду. Если же новачія обязательства происходятъ на судебномъ разбирательствѣ, то роль суда ограничивается признаніемъ законности вновь заключенной сдѣлки.

Обманъ при куплѣ-продажѣ иногда принимаетъ особенно злую форму, именно продажу одной и той же вещи двумъ покупателямъ. Такъ какъ подобные поступки свидѣлствуютъ о большемъ напряженіи злой воли у продавца и такъ какъ уберечься отъ подобнаго обмана весьма трудно, то продавецъ, помимо гражданскихъ послѣдствій, подвергается еще и уголовному наказанію. Гражданскія же послѣдствія состоятъ въ томъ, что первому покупателю возвращается задатокъ, сдѣлка же со вторымъ покупателемъ остается въ силѣ. Такое отношеніе Волостныхъ Судовъ къ двойной продажѣ одного и того же имущества можно считать прочно устано-

вившимся, и оно вытекает, какъ логическое слѣдствіе народнаго взгляда на то, что право собственности на купленную вещь переходитъ къ покупателю лишь съ момента ея передачи. Хотя сдѣлка заключена, но вещь еще въ рукахъ продавца, есть только „запродажа“, настоящая же купля-продажа, суть которой заключается въ переходѣ права собственности на вещь отъ одного лица къ другому, будетъ только при фактической передачѣ. Поэтому-то первый покупатель можетъ только требовать задатокъ, взыскивать убытки и требовать наказанія за обманъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о такъ называемой условной куплѣ-продажѣ, нерѣдко наблюдаемой въ мѣстномъ быту. Наиболѣе широкое примѣненіе она получила при возмездномъ переходѣ права собственности на жилища, причемъ суть условія заключается въ предоставленіи продавцу жительства въ проданномъ домѣ („вырядить себѣ уголь“). Вопросъ о продажѣ домовъ съ подобными условіями будетъ рассмотрѣнъ ниже.

Другимъ условіемъ является своевременная уплата долга за купленное имущество. Таковъ слѣдующій случай, уже разъ приводимый нами (см. стр. 236): владѣлецъ мельницы продалъ ее одному крестьянину, причемъ, согласно договору, покупатель долженъ былъ произвести уплату долга въ 4 года; если же онъ не уплатитъ за этотъ срокъ долга, то продавецъ получаетъ мельницу обратно. Покупатель за всѣ 4 года уплатилъ лишь 10 руб.; тогда мельникъ обратился въ судъ, требуя возврата мельницы, и судъ призналъ за нимъ право собственности на нее ¹⁾.

У Волостныхъ Судовъ вообще существуетъ тенденція смотрѣть на всякую продажу непотребляемаго имущества въ кредитъ, какъ на условную продажу. Это объясняется тѣмъ, что зачастую продавецъ, передавши вещь покупателю и, слѣдовательно, право собственности на нее, лишенъ возможности произвести взысканіе задолженной части цѣны иначе, какъ путемъ обратнаго полученія вещи.

Если разсматривать куплю-продажу въ кредитъ, какъ состоящую изъ двухъ сдѣлокъ, а именно: 1) собственно купли-продажи и 2) займа, то покупаемая вещь носитъ характеръ „залога“, хотя бы въ рядѣ вовсе не упоминалось о такомъ обезпеченіи этого сложнаго обязательства. Въ подобныхъ случаяхъ самъ судъ признаетъ проданную вещь „залогомъ“ и поступаетъ съ нею соотвѣтствующимъ образомъ при неуплатѣ долга, т. е. обращаетъ въ пользу продавца или продажей ея или признаніемъ за нимъ права собственности на вещь. Примѣръ: кр-ка Чирова заявила, что она продала кр-кѣ Прокопьевой свой домъ за 25 руб., въ счетъ конхъ Прокопьева уплатила ей 20 руб., а остальныхъ 5 рублей не уплатила ей въ назначенный срокъ и вообще уκλο-

¹⁾ Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 18 сент. 1911 г.

няется отъ уплаты, посему просить взыскать эти деньги съ Прокопьевой. Вызванная въ судъ отвѣтчица признала долгъ. Судъ постановилъ: обязать Прокопьеву уплатить 5 руб. черезъ 3½ мѣсяца, въ противномъ случаѣ купленный домъ долженъ поступить обратно въ собственность Чировой ¹⁾).

Изъ этого рѣшенія видно, что судъ, при разборѣ дѣлъ объ условной куплѣ-продажѣ, поступаетъ совершенно такъ же, какъ онъ поступаетъ вообще при разрѣшеніи дѣлъ о займахъ, обезпеченныхъ залогомъ (см. ниже, глава VIII).

Изъ договоровъ объ условной продажѣ имущества наиболѣе интересна купля-продажа дома съ условіемъ предоставить продавцу право жительства въ немъ до смерти. Побужденія, которыми руководствуются при этомъ продавцы, довольно разнообразны. Иногда какая-либо одинокая вдова чувствуетъ себя безсильной содержать въ исправности свой домъ,—тѣмъ болѣе, что онежскіе дома очень часто достигаютъ весьма внушительныхъ размѣровъ. Иногда безпомощная старушка, нуждаясь въ деньгахъ для пропитанія, продаетъ свое жилище, „выраживая себѣ уголъ до смерти“ и обезпечивая себѣ какъ бы пенсію, состоящую изъ періодическихъ получекъ въ теченіе продолжительнаго времени.

Договоры этого рода, какъ уже упоминалось, заключаются всегда въ письменной формѣ. Условіемъ сдѣлки ставится зачастую не только предоставленіе продавцу жить въ проданномъ домѣ, но и еще нѣкоторыя другія, налагаемыя на покупателя, обязанности, преимущественно, нравственнаго характера. Напр., въ одномъ изъ договоровъ читаемъ: „Продала я (Шомонтьева) ей (Смородиной) деревянный одноэтажный домъ за цѣну 15 руб., но съ тѣмъ, чтобы мнѣ, Шомонтьевой, проживать въ ономъ до смерти, и ей, Смородиной, отопливать и ухаживать за мной при старости лѣтъ, какъ дочери съ матерью“ ²⁾).

Но совмѣстное проживаніе продавца и покупателя можетъ повлечь къ различнымъ недоразумѣніямъ и ссорамъ, почему нѣкоторые продавцы предусматриваютъ этотъ случай при продажѣ. Такъ, въ одномъ договорѣ читаемъ: „Жить ей, продавщицѣ, въ общей съ покупателемъ квартирѣ, а въ случаѣ несогласія—въ „Горенкѣ“ (комната, отдѣленная отъ горницы сѣнями), со своимъ отопленіемъ и иконою, на сараѣ имѣть ларь для храненія хлѣба“ ³⁾. Такъ какъ сѣверные дома довольно большихъ размѣровъ, то подобныя неудобства легко устранимы и безъ этой оговорки; неуживчивой продавщицѣ всегда можно отвести отдѣльную комнату.

1) Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 4 декабря 1905 г.

2) Книга сдѣлокъ и договоровъ Кирилловскаго Вол. Правленія за 1898 годъ.

3) Книга сдѣлокъ и договоровъ Посад. Всл. Правленія.

Болѣе существенной является предусмотрительность другихъ лицъ, которыя ставятъ условіемъ, чтобы покупатель до ихъ смерти не отчуждалъ дома. Соглашаясь жить подъ одной крышей съ покупателемъ, нерѣдко на правахъ члена его семьи, продавцы, при совершеніи купли-продажи, болѣе всего принимаютъ во вниманіе личныя качества покупателя, величину его семьи, матеріальный достатокъ, и т. д. А при перепродажѣ дома первые продавцы, остающіеся жить въ немъ, могутъ попасть въ несносное положеніе, такъ какъ новые хозяева не всегда окажутся обладающими такими же качествами, какія были присущи первымъ покупателямъ. Но это не болѣе, какъ теоретическое разсужденіе: на практикѣ перепродажа дома почти невозможна, и вотъ почему. Такъ какъ купля-продажа домовъ всегда совершается въ кредитъ, съ разсрочкою долга на многіе годы, и такъ какъ, по взглядамъ Вол. Судовъ, при всякой продажѣ въ кредитъ проланная непотребляемая вещь служить обезпеченіемъ аккуратнаго исполненія покупателемъ лежащихъ на немъ обязанностей, то перепродажа дома явилась бы отчужденіемъ такого имущества, на распоряженіе котораго владѣлецъ не уполномоченъ. Самое отсутствіе судебныхъ дѣлъ о перепродажѣ домовъ, купленныхъ съ условіемъ предоставленія продавцу права жительства въ немъ, доказываетъ, что такое явленіе не случается въ мѣстномъ быту. Причина этого коренится, прежде всего, въ томъ, что сама по себѣ купля-продажа домовъ явленіе не особенно частое, а во-вторыхъ, что перепродажа дома до выплаты всего долга явилась бы продажей имущества, которое обременено правомъ залога. Если бы лицо задумало совершить продажу дома при наличіи этого обстоятельства, то оно едва ли бы нашло покупателя, ибо сдѣлка относительно имущества, въ распоряженіи которымъ владѣлецъ ограниченъ, подлежала бы расторженію.

VII.

Имущественный наемъ вообще и одинъ отдѣльный видъ его; ссуда.

Предметами найма въ мѣстномъ быту бываютъ слѣдующіе роды имущества: изъ недвижности—земля и дома, изъ движимости—лошади и телеги. Сдача земли въ аренду—явленіе наиболѣе частое, такъ какъ нѣтъ ни одной деревни, въ которой не отсутствовало бы отъ 10% до 25% полноправныхъ членовъ сельскаго общества. Уходя бурлачить на долгіе годы, онежане нерѣдко увозятъ съ собою свои семьи, а землю, какъ надѣльную, такъ и „билетную“ (расчистки), сдаютъ въ аренду кому-либо изъ односельчанъ. Въ виду отсутствія мужичи въ лѣтнюю пору, обработка земель всею тяжестью ложится на женщинъ, которыя едва справляются съ собственными участками,—поэтому не всегда находится достаточное количество лицъ, желаю-

щихъ обременить себя наемной землей. Для бурлака остается одинъ выходъ—сдать землю въ безвозмездное пользованіе или, точнѣе, за платежъ податей. Совершенно же отказаться отъ земли онежанинъ опасается, ибо сознаетъ ея великое значеніе, сознаетъ, что какъ ни обилень заводскій заработокъ, но онъ не вѣренъ, шатокъ, между тѣмъ, какъ земля будетъ ему вѣчной кормилицей.

Кромѣ бурлаковъ, въ сдачѣ земли въ аренду нуждаются лица безпомощныя, чаще всего—бездѣтные или брошенные дѣтьми старикъ и старухи.

Дома нанимають сравнительно рѣдко, главнымъ образомъ, подъ какія-либо общественныя или государственныя учрежденія, напр. школы, почтовые отдѣленія и т. п. Наемъ помѣщеній уже явленіе болѣе частое, такъ какъ въ селахъ живетъ не мало разныхъ пришлыхъ людей, напр., чиновники, торговцы, ссыльные, которые нуждаются въ квартирахъ. Наконецъ, молодежь нуждается въ помѣщеніи для вечеринокъ.

Лошадь нанимають для полевыхъ работъ, а телѣгу—для проѣзда на станцію желѣзной дороги за бурлаками и т. п.

Договоръ имущественнаго найма заключается словесно; письменная форма употребляется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда происходитъ сдача „билетныхъ“ земель, причемъ сдѣлка иногда заносится въ правленскую книгу сдѣлокъ и договоровъ.

Наймодавецъ долженъ имѣть право распоряженія имуществомъ. Несамостоятельные члены крестьянскихъ семей не пользуются этимъ правомъ въ отношеніи семейной собственности. Вдова, которой отводится особое помѣщеніе въ домѣ родителей ея покойнаго мужа, не имѣетъ права сдавать его въ наемъ безъ согласія главы семейства. Это видно изъ слѣдующаго судебного казуса. Кр-ка Ирина Дядькина заявила Волостному Суду, что сноха ея, Фекла, пустила въ „горенку“, гдѣ она имѣла право проживать по смерти мужа, вечеринку. Судъ постановилъ: „Феклу Дядькину, 30 лѣтъ отъ роду, хотя и живущую послѣ смерти мужа въ отдѣльной горницѣ, но въ одномъ домѣ, за неповиновеніе свекрови своей подвергнуть заключенію на хлѣбъ и на водѣ на 2 сутокъ ¹⁾“.

Условія ряды касаются срока и вознагражденія. Наемъ земли рѣдко производится болѣе, какъ на одинъ годъ. Такая краткосрочность объясняется непостоянствомъ заводскаго заработка, отвлекающаго онежанъ отъ земли. Бурлакъ можетъ по самымъ различнымъ причинамъ лишиться заработка на заводѣ и возвратиться на родину, чтобы снова приняться за соху.

Вознагражденіе за нанятое имущество бываетъ троякое: 1) денежная плата; 2) плата натурою; 3) исполненіе общественныхъ и го-

---

1) Рѣшеніе Посаднаго Вол. Суда 28 іюня 1865 г.

сударственныхъ повинностей вмѣсто наймодавца. При наймѣ земли иногда одна уплата податей является достаточнымъ вознагражденіемъ за арендованную землю; иногда къ этому присоединяется денежная плата; чаще же всего плата производится натурою. Если земля сдается изъ половины или трети урожая, то такой видъ найма называется „отсыпь“; въ подобную сдѣлку вступаютъ преимущественно одинокія престарѣлыя лица.

Что касается правъ и обязанностей сторонъ при наймѣ, то о нихъ можно сказать слѣдующее. Имѣя право получить въ условленное время вознагражденіе, наймодавецъ обязанъ не препятствовать нанимателю осуществлять свое право пользованія нанятымъ имуществомъ. Въ свою очередь наниматель, обязанный своевременной уплатой вознагражденія, можетъ производить въ отношеніи нанятаго имущества всѣ тѣ дѣйствія, которыми обусловливается нользование нанятымъ имуществомъ для достиженія опредѣленныхъ цѣлей. Напримѣръ, при наймѣ избы для вечеринки наниматели имѣютъ право удалять перегородку, раздѣляющую избу на двѣ половины, придѣлывать къ стѣнамъ скамейки, прибывать такъ называемыя „люстры“ (деревянные подставки для свѣчей), и т. д. Волостные Суды, руководясь здравымъ смысломъ, признаютъ это право нанимателя, хотя бы о немъ не упоминалось въ рядѣ. Слѣдующій судебный казусъ подтверждаетъ сказанное. Крестьянинъ Е. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нанималъ домъ подъ трактирное заведеніе, причемъ приспособилъ его согласно назначенію и, между прочимъ, вдѣлалъ въ печку кубъ для кипяченія воды. По закрытіи трактира, въ виду введенія казенной продажи нитей, договоръ найма прекратился, и пользованіе домомъ перешло къ его владѣльцу. Трактирщикъ хотѣлъ было взять кубъ, но домохозяинъ воспротивился, ссылаясь на то, что кубъ вдѣланъ въ печку безъ его разрѣшенія. Дѣло перешло въ Волостной Судъ, который призналъ кубъ собственностью трактирщика ¹⁾, т. е., говоря иначе, призналъ его право утилизировать нанятое помѣщеніе въ тѣхъ цѣляхъ, ради которыхъ нанималось зданіе и о которыхъ владѣлецъ былъ освѣдомленъ.

Но, съ другой стороны, наниматель имѣетъ извѣстныя обязанности въ отношеніи нанятаго имущества. При наймѣ земли арендаторъ не долженъ запускать ее, т. е. истощать почву, обходясь безъ удобренія. Обычно ему вмѣняется въ обязанность содержать въ исправности „огороды“ (изгороди), которыя въ мѣстномъ быту имѣютъ большое значеніе. За сохраненіемъ въ исправности арендованной надѣльной земли обыкновенно слѣдитъ само сельское общество. При наймѣ избы для вечеринки наниматели не должны производить какихъ-либо, не вызываемыхъ цѣлью найма, видоизмѣненій въ убранствѣ

¹⁾ Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 8 декабря 1902 г.

избы. Напр., они не могут выносить иконъ, снимать рукомылки и проч. Въ случаѣ порчи нанятой движимости, по общему правилу наниматель обязанъ вознаградить наймодавца. Чаше всего порча нанятаго имущества происходитъ при наймѣ избы для вечеринокъ; наниматели обыкновенно безъ замедленія производятъ починку или поправку самолично. Нерѣдки случаи небрежнаго обхожденія нанимателей съ нанятой лошадыю и обращенія владѣльцевъ къ суду за взысканіемъ убытковъ. Таковъ слѣдующій случай: кр-нъ Дудкинъ нанялъ лошадь кр-ки Чировой для возки дровъ. Отъ побоевъ лошадь захворала. Волостной Судъ, разбирая это дѣло, рѣшилъ: „если не поправится лошадь и, чего Боже упаси, околѣетъ, то взыскать съ Дудкина за лошадь по ея стоимости“¹⁾. Другое дѣло: кр-нъ Елпфановъ ѣздилъ на лошади кр-на Крутикова въ г. Онегу и ушибъ лошадь. Владѣлецъ привлекъ нанимателя къ отвѣтственности за неаккуратное обращеніе съ лошадыю. На судѣ стороны заключили мировую сдѣлку, въ силу которой отвѣтчикъ обязался опустить нѣсколько денегъ въ кружку Краснаго Креста²⁾.

Договоръ имущественнаго найма прекращается: 1) истеченіемъ срока; 2) отказомъ наймодавца отъ договора въ виду неполученія условленнаго вознагражденія или вслѣдствіе небрежнаго обращенія съ имуществомъ; 3) отступленіемъ отъ обязательства безъ объясненія причинъ.

Порча имущества является чаще всего поводомъ къ расторженію договора о наймѣ избы для вечеринки. Но и наемъ земли можетъ быть прекращенъ вслѣдствіе небрежнаго обращенія съ нею, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ слѣдующее судебное дѣло. Кр-нъ Самсоновъ сдалъ земельный участокъ кр-ну Каменеву на 10 лѣтъ; но такъ какъ Каменевъ плохо унаваживалъ землю и плохо содержалъ изгороди, то просилъ Волостной Судъ расторгнуть условіе. Судъ выяснилъ путемъ свидѣтельскихъ показаній, что Каменевъ виновенъ въ плохомъ содержаніи земли и постановилъ нарушить условіе его съ Самсоновымъ³⁾.

Въ виду несовершенныхъ юридическихъ понятій, онежанамъ не чуждо представленіе о договорѣ имущественнаго найма, аналогичное съ представленіемъ о договорѣ личнаго найма, т. е., какъ тамъ, такъ и здѣсь, признается право контрагентовъ отступить отъ обязательства во всякое время. Установленію такого взгляда отчасти содѣйствуетъ сплошь и рядомъ наблюдаемое безвыходное положеніе неудачниковъ-бурлаковъ, которые сначала сдаютъ землю въ аренду, а затѣмъ внезапно возвращаются домой, лишившись заработка на заводѣ, и тре-

---

1) Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 27 марта 1891 г.

2) Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 30 ноября 1897 г.

3) Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 8 ноября 1901 г.

буютъ землю обратно. При такихъ условіяхъ передъ судомъ стоитъ дилемма: или пустить наймодавцевъ по міру или расторгнуть сдѣлку.

Для выясненія взглядовъ Волостныхъ Судовъ на прекращеніе имущественнаго найма по одностороннему желанію рассмотримъ слѣдующія судебныя рѣшенія. Кр-нъ Поповъ арендовалъ сѣнокосъ у кр-ки Привалихиной на 3 года (1904—1906), причемъ заплатилъ ей деньги впередъ, по 1 р. 30 к. за годъ. Два лѣта Поповъ пользовался поженіями безпрепятственно, а на третье лѣто владѣлица не позволила ему пронести косьбу травы. Судъ рѣшилъ дѣло такъ: „въ виду того, что 1 р. 30 к. съ Привалихиной взыскать трудно, то обязать ее, чтобы она предоставила Попову косить покосы въ 1908 году“ ¹⁾. Въ данномъ случаѣ судъ какъ бы не видитъ никакого правонарушительнаго дѣянія въ томъ, что Привалихина отказала арендатору до срока; если онъ не отказалъ Попову въ искѣ, то только потому, что тотъ заплатилъ деньги впередъ, а вернуть таковые невозможно иначе, какъ путемъ предоставленія арендатору права скосить сѣно съ поженъ наймодательницы.

Но другое дѣло, если наймодавецъ прекращаетъ договоръ найма съ какими-либо преступно-корыстными цѣлями, напр., имѣетъ въ виду взять задатокъ съ одного лица, а имущество передать другому лицу. Въ этихъ случаяхъ, какъ и въ договорѣ личнаго найма,—при полученіи задатка съ одного лица и поступленія на работу къ другому лицу,—Волостные Суды видятъ уголовный элементъ и, хотя не расторгаютъ договора съ другимъ лицомъ, но налагаютъ на виновнаго, помимо гражданскихъ послѣдствій, еще и уголовное наказаніе. Таковъ, напр., слѣдующій случай. К—нъ Ворзоговской волости Н. Захаровъ жалуется Кокоринскому Волостному Суду на то, что крестьяне д. Софроновской, Н. Савинъ, Иванъ и Андрей Каменевы и М. Самсоновъ, „продавъ“ ему, Захарову, на скосъ пожню подъ названіемъ Корела на 1894 годъ за 6 руб., взяли задаткомъ съ него 3 руб., что подтверждается документомъ, но пожню эту „продали“ въ другія руки. Судъ постановилъ взыскать съ виновныхъ задатокъ, присудилъ съ нихъ 1 руб. убытковъ въ пользу Захарова и арестовалъ каждого на однѣ сутки ²⁾.

Относительно найма надѣльной земли слѣдуетъ замѣтить, что иногда само сельское общество вмѣшивается въ отношенія между нанимателемъ и наймодавцемъ и своей властью прекращаетъ договорныя отношенія между сторонами или, вѣрнѣе, производитъ замѣну одного изъ контрагентовъ. Такъ какъ сохраненіе надѣльной земли въ надлежащей годности для земледѣлія имѣетъ значеніе не только для ея фактическаго владѣльца, но и для всей общины, которая является настоящимъ собственникомъ надѣловъ, то сельчане зорко слѣдятъ за

¹⁾ Рѣшеніе Кокоринскаго Вол. Суда 1907 г.

²⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 3 дек. 1895 г.

обращеніемъ нанимателей съ арендованною землею. Если сельскій сходъ признаетъ, что наниматель запустилъ землю, то передаетъ ее другому лицу на прежнихъ условіяхъ (уплата податей). Наймодавецъ ничего не проигрываетъ отъ такой замѣны контрагента, совершившейся безъ его вѣдома и согласія; общество же предохраняетъ такимъ путемъ свою землю отъ истощенія и приведенія въ негодность для земледѣлія.

Для того, чтобы лучше охарактеризовать имущественный наемъ по обычаямъ онежанъ, приведемъ одинъ частный видъ его, именно—наемъ избы для вечеринки.

Помимо своего увеселительнаго значенія, вечеринки или посѣдки въ мѣстномъ быту имѣютъ значеніе выставокъ невѣстъ. Такъ какъ здѣшніе парни, несмотря на многолѣтнее пребываніе на чужбинѣ, жениться все-таки пріѣзжаютъ на родину, то безъ вечеринокъ они были бы лишены возможности въ теченіе своего кратковременнаго пребыванія въ родной деревнѣ произвести болѣе или менѣе тщательный выборъ будущей подруги жизни. Обыкновенно бурлаки возвращаются домой осенью. Тѣ, которые имѣютъ постоянную должность, пріѣзжаютъ домой просто погостить или со спеціальной цѣлью, напр. для призыва, для женитьбы и т. д.; другіе же, уходящіе только на лѣтніе заработки по лѣсному дѣлу, являются домой на всю зиму. Уже съ конца сентября начинается понемногу увеличиваться народонаселеніе онежскихъ деревень. По трактамъ то и дѣло мчатся со станцій телѣги, на которыхъ возвращаются домой бурлаки, везя съ собою огромные короба нажитаго добра и разныхъ питерскихъ гостинцевъ. Щеголевато разодѣтые, съ самодовольнымъ видомъ, расхаживаютъ „питерцы“ по деревнѣ, привлекая къ себѣ вниманіе сосѣдей и заставляя усиленно биться дѣвичьи сердца. И какъ только земля покроется снѣгомъ, какъ только притокъ бурлаковъ дойдетъ до апогея, въ деревняхъ все чаще и чаще начинаютъ поговаривать о свадьбахъ. Стоя въ церкви въ Покровъ, молодыя дѣвушки втайнѣ вздыхаютъ, приговаривая:—„Покровъ—батюшко, покрой землю снѣжкомъ, а меня женишкомъ“ ¹⁾.

Съ Покрова же начинаются вечеринки. Въ одномъ и томъ же приходѣ, растянутомъ на нѣсколько верстъ и состоящемъ изъ многихъ поселковъ, существуетъ нѣсколько „округъ“, въ каждой изъ которыхъ сидятъ особыя вечеринки. Въ составъ „округа“ входитъ

¹⁾ Другія моленія на этотъ случай слѣдующія:

1) Покровъ Пресвятая Богородица! Покрой сыру землю снѣжкомъ, а мою буѣну голову женишкомъ.

2) Пятница святая мученица Парасковья, пошли мнѣ женишка-то поскорѣе.

3) Воскресеніе Христова! пошли мнѣ жениха холостого, въ чулѣнкахъ да въ порчонкахъ.

4) Даѣй Богъ жениха хорошаго, въ сапогахъ да съ колошами, не на коровѣ, а на лошади.

или нѣсколько смежныхъ деревушекъ (5—8), или же одна большая деревня. Молодежь такого особаго района уже съ осени принимаетъ мѣры для того, чтобы подыскать подходящее помѣщеніе для вечеринокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Архангельской губ., въ особенности тамъ, гдѣ еще до сихъ поръ сохранились патріархальные нравы, вечеринки сидятъ поочередно въ тѣхъ домахъ, гдѣ имѣются молодые парни или дѣвушки. Въ Онежскомъ же уѣздѣ, уже значительно утратившемъ свою прежнюю простоту, практикуется наемъ избы, специально предназначающейся для вечеринокъ, которыя бываютъ двухъ родовъ—обыкновенныя и чрезвычайныя. Послѣднія устраиваются или въ мѣстные праздники, или въ особое, заранее опредѣленное время зимы, называемое „госьями“, отличаются многолудіемъ и, поэтому, нерѣдко вызываютъ необходимость въ особомъ, болѣе просторномъ, помѣщеніи. Для обыкновенныхъ же вечеринокъ довольствуются такой избой, какую удастся подыскать у кого-либо изъ болѣе бѣдныхъ крестьянскихъ вдовъ. Тѣ же изъ онежанъ, которые живутъ маломальски безбѣдно, никогда не сдаютъ своей избы подъ вечеринку, въ виду того, что собраніе молодежи сплошь и рядомъ превращается въ сплошное побойще и доставляетъ хозяевамъ большое безпокойство.

Нанимателями являются парни и дѣвушки всей „округи“. Наемъ избы производится ими съ общаго согласенія; тѣмъ не менѣе, сдѣлка, въ которую вступаетъ компанія молодежи съ наймодавцемъ, не пріобрѣтаетъ характеръ солидарнаго обязательства. Напротивъ, какъ уже говорилось раньше, сложныя онежскія обязательства всегда являются долевыми; поэтому, въ отношеніи исполненія обязанностей, налагаемыхъ на молодежь договоромъ найма вечериночной избы, каждый изъ нанимателей отвѣчаетъ самостоятельно передъ хозяевами.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ моментомъ заключенія договора о наймѣ избы служить такъ называемая „складьня“. Этотъ обрядъ состоитъ въ томъ, что черезъ нѣсколько дней послѣ окончательныхъ переговоровъ молодежь собирается въ нанятую избу; парни покупаютъ водку, а дѣвушки приносятъ съѣстные припасы, и устраиваютъ угощеніе, какъ для себя, такъ и для хозяевъ (Шелекса).

Предметъ найма—изба, подъ которую подразумѣвается самая большая горница въ домѣ („передняя изба“), „горенка“ же, отдѣленная отъ нея сѣнями, остается въ распоряженіи хозяевъ. Если изба раздѣлена перегородкою надвое, то наниматели получаютъ право пользоваться обѣими частями; точно также они могутъ приспособлять помѣщеніе соотвѣтствующимъ образомъ.

Первое условіе ряды касается того срока, на который нанимается изба. Въ иныхъ мѣстахъ избу нанимаютъ на всю зиму, считая такую отъ Покрова до масленицы; въ другихъ—на ползимы, сначала отъ Покрова до Рождества, а затѣмъ отъ Рождества до масленицы. Наконецъ, въ позднѣйшее время кое-гдѣ началъ практиковаться наемъ по-

недѣлю (Турчасово). Причина такого явленія коренится въ безчисленныхъ вечериночныхъ скандалахъ, которые побуждаютъ хозяевъ нарушать договоръ. Опасаясь пропажи уплоченныхъ денегъ, вслѣдствіе отказа хозяевъ впустить вечеринку, подъ предлогомъ частныхъ безчинствъ, молодежь не находитъ ничего лучшаго, какъ нанимать избу лишь на недѣлю: по минованіи недѣли можно продолжить договоръ еще на такой же срокъ, а въ случаѣ отступленія хозяина отъ договора—убытки весьма ничтожны.

Плата за пользованіе избою въ настоящее время преимущественно денежная, но сохранилась кое-гдѣ и натуральная. Въ Савинской волости, напримѣръ, дѣвушки платятъ, помимо денегъ, по одной „малѣнки“ жита за зиму. Въ Кокоринской волости дѣвушки, сверхъ денегъ, обязаны приносить наймодавцамъ „праздничныя“, т. е. праздничное угощеніе, состоящее изъ издѣлій деревенской кухни.

Денежная плата не превышаетъ 35 коп. съ парня и 25 коп. съ дѣвушки за ползимы. Подростки платятъ еще меньше. Есть мѣстности, гдѣ плата за избу цѣлкомъ ложится на дѣвушекъ. Таковы Шелекса и Порогъ. Каждый изъ молодежи платитъ самостоятельно хозяевамъ въ тѣ сроки, какіе найдетъ для себя удобными; но чрезмѣрная задержка платы вызываетъ нѣкоторыя репрессіи со стороны хозяевъ, состоящія въ двусмысленныхъ намекахъ или даже въ открытыхъ оскорбленіяхъ. Чѣмъ ниже культурный уровень той или другой волости, тѣмъ грубѣе производится расправа съ неисправными плательщиками, въ особенности же съ плательщицами. Въ прежнее время не стѣснялись даже закрывать двери передъ самымъ лицомъ несостоятельной дѣвушки.

Помимо ряженой платы, хозяйки получаютъ отъ дѣвушекъ различныя подачки натурой, безъ вѣдома ихъ родителей. Необходимость такихъ подачекъ вытекаетъ изъ опасенія, какъ бы хозяйка, свидѣтельница всего происходящаго на вечеринкѣ, не насплетничала родителямъ чего-либо нехорошаго. Тѣ изъ молодежи, которые прѣзжаютъ въ деревню въ срединѣ зимы и потому при заключеніи ряды не присутствуютъ, платятъ хозяевамъ столько, сколько найдутъ нужнымъ; но, конечно, чтобы не „обезлѣвить“ себя, стараются сдѣлать взносъ не менѣе прочихъ, участвующихъ въ договорѣ, лицъ.

Слѣдующее условіе ряды касается отопленія. Самая топка печей всегда относится къ обязанностямъ хозяевъ, но дрова поставляютъ дѣвушки. Такъ, напр., въ „окрѣгахъ“ Савинской, Кокоринской и другихъ волостей каждая дѣвушка, идя на вечеринку, должна приносить полѣно дровъ. Живущія вдали, а также всѣ другія желающія, вмѣсто этого могутъ привезти единовременно цѣлый возъ.

Освѣщеніе всегда относится на счетъ нанимателей, и притомъ только на парней. Лучина въ наше время почти повсемѣстно вывелась изъ домашняго обихода, раньше же ею пользовались и на ве-

черинкахъ. Въ будни довольствуются лампой и платятъ хозяйкѣ за керосинъ копеекъ пять за вечеръ или же и болѣе, въ зависимости отъ матеріальнаго благосостоянія плательщиковъ. Въ праздники, а также и въ тѣ будни, когда собраніе многолюдно, между „холостыми“ (парнями) составляется складчина на свѣчи, или же кто-нибудь изъ парней съ широкой замашкой выброситъ деньги на одну—двѣ дюжины свѣчекъ. Количество зажженныхъ свѣчей опредѣляетъ достоинство вечеринки, поэтому между болѣе состоятельными парнями возникаетъ соревнованіе по поводу пожертвованія денегъ на освѣщеніе.

Содержаніе помѣщенія въ чистотѣ и исправности ложится частью на хозяевъ избы, частью на нанимателей женскаго пола. Хозяйева обязаны подметать избу („пахать полъ“), а дѣвушки обязаны разъ въ недѣлю являться для мытья половъ. Тѣ, которыя не желаютъ цести этой повинности, откупаются лишнимъ пятачкомъ.

Условія ряды, касающіяся отопленія, освѣщенія и содержанія избы въ порядкѣ, относятся къ естественнымъ и могутъ вовсе не упоминаться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ заключенія договоровъ этого рода.

Разсмотримъ права и обязанности сторонъ.

Наниматели получаютъ право сходитьса на посѣдку ежедневно, за исключеніемъ субботъ и кануновъ праздниковъ. Допущеніе вечеринки въ эти дни считается не только грѣховнымъ ¹⁾, но и уголовно-наказуемымъ дѣяніемъ, какъ это видно изъ одного судебного дѣла: кр-нь Дѣяновъ допустилъ у себя вечеринку наканунѣ праздника Введенія Пресвятой Богородицы, за что и былъ оштрафованъ судомъ на 25 коп. ²⁾. Обычно вечеринка продолжается отъ сумерокъ до полуночи, въ праздники же—до разсвѣта, точнѣе, до тѣхъ поръ, пока хозяйка не затопитъ печки и не скажетъ:—Пора, дѣвушки, домой!, тогда только начинаютъ расходиться.

Къ обязанностямъ нанимателей относится необходимость вознаграждать хозяевъ за причиненный ущербъ. Битье стеколъ, поломка мебели, лампъ, даже дверей, составляетъ послѣдствіе почти каждой праздничной вечеринки. Но къ чести онежскихъ парней слѣдуетъ сказать, что они никогда не остаются въ долгу передъ хозяевами, и вопросъ о вознагражденіи за причиненный ущербъ никогда не переносится на разсмотрѣніе Волостныхъ Судовъ. Состоятельные виновники откупаются деньгами, другіе же собственноручно производятъ починку или мастерятъ новыя вещи взамѣнъ приведенныхъ въ негодность.

Хозяйева сохраняютъ за собою право общаго наблюденія за поряд-

¹⁾ Въ Онежскомъ уѣздѣ повсемѣстно распространено преданіе о томъ, какъ изба ушла въ землю со всею вечеринкою въ наказаніе за то, что молодежь собралась на посѣдку подъ праздникъ. См. нашу статью „Онежскія повѣрья“, газета „Олонецкія Губ. Вѣдомости“, 1911 г., № 127.

²⁾ Рѣшеніе Кирилловскаго Вол. Суда 22 декабря 1889 г.

комъ на вечеринкѣ, но, въ дѣйствительности, это не болѣе, какъ фикція, ибо фактически они лишены возможности прекратить начинающееся буйство или драку.

На хозяевъ возлагается обязанность хранить верхнее платье молодежи. Складомъ одежды чаще всего служатъ „горенка“, гдѣ ютятся хозяева и ихъ семьи во время вечеринокъ. Пропажы одежды почти никогда не бываетъ, поэтому трудно сказать что-нибудь объ отвѣтственности хозяевъ за утрату ея.

Другая обязанность хозяевъ—имѣть всегда въ достаточномъ количествѣ сласти, калачи, пряники и подавать чай, если того потребуютъ желающіе (разумѣется, за особую плату). Угощеніе гостинцами всѣхъ присутствующихъ дѣвушекъ въ большомъ ходу среди онежскихъ парней. Въ особенности бываютъ щедры тѣ кавалеры, которые усиленно ухаживаютъ за какой-либо дѣвушкой („поддбнять“). Купить гостинцы для одной только „носижальницы“ считается неприличнымъ, поэтому кавалеру приходится угощать и подругъ ея. Для хозяевъ весьма выгодно торговать гостинцами на вечеринкахъ, такъ какъ парни изъ ложнаго стыда платятъ не торгуясь.

Скажемъ нѣсколько словъ о чрезвычайныхъ вечеринкахъ. Какъ уже упоминалось, онѣ устраиваются въ такое время, когда ожидается большое стеченіе молодежи и когда помѣщеніе, нанятое для обыкновенныхъ вечеринокъ, оказывается недостаточнымъ. Кромѣ того, въ виду неизбежныхъ скандаловъ при многолюдномъ собраніи хозяева требуютъ повышеннаго вознагражденія. Поэтому необходимо заключеніе новаго договора относительно найма вечериночной избы въ этихъ случаяхъ. Наболѣе характерны вечеринки во время такого періода зимы, который носитъ названіе „госьи“. „Госьи“—это сосредоточеніе молодежи въ теченіе трехъ сутокъ сначала въ одной какой-нибудь „округѣ“, потомъ въ другой, третьей и т. д. Устройство „госьевъ“ зависитъ исключительно отъ парней, которые улаиваются между собою относительно времени „госьевъ“, расходовъ на освѣщеніе во время вечеринокъ и т. д. Если соглашеніе послѣдовало и срокъ назначенъ, то, по порученію парней, какой-нибудь малышъ, нанятый за полфунта карамели, бѣгаетъ по деревнямъ вечериночкой „округи“, колотитъ въ окна и кричитъ:

— „Госьи“ съ такого-то дня, „госьи“! Везите „госей“!

Вслѣдъ за такимъ объявленіемъ начинается созывъ гостей. Почти каждая семья приглашаетъ изъ сосѣднихъ „округъ“ по нѣсколько душъ молодежи, причемъ не только родственниковъ, но и просто знакомыхъ. Вечеринки во время „госьевъ“ сидятъ или въ той же избѣ, гдѣ сидятъ въ обыкновенное время, или же нанимаютъ особое помѣщеніе. Въ первомъ случаѣ съ хозяевами заключается особая реда и назначается особая плата, но зато хозяинъ обязанъ предоставить нанимателямъ отсидѣть три лишнихъ обыкновенныхъ вечеринки впослѣд-

вало бы считать истечение срока, но на практикѣ чаще всего наблюдается прекращеніе найма избу для вечеринки путемъ отступленія отъ обязательства со стороны наймодавцевъ, обыкновенно мотивирующихъ свой поступокъ чрезмѣрными безобразіями молодежи. Объ отступленіи же отъ обязательства со стороны нанIMATEЛЕЙ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ наше время найти избу для вечеринки весьма затруднительно. Всякій, кто пускаетъ къ себѣ вечеринку, глядитъ на себя, какъ на благодѣтеля молодежи, несмотря на то, что получаетъ приличное вознагражденіе.

Ссуда на поддержаніе. Скажемъ нѣсколько словъ о ссудѣ на поддержаніе, юридическая конструкция которой весьма схожа съ имущественнымъ наймомъ. Ссуда—явленіе самое обычное у онежанъ: сознаваемая ими необходимость взаимной поддержки порождаетъ весьма часто наблюдаемое предоставленіе своего имущества въ безмездное пользованіе другимъ. Предметомъ ссуды бываютъ, главнымъ образомъ, лошади, земледѣльческія орудія и разныя хозяйственныя вещи. До послѣдняго времени отдавались въ ссуду старинныя „повязки“ (кокошники), въ которыхъ нуждались родители невѣсты, чтобы „обрядить“ дочь согласно старинному обычаю во время „заплачки“, предвѣчнаго прощанія съ роднею. Хотя старинные костюмы давно уже вышли изъ моды, но „заплатку“ невѣста непременно должна совершать въ „повязкѣ“. А такъ какъ этотъ головной уборъ сохранился въ немногихъ семьяхъ, то тѣ лица, которыя выдавали замужъ дочерей и не имѣли своей „повязки“, вынуждались брать ее въ ссуду.

Отъ ссудопринимателя требуется возвращеніе вещи въ прежнемъ видѣ; въ случаѣ же порчи ея онъ несетъ только гражданскія послѣдствія, или же, сверхъ того, подвергается уголовному наказанію,—все зависитъ отъ того, неумышленно или умышленно произведена имъ порча вещи. Пользованіе нѣкоторыми предметами, хотя бы и безъ согласія хозяина, разсматривается Волостными Судами, какъ ссуда; таковы средства переправы, лодки и плоты. Лицо, которое пользуется ими, обязано вернуть ихъ на прежнее мѣсто по минованіи надобности. При уtratѣ ихъ виновный несетъ отвѣтственность, какъ и всякій ссудоприниматель.

VIII.

З а е м ь

Всякому извѣстно, до какой степени доходитъ у крестьянъ пужда въ кредитъ; она бросаетъ ихъ въ цѣпкія лапы деревенскихъ кулаковъ—рѣзонмцевъ и создаетъ два класса деревенскаго населенія, могущественныхъ міроѣдовъ и закабаленныхъ ими бѣдняковъ. Въ Онежскомъ уѣздѣ, какъ и повсемѣстно, договоры займа заключаются сплошь и рядомъ, но мы можемъ констатировать весьма отрадный

фактъ: ростовщичество здѣсь не существуетъ. А разъ нѣтъ его, то и власть болѣе богатыхъ надъ малосостоятельными почти совершенно не ощущается.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы въ прежнее время не было попытокъ насадить ростовщичество въ Онежскомъ уѣздѣ. Такъ какъ взиманіе процентовъ въ чистомъ видѣ, т. е. въ денежномъ, чуждо мѣстному быту, то богачи—„десятники“ одоужали нуждающихся въ крупныхъ суммахъ денегъ, подъ условіемъ уплаты долга работою, которая, разумѣется, оцѣнивалась на этотъ случай весьма низко. Наиболѣе часто такого рода займы заключались въ прошломъ столѣтіи, до 1874 г., т. е. до военной реформы Императора Александра II. До этой эпохи населеніе Архангельской губерніи имѣло право откупаться отъ личной воинской повинности путемъ взноса въ казну по 1.000 руб. ассигнаціями или по 300 рублей серебромъ за каждого рекрута. Этимъ пользовались не только богачи, но и лица малосостоятельныя. Превеличенный ужасъ передъ военною затемнялъ разсудокъ у многихъ малозажиточныхъ мужиковъ, которые приводили въ полное разстройство свое хозяйство, имѣя въ виду какъ-нибудь сколотить „рекрутскую тыщу“. Сдавали землю въ аренду за безцѣнокъ, продавали скотъ, земледѣльческія орудія, хлѣбъ, строенія; но, что самое главное, производили обременительные займы у мѣстныхъ деревенскихъ богачей, въ особенности же у „десятниковъ“, всегда готовыхъ укрѣпить за собою нужныя имъ рабочія руки. Для болѣе вѣрности договоры займа заключались письменно съ занесеніемъ въ правленскую книгу сдѣлокъ; исполненіе принятаго на себя обязательства обезпечивалось круговою порукою всѣхъ членовъ той семьи, на которую выпадала очередь поставить рекрута; расплата производилась работою на сплавахъ. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ заемщиковъ, подрядчики ставили эту работу въ невыгодныя условія. Отработка занятой „тыщи“ семьею, состоящей изъ трехъ работниковъ, продолжалась лѣтъ пять, причемъ за это время производился новый заемъ у подрядчика на необходимые расходы. Для уплаты новаго долга срокъ подневольной службы у займодавца удлиннялся еще на годъ или на два; въ случаѣ же смерти или болѣзни кого-либо изъ содолжниковъ, остальнымъ приходилось растягивать срокъ отработки снова на нѣсколько лѣтъ. Встрѣчающіяся въ этихъ договорахъ выраженія краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуютъ о той степени власти, которую пріобрѣталъ займодавецъ надъ должникомъ. Такъ, напр., въ одномъ изъ договоровъ говорится: „Съ настоящаго времени должны мы (должники) поступить подъ вѣдѣніе и полное распоряженіе К. (займодавца). А по заслугѣ всѣхъ денегъ К-овъ обязать отпустить насъ на волю“ ¹⁾.

¹⁾ См. книгу сдѣлокъ и договоровъ Мардинскаго Вол. Правленія.

Итакъ, результатомъ стремленія бѣдняковъ избавиться отъ натуральной воинской повинности являлось полное разореніе хозяйства, задолженность и кабала, едва ли лучшая той, которая ждала рекрута на службѣ. Разговаривая со стариками по этому поводу, намъ пришлось слышать такіа рѣчи:

— Зря такъ дѣлали! Почти что одно и то же выходило: міроѣды плодились, а мы бѣднѣли. То бы одинъ горевалъ на службѣ, а тутъ вся семья шла на сплавы да заводы. По 20 лѣтъ иные не выходили изъ подъ начала десятниковъ.

Но, слава Богу, эти времена отошли въ область преданій. Обратимся къ настоящему времени.

Какъ и въ быту культурнаго населенія, займы онежанъ относительно мелкихъ денежныхъ суммъ совершаются устно, болѣе крупныя долговныя обязательства облакаются въ письменную форму. Отсутствие документальныхъ данныхъ при мелкихъ займахъ создаетъ не малое затрудненіе для Волостныхъ Судовъ, лишенныхъ возможности опредѣлить наличие или отсутствіе долга. Мѣстные суды не требуютъ письменныхъ доказательствъ для признанія дѣйствительности договора займа; но такъ какъ займы совершаются чаще всего наединѣ, то истецъ не можетъ представить и свидѣтелей; поэтому судамъ остается признавать притязанія истца недоказанными, разъ отвѣтчикъ не признаетъ за собой долга. Но такіе случаи, когда должникъ отказывается отъ дѣйствительно существующаго долга, въ крестьянствѣ весьма рѣдки, какъ это подмѣтилъ Пахманъ.

Обезпеченіе займа практикуется въ здѣшнемъ быту гораздо чаще, чѣмъ какихъ-либо другихъ обязательствъ; оно носитъ исключительно вещный характеръ и состоитъ въ „залогѣ“, т. е. въ передачѣ должникомъ какой-либо принадлежащей ему вещи въ руки займодавца. Случается, что въ качествѣ „залога“, согласно договору, считается какая-нибудь вещь должника, которая остается на своемъ мѣстѣ, но въ пользованіи или распоряженіи которой собственникъ ея ограничивается, напр., сѣно, скотъ и т. д.

Заемъ чаще всего совершается на неопредѣленный срокъ; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ срокъ опредѣляется, но не точной датой, а какимъ-нибудь событіемъ, напр. приходомъ сына или мужа заемщицы „изъ бурлаковъ“, окончаніемъ полевыхъ работъ и т. д.

Юридическія отношенія, возникающія изъ договора займа, весьма несложны; должникъ обязанъ платить деньги въ срокъ, если таковой назначенъ; кредиторъ обязанъ принимать деньги.

Рѣшенія Волостныхъ Судовъ, касающіяся займа, крайне однообразны и мало интересны, за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ выясняется судьба „залога“. Какъ намъ удалось установить на основаніи нѣсколькихъ аналогичныхъ рѣшеній, кредиторъ не можетъ отчуждать „залога“ самостоятельно, въ случаѣ неуплаты долга. Онъ

долженъ предварительно обратиться къ суду за признаніемъ этого права. Судъ назначаетъ должнику срокъ (15—30 дней), въ течение коего онъ обязанъ уплатить долгъ; если же онъ этого не выполнитъ своевременно, то кредиторъ снова обращается къ суду, и тотъ даетъ ему право продать „залогъ“ или же поручаетъ Волостному Правленію произвести публичные торги ¹⁾.

Если кредиторъ утратить „залогъ“ съ корыстною цѣлью, безъ вѣдома суда, то подвергается уголовному наказанію, помимо гражданскихъ послѣдствій. Если „залогъ“ будетъ испорченъ по винѣ или небрежности кредитора, то этотъ послѣдній обязывается привести его въ надлежащій видъ. Это подтверждается слѣдующимъ примѣромъ. Кр-ка Широколобова дала кр-кѣ Едошиной пальто въ обезпеченіе займа. При разчетѣ Широколобова замѣтила, что пальто выѣдено мышами. Дѣло перешло въ судъ, но кончилось миролюбивой сдѣлкой: Едошина обязалась пальто потянуть новымъ сукномъ такого же качества ²⁾.

Если „залогомъ“ служить зерно или вообще замѣнимыя вещи, то займодавецъ не возбраняется пользоваться „залогомъ“ въ случаѣ несвоевременной уплаты долга. Примѣръ: Кр-нъ Хамонинъ заявилъ суду, что онъ долженъ кр-кѣ Кедринѣ 3 р. 50 коп., въ обезпеченіе какового долга Кедринѣ дано 4 четверика ячменя; нынѣ ему эти сѣмена нужны, и онъ обращался къ Кедринѣ за ихъ полученіемъ съ уплатой долга, но Кедрина ему отказала, а потому проситъ взыскать съ нея 4 чтк. ячменя. Отвѣтчица показала, что долгъ образовался 1½ года тому назадъ, что въ обезпеченіе долга было дано 4 чтк. ячменя, который Хамонинъ обѣщался выкупить къ осени того же года или въ началѣ слѣдующаго, при порядкѣ въ бурлаки; а когда пришелъ срокъ, то она, Кедрина, предложила Хамонину выкупить ячмень, чего онъ не исполнилъ; посему она ячмень этотъ смолола на муку, такъ какъ ей нечего было ѣсть. Судъ рѣшилъ: Хамонинъ долженъ уплатить Кедринѣ 3 р. 50 к. и процентовъ за 1½ г. — 32 коп., а всего 3 р. 82 к. съ тѣмъ, что Кедрина должна возвратить 4 чтк. ячменя ³⁾.

Но вообще слѣдуетъ замѣтить, что судебныхъ рѣшеній, въ которыхъ выясняется судьба „залога“, весьма мало; это объясняется, какъ уже было сказано въ общей части, заботами онежанъ о доброй славѣ своего имени: вынося на публичное судилище споръ о „залогѣ“, кредиторы рискуютъ прослыть профессиональными займодавцами.

Если эквивалентомъ занятыхъ денегъ является работа, что случилось въ прежнее время при займахъ „рекрутской тыщи“, то мѣстные суды, при обращеніи кредиторовъ съ жалобами на должниковъ

---

1) Рѣшенія Кокорин. Вол. Суда 3 дек. 1895 г. и 5 мая 1891 г.

2) Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 21 сент. 1886 г.

3) Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 1 марта 1906 г.

на неотработку долга, ограничивались лишь имущественнымъ взысканіемъ, присоединяя къ этому, на основаніи „Времен. правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и служителей“, уголовное наказаніе, — послѣднее въ томъ случаѣ, если должникъ самовольно ушелъ со силава или съ дороги. Но ни одинъ судъ не рѣшался вмѣнить въ обязанность должнику принудительную отработку долга (такъ называемый заживъ).

Самое главное зло при займахъ—проценты—мало извѣстны въ мѣстномъ быту. Только въ Кокоринской волости намъ пришлось прочитать нѣсколько судебныхъ рѣшеній, въ которыхъ, помимо долга, за истцомъ признается право на проценты. Но надо принять во вниманіе, что эта волость подгородняя, и понятіе о процентахъ могло перейти къ крестьянамъ отъ горожанъ; въ прочихъ же волостяхъ, какъ болѣе удаленныхъ отъ вліянія города, процентъ совершенно чуждъ представленію крестьянъ. Далѣе, наличіе его въ Кокоринской волости отчасти объясняется и тѣмъ, что здѣшній судъ, руководимый, очевидно, какимъ нибудь грамотеемъ, долгое время присуждалъ истцамъ по собственной инициативѣ проценты. При такой практикѣ суда, проводника и выразителя правовыхъ воззрѣній, рѣзонмство могло безъ особаго затрудненія привиться къ мѣстному быту и сдѣлаться обычнымъ явленіемъ. Но, насколько намъ извѣстно, въ настоящее время и въ этой волости рѣзонмство значительно сократилось.

IX.

Обязательства, проистекающія отъ причиненія ущерба.

А. Неправое владѣніе. Въ народномъ быту весьма часто случается такое завладѣніе чужой собственностью, которое носитъ всѣ признаки кражи или присвоенія, и тѣмъ не менѣе, но практическимъ соображеніямъ, не признается уголовно-наказуемымъ дѣяніемъ. Малая напряженность злой воли, совершеніе проступка инстинктивно, малопѣнность похищеннаго или присвоеннаго, наконецъ весьма легкое обнаруженіе этихъ проступковъ,—вотъ причины, по которымъ Волостные Суды нерѣдко облагаютъ однимъ гражданскимъ взысканіемъ такіа дѣянія, которыя любой криминалистъ не задумываясь призналъ бы преступленіями. Въ Онежскомъ уѣздѣ такихъ судебныхъ рѣшеній великое множество. Послѣдствія, которыя влекутъ за собой эти правонарушенія, бываютъ слѣдующихъ родовъ, въ силу постановленія суда: 1) виновному предписывается возвратить украденное или присвоенное; 2) если предметъ кражи или присвоенія уже препровожденъ въ чужія руки, то взыскивается стоимость его; въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстонахожденіе предмета не выяснено на судебномъ разбирательствѣ, судъ создаетъ альтернативное обязательство, при-

зная за истцомъ право требовать съ отвѣтчика или вещь или стоимость ея ¹⁾; 3) въ случаѣ порчи похищенныхъ вещей, виновникъ обязывается возмѣстить ущербъ, причемъ размѣръ вознагражденія опредѣляется самимъ судомъ ²⁾; 4) виновнику вменяется въ обязанность вознаградить истца за убытки, которые онъ потерпѣлъ вслѣдствіе того, что былъ лишенъ возможности эксплуатировать похищенную вещь; напр., въ случаѣ кражи топора хозяинъ лишается возможности работать имъ, въ случаѣ захвата остроги—ловить рыбу. Судъ вычисляетъ величину убытка. Напр., если похищенный топоръ былъ отобранъ у вора лишь черезъ 3 дня, то, принимая во вниманіе среднюю поденную плату на какихъ-нибудь мѣстныхъ заработкахъ, умноженіемъ ея на три высчитываютъ тотъ доходъ, который могъ бы получить владѣлецъ топора, если бы топоръ не былъ похищенъ ³⁾.

Б. Неправое пользованіе чужимъ имуществомъ. къ этой области правонарушеній относятся засѣвы чужой земли, порубки въ чужихъ лѣсахъ и самовольная ѣзда на чужой лошади.

По общепринятому обычаю, при засѣвахъ чужихъ полей полученный урожай идетъ въ пользу владѣльца земли, но на него возлагается обязанность возратить сѣмена тому, кто произвелъ засѣвъ ⁴⁾. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда урожай весьма плохъ, то владѣлецъ земли отъ этой обязанности освобождается. Разсмотримъ слѣдующій случай. Кр-тъ Онохинъ сдавалъ землю въ аренду кр-ну Кузнецову, но черезъ годъ отказалъ ему и сдалъ другому арендатору, Щелкунову. Кузнецовъ, однако, носпѣшилъ засѣять поля. Тогда новый арендаторъ обратился въ судъ, который рѣшилъ дѣло такъ: будущій урожай ржи идетъ въ пользу Щелкунова, но онъ долженъ возратить сѣмена Кузнецову; что касается ячменя, то если онъ родится наравнѣ съ ячменемъ другихъ крестьянъ, то Кузнецовъ можетъ требовать сѣмена со Щелкунова; а если явится плохой, какъ преждевременно засѣянный, то Кузнецовъ со Щелкунова сѣмянъ требовать не можетъ ⁵⁾.

Самовольныя порубки въ казенныхъ лѣсахъ встрѣчаются сплошь и рядомъ, и никому не приходитъ въ голову видѣть въ этомъ преступное дѣяніе. „Лѣсъ Божій, казна не рѣстила его“!—обычная фраза въ устахъ онежанъ. Обиліе лѣса содѣйствуетъ установленію такого взгляда на порубки. Частныхъ лѣсовъ въ строгомъ смыслѣ этого слова здѣсь нѣтъ; но иногда казна отводитъ отдѣльнымъ крестьянамъ участки лѣса подъ расчистки. Въ отношеніи такихъ участковъ возможны тѣ правонарушенія, которыя подходятъ подъ понятіе само-

1) Рѣшеніе Кирилловскаго Вол. Суда 28 авг. 1872 г.

2) Рѣшеніе Савинскаго Вол. Суда 8 декабря 1882 г.

3) Рѣшеніе Савин. Вол. Суда 1 окт. 1882 г. и 17 марта 1891 г.

4) Рѣшеніе Савин. Вол. Суда 3 августа 1886 г.

5) Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 6 мая 1909 г.

вольнаго пользованія чужимъ имуществомъ. Но такъ какъ при обилии лѣсовъ умышленная порубка на чужомъ участкѣ почти не случается, то встрѣчаются лишь такія судебныя рѣшенія, которыя касаются ошибочныхъ порубокъ. Таковъ слѣдующій примѣръ. Кр-ка Марѳа Валявкина жалуется на то, что ея работникъ по ошибкѣ нарубилъ дровъ на участкѣ Ивана Валявкина, причемъ послѣдній эти дрова увезъ, почему и проситъ судъ взыскать за нихъ 5 руб. съ И. Валявкина. Судъ отклонилъ это ходатайство, признавъ, что матеріалъ отвѣтчика, и посему онъ могъ увезти дрова ¹⁾.

Относительно ѣзды на чужой лошади слѣдуетъ замѣтить, что къ суду обращаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда лошадь заболѣетъ или падетъ, а также и тогда, когда стороннее лицо пользуется чужимъ животнымъ для заработка. Лицо, умышленно воспользовавшееся чужой лошады для ѣзды и причинившее ей смерть или пораненіе, помимо гражданскихъ послѣдствій, подвергается еще и уголовному наказанію ²⁾. Лицо, заработавшее на чужой лошади извѣстную сумму, присуждается къ уплатѣ нѣкоторой части ея владѣльцу животнаго. Таковъ слѣдующій примѣръ: кр-ка Каменева по ошибкѣ взяла лошадь кр-на Ермолина, похожую на ея, и работала на ней нѣсколько дней. Свидѣтели выяснили, что она заработала 50 коп. Судъ рѣшилъ дѣло такъ: хотя Каменева получила 50 коп., но такъ какъ она работала и сама, то въ пользу Ермолина взыскать лишь 25 коп. ³⁾.

В. Потравы. Въ Онежскомъ уѣздѣ потравы возникаютъ несравненно рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Причина этому та, что здѣшнія поля обносятся изгородями; для устройства ихъ матеріала болѣе, чѣмъ достаточно. Но такъ какъ изгороди содержатся не всегда въ надлежащемъ видѣ, то потравы все-таки возникаютъ. По общему правилу, примѣняющемуся въ Онежскомъ уѣздѣ, за потраву отвѣчаетъ то лицо, черезъ изгородь котораго скотъ проникъ въ поле ⁴⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, когда скотъ зашелъ изгородью, принадлежащей самому потерпѣвшему, жалоба его оставляется безъ послѣдствій. Приведемъ примѣры. Кр-нъ Дядькинъ жалуется суду, что его „зорды“ (стоги) подѣдены овцами Чтинина. Судъ жалобу отклонилъ въ виду того, что, по мѣстнымъ обычаямъ, то мѣсто, гдѣ стоятъ стоги („остожье“), должно быть обнесено изгородью ⁵⁾. Точно также оставляется безнаказанной потрава, произведенная въ необгороженномъ полѣ. Примѣръ: кр-нъ Савинъ жаловался суду на то, что скотъ

1) Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 8 марта 1893 г.

2) Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 21 сентября 1886 г.

3) Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 3 декабря 1895 г.

4) Рѣшеніе Савин. В. С. 30 іюня 1891 г., Кокорин. Вол. С. 15 авг. 1905 г., Мардин. В. С. 20 авг. 1884 г. и многія другія.

5) Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 29 дек. 1910 г.

повредилъ его поле. Судъ нашелъ, что потрава произошла отъ собственного невниманія Савина: разъ онъ распахалъ поле, то долженъ былъ его охранять изгородью или другими способами и надѣяться на готовыя изгороди и ворота не въ правѣ, и въ виду того, что тѣ поля, которыя охраняются воротами и изгородами отвѣтчиковъ, оказались не потравленными, постановилъ въ искѣ Савину отказать ¹⁾.

Если бы всѣ здѣшнія земли были въ частномъ владѣнн, то о судебномъ вознагражденн потерпѣвшаго отъ потравы не могло быть рѣчи, ибо истецъ всегда сливался бы съ отвѣтникомъ, какъ это видѣли въ только что приведенныхъ примѣрахъ. Но такъ какъ земля здѣсь находится въ общинномъ владѣнн, а изгородь, окружающая ее, дѣлится на участки, по числу членовъ общины, причемъ наблюдение за исправностью каждаго такого участка возлагается на опредѣленнаго общинника, то возможны и такіе случаи, когда скотъ зайдетъ въ поле изгородью, принадлежащей одному лицу, а потраву произведетъ на полосѣ или пожнѣ, отведенной другому лицу. Въ этихъ-то случаяхъ и отвѣчаетъ за потраву владѣлецъ изгороди, а не владѣлецъ скота.

Изъ этого общаго правила допускаются слѣдующія исключенія.

- 1) Если доказано, что скотина, произведшая потраву, „капостлива“, т. е. безпокойна, любитъ проказить и т. п., а изгородь, черезъ которую она зашла, была достаточно крѣпка, то отвѣчаетъ владѣлецъ скотины ²⁾. На практикѣ такіе случаи отвѣтственности хозяевъ животнаго весьма рѣдки, такъ какъ потрава, по преимуществу, производится цѣлымъ стадомъ, и весьма трудно опредѣлить, имѣли ли какое-нибудь значеніе для проникновенія цѣлаго стада въ поле особыя свойства нѣкоторыхъ, входящихъ въ составъ его, животныхъ. Но если удастся какимъ-нибудь путемъ установить, что „капостливая“ корова или лошадь обвалила изгородь или зашла въ поле первую, то отвѣтственность за потраву возлагается на владѣльца этого животнаго.
- 2) Рогатый скотъ, по мѣстному обычаю, долженъ имѣть пастуха; если же крестьяне отпустятъ скотъ безъ пастуха, и произойдетъ потрава, то отвѣтственными признаются владѣльцы скота, а не владѣльцы изгороди ³⁾.
- 3) Если потрава произведена скотомъ, имѣющимъ спеціальнаго пастуха, то возмѣщеніе ущерба возлагается на владѣльцевъ стада и на владѣльцевъ изгороди, съ тѣхъ и другихъ по равной части ⁴⁾. Пастухъ имущественной отвѣтственности не несетъ, но морально отвѣчаетъ передъ своими нанимателями. Опредѣляя половину вознагражденія за потраву со скотовладѣльцевъ, какъ за недосмотръ за пастухомъ, суды, главнымъ образомъ, имѣютъ въ виду вызвать

¹⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда.

²⁾ Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 22 авг. 1871 г.

³⁾ Рѣшеніе Кирил. Вол. Суда 20 окт. 1869 г. и Посад. Вол. Суда 5 авг. 1873 г.

⁴⁾ Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 3 ноября 1879 г.

съ ихъ стороны нѣкоторую репрессію по адресу пастуха за небрежное выполненіе имъ своихъ обязанностей. 4) Наконецъ, когда потрава произошла по явной винѣ пастуха, отвѣтственность за причиненный вредъ возлагается всецѣло на него одного, и при этомъ не принимается въ расчетъ малолѣтіе пастуха ¹⁾.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы изгороди, черезъ которую зашелъ скоть, освобождаются отъ отвѣтственности за потраву, они все-таки предупреждаются судомъ, что, при неисправности принадлежащихъ имъ изгородей на будущее время, они будутъ подвергнуты, помимо возмѣщенія убытковъ, строгому наказанію. Лица же, виновныя въ умышленной порчѣ изгородей, безпощадно арестуются на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Обнаруживъ потраву своего имущества, потерпѣвшій приглашаетъ сельскаго старосту, который, въ присутствіи понятыхъ, производитъ освидѣтельствованіе потравленныхъ полей, опредѣляетъ размѣръ причиненнаго ущерба и выясняетъ, чьей изгородью зашелъ скоть. Обо всемъ этомъ сельскій староста составляетъ актъ, который ложится въ основу иска. Бываетъ и такъ, что сельскій староста прямо предъявляетъ актъ о потравѣ Волостному Суду, и этотъ послѣдній возбуждаетъ дѣло eo ipso безъ жалобы потерпѣвшаго.

Вознагражденіе, присуждаемое судами за потраву, бываетъ слѣдующихъ трехъ видовъ. 1) Чаще всего лицо, признанное отвѣтственнымъ за потраву, подвергается денежному взысканію, размѣръ котораго зависитъ отъ количества ущерба. 2) Иногда же виновный въ потравѣ присуждается къ возмѣщенію натурою урожая, который могъ бы снять владѣлецъ поля, если бы не произошло потравы. 3) Если скоть, принадлежащій одному лицу, произведетъ потраву на полѣ, принадлежащемъ также одному лицу, и судъ признаетъ владѣльца скота отвѣтственнымъ за потраву, то практикуется мѣна полей, т. е. отвѣтчикъ снимаетъ урожай съ потравленнаго поля, а истецъ имѣетъ право снять урожай съ равновеликаго поля, принадлежащаго отвѣтчику ²⁾.

Еще болѣе разнообразный характеръ носятъ вознагражденіе за потраву въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло рѣшается миролюбивой сдѣлкой. Тутъ можно наблюдать принимаемую на себя отвѣтчикомъ обязанность вспахать поле истца, сковать ему косу, возмѣстить причиненный ущербъ натурою и т. д.

Г. Порча чужого имущества. По мѣстному праву, порча чужого имущества, въ зависимости отъ послѣдствій для виновнаго, бываетъ трехъ родовъ: 1) безнаказанная, 2) влекущая только гражданскія взысканія, 3) влекущая, помимо гражданскаго взысканія, еще и уголовное наказаніе.

1) Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 16 авг. 1895 г.

2) Рѣшеніе Кириллов. Вол. Суда 9 іюля 1867 г.

Безнаказанность имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда чужое имущество подвергается порчѣ въ силу традиціи, при выполненіи молодежью тѣхъ или иныхъ, унаслѣдованныхъ отъ глубокой старины, обычаевъ. Такъ, напр., въ ночь на Ивановъ день существуетъ обычай „выкатывать ржи“, т. е. мять ихъ, валяясь по полю. Затѣмъ, въ эту же ночь дѣвушки ищутъ на поляхъ особое растеніе, такъ называемый „ивановскій борщъ“ (*Heracleum borealis*), якобы имѣющій цѣлительную силу. Такъ какъ дѣвицы отправляются цѣлыми компаніями, въ сопровожденіи парней, то подобныя поиски волшебнаго растенія сопровождаются играми и возней, и травы подвергаются значительному вытаптыванію. Далѣе, въ ночь на Новый Годъ и Крещеніе существуютъ слѣдующіе обычай, вредно отражающіеся на чужомъ имуществѣ: 1) „костры пружать“, т. е. опрокидываютъ полѣнницы дровъ, 2) закладываютъ чѣмъ попало ворота, причемъ сваливаютъ въ кучу и портятъ многія хозяйственныя вещи, которыя удастся разыскать подлѣ дома, 3) забираются на крышу и закрываютъ досками трубы, съ цѣлью наполнить избу дымомъ, въ случаѣ топки печей. Объ этихъ праздничныхъ проказахъ такъ поется въ частушкѣ:

По деревенкѣ пройдемъ,
Что-нибудь да сдѣлаемъ:
Дровъ полѣнницу рассыплемъ
Или двери закладемъ.

Бороться съ этими вредными обычаями, къ счастью, нынѣ выходящими изъ моды, долгое время никому не приходило въ голову. Намъ удалось вычитать только одно судебное дѣло, касающееся этой традиціонной порчи чужого имущества. Кр-нъ М., человѣкъ богатый, просвѣщенный и вліятельный, пожаловался Волостному Суду на цѣлую группу дѣвицъ, которыя въ ночь на 24 іюня „выкатали“ его рожь. Какъ ни тяжело было судьямъ, но они отступили отъ вѣкового обычая оставлять безнаказанными эти проказы молодежи и, чтобы уважить богача, присудили виновныхъ къ возмѣщенію причиненнаго ущерба ¹⁾. Однако, народное сознаніе не было удовлетворено такимъ рѣшеніемъ, и старики еще до сихъ поръ говорятъ:

— Знамо дѣло, обсудили ни за что!

Порча чужого имущества влечетъ одни только гражданскія послѣдствія въ тѣхъ случаяхъ, когда она учинена по ошибкѣ, по легкомыслію, въ пылу гнѣва, или же, хотя и умышленно, но виновный приносить чистосердечное раскаяніе. Примѣры: 1) кр-нъ ѣхалъ изъ города и, желая обогнать своего сосѣда, опрокинулъ его сани, изъ которыхъ вывалилась четверть водки и разбилась; судъ постановилъ

¹⁾ Рѣшеніе Савин. Вол. Суда 25 іюня 1887 г.

взыскать съ него стоимость водки ¹⁾; 2) парень на гуляньѣ изодралъ платокъ дѣвушки. Судъ постановилъ изодранный платокъ оставить владѣльцѣ и взыскать 3 р. 20 коп. съ виновнаго ²⁾; 3) пьяный кр-нъ вышибъ въ сосѣднемъ домѣ оконную раму; дѣло кончилось миролюбивою сдѣлкой, по которой виновный обязался сдѣлать новую раму, и т. п. ³⁾).

Но если умышленная порча чужого имущества сопровождается какими-либо отягчающими вину обстоятельствами, то, сверхъ гражданского взысканія, на виновнаго налагается уголовное наказаніе. Примѣръ: кр-нъ Кабановъ повредилъ топоромъ чужую корову, но заперся въ этомъ. Судъ взыскалъ съ него стоимость леченія коровы и арестовалъ на 2 сутокъ за заперство ⁴⁾.

Д. Безчестье. Наконецъ, скажемъ нѣсколько словъ о гражданскомъ взысканіи за личныя обиды. Этотъ пережитокъ стараго времени въ Онежскомъ уѣздѣ никогда не имѣлъ широкаго распространенія. Измѣреніе чести рублями и полтинами претитъ сознанію самолюбивыхъ сѣверянъ. На личныя оскорбленія онежанинъ привыкъ реагировать тою же монетою, выносить же на публичное разбирательство дѣла объ опозореніи не соответствуетъ его гордому характеру. Поэтому, требованіе гражданского взысканія за обиду, хотя и встрѣчающееся, вѣрнѣе встрѣчавшееся въ Онежскомъ уѣздѣ, есть явленіе наносное, а не специфически мѣстное. Въ наиболѣе глухихъ волостяхъ, никогда не терявшихъ своей дѣвственной простоты, взысканіе за оскорбленіе чести совершенно не встрѣчается; такова Шелекса. Да и въ другихъ мѣстностяхъ этотъ странный видъ возстановавленія поруганнаго достоинства не нашелъ достаточной почвы для своего развитія, что свидѣлствуется сравнительно ничтожнымъ количествомъ судебныхъ дѣлъ, возникшихъ по искамъ о присужденіи безчестья. Только стараніями разныхъ „аблакатовъ“ и грамотеевъ вводился въ моду и поддерживался этотъ, позанимтованный изъ писанаго права, институтъ. Въ подтвержденіе сказаннаго можно привести то обстоятельство, что нерѣдко самъ судъ присуждаетъ безчестье, помимо просьбы жалобщика; бывали такіе случаи, когда, при разборѣ дѣлъ объ обидахъ, суды присуждали безчестье совокупно съ уголовнымъ наказаніемъ ⁵⁾; въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ, которыми присуждается безчестье безъ требованія жалобщика, дѣлается оговорка „если этого пожелаетъ истецъ“ ⁶⁾. Такимъ образомъ выходитъ, что

¹⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 8 марта 1895 г.

²⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 3 окт. 1898 г.

³⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 29 дек. 1905 г.

⁴⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 31 іюля 1888 г.

⁵⁾ Рѣшеніе Кокорин. Вол. Суда 18 февр. 1897 г.

⁶⁾ Рѣшеніе Посад. Вол. Суда 16 декабря 1863 г.

сами Волостные Суды, состоящіе изъ болѣе книжныхъ людей или же руководимые какимъ-либо грамотеемъ, навязывали крестьянамъ деньги за униженіе ихъ нравственнаго достоинства. Но эти старанія судовъ не принесли должныхъ результатовъ: въ наше время требованіе безчестья почти отошло въ область преданій.

И. Калининъ.

Свадебные обряды, обычаи и пѣсни

въ Холмскомъ уѣздѣ, Псковской губ.

Въ настоящій очеркъ вошли свадебные обряды, обычаи, и пѣсни, лично мною собранные въ южной части Холмскаго уѣзда (приходы—Галибицкій, Зуевскій) въ 1908—1912 г.г.

Личныя наблюденія свадебныхъ обрядовъ мною производились главнымъ образомъ въ д.д. Усвятѣ и Стешинѣ Галибицкой волости и Стешинѣ Зуевской волости Холмскаго уѣзда; но это не значитъ, что въ сосѣднихъ съ названными деревнями селеніяхъ существуютъ иные обряды и обычаи. Описанные обряды распространены довольно широко и, насколько мнѣ извѣстно, существуютъ въ селеніяхъ волостей: Галибицкой, Зуевской и Нѣмчиновской. То, чего я не имѣлъ возможности наблюдать лично, записано со словъ крестьянъ, названныхъ въ настоящемъ очеркѣ. Въ пѣсняхъ я придерживался мѣстнаго произношенія и выговора. Отсюда—неправильности этимологическихъ сочетаній и оборотовъ рѣчи.

Сватовство.

Сватомъ избирается человѣкъ, обладающій способностью „красно“ говорить. Въ большинствѣ случаевъ эта роль выпадаетъ на кого-либо изъ родственниковъ жениха (старого или молодого—безразлично), хотя, при отсутствіи въ родствѣ подходящаго человѣка, таковая поручается и совершенно постороннему человѣку.

При выходѣ свата изъ избы для исполненія порученнаго ему дѣла, мать жениха снимаетъ съ себя поясъ и три раза ударяетъ имъ свата по спинѣ, приговаривая:

— „Не я бью,—удача бьетъ!“

При отсутствіи матери, это дѣйствіе исполняетъ одна изъ сестеръ жениха (старшая) или-же тетка.

Много разъ присутствуя при совершеніи этого дѣйствія (у крестьянъ дер. Усвятѣ и Стешина Холм. у.), я никогда не наблюдалъ, что-бы таковое исполнялось мужчинами.

— Это—бабье дѣло,—пояснилъ мнѣ на мой вопросъ по этому поводу крестьянинъ д. Стешина Мих. Поликарповъ,—мужику такими глупостями заниматься не пристало!

Крестьянка Наталья Ивановна (той-же деревни) на мой вопросъ о значеніи этого дѣйствія отвѣтила:

— А какъ-же безъ этого? Какая же удача будетъ? Мы, вонъ, и скотинку стегаемъ поясомъ, когда по первому разу выпускаемъ въ поле: не будетъ блякаться,— а будетъ все къ дому наровить!

Болѣе подробной мотивировки названнаго обычая я получить не могъ. Очевидно, въ данное время обычай этотъ сохраняется лишь по традиціи, какъ наслѣдіе глубокой старины.

При выходѣ свата изъ избы, мать или отецъ жениха, а при отсутствіи ихъ старшій по возрасту членъ семьи (мужчина или женщина—безразлично) бросаютъ подъ ноги ему шубу.

Обычай этотъ мнѣ пришлось наблюдать въ дер. Степанцевъ (Зуевской вол.).

„Бросить шубу—значить произвести много шума, т. е. сыграть свадьбу“—вотъ какъ объяснилъ значеніе этого обычая крестьянинъ названной деревни Никита Семеновъ.—Вѣроятно, все дѣло здѣсь въ созвучіи словъ: „шубу—шуму“.

Выѣхавъ за деревню, свать кнутовищемъ проводитъ позади своего экипажа черту.

Вотъ въ какихъ словахъ передавалъ мнѣ свои похождения „по сваты“ крест. д. Стешина Василий Михайловъ (въ 1910 г.):

„Выѣхалъ я, значить, за деревню, отъѣхалъ стрѣльбища два,—стой, думаю. Слѣзая съ саней и кнутовищемъ провожу позади себя, поперекъ дороги, бороздку, а самъ гомоню: „Аминь, аминь!“

А дѣлалъ я эту штуку для того, што-бы, значить, мнѣ назадъ не воротиться. Мало-ли што бываетъ: а вдругъ передумаешь? А тутъ зааминиши, значить, назадъ не оглядывайся.

Подъѣхалъ я къ Михайлову жилью. Постучалъ. Впустили. Тихонько, никому невдомекъ, провелъ рукою по печкѣ. Это, што-бы угощали не скупясь. Вѣрная примѣта! Ну и началъ. Такъ и такъ, нѣтъ-ли у васъ поросятъ продажныхъ?—Нѣту.— А дѣвокъ?—Смѣются: есть одна, да про себя.—Ну и пошелъ торгъ. Вижу, что мой женихъ любъ. Подпросилъ коровку въ придачу, да двѣ овцы. О другомъ прочемъ обѣщали сгомониться на рукобитѣ.

Поѣхалъ я домой веселешенекъ.

Рукобитѣ.

На „рукобитѣ“ мнѣ пришлось лично присутствовать много разъ. Опишу этотъ обрядъ, какъ наблюдалъ его у крестьянина дер. Стешина, Михаила Поликарпова, въ 1910 году.

Поликарповъ выдалъ свою дочь замужъ въ другую деревню. Въ назначенный день, вечеромъ, въ избу Поликарпова явились: женихъ, его отецъ и старшій братъ жениха. Женихъ принесъ съ собою четверть водки, которую и поставилъ подъ лавку.

— Ну, што-жь: коли совѣтъ да любовь промежь нашими молодыми,—предложилъ отецъ невѣсты,—то можно дѣло и начать?

— За этимъ, любезный сватушка, и путь къ тебѣ держали,—отозвался отецъ жениха.

Всѣ по очереди стали подходить къ рукомойкѣ. Невѣста стояла тутъ-же и подавала каждому уручникъ (полотенце). Умывъ руки, разсѣлись въ переднемъ углу на лавкахъ. На одной сторонѣ сидѣла родня невѣсты, на другой—жениха. Минуты двѣ молились сидя. Затѣмъ отецъ невѣсты всталъ, а за нимъ поднялись и другіе. Всѣ сдѣлали по нѣсколько земныхъ поклоновъ. Невѣста, горько плача, поклонилась своему отцу и матери въ ноги. Сватовья, т. е. отцы жениха и невѣсты, одѣли рукавицы и нѣсколько разъ хлопнули другъ друга по рукѣ.

— Хорошъ товаръ!—говорилъ отецъ невѣсты.

— По товару и купецъ!—отзывался отецъ жениха.

Описанное дѣйствіе называется „разводъ поводами“ и практикуется крестьянами при куплѣ-продажѣ болѣе или менѣе цѣнныхъ предметовъ, особенно лошадей.

По приглашенію хозяина гости сѣли за столъ. Женихъ торжественно поставилъ на послѣдній принесенную имъ водку.

— Отъ хлѣба-соли не отказываемся, а на счетъ другого-прочаго ужъ не взыщи, сватушка: сами распорядимся!—съ поклономъ отвѣтилъ отецъ жениха, сядя за столъ.

Женихъ съ невѣстой занимали центральное мѣсто за столомъ. Вскорѣ невѣста пересѣла на колѣни къ жениху. Время отъ времени молодые цѣловались. Старики вели свои разговоры. Угощеніе состояло изъ холоднаго (студень или холодецъ), варенаго мяса, щей, житной каши и яичницы.

Къ концу трапезы невѣста одарила жениха и его родственниковъ, перваго—бумажнымъ платкомъ и послѣднихъ—самодѣльными поясами. Женихъ, въ свою очередь, одарилъ невѣсту пятирублевымъ золотымъ.

Старики долго еще шумѣли за столомъ, а женихъ съ невѣстой поѣхали кататься по деревнѣ.

Прощанье невѣсты съ деревней. Дивичникъ.

Въ послѣдніе дни передъ свадьбой невѣста прощается съ деревней. Обычай „прощанья“ мнѣ пришлось наблюдать лично во многихъ деревняхъ описываемаго района въ періодъ съ 1908 по 1913 г. Для примѣра опишу прощанье невѣсты съ деревней, наблюдавшееся мною въ дер. Стенинѣ, въ январѣ 1912 г.

Какъ-то утромъ я увидѣлъ на улицѣ деревни такую картину: группа женщинъ, человекъ въ 15, медленно шествовала по напра-

влению къ полю. За воротами деревни женщины остановились. Изъ круга ихъ вышла дѣвушка и сдѣлала поясные поклоны на всѣ четыре стороны. Женщины тянули какую-то заунывную пѣсню, слова которой разобрать было трудно.

Затѣмъ шестіе направилось обратно къ деревнѣ. Здѣсь невѣста останавливалась передъ каждымъ жильцомъ и, плача, приговаривала:

— Прости, хозяинъ съ хозяйшкой и милыми дѣтками, коли въ чемъ когда поперчила!

— Богъ проститъ!—слышится въ отвѣтъ. Невѣста и окружающія ее женщины низко кланяются и переходятъ къ другой избѣ. „Прощанье“ происходитъ утромъ и вечеромъ въ теченіе двухъ-трехъ дней передъ свадьбой.

Наканунѣ свадьбы невѣста въ сопровожденіи дѣвушекъ подругъ идетъ въ баню, послѣ которой послѣднія расчесываютъ невѣстѣ косу, такъ назыв. „дивичью косу“. Вечеромъ того-же дня справляется „дивичникъ“.

На „дивичникъ“ я присутствовалъ въ домѣ крестьянина Гаврилы Петрова (въ дер. Стешинѣ) въ январѣ 1912 года.

Въ переднемъ углу подъ образами былъ накрытъ столъ. Въ центрѣ стола стояла „елка“, украшенная разноцвѣтными лоскутками матеріи и бумаги.

„Елка“—это верхушка, приблизительно въ аршинъ вышиною, обыкновенной ели. Украшается она въ день „дивичника“ подругами невѣсты (боярками) и служитъ символомъ вѣчной юности.

По крайней мѣрѣ, на мой вопросъ о значеніи елки, крестьянинъ дер. Усвятובה Максимъ Петровъ отвѣтилъ.

— А што-бы, значить, невѣста не испортилась: вѣдь елка всегда зелена; ну и невѣста будетъ, какъ елка.

Подобные разговоры приходилось слышать и отъ другихъ.

Невѣста, грустная и молчаливая, заняла мѣсто подъ образами. Кругомъ усѣлись подруги—боярки и нѣсколько замужнихъ родственницъ. Передъ каждой участницей на столѣ особый кувертъ—лента, перевязанная бантомъ. Нѣсколько минутъ царило глубокое молчаніе. Набившаяся въ избу посторонняя публика и та, какъ-бы сознавая торжественность минуты, притаила дыханіе.

И вотъ, среди жуткой тишины, раздается печальная пѣсня дѣвушекъ и женщинъ:

— Какъ у насъ было при вечери,
При послѣднемъ часу вечера,
При поры было, при времячкѣ,
При княгининѣ дивичникѣ:
Были столики снаряжены,

Браннымъ скатертямъ украшены.
Какъ за этимъ за дубовымъ за столомъ
Полный столъ гостей насажено.
Всѣ-то гости—красны дѣвушки,
Не все дѣвушки—молодушки,
Все покрытыя головунки.
Всѣ гостики веселыя сидятъ,
Одна княгинюшка невесела:
Она мылася, чесалася,
Подъ вѣнецъ златой справлялася.
Со всѣмъ дѣвушкамъ прощалася:
— „Вы прощайте-ка, подруженьки мои,
Я не на вѣкъ съ вамъ прощаюся,
Съ вамъ не на вѣкъ разлучаюся,
Завтра въ церкви обвѣнчаюся,
И вернуся къ вамъ не дѣвушкой,
А вернуся къ вамъ молодухой,
Со покрытою головухой!“

Невѣста, склонясь надъ столомъ, плакала.
Женщины затаили другую пѣсню:

— Княгиня, княгинюшка,
Дорогая гостюшка,
Золотая метелушка.
Намела, повымела
Вездѣ съ подлавочекъ.
Вымела горностаюшку—
Горностаюшку бѣлова.
Посадила на ручушку,
Понесла къ родному батюшки:
— „Государь, родимый батюшка,
Што это за звѣрюшечка?“
— „Мое милое дитятко,
Ты неси къ родимой матушки:
Твоя матушка съ чужихъ людей—
Она знаетъ звѣрюшечку“.
— „Сударыня-матушка,
Што это за звѣрюшечка?“
— „Мое милое дитятко
Это не звѣрюшечка,
Это не звѣрюшечка—
Вѣчная разлучушка!“

Пріѣхалъ женихъ. Одна изъ подругъ невѣсты взяла его за руку,
завела за столъ и посадила рядомъ съ невѣстой. Подали на столъ

самоваръ, началось чаепитіе. Предварительно женихъ обнесъ всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ, не исключая своей невѣсты и ея подругъ, водкой. Последняя приносится съ собою женихомъ.

Подкрѣпившись чаемъ и выпивъ водки, женщины опять запѣли:

„Затрубили во трубушку
Рано по зарѣ,
Заплакала дѣвушка
По своей косы:
— „Коса моя, косынька,
Русая коса!
По утру ранешенько
Маменька плела,
Ввечеру позднешенько
Дѣвушки плели,
Алыми цвѣточками
Заплетали!
Пріѣхала сватьюшка
Немная,
Взяла мою косыньку
Въ обѣ руки;
Обрѣзала русую,
Не жалѣя!“

Дивичникъ затянулся до полуночи и продолженіе его слѣдовало въ томъ же родѣ: пѣлись женщинами пѣсни, продолжалось чаеніе, плачь невѣсты.

День свадьбы.

Утромъ, въ день свадьбы, какъ въ домѣ жениха, такъ и невѣсты происходитъ благословеніе.

Такъ какъ обрядъ этотъ въ томъ и другомъ случаѣ почти тождественъ, то передамъ здѣсь благословеніе невѣсты, очевидцемъ котораго я былъ въ 1912 г. въ дер. Степнинѣ, въ домѣ крест. Григорія Титова.

Въ переднемъ углу избы стоялъ столъ, покрытый бѣлой домотканой скатертью. На столѣ лежалъ большой черный хлѣбъ съ солонкой. Тутъ-же стояла деревянная тарелка. Роль „дружка“ исполнялъ мѣстный знахарь, слышій на десятки верстъ кругомъ за колдуна, безъ участія котораго обходилась рѣдкая свадьба, какъ въ названной такъ и въ сосѣднихъ деревняхъ. Не пригласить дѣда Семена—такъ звали знахаря—считалось среди крестьянъ, по меньшей мѣрѣ, легкомысленнымъ поступкомъ.

Дѣдъ Семень, сознавая свою власть надъ крестьянами, отлично

пользовался создавшимся положеніемъ. Получая за свой „трудъ“ приличное вознагражденіе (по большей части зерномъ, холстомъ), онъ заставлялъ еще нуждающихся въ немъ упрашивать себя до нѣсколькихъ разъ.

Такъ было и въ данномъ случаѣ. Все было готово для благословенія, но дружка не являлся.

— „А развѣ нельзя безъ него?“—обратился я къ хозяину.

— Боже сохрани!—испуганно, удивляясь, видимо, моему вопросу, замахалъ тотъ руками,—какъ можно безъ дѣда: еще свадьбу испортить! Наконецъ дѣдъ явился.

Невѣста была уже одѣта. Дружка взялъ ее за руку и, что-то шепча про себя, три раза обвелъ ее вокругъ стола. Невѣста осталась за столомъ, рядомъ сталъ дружка, съ другой стороны боярки.

Первымъ подошелъ къ столу отецъ невѣсты и, положивъ на тарелку мелкую мѣдную монету, проговорилъ:

— Благословляю тебя, доченька, на житіе въ чужихъ людяхъ.

Далѣе подходили и другіе родственники и посторонніе и молча бросали на тарелку мѣдныя монеты. Болѣе почетныхъ посѣтителей дружка угощалъ водкой.

Собравшіяся въ избу женщины пѣли „благословенныя“ пѣсни. Изъ этихъ пѣсень мною тогда-же записаны слѣдующія:

— „Благослови, Боже-Боженька,
Свадьбу играти, Боженька,
Начинати, Боженька,
Князя женити Илью, Боженька,
Княгиню брати Авдотью, Боженька,
Случати вмѣсто
Двухъ молодыхъ,
Двухъ зачаженыхъ.
Надъ нимъ Божья милость
Мать Божья—Богородица,
Воскресеньце Свѣтлое.
Надъ нимъ свѣчи топятся,
Свѣчи воску ярова,
Еще шелку бѣлаго.
Святой око, Боженька,
Будь на свадьбѣ, Боженька,
Скуй намъ свадьбу, Боженька,
Крѣпкую, твердую, Боженька,
Долговѣчну, Боженька,
Съ младости до старости
До маленькихъ дѣточекъ.

Есть-ли въ избѣ, Боженька,
Матушка съ батюшкой?
Приступайте по одной доскѣ
Ко дубовому столу надѣляти
Свою дитятку милую
Серебромъ да золотомъ,
Еще скатнымъ жемчугомъ,
Еще Божьей милостью!

Здѣсь-же за столомъ невѣсты въ послѣдній разъ подруги-боярки расчесали косу. Невѣста въ это время горько плакала.

Кто-то сообщилъ, что въ деревню пріѣхалъ женихъ. Невѣсту закрыли большимъ платкомъ, приблизительно также одѣлись и ея подруги-боярки, и она въ сопровожденіи послѣднихъ вышла на улицу. Задача жениха состояла въ томъ, что-бы изловить невѣсту и посадить въ свои сани. Но всѣ его попытки въ этомъ не удавались. Какъ только онъ подъѣзжалъ къ дѣвушкамъ, тѣ быстро поворачивали въ сторону. Подруги невѣсты, осмѣявъ жениха за его неловкость, отправились съ невѣстой въ избу. Женихъ также послѣдовалъ съ прибывшими съ нимъ родственниками въ избу. Здѣсь онъ долженъ былъ выкупить „красу“, т. е. подарками заставить дружка невѣсты и ея боярокъ снять съ невѣсты покрывало и занять мѣсто за столомъ рядомъ съ нею. Произошелъ торгъ между „поѣзжапами“, т. е. лицами, пріѣхавшими съ женихомъ, и дружкомъ и подругами невѣсты. Торгъ происходилъ довольно долго, причемъ съ той и другой стороны то и дѣло сыпались остроты чисто народнаго юмора.

Наконецъ, дружокъ невѣсты нашель, что выкупъ, предложенный „поѣзжапами“, достаточенъ. Боярки раскрыли невѣсту.

Дружко, взявъ за руки жениха и невѣсту, завелъ ихъ за столъ. Затѣмъ снялъ съ божницы вѣнчальные образа и, по очереди, слегка ударилъ ими жениха и невѣсту по головѣ. Взялъ въ руки каравай хлѣба и нѣкоторое время кружилъ имъ надъ головами брачующихся. Этотъ-же каравай разрѣзалъ на ломти и, шепча что-то про себя, одѣлилъ таковыми сначала жениха съ невѣстой, а затѣмъ и гостей, сидѣвшихъ за столомъ. Точно также онъ единолично распоряжался и водкой. Хотя предъ женихомъ и невѣстой и стояли яства, но они до нихъ не дотрогивались: по издавна установившемуся въ названной деревнѣ обычаю, молодые до вѣнца не вкушаютъ пищи. Пока гости угощались, женщины и дѣвушки, столпившіяся у обѣденнаго стола, сильно топоча ногами и привскакивая, пѣли такъ назыв. „отѣзжія пѣсни“, изъ которыхъ мною записаны:

I. Весела горенка Григорьева:

Во сыромъ бору она валена,
Вострымъ топоромъ она рублена,

На борзыхъ коняхъ съ лѣсу вожена,
Внизъ по водѣ она сплавлена,
Высоко на гору она тягана,
На веселомъ мѣстечкѣ поставлена.
Въ той-ли горенки пиръ пировати,
Пиръ пировати—свадьбу играти,
Свадьбу играти—сыновей женити,
Сыновей женити—дочекъ отдавати.
Сына женю—я подмогу веду,
Дочку отдаю—я панлочку.

II. Смородина, сморода, смородушка!
Отчего ты, сморода, не весела?
Отчего ты, рѣчушка, мутно потекла?
— Какъ-же мнѣ рѣчушкѣ не мутной быть?
На мнѣ-ли рѣчушки три рати стоятъ:
Какъ первая рать-то литовская,
А вторая рать-то татарская,
А какъ третья рать-то крестьянская.
Въ литовской рати конечекъ проржалъ,
Конечекъ проржалъ—онъ съ войны бѣжалъ.
У татарской рати побрячки бречать,
Побрячки бречать—головки летять.
А въ крестьянской рати дѣвица плачетъ,
Дѣвица плачетъ—замужъ не хочетъ.
Что просваталъ ее—не батюшка родной,
Проговаривала—не родна матушка,
Была свашенькой не крѣсная,
Во бояркахъ—не сестрицы родны,
Во пріѣзжичкахъ—не братцы-соколы!
А просваталъ ее—свѣтель мѣсяць,
Проговаривало—красно солнышко,
Была свашенькой—ясна зорюшка,
Во боярочкахъ—часты звѣздочи,
Во пріѣзжичкахъ—сини облакі!

III. Съ восходу до западу
Протекалъ серебряный ручей,
Еще рѣчушка быстрая,
Быстрая, каменистая.
За той за быстрой рѣчушкой
Стоитъ церковь Іожія —

Низкая, плоская,
Верхомъ чуденъ крестъ позолоченый.
Въ этой церкви Божіей
Двое молодоновъ
Стоя Богу молятся:
Просяť въ Бога милости,
Три здоровья въ голову,
А четверто—въ ретиво сердце.
Здравствуй, здравствуй, князь молодой,
Со своею суженой!

Объденный столъ окончился. Дружко, взявъ молодыхъ за руки, вывелъ изъ-за стола. Невѣста съ женихомъ сѣли въ сани. Первая держала въ рукахъ елку, бывшую во время „дивичника“ на столѣ. Дружко, съ полотенцемъ черезъ плечо, поѣхалъ впереди. Со двора выѣхало всего около 10 саней. Многіе гости еле уже сидѣли въ саняхъ.

Примѣты во время вѣнчанья (по словамъ кр. д. Стешина Вас. Михайлова): кто изъ молодыхъ первымъ ступить на платокъ, разстилаемый у аналая,—тотъ первымъ умретъ; кто во время совершенія таинства держитъ свѣчу выше,—тотъ будетъ господствовать надъ другимъ; чья свѣча по окончаніи обряда окажется короче,—того и вѣкъ короче.

Изъ церкви молодые и ихъ родственники ѣдутъ въ домъ жениха.

Моментъ пріѣзда молодыхъ и послѣдующее теченіе свадебнаго торжества мною описывается по собственному наблюденію (дер. Стешино, въ 1912 г., въ домѣ кр. Трифона Артемьева):

Подъѣзжая къ жилищу жениха, одна изъ боярокъ невѣсты накрывала послѣднюю платкомъ. Въ сѣняхъ молодыхъ встрѣтилъ отецъ жениха и, осыпая ихъ хмѣлемъ и житомъ—приговаривалъ:

— Жито—на житье, хмѣль—на веселье!

Молодые вошли въ избу; дружко завелъ ихъ за столъ. Молодая стояла подъ покрываломъ.

Свекоръ кнутовищемъ нѣсколько приподнялъ покрывало молодой невѣстки.

Женщины, бывшія въ избѣ, пѣли:

— „Рыбинка, не прыгайся!
Авдотьюшка, догадайся:
Ладятъ тебя раскрывать—
На весь честной народъ показать.
Покажите-ка молодую—
Семеновну появальную!“

Свекоръ рѣшительнымъ движеніемъ сбрасываетъ съ невѣстки покрывало.

Собравшаяся въ избу публика громко кричить:

— Хороша молода! Хороша молода!

Молодая невѣстка повѣсила на кнутовище, которымъ свекоръ раскрывалъ ее, ситцевый платокъ: это подарокъ свекру. Затѣмъ невѣстка взяла ковшъ съ домашнимъ пивомъ и преподнесла свекру. Свекоръ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ подношенія невѣстки.

Женщины запѣли:

— Жарко, жарко уголье!
Тошнехонько молодущкѣ:
Пристояла ноженьки,
Придергала рученьки
Къ медову ковшу!
Скоротъ свекоръ-батюшка
Приметь ковшъ со брагою!

Свекоръ принимаетъ ковшъ.

Начался такъ назыв. „княжой столъ“.

Молодые сидѣли въ углу подъ образами, кругомъ занимали мѣста родственники ихъ. Гости, выпивая, то и дѣло кричали:

— Горько! Тараканъ въ рюмкѣ! —

Молодые при этихъ возгласахъ должны были цѣловаться.

Во время стола боярки и другія женщины пѣли пѣсни, требуя за нихъ отъ гостей плату.

I. Умны бояры князевы—

Поумнѣй ихъ князь молодой:
Подсѣкъ березу во темномъ бору,
Побралъ ягоду во сыромъ лѣсу,
Подкопалъ медуню въ зеленомъ саду—
Укралъ дѣвушку отъ батюшки,
Не далъ березы раскинутися,
Не далъ медунѣ повыцвѣсти,
Не далъ ягодки повызрѣти,
Красна дѣвушки додѣвити!
Раскинъся береза подсѣченная!
Расцвѣти медуня подкопаная!
Дозрѣй ягодка побраная,
Додиви, дѣвушка, за моей головой,
Носи златъ вѣнецъ не складывая,
Терпи горюшко не сказывая!

II. Не у пасъ-ли полонъ дворъ саней?

Цѣла горница сидитъ людей?

Нѣту гостя самолучшаго,
Что и батюшки родимаго!
Благословить меня сиротушку
Въ эту путь-ли во дороженьку,
Ко чужому отцу—матери,
Ко чужимъ братьямъ и сестрыимъ,
Ко чужимъ людямъ—насмѣшникамъ.

Далеко за полночь кончился свадебный пиръ. Дружко, шепча какія-то заклинанія, вывелъ молодыхъ изъ-за стола и передалъ свахѣ. Та отвела ихъ въ другую избу, гдѣ была приготовлена брачная постель.

По рассказамъ крестьянъ описываемаго района, молодая жена въ первый вечеръ снимаетъ съ ногъ мужа сапоги, а онъ слегка ударяетъ ее кнутомъ. Лично провѣрить эти рассказы мнѣ не пришлось, но въ достовѣрности такого обычая сомнѣваться не приходится.

О второмъ днѣ послѣ брака передамъ рассказъ крестьянки дер. Стешина, Натальи Ивановой, записанный мною въ декабрѣ 1911 г.

— „Чуть начало свѣтать, слышу--кто-то зоветъ меня поимянно:

— Вставай, Наталья: гости давно опохмѣлились и ожидаютъ молодыхъ.

Встала я, пріодѣлась, пошла въ другую избу умываться. Хватъ—въ рукомойкѣ ни капли воды. Ахъ ты, головушка бѣдная! А тетка Репинья (сваха) шепчетъ:

— Поясокъ къ рукомойкѣ подвяжи, поясокъ подвяжи!

Дѣлать нечего, сходила въ сундукъ, захватила двѣ пары поясовъ да, какъ велѣла тетка Репинья, положила за пазуху два кисета и ситцевый платокъ—пятналтынный заплоченъ былъ. Ну вотъ, привязала къ рукомойкѣ поясъ—глядь золовка Машка ковшикъ воды претъ. Умылась. Вдругъ дядя Матвѣй (мужиниъ дядя) и гомонить:

— А ну-ка, молодушка, подпаши-ка избу—сумѣешь-ли?

Я снова разу поняла, што съ меня требоваеця. Привязала къ вѣнику другой, значить, поясъ. Тая-же золовка схватила вѣникъ и подпахала избу.

Потомъ глядь—Анаха (братъ мужа) притащилъ въ избу телку.

— А ну-ка, гомонить, молодушка—какъ ты на счетъ скотинки? Дохона-ли?—Вытащила кисеть и повѣсила на теленка: „этимъ и отбоярилась“.

Въ этотъ-же день, въ деревняхъ описываемаго района, молодымъ на обѣдъ подають „курникъ“ — пирогъ, въ которомъ запеченъ пѣтухъ. „Курникъ“, по убѣжденію крестьянъ, способствуетъ жизнерадостности молодыхъ и влияетъ на плодovitость молодой жены.

На третій день молодожены ѣдутъ на такъ назыв. „отводины“ въ домъ жены. По прїѣздѣ, молодой зять дѣлаетъ земной поклонъ тещѣ, благодаря ее за то, что она сумѣла сберечь до брака невинность своей дочери.

Обычай этотъ мнѣ пришлось лично наблюдать въ д. Лотаковѣ въ 1910 году. Въ прежнее время—лѣтъ 10—15 тому назадъ—названный обычай былъ распространенъ довольно широко, но теперь постепенно исчезаетъ и сохранился лишь въ наиболѣе глухихъ уголкахъ уѣзда.

Свадебное веселье, смотря по достатку молодоженовъ, продолжается отъ одного до четырехъ дней.

Г. Орѣховъ.

Вс. Θ. Миллеръ, какъ изслѣдователь русскаго былевого эпоса.

5 ноября 1913 г. безпощадная смерть унесла изъ среды русскаго образованнаго общества выдающагося и талантливаго ученаго академика Всеволода Ѳедоровича Миллера, оставившаго послѣ себя весьма почетное и славное имя въ различныхъ областяхъ научнаго знанія. Покойный ученый много потрудился, пролилъ ясный свѣтъ и внесъ много новыхъ освѣжающихъ мыслей въ область сравнительнаго языкознанія, сравнительной этнографіи и фольклора, востоковѣдѣнія и кавказовѣдѣнія, археологіи и исторіи русской словесности. Съ цѣлымъ рядомъ крупныхъ научныхъ фактовъ его имя уже неизмѣнно будетъ связывать исторія перечисленныхъ научныхъ дисциплинъ. Здѣсь мы постараемся дать посильный очеркъ той стороны дѣятельности Миллера, которая близко касается интересовъ и задачъ журнала и которая вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ имя покойнаго ученаго извѣстнымъ и популярнымъ въ широкихъ кругахъ русской интеллигенціи. Мы будемъ говорить о Всеволодѣ Миллерѣ, какъ изслѣдователѣ русскаго эпоса.

Всеволодъ Ѳедоровичъ Миллеръ, несмотря на то, что значительную часть своей научной работы отдалъ языкознанію и даже вплоть до 90-хъ годовъ занималъ официально кафедру сравнительнаго языкознанія, очень рано, еще на студенческой скамьѣ, обнаружилъ большую склонность и интересъ къ народной словесности, фольклору. Это единеніе сравнительнаго языкознанія, сравнительной миѳологіи и сравнительнаго фольклора, которое мы наблюдаемъ у Вс. Θ. Миллера, было весьма естественно и вытекало изъ самой сущности и метода этихъ, сравнительно новыхъ для того времени, лишь становившихся на ноги научныхъ дисциплинъ. Языкъ, миѳъ, сказаніе—это три близкіе, другъ другомъ обуславливаемые, тѣсно связанные первичные элементы духовнаго творчества всего человѣчества. Въ научной разработкѣ ихъ кромѣ того объединялъ методъ, выковавшійся ко времени Миллера въ ясныя, опредѣленные принципы на основахъ сравнительнаго языкознанія и, какъ разъ, въ эпоху выступленія Миллера на самостоятельный путь изученія выдвинувшійся въ примѣненіи къ народнымъ

вѣрованіямъ и сказаніямъ. Такое же соединеніе этихъ родственныхъ знаній мы наблюдаемъ въ научной дѣятельности и другихъ, какъ западно-европейскихъ, такъ и русскихъ ученыхъ, и нельзя не признать въ важности подобнаго единенія для результатовъ научной работы...

Примѣръ сліянія интересовъ и занятій народной поэзіей и языкомъ, въ сравнительно-историческомъ изученіи котораго Миллеръ въ скоромъ времени усовершенствовался за-границей подъ руководствомъ извѣстныхъ лингвистовъ, Вс. Θ. имѣлъ еще въ студенческіе годы въ лицѣ своего даровитаго учителя Θ. И. Буслаева, которому Вс. Θ. несомнѣнно многимъ обязанъ въ развитіи своихъ научныхъ интересовъ и поэтическихъ симпатій. Отъ Θ. И. Буслаева съ той же знаменитой кафедрой русской словесности въ Московскомъ Университетѣ Вс. Θ. могъ получать полныя завлекательности и глубокаго интереса свѣдѣнія и указанія по русскому былевому эпосу, привлекая къ нему вниманіе будущаго извѣстнаго его изслѣдователя въ самомъ началѣ его ученой дѣятельности.

Русскій былевой эпосъ это, по словамъ Вс. Θ., „драгоценное достояніе русскаго народа“, въ шестидесятые годы, на конецъ которыхъ приходится университетское образованіе и сложеніе научныхъ интересовъ Миллера, привлекаетъ особое вниманіе зарождающейся русской науки и предлагаетъ много новыхъ и неизвѣстныхъ ранѣ фактовъ. Въ 60-е годы появились въ печати знаменитые сборники былинъ Кирѣевскаго и Рыбникова, а въ годъ окончанія Миллеромъ университета (1870) въ Олонецкомъ краѣ производитъ собраніе былинъ ревностный Гильфердингъ. Къ 60-мъ же годамъ относится и начало собственно научной разработки эпоса—вышли работы Буслаева, а также извѣстныя въ наукѣ, хотя и противоположныя другъ другу по направленію, большія монографіи В. В. Стасова и Ор. Миллера посвященныя русскимъ былинамъ.

Такимъ образомъ ко времени выступленія Вс. Θ. на научное поприще открылось невѣдомое раньше богатство русскаго эпоса, многочисленныя захватывающіе своей архаичностью и своеобразіемъ родники народной поэзіи, а научные изслѣдователи сдѣлали опредѣленныя попытки разгадать это открывшееся чудесное сокровище, полное загадочности, едва уловимыхъ, но тѣмъ болѣе завлекательныхъ и заманчивыхъ для научной мысли, отголосковъ далекой, еще мало понятой старины. Русскій былевой эпосъ—это трудная, но заманчивая загадка, рѣшенію которой съ рвеніемъ и увлеченіемъ за протекшее полстолѣтіе отдавали лучшія свои силы русскіе выдающіеся ученые, имѣвшіе въ своихъ рядахъ Буслаева, Ор. Миллера, Ал-ра Веселовскаго, Жданова, Дашкевича, Халанскаго и другихъ. И вотъ среди этихъ именъ одно изъ самыхъ почетныхъ и видныхъ мѣстъ должно быть по справедливости отведено Вс. Θ. Миллеру, какъ по величинѣ

достигнутыхъ имъ результатовъ, такъ и по продолжительности и настойчивости его научныхъ разысканій. Русскій былевой эпосъ со всей его загадочностью, сложностью, историческими отголосками и иноземными литературными вліяніями на всю жизнь приковалъ къ себѣ пытливую научную мысль Вс. Миллера, несмотря на другія свои разностороннія занятія, никогда не выпускавшаго его изъ своего научнаго кругозора и сдѣлавшаго изъ него предметъ своихъ любимыхъ специальныхъ работъ.

Въ предисловіи къ одному изъ своихъ извѣстныхъ трудовъ (Экскурсы) Вс. Θ. далъ блестящее образное опредѣленіе русскаго былевого эпоса, уясняющее его особенно сложный характеръ и обуславливающее особые приемы его научной разработки.

„Нашъ былевой эпосъ представляется мнѣ грандіозной развалиной, обширнымъ многовѣковымъ сооруженіемъ, полнымъ таинственныхъ ходовъ и переходовъ, съ пристройками и настройками отъ разныхъ временъ. Въ этомъ зданіи жили нѣкогда князья, пристраивая къ нему терема и вышки, украшая его византійской мусіей и восточными коврами. Въ свое время пограбили въ немъ половцы и татары; въ свое время проживали московскіе бояре, ночевали казаки и наконецъ въ кое-какихъ еще обитаемыхъ закутахъ устроился непритхливый одонецкій крестьянинъ“... „Какое необозримое поле для изслѣдованій, восклицаетъ Вс. Θед., представляетъ эта удивительная постройка“! Вс. Θ. Миллеръ, подобно другимъ ученымъ, съ глубокимъ интересомъ отдается ея изученію, старается уяснить эту постройку, дѣлаетъ разнообразныя проекты ея реставраціи. Ему понятно, что „когда эта постройка была открыта, цѣлое поколѣніе изслѣдователей еще бродило подъ обаяніемъ перваго впечатлѣнія: оно было поразительно! Мысль невольно окрылялась, хотѣлось скорѣй найти такой пунктъ, съ котораго можно было бы обнять все зданіе однимъ взоромъ, сразу понять его планъ, уяснить его происхожденіе“... Но свѣтлый, правда неисключающій увлеченія и даже крайности, критическій умъ Миллера уже съ самаго начала его научной работы принуждаетъ его прежде всего подумать о методѣ реставраціи, о приемахъ изученія и воскрешенія изъ груды развалинъ цѣлаго сложнаго зданія. Самый первый печатный трудъ Вс. Θ. (1871) какъ разъ посвященъ опредѣленію метода по изученію нашихъ былинъ. Поводъ для этого былъ данъ ему одной изъ означенныхъ выше самыхъ смѣлыхъ попытокъ „съ одного пункта обнять все зданіе и уяснить его происхожденіе“, которая была предложена въ извѣстномъ трудѣ В. В. Стасова „Происхожденіе русскихъ былинъ“ (1868 г.) Миллеръ, основываясь на данныхъ окрѣпнущаго сравнительнаго языкознанія и указывая уже осознанные, столь естественныя, кривыя пути и ошибки въ исторіи этой дисциплины, подвергаетъ жестокой критикѣ сравнительный методъ Стасова. Излагая въ ясныхъ чертахъ „ходъ сравнительнаго

метода въ лингвистикѣ, гдѣ сравненіе возвышалось до степени научнаго метода, примѣнимаго и къ прочимъ областямъ филологій вообще“, Вс. Оед. тѣмъ самымъ старается извлечь нѣкоторыя весьма цѣнныя указанія, „могущія предостеречь изслѣдователя былинъ отъ крайностей и увлеченій“. На основаніи разбора одной главы труда Стасова, именно былинъ о Садкѣ, Вс. Оед., идя чисто объективнымъ путемъ, чуждый страстности и предвзятости тона другихъ критиковъ Стасова, приходитъ къ выводу о несостоятельности метода, а потому и выводовъ, взятыхъ въ цѣломъ, автора восточной гипотезы происхожденія русскихъ былинъ. Главными недостатками Стасова Миллеръ считаетъ механичность сравненій, зависимость сравненій отъ восточнаго матеріала, обусловленность сравненій цѣлью, съ которой предпринято изученіе, неточность въ передачѣ русскихъ былинъ, предвзятое стремленіе видѣть тождество былинъ съ восточными сказками и въ цѣломъ, и подробностяхъ, желаніе лишить русскія быliny всего русскаго, національнаго и наконецъ отсутствіе критики сравниваемого матеріала. Вс. О. Миллеръ не отрицаетъ возможности восточнаго вліянія на русскія сказанія, но не считаетъ пріемлемымъ доказательства Стасова. Разъ ошибоченъ методъ реставраціи русскаго эпоса, то и все возведенное Стасовымъ восточное зданіе не имѣетъ прочности и не получаетъ оправданія. „Отъ прочности отдѣльныхъ камней, говоритъ въ заключеніи Вс. О., зависитъ прочность зданія: отъ прочности отдѣльныхъ сравненій зависитъ прочность гипотезы г-на Стасова. Но мы видѣли, что сравненія его не прочны, что отдѣльные камни зданія не обдѣланы, положены вкривъ и вкосъ и потому имѣемъ, кажется, достаточное основаніе заподозрить и прочность всей грандіозной и многоэтажной постройки“...

Стасовская реставрація въ восточномъ стилѣ потерпѣла крушеніе. Русскій былевой эпосъ по прежнему оставался загадочными огромными и сложными развалинами. Большая монографія Ор. Миллера, несмотря на то, что было привлечено много матеріала, затрачено много энергіи, сдѣланъ рядъ весьма цѣнныхъ сопоставленій, также не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ. Виною этому были нѣкоторыя предвзятія точки зрѣнія, стремленіе видѣть то, что желалось и мечталось, и вообще еще слабость методологій и историческихъ свѣдѣній. Передъ изслѣдователями по прежнему лежало широкое поле гипотетическихъ построеній, отдѣльныхъ частичныхъ разысканій, привлеченіе всевозможныхъ новыхъ могущихъ пролить, хоть нѣкоторый, свѣтъ историческихъ и литературныхъ матеріаловъ.

Въ теченіе 70-хъ годовъ Вс. Оед. Миллеръ занятъ изученіемъ языка и культуры древняго Востока. Онъ занятъ сравнительнымъ изученіемъ индо-европейскихъ языковъ, индусскихъ сказокъ, арійской мифологіи, основанной на сравнительномъ методѣ изученія. Но и при этихъ занятіяхъ онъ не упускаетъ изъ виду славянскаго, въ частности

русского, фольклора и литературы, а въ 1877 году онъ бросаетъ свой новый проникновенный взглядъ на не менѣ загадочное, особенно въ то время, другое сокровище древне-русской поэзіи—Слово о полку Игоревѣ и въ этомъ проявляетъ свое постоянное стремленіе къ рѣшенію путемъ сравнительнаго метода самыхъ сложныхъ вопросовъ. Этотъ „Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ“, идеть въ разрѣзъ со многими господствовавшими въ то время воззрѣніями—онъ доказываетъ, что Слово не пѣснь, а книжное произведеніе, написанное въ стилѣ и подъ вліяніемъ переводной повѣствовательной литературы, приходившей на Русь черезъ Болгарію, для примѣра указываетъ разительныя сходства съ художественными приѣмами повѣсти о Дигенисѣ, отрицаетъ значеніе Слова, какъ свѣжаго непосредственнаго источника для древне-русской мѣлологіи, видя въ ней украшающіе книжныя приѣмы, наконецъ считаетъ личности Бояна и Трояна заимствованіемъ изъ болгарскихъ сказаній. Пусть нѣкоторые выводы Вс. Ё. Миллера грѣшатъ излишней категоричностью и нуждаются въ существенныхъ поправкахъ, однако, по признанію такого авторитета, даваго живой откликъ на трудъ Вс. Ёед., какъ А. Н. Веселовскій, „авторъ впервые высказалъ откровенно то, что лежало на сердцѣ у многихъ, старавшихся отнестись къ развитію древне-русской литературы трезво и безъ предвзятыхъ убѣжденій. Призналъ заслуги Вс. Ёед. Миллера, несмотря на представленныя возраженія, и Ор. Миллеръ, но съ другой стороны въ лицѣ Е. В. Барсова Вс. Ёед. нашелъ горячаго противника своему Взгляду. Во всякомъ случаѣ въ исторіи разработки нашего драгоцѣннаго памятника древне-русской литературы Взглядъ Вс. Миллера составилъ цѣлую эпоху.

Однако при всѣхъ этихъ занятіяхъ у В. Ё. Миллера по прежнему не исчезаетъ мысль о реставраціи и разгадкѣ русскаго былевого эпоса. Какой бы областью изъ своихъ спеціальныхъ занятій онъ не увлекался, онъ все время слѣдитъ за научной литературой о русскомъ эпосѣ и ищетъ въ сферѣ своихъ занятій матеріала и источниковъ, хоть къ частичному, его уразумѣнію. Несомнѣннымъ отголоскомъ занятій Миллера „Словомъ о полку Игоревѣ“ являются двѣ работы, посвященныя былинамъ. Устанавливая болгарскіе книжныя источники для Слова о полку Игоревѣ, Вс. Ё. Миллеръ весьма справедливо усматриваетъ подобное же воздѣйствіе одной популярной книжной повѣсти—именно Александрин—на былинну о поѣздкѣ Вольги въ Индійское Царство („Отголоски Александрин въ болгаро-русскихъ былинахъ“. Журн. М. Н. Пр. 1877 г. Окт.). При разысканіяхъ юго-славянскаго прототипа для Бояна и Трояна, находя эти имена въ юго-славянскихъ пѣсняхъ, Миллеръ дѣлаетъ, правда рискованную, попытку объяснить былинну о встрѣчѣ Вольги съ Микулой изъ фригійскихъ, перешедшихъ къ южнымъ славянамъ, сказаній о Гордіасѣ и Александрѣ Македонскомъ. („По поводу Трояна и Бояна „Слова о полку Игоревѣ“.

Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 Дек. стр. 239—267). Статья эта вызвала справедливые возражения со стороны Ор. Миллера и Халанскаго, да и самъ Вс. Оед. впоследствии отказался отъ этой гипотезы, хотя съ другой стороны, указаль рядъ другихъ дѣйствительно очень близкихъ параллелей къ этой былинѣ изъ восточныхъ сказаній о томъ же Александрѣ Македонскомъ (перепечатано въ „Очеркахъ“, I, стр. 443). „Но изслѣдуя южную культурную струю въ нашемъ эпосѣ, говоритъ въ это время Вс. О. Миллеръ, намекая на свои только что указанныя двѣ работы, этотъ потокъ, достигавшій Кіева, мы разрѣшаемъ только часть задачи исторической постановки древне-русской народной поэзіи“, и Вс. Оед. указываетъ на необходимость считаться съ исторической жизнью на сѣверѣ—въ частности съ столкновеніемъ славянской національности съ Чудью и Варягами, и въ своей блестящей статьѣ „Отголоски финскаго эпоса въ русскомъ“ (Журн. М. Н. Пр. 1879 г. Дек.) устанавливаетъ рядъ интересныхъ вліяній финскихъ сказаній на русскія былины. Такими отголосками являются, между прочимъ, былинные свѣдѣнія о Колыванѣ и былины о Садкѣ-гуслярѣ и морскомъ царѣ. Такимъ образомъ уже здѣсь чувствуется у Вс. Оед. Миллера раздѣленіе русскаго эпоса на двѣ струи—южную и сѣверную, мысль, впоследствии подробно развитая и самимъ Вс. Оед., и другими изслѣдователями.

Въ 80-е годы Вс. О. Миллеръ главными своими научными интересами уходитъ въ далекій Иранъ и въ сильно за эти годы полюбившіяся ему высоты Кавказа. Для Вс. Оед-ча 80-е годы это время написанія знаменитыхъ Осетинскихъ этюдовъ. (1881, 1882, 1887) время пристальнаго личнаго ознакомленія съ Кавказомъ, глубокаго интереса къ языку и духовной жизни, поэзіи и вѣрованіямъ разнообразной, пестрой кавказской народной массы. Вс. Оед-ча особенно привлекаютъ народы, стоявшіе въ близкомъ родствѣ съ иранцами, перенесшіе на Кавказъ иранскій языкъ, духовную культуру и бытъ. Въ связи съ этими вопросами Вс. Оед. обращаетъ вниманіе на древнихъ насельниковъ южной Руси и доказываетъ ихъ прямую родственную связь съ Ираномъ. Надышавшись чудеснымъ міромъ кавказскихъ сказокъ и легендъ, преданій и пѣсенъ, пристально изучивъ это огромное богатство народнаго творчества кавказцевъ, Вс. Оед. Миллеръ, съ одной стороны, подобно своимъ наблюденіямъ надъ языкомъ нѣкоторыхъ кавказскихъ народовъ, замѣтилъ близкое соотвѣтствіе многихъ входящихъ въ него мотивовъ и сюжетовъ съ древней привлекательной поэзіей Ирана, съ другой стороны, въ томъ же сказочномъ и героическомъ мірѣ Кавказа тонкій слухъ Вс. Миллера уловилъ знакомые мотивы родного русскаго эпоса. Результаты своихъ первыхъ наблюденій Вс. Оед. собираетъ въ двухъ статьяхъ, трактующихъ указанные темы, это „Иранскіе отголоски въ народныхъ сказаніяхъ Кавказа“ (Этногр. Обзор., кн. II, 1889, № 2) и „Кавказско-русскія параллели“ (Этнографическое Обзорѣніе, кн. X, 1891 и XI, 1892).

Дальнѣйшее углубленіе въ эту область въ концѣ концовъ приводитъ Вс. Фед.-чакъ созданію цѣлой стройной системы, позволяющей, какъ казалось автору, уяснить, если не весь русскій былевой эпосъ, то, по крайней мѣрѣ, одну изъ главныхъ и основныхъ его частей. Эту систему онъ излагаетъ въ своихъ извѣстныхъ „Экскурсахъ въ область русскаго народнаго эпоса“ (1892 г.). Миллеру кажется, что на высотахъ Ирана и Кавказа, онъ нашелъ тотъ пунктъ, съ котораго сталъ виднымъ и яснымъ одинъ изъ главныхъ фасадовъ разваливашагося грандіознаго зданія—русскаго эпоса. Такимъ пеходнымъ пунктомъ оказались перешедшія и на Кавказъ, и къ тюркамъ иранскія сказанія о славномъ Рустемѣ. Въ послѣднемъ Вс. Фед. усмотрѣлъ прототипъ нашего главнаго богатыря, стараго казака Ильи Муромца. Наиболѣе популярными эпизодами иранской Рустеміады и у тюрковъ, и на Кавказѣ были повѣствованія о поѣздкѣ Рустема въ Мазендеранъ и о боѣ его съ своимъ сыномъ Сохрабомъ. Эти два эпизода перешли и на Русь, и въ русскихъ былинахъ „О трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца“ и о его „боѣ съ сыномъ“ Вс. Фед. различаетъ еще довольно явно, по его мнѣнію, сохранившуюся иранскую основу. Подтвержденіемъ перехода Рустеміады на Русь для него служить извѣстная сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ, на восточное происхождение которой указалъ еще Стасовъ; Миллеръ дополняетъ сдѣланныя послѣднимъ сопоставленія указаніемъ промежуточныхъ кавказскихъ параллелей, находитъ сходства съ былинами объ Ильѣ и дѣлаетъ выводъ, что былины объ Ильѣ и сказка объ Ерусланѣ являются разновременными обработками одного и того же иранскаго сюжета. Наиболѣе убѣдительными явились у Миллера лишь сопоставленія иранскихъ и русскихъ сказаній о боѣ отца съ сыномъ. Эта сравнительная убѣдительность обусловливалась въ данномъ случаѣ наиболѣе полно и правильно приложеннымъ сравнительнымъ методомъ изученія.

Именно—„детальное разсмотрѣніе русскихъ пѣсенъ о боѣ Ильи съ сыномъ“ сдѣлало вѣроятнымъ, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть не просто русскія версіи общераспространеннаго эпическаго сюжета, а отголоски этого сюжета именно въ иранской редакціи, прошедшей, впрочемъ чрезъ неиранскую среду раньше своего проникновенія въ нашъ народный эпосъ“. Но Вс. Фед. не остановился на исторіи только этихъ указанныхъ эпическихъ мотивовъ. Вслѣдъ за установленіемъ ихъ иранскаго происхожденія, онъ увлекся мыслью доказать еще большее отраженіе иранской Рустеміады на русскомъ былевомъ эпосѣ. Исходя изъ положенія, что на личности главнаго русскаго богатыря наслонились черты Рустема, Вс. Ф. Миллеру кажется, что „вмѣстѣ съ Рустемомъ сохранились въ нашихъ былинахъ и нѣкоторыя другія личности иранскаго эпоса, находящіяся съ нимъ въ связи и служащія для его характеристики, для отгѣненія его нравственнаго облика“. Таковъ царь Кейкаусъ, отразившійся, по мнѣнію Миллера, на эпиче-

скомъ обликѣ трусливаго, малодушнаго и деспотичнаго князя Владиміра, развратная жена персидскаго царя Судаба на'легкомысленной княгинѣ Апраксин. Въ образѣ русскаго Соловья разбойника Миллеръ усматриваетъ соединеніе чертъ иранскихъ героев Симурга, Кергсара, бѣлаго дива и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ послѣднихъ сопоставленіяхъ талантливый, но не лишенный увлеченія, авторъ слишкомъ поддался своей иранской системѣ и въ результатѣ сдѣлалъ рядъ рискованныхъ и малоубѣдительныхъ гипотезъ. Въ объясненіи „мозаичности“ образовъ русскаго эпоса и въ отысканіи составныхъ его элементовъ въ раздѣльныхъ мотивахъ и подробностяхъ иранской словесности Вс. О. Миллеръ проявилъ, незамѣтно для себя, то же увлеченіе, правда въ значительно уменьшенномъ видѣ, въ чемъ самъ упрекалъ раньше Стасова. Но для характеристики научнаго облика Миллера нужно всегда имѣть въ виду, что въ своемъ проектѣ реставраціи русскаго эпоса на иранскихъ основахъ и мотивахъ, онъ всегда подчеркивалъ мысль, что это именно лишь проектъ и гипотеза отнюдь не высказываемая имъ въ категорической формѣ. Онъ не закрывалъ глаза на то, что у него въ трудѣ найдутся „частныя ошибки и увлеченія, отъ которыхъ не гарантированъ ни одинъ изслѣдователь, какъ бы онъ ни старался быть остороженъ“, но онъ и убѣжденъ, что „такіе промахи будутъ своевременно замѣчены критикой“ (стр. 13). Въ данномъ случаѣ вполне примѣнимы справедливыя слова самаго Вс. Оед-ча, сказанныя имъ по поводу одного покойнаго собирателя русскаго народнаго творчества: „Отъ промаховъ свободенъ лишь тотъ; кто ничего не дѣлаетъ. Разъ промахи замѣтны для науки, они уже исправимы и не могутъ затормозить научныхъ успѣховъ“ (П. В. Шейнъ, Біографическій очеркъ. Этногр. Обзоръ, кн. XLVI, 1901).

Научная критика въ лицѣ Н. П. Дашкевича отнеслась къ гипотезѣ Вс. Оед-ча, выставленной имъ въ Экскурсахъ довольно сурово; были сдѣланы указанія на сходство пріемовъ и нѣкоторыхъ выводовъ со Стасовскою теоріей. Однако нельзя не подчеркнуть и существенной разницы между восточною гипотезой Миллера и Стасова. Прежде всего къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ сказаніямъ (какъ о боѣ отца съ сыномъ) Вс. О. блестяще и всесторонне примѣняетъ теорію заимствованія мотивовъ; во вторыхъ, система Миллера, съ чѣмъ согласенъ и ак. Дашкевичъ, подкупаетъ своей необычайной стройностью въ отношеніи установленія историческихъ путей перехода восточныхъ сказаній. Мы видѣли, въ своихъ Экскурсахъ Вс. Оед. подошелъ къ русскому эпосу отъ Ирана черезъ Кавказъ. Эта связь Ирана, Кавказа и Руси выяснилась изъ сходства сравниваемыхъ имъ сказаній. Оставалось разрѣшить вопросъ: кто же былъ посредникомъ въ передачѣ иранскихъ сказаній на Русь. На основаніи анализа языка, въ которомъ Вс. Оед. находитъ замѣтные слѣды иранизма, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ и наконецъ, на основаніи, правда немногочисленныхъ, но въ высшей сте-

пени интересныхъ свѣдѣній о поэтическомъ творествѣ—Вс. Θ. дѣлаетъ очень убѣдительное предположеніе, что такими посредниками были одни изъ многочисленныхъ находившихъ на древнюю Русь тюрокъ—именно половцы. Они то и занесли въ южно-русскія степи восточныя пѣсни, а, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ, притомъ не только враждебныхъ, съ русскимъ народомъ, они и передали ему эти пѣсни. Интересное подтвержденіе своей гипотезы объ отраженіи въ русскомъ эпосѣ иранской Рустеміады и о передачѣ ея на Русь половцами, Вс. Θ. Миллеръ находитъ въ талантливо доказываемой имъ мысли о первоначальномъ черниговско-сѣверскомъ происхожденіи русскихъ сказаній объ Ильѣ Муромцѣ, что обнаруживается изъ анализа географической номенклатуры этихъ сказаній. Но вѣдь юго-восточныя русскія—Переяславская-Черниговско-Сѣверская области—и были ближайшими къ половцамъ областями, онѣ-то и приходили съ ними въ наиболѣе частыя и тѣсныя сношенія. Такимъ образомъ и съ этой стороны гипотеза Миллера находила себѣ подтвержденіе и въ результатѣ получилась стройная система—Иранъ—Кавказъ и Тюрки (половцы)—наконецъ, южно-русскія области. Научная гипотеза, основанная на сравнительномъ методѣ, удовлетворяла, какъ будто, обоимъ необходимымъ требованіямъ, чтобы не только были доказаны близость и сходство сказаній, но и опредѣлены историческіе пути перехода... И тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли, эта иранская реставрація русскаго эпоса именно въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, какъ намѣчалась она въ Экскурсахъ Вс. Θ. Миллера, оказалась мало пріемлемой. На это указала научная критика Экскурсовъ, съ этимъ въ концѣ концовъ, согласился и самъ Вс. Θ. Вообще у Вс. Θ. Миллера началось нѣкоторое разочарованіе въ сравнительномъ методѣ при изученіи народныхъ сказаній. Теорія заимствованія не давала полной убѣдительности и, въ концѣ концовъ, по самой своей сути только отчасти могла объяснять туземный словесный памятникъ. Вс. Θ. Миллеръ все больше и больше убѣждается въ этомъ, и возстановленіе основныхъ редакцій былиня и уясненіе путей кочеванія международныхъ сказаній представляется ему дѣломъ гораздо болѣе сложнымъ, чѣмъ прежде, и результаты такихъ изысканій онъ начинаетъ считать вообще весьма гадательными. (Очерки II, стр. 181. Ср. также предисловіе къ 1-му тому Очерковъ).

Значительно большій интересъ въ глазахъ Вс. Θед-ча съ того времени пріобрѣтаетъ историческая національная основа русскаго эпоса, разнообразныя жизненныя въ немъ отраженія. Историческая точка зрѣнія на русскій эпосъ, собственно говоря, всегда была присуща научнымъ взглядамъ Вс. Θед-ча, но въ предыдущихъ работахъ она отходила на задній планъ передъ вопросами иноземнаго заимствованія эпическихъ мотивовъ. Но все же въ первомъ своемъ трудѣ, въ рецензіи на работу Стасова и въ указанныхъ выше статьяхъ 70-хъ

годовъ, Миллеръ подчеркиваетъ историческій національный элементъ русскихъ эпическихъ пѣсень и указываетъ на необходимость съ нимъ считаться. Въ Экскурсахъ эта мысль получаетъ еще большее обоснованіе, несмотря на то, что въ общемъ во всемъ этомъ трудѣ доминируютъ вопросы литературнаго заимствованія. Въ Экскурсахъ Вс. Оед. подчеркиваетъ, что „присутствіе въ нашемъ эпосѣ значительнаго количества историческихъ именъ указываетъ на то, что въ основѣ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, былины лежали историческія пѣсни, въ которыхъ, какъ въ эпосахъ другихъ народовъ, съ теченіемъ времени историческіе факты и лица были вытѣснены фантастическими, сказочными и лишь кое-гдѣ сохранились въ видѣ глухихъ отголосковъ. Поэтому, если, для выясненія множества былевыхъ сюжетовъ, изслѣдователь долженъ привлекать къ сравненію сходные сюжеты въ сказаніяхъ другихъ народовъ, то не меньшее значеніе имѣютъ работы такихъ изслѣдователей, которые уясняютъ историческіе отголоски, сохранившіеся въ нашихъ былинахъ, слѣдятъ за отраженіемъ историческихъ личностей и событій въ народномъ сознаніи и словѣ“. (Эккурсы, стр. 36). Въ самихъ Экскурсахъ Вс. Оед. далъ блестящіе примѣры историческаго истолкованія русскихъ былинъ. Таковы его извѣстныя историческія объясненія былинъ о Добрынѣ, дядѣ Владиміра, содѣйствовавшемъ крещенію Руси и пораженію язычества, символизированнаго народной фантазіей въ лицѣ чудовищнаго змѣя, таковы и разысканія Вс. Оед-ча по исторіи типа Ильи Муромца и о степныхъ мотивахъ въ русскомъ эпосѣ.

Послѣ выхода Экскурсовъ Вс. О. Миллеръ уже безповоротно за весь оставленный ему судьбой двадцатилѣтній періодъ научной работы развѣиваетъ историческую точку зрѣнія на эпосъ. Онъ по прежнему занятъ мыслью о реставраціи этого сложнаго многовѣковаго сооруженія, по центръ своихъ разысканій переноситъ на установленіе родной его почвы, на воскрешеніе его историческаго фундамента и основныхъ частей этого сооруженія. Но на основаніи предыдущихъ попытокъ реставраціи, какъ другихъ изслѣдователей эпоса, такъ и своихъ собственныхъ, Вс. О. Миллеръ отказывается отъ мысли опредѣлить главный характеръ и основу этого сооруженія и угадать руководящую идею его строителей. Вс. О. убѣждается въ необычайной сложности, въ необычайной продолжительности этой загадочной постройки, въ поразительной смѣси и пестротѣ ея составныхъ элементовъ. Для того, чтобы реставрація оказалась успѣшной, чтобы ближе всего соотвѣтствовала дѣйствительности, нужна была детальная, внимательная разработка отдѣльныхъ подробностей, нуженъ точный анализъ самой природы того пѣсеннаго матеріала, изъ котораго создано сооруженіе, нужно опредѣленіе техники его строителей, чтобы по ней обнаружить самихъ мастеровъ. Наконецъ, чтобы добраться до основъ многовѣковой постройки много разъ передѣлываемой, разрушавшейся и обростающей другими

настройками, Вс. Оед. приходитъ къ ясно осознанной мысли о необходимости предварительно снять эти позднѣйшія наслоенія и, только послѣ такой частичной бережной разработки подробностей, уяснить и воскресить все таинственное и грандіозное сооруженіе, какимъ является нашъ эпосъ.

Передъ Вс. О. Миллеромъ раскрылась кропотливая по своему методу, но необыкновенно широкая по своимъ размѣрамъ, хотя и трудная, но за то много обѣщающая, завлекательная работа. Въ теченіе 20-ти послѣднихъ лѣтъ вплоть до самой кончины Вс. Оед. со свойственнымъ ему интересомъ и энергіей отдается этому дѣлу и основные, выработавшіеся путемъ внимательнаго и пристальнаго изученія, принципы этой работы остаются для него до конца уже неизмѣнными. Это даетъ намъ возможность обозрѣвать весь указанный періодъ научной работы Миллера за разъ.

Для своей детальной работы по реставраціи русскаго эпоса Вс. О. естественно прежде всего озабоченъ мыслью наиболѣе полного собранія всего уцѣлѣвшаго отъ древняго времени пѣсеннаго матеріала. Ему цѣнны и дороги не только хорошо сохранившіяся части, для него не менѣе важны всѣ, хоть маленькіе, развалившіеся отрывки и обломки. И вотъ съ этою цѣлью въ теченіе всего указанного періода Вс. О. прилагаетъ зависящія отъ него мѣропріятія къ объединенію и собранію былиннаго матеріала. Такъ возникаютъ два большіе сборника, составленные подъ его ближайшимъ руководствомъ, объединяющіе напечатанный въ отдѣльныхъ изданіяхъ или еще совсѣмъ не обнародованный былинный матеріалъ: „Русскія былины старовой и нововой записи“ (1894 г. въ сотрудничествѣ съ ак. Н. С. Тихонравовымъ) и „Былины нововой и недавней записи изъ разныхъ мѣстностей Россіи“ (М. 1908 г. въ сотрудничествѣ съ Е. Н. Елеонской и съ А. В. Марковымъ). Кромѣ того въ самое послѣднее время Вс. О. Миллеръ былъ занятъ печатаніемъ сборника „Историческихъ пѣсенъ Московскаго періода“, но внезапная смерть прервала на половинѣ начатую работу. Съ большимъ вниманіемъ и участіемъ слѣдилъ Вс. О. за новыми отдѣльными записями былинъ разныхъ мѣстностей Россіи, и давалъ ту или другую свою авторитетную оцѣнку даже небольшихъ, но съ его точки зрѣнія весьма цѣнныхъ, записей; таковы его два отзыва: о „Новыхъ записяхъ былинъ въ Якутской области г. Богораза“ („Очерки“ I и Извѣстія Отд. Р. Я. и Слов. II. Академіи Наукъ С.П.Б. 1900 г. т. V кн. 1), „О новыхъ записяхъ былинъ изъ Донской области“ (Этн. Об. III) и въ Архангельской губерніи (Извѣстія 1899 т. IV кн. 2) и др. Естественно съ какой радостью и съ какимъ искреннимъ удовольствіемъ встрѣчаетъ Вс. О. успѣшныя и значительныя въ количественномъ отношеніи записи былинъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эпическая поэзія еще свѣжа и откуда изслѣдователь можетъ получить еще новый богатый, столь ему необходимый матеріалъ. Большія собранія былинъ

на крайнемъ сѣверѣ двухъ учениковъ Вс. Оед-ча—А. В. Маркова „Бѣломорскія былины“ (1901 г.) и А. Д. Григорьева „Архангельскія былины и историческія пѣсни“ (т. I м. 1904 и т. II м. 1910 г.), собранія, сдѣланныя подъ вліяніемъ захватывающаго живого интереса къ русскому эпосу, который проявлялъ и на своихъ лекціяхъ и въ своихъ статьяхъ, докладахъ и словесныхъ бесѣдахъ ихъ учитель, встрѣчаютъ со стороны Вс. Оед. особенно сердечный приѣтъ и быстро вводятся имъ въ научный оборотъ. Въ самое послѣднее время живой откликъ у Вс. О. Миллера встрѣчаютъ появившіяся недавно собранія казачьихъ эпическихъ пѣсенъ, разборъ и научное, весьма интересное, освѣщеніе которыхъ Вс. О. далъ въ своихъ двухъ послѣднихъ научныхъ докладахъ въ Московскомъ Этнографическомъ Отдѣлѣ незадолго до своей смерти.

Ознакомленіе со всѣмъ имѣющимся въ наличности былиннымъ матеріаломъ, прежде всего дало Вс. Оед.-чу возможность внимательно и детально прослѣдить исторію пѣсеннаго текста, установить имѣющіяся редакціи, снять позднѣйшія измѣненія и искаженія и такимъ образомъ приблизиться къ основному его изводу. Съ такого кропотливаго анализа вариантовъ начинается почти каждая работа Вс. Оед-ча, посвященная исторіи отдѣльнаго былиннаго сюжета. Нельзя не отмѣтить, что именно только послѣ такой филологической и исторической разработки текста достигалась прочность и убѣдительность выводовъ. Затѣмъ разсмотрѣніе всѣхъ былинъ и въ хорошей, и плохой сохранности давало Вс. Оед.-чу возможность постигнуть прихотливую жизнь эпической пѣсни въ народныхъ устахъ, обнаружить и выяснить законы ея развитія, новаго примѣненія, переработки и наконецъ отмиранія.

Изученіе стиля и строя эпической пѣсни, поющей въ настоящее время, главнымъ образомъ, въ сѣверной крестьянской средѣ, позволило Вс. О. Миллеру разглядѣть за этой современной былинной и способомъ ея исполненія болѣе древнюю технику профессиональныхъ мастеровъ пѣнія и сложенія, какими въ древней Руси были скоморохи. Вс. О. Миллеръ блестяще подробно выяснилъ ихъ большую роль въ дѣлѣ распространенія и обработки былинъ и показалъ явные слѣды этой скоморошьей техники. Но за ними еще въ болѣе древнее время Вс. О. предполагалъ другихъ пѣвцовъ—княжескихъ дружинниковъ. Мало того обзоръ всего накопившагося въ печати былиннаго матеріала далъ Вс. О.-чу возможность сдѣлать свои интересные „Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ“, которыя будучи поставлены въ связь съ вопросами русской колонизаціи весьма много способствовали уясненію мѣста сложенія и разницы въ былинныхъ репертуарахъ различныхъ полосъ Россіи. Такимъ образомъ, мы видимъ Вс. Оед. съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія подходить къ изучаемому имъ матеріалу и дѣлаетъ талантливыя и

остроумныя заключенія, стараясь основательно и научно реставрировать загадочное строеніе.

Затѣмъ передъ Вс. Θ. Миллеромъ лежали главные поставленные имъ задачи при опредѣленіи исторической основы этой постройки: ему нужно было разрѣшить вопросы о мѣстѣ и времени сложенія отдѣльных былинъ, составившихъ въ концѣ концовъ грандіозный русскій эпосъ. Здѣсь Вс. Θед. обнаруживаетъ необыкновенную гибкость ума, тонкое чутье исторической эпохи, большое остроуміе въ комбинированіи и научномъ освѣщеніи, надо сказать, очень скудныхъ и сбивчивыхъ историческихъ данныхъ. Изучивъ хорошо законы пѣсенной жизни и народной фантазіи, онъ дѣлаетъ для человѣка, мало посвященнаго въ эту прихотливую и своенравную область, можетъ быть, неожиданныя заключенія, и тѣмъ не менѣе онъ въ большинствѣ случаевъ стоитъ на правильномъ пути. Народная былина въ талантливомъ освѣщеніи Вс. Θ-ча начинаетъ намъ говорить гораздо больше, чѣмъ это казалось при первомъ взглядѣ, она воскрешаетъ передъ нами историческую свою жизненность и переноситъ насъ въ отдаленное старое время. Вс. Θед. дѣйствительно проявилъ необычную разносторонность и цѣпкость своихъ научныхъ пріемовъ. Методъ его при опредѣленіи историческихъ и мѣстныхъ отраженій обращенъ на анализъ именъ, отчествъ, географическихъ названій, чертъ быта и природы, уже изжитыхъ, отошедшихъ въ область преданія, идеологій и т. п. Только хорошо вооруженный взглядъ Миллера и свойственная ему тонкость мысли могли разсмотрѣть въ передѣланныхъ до неузнаваемости историческихъ названіяхъ и терминахъ ихъ дѣйствительную сущность. Въ этомъ отношеніи Вс. Θед-чу помогли его хорошее знаніе законовъ развитія языка и законовъ такъ называемой „народной этимологій“. Въ лицѣ Азвяка Таврульевича Миллеръ видитъ Узбека, съ приставленнымъ къ нему отчествомъ изъ имени Товруль (Холстоврула), шурина Батыя, въ отчествѣ Соловья Рахматовичъ, Миллеръ указываетъ передѣлку изъ „воръ Ахматовичъ“, при чемъ это отчество получилось изъ имени хана Ахмата (въ 1480 г. находившаго на Русь). Въ отчествѣ богатыря Сухмана Долматьевича, Однматьевича онъ видитъ передѣлку имени псковскаго князя Доманта (или Довмонта), въ былинномъ имени Артакъ, упоминаемомъ въ былинахъ рядомъ съ Кошпакомъ (Кончакомъ), Вс. Θед. усматриваетъ имя половецкаго князя Отрока или, наконецъ, въ имени Бутмана Колывановича видитъ народную передѣлку фамиліи современника Петра Великаго Андрея Бутенантъ фонъ Розенбушъ.

Подобныхъ примѣровъ мы найдемъ въ трудахъ Вс. Θ. Миллера очень много. Тоже самое въ отношеніи географическихъ названій. Припомнимъ его заключенія о г. Моревскѣ и Карачевѣ, къ которымъ сначала, какъ предполагаетъ В. Θ. Миллеръ, былъ приуроченъ Илья Муромецъ, или названіе Камское побоище, въ которомъ Вс. Θед. усматри-

васть вполне справедливо передѣлку изъ Калкскаго побоища. Этому объясненію на дняхъ проф. М. Н. Сперанскій нашелъ подтвержденіе въ одной рукописи ¹⁾. Для уясненія исторіи былинъ Вс. Θ. привлекалъ всѣ имѣющіяся письменныя, идущія изъ древности свѣдѣнія о богатыряхъ, другихъ герояхъ былинъ. Отразившимися въ былинахъ бытовыми чертами Вс. Θ. Миллеръ особенно много воспользовался при уясненіи обширнаго, съ его точки зрѣнія, городского новеллистическаго эпоса, какимъ былъ, въ отличіе отъ богатырскаго-южнаго, эпосъ сѣверный-новгородскій.

Мы не будемъ за обширностью научнаго наслѣдія Вс. Θедча подробно останавливаться на всѣхъ его многочисленныхъ цѣнныхъ работахъ послѣднихъ 20-ти лѣтъ, посвященныхъ опредѣленію мѣста и времени сложенія отдѣльныхъ былинъ, мы постараемся лишь въ самыхъ общихъ чертахъ указать на достигнутые имъ результаты. Тѣмъ болѣе трудно перечислить всѣ отдѣльные частные выводы Миллера, что за свою научную дѣятельность онъ не обошелъ своимъ вниманіемъ почти ни одного былиннаго сюжета.

Относительно мѣста созданія русскаго эпоса Вс. Θ. на основаніи своихъ собственныхъ изысканій и на основаніи работъ другихъ ученыхъ, съ мнѣніями которыхъ онъ всегда считался, пришелъ къ признанію необычайной сложности эпоса и въ этомъ отношеніи. Дѣйствительно русскій эпосъ въ освѣщеніи Вс. Θ. Миллера по своему происхожденію охватываетъ почти все пространство европейской Россіи и является результатомъ творчества почти всѣхъ главныхъ областей русскаго племени. Черты переяславскихъ и чернигово-сѣверскихъ элементовъ были указаны Миллеромъ еще въ его Экскурсахъ. Изъ этихъ мѣстъ, по его мнѣнію, сказанія объ Ильѣ Муромцѣ (сначала м. б., Моровцѣ) перешли въ Муромо-Рязанскую область, также наложившую значительный слѣдъ на былинномъ эпосѣ. Въ своихъ отдѣльныхъ статьяхъ, какъ вошедшихъ въ „Очерки по русской народной словесности“ (Т. I. М. 1898 г. и т. II, М. 1910 г.), такъ и невошедшихъ, Вс. Θ. Миллеръ доказывалъ и подчеркивалъ участіе и другихъ русскихъ областей. Не говоря уже о Кіевской Руси, Вс. Θ. Миллеръ указывалъ на основаніи нѣкоторыхъ былинныхъ названій и анализа былинъ о Дюкѣ, Дунаѣ, Михаилѣ Потыкѣ и кн. Романѣ галицко-волинскія отраженія изъ эпохи наибольшаго расцвѣта этихъ княжествъ въ XII—XIII в. Въ другихъ случаяхъ, въ частности на основаніи былинъ и письменныхъ свидѣтельствъ объ Ильѣ Муромцѣ, Вс. Θ. говорилъ объ отраженіи на былинахъ западно-русскихъ областей. Указывалъ также на возможность отраженія полоцкихъ (былины о женитьбѣ кн. Владиміра) сказаній, а на основаніи анализа былинъ

---

¹⁾ Именно въ Лѣтописи о началѣ Новгорода по рукоп. И. Е. Забѣлина № 439 (перв. полов. XVIII в. л. 19 об.) „Калкское“ побоище, названо „Камскимъ“.

о Колыванѣ и Суханѣ возможность псковскихъ отраженій. Но особенно большую роль въ сложеніи былины Вс. Ѳед. отводилъ Новгородской области и сѣверному району, находившемуся въ предѣлахъ новгородскаго культурнаго вліянія. На долю новгородскаго творчества Миллеръ относилъ значительное количество былины, а именно былины „не-воинскихъ“. (Таковы Вольга и Микула, Чурила, Соловей Будиміровичъ, Хотѣиъ Блудовичъ, Иванъ Гостининый сынъ, Ставръ, Садко, Василій Казиміровичъ, Сорокъ каликъ со каликою, а также былины о Добрынкѣ-змѣборцѣ). Ростово-Суздальская область разработала былины главнымъ образомъ о своемъ мѣстномъ героѣ Алениѣ (Александрѣ) Поповичѣ и былины о столкновеніяхъ съ татарами. (Ср. Ростово-Суздальскіе отголоски въ былинахъ о братьяхъ Суздальцахъ, объ Алешѣ Поповичѣ, Калкскомъ (Камскомъ) Побойщѣ и т. п.). Большой отпечатокъ, какъ на прежнія эпическія пѣсни, такъ и на созданіе новыхъ естественно наложила Москва. Эти многочисленные отголоски именно Московской Руси Вс. Ѳ. Миллеръ подчеркиваетъ не только въ болѣе ясныхъ по мѣсту и времени происхожденія многочисленныхъ „историческихъ пѣсняхъ“, но и въ цѣломъ рядѣ, такъ называемыхъ, былины. Приложили свою руку къ постройкѣ русскаго эпоса, какъ показывалъ Вс. Ѳ. Миллеръ, и сѣверныя области, въ болѣе позднее время, вообще, явившіяся хранительницами былого эпическаго богатства. Такъ чisto олонецкой передѣлкой является былина о Рахтѣ, печерской былина о Бутманѣ; въ вологодскихъ предѣлахъ нашла свою окончательную обработку былина о Сорока каликахъ.

Не менѣе разнообразнымъ представляется въ освѣщеніи Вс. Ѳед. русскій эпосъ и по времени своего сложенія. Дѣйствительно онъ является многовѣковымъ сооруженіемъ. Сохранились нѣкоторые отголоски еще языческаго періода (былины о Вольгѣ-Олегѣ), болѣе подробно отразилась эпоха Владиміра (самъ князь Владиміръ, Добрыня, его дядя, крещеніе Руси, женитьба Владиміра на Рогнедѣ и пр.), дошли, если не въ видѣ отдѣльныхъ пѣсенъ, такъ по крайней мѣрѣ въ болѣе или менѣе ясныхъ отголоскахъ черты половецкой эпохи (таковы напр. былинныя имена этого періода, какъ Казаринъ, Кончакъ, Артакъ, Тугорканъ, возможно Владиміръ Мономахъ, и рядъ тѣхъ половецкихъ отголосковъ, на какія указалъ Вс. Ѳ. Миллеръ въ своихъ Экскурсахъ). Значительно ярче, и именно на основаніи соответствующихъ разысканій и указаній Вс. Ѳед-ча, въ русскомъ эпосѣ нашла себѣ отраженіе эпоха тяжелой татарщины. Былины донесли намъ отголоски самаго начала татарскаго нашествія, таковы напр., какъ подтвердилъ Миллеръ, разнообразныя пѣсенныя воспоминанія о Калкской битвѣ (былины о Калинѣ, о Калкскомъ побойщѣ, о гибели богатырей и др.) одинаково былины отразили и конечную стадію борьбы съ татарами въ XV и XVI вв. вплоть до знаменитаго взятія Казани и Астрахани. (Къ „татарскимъ“ былинамъ относятся по указанію Вс.

Өед., кромѣ цѣлаго ряда другихъ, ранѣе въ этомъ отношеніи освѣщенныхъ, такіа былины какъ о Василиіи Казиміровичѣ, о Михаилѣ Даниловичѣ, не говоря о массѣ отдѣльныхъ наслоеній татарщины на большинствѣ эпическихъ пѣсенъ). Богатое количество отдѣльныхъ чертъ въ русскомъ эпосѣ и даже цѣлыхъ пѣсенъ, должно быть по указанію Вс. Ө. Миллера отнесено на долю Московскаго періода русской исторіи—именно XV—XVII вв. Здѣсь есть, какъ будто, отголоски и эпохи великаго князя Даниіла, и времени Василия III-го, и Ивана III-го и особенно оставившей крупный слѣдъ въ народной памяти эпохи царя Грознаго. Этой послѣдней эпохѣ Вс. Ө. Миллеръ особенно за послѣдніе годы удѣлилъ особое вниманіе. (Таковы его статьи о пѣсняхъ о „Казанскомъ Царствѣ“, „О сказкахъ объ Иванѣ Грозномъ“, разборъ „Пѣсенъ и памфлетовъ XVI в.“. С. К. Шамбинаго, статья „О русскихъ и инородческихъ преданіяхъ о казанскомъ походѣ Ивана Грознаго“ и др.). Наконецъ въ обширной и интересной статьѣ Вс. Ө. Миллеръ вскрылъ разнообразныя и крупныя наслоенія на былинахъ Смутнаго времени, оставившаго свои отголоски въ былинахъ не только въ многочисленныхъ терминахъ и подробностяхъ, но и создавшаго свои особые былинныя типы, какъ напримѣръ знаменитая Маринка Кафдаловна или даже самый образъ „стараго казака“ Ильи Муромца. Въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ Вс. Өед. указалъ и еще болѣе позднія черты XVII и даже XVIII вѣка, напр. черты и даже личности изъ Петровской эпохи. (Напр. Бутманъ). Обнаруживая такую многовѣковую постройку, какъ русскій эпосъ, Вс. Өед. вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что „XVI вѣкъ, особенно его вторая половина, была періодомъ реставраціи старыхъ былинныхъ сюжетовъ соответственно съ современными историческими условіями и общественными понятіями“ („О нѣкоторыхъ мѣстныхъ отголоскахъ въ былинахъ“ 1913 г. Стр. 15). Такимъ образомъ подобно тому, какъ былины по своей формѣ прошли черезъ руки профессионаловъ скомороховъ, онѣ получили именно въ указанное время нѣкоторую общую передѣлку и въ содержаніи.

Таковы общіе результаты научныхъ изысканій Вс. Ө. Миллера по опредѣленію мѣста и времени сложенія русскихъ былинъ. Однако Вс. Өед., занимаясь за послѣдніе 20 лѣтъ исторической основой нашихъ былинъ, не упускалъ изъ виду ихъ поэтической, литературной стороны. Если онъ и усомнился нѣсколько въ прочности и плодотворности теоріи литературнаго заимствованія, то все-же онъ не отрицалъ ея значенія для уясненія вопросовъ „поэтизаціи историческаго факта“. Если ему интересно возстановить саму основу и главные своды величественнаго зданія русскаго эпоса, то интересными также являлись для него вопросы о мотивахъ украшающихъ, дѣлающихъ привлекательнымъ это зданіе. Здѣсь Вс. Ө. Миллеръ признавалъ предложенныя другими изслѣдователями, а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ и имъ

самимъ, иностранные источники этихъ мотивовъ, какъ восточные (припомнимъ нѣкоторые прочные выводы его Экскурсовъ), такъ и западные (гл. образомъ по указаніямъ ак. Веселовскаго и проф. Халанскаго), такъ и финскіе (ср. выше) и др.

При этомъ, самъ не будучи историкомъ древней русской письменности, несмотря на то, что и въ этой области, какъ мы видѣли, сказалъ свое яркое и вѣское слово по поводу самаго виднаго памятника древней Руси, Вс. Өед. отнюдь не игнорировалъ теоріи книжнаго вліянія на русскій эпосъ, что убѣдительно доказывали такіе ученые, какъ Буслаевъ, Веселовскій и Ждановъ. Наоборотъ Вс. Ө. самъ въ эту область внесъ рядъ весьма цѣнныхъ дополненій. Вс. Ө., хотя самъ и не занимался древней письменностью въ ея первоисточникахъ, но онъ внимательно слѣдилъ за научной литературой, особенно касавшейся того отдѣла древне-русской письменности, какой всего ближе подходилъ подъ понятіе изящной литературы, беллетристики и своимъ содержаніемъ былъ родствененъ съ свѣтскимъ эпосомъ. Здѣсь Миллеръ замѣчательно умѣло перебрасывалъ мостъ отъ выводовъ одной специальности къ другой, ей близкой. Достаточно вспомнить, что работы А. Н. Веселовскаго о повѣстяхъ о Соломонѣ, дали Вс. Өед-чу матеріалъ для заключеній по поводу былинъ о Василии Окуловичѣ, выводы ак. В. М. Пестрина о „Сказаніяхъ объ Индѣйскомъ Царствѣ“ были приложены къ исторіи былинны о Дюкѣ, работа ак. Н. Н. Жданова о повѣстяхъ о Вавилонскомъ царствѣ дала матеріалъ для заключеній по поводу сказокъ объ Иванѣ Грозномъ и пѣсенъ о Казанскомъ Царствѣ; для послѣдняго вопроса были использованы выводы работы г. Кунцевича о книжныхъ повѣстяхъ о Казанскомъ царствѣ. Монографія С. К. Шамбинаго „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ“ дала Вс. Ө-чу возможность уяснить отголоски этихъ сказаній въ былинахъ, работа А. С. Орлова „Повѣсти объ Азовскомъ снѣжинѣ“ послужила поводомъ къ замѣчаніямъ о пѣсняхъ про Петра Великаго и т. д. и т. д.

Уже изъ приведенныхъ данныхъ ясно, насколько широкъ былъ научный взглядъ Вс. Ө. Миллера, проявившійся и въ томъ, что, идя очень часто самостоятельнымъ путемъ, Вс. Ө. никогда не игнорировалъ труды другихъ работниковъ въ излюбленной имъ области, а стремился къ объединенію и согласованію научныхъ результатовъ. При этомъ мы должны подчеркнуть его необыкновенную терпимость къ другимъ мнѣніямъ, а также постоянную готовность отказаться отъ своей гипотезы или предположенія, какъ только онъ признавалъ ихъ ошибочность. Въ этомъ сказывалась необычайная добросовѣстность научнаго дѣятеля, для котораго научная правда выше мелкаго самолюбія и упорства. Изъ того же широкаго, объективно-научнаго взгляда вытекало у Вс. Ө. полное отсутствіе узко-націоналистическихъ тенденцій, столь часто прилагавшихся къ освѣщенію того самаго матеріала, надъ которымъ оперировалъ въ своихъ работахъ Вс. Ө. Но съ другой

стороны въ своихъ работахъ Вс. Θ. избѣгалъ и ложносентиментальнаго отношенія къ „народному духу“ и „народному“ творчеству: и тѣмъ не менѣ каждая его статья дышала искреннимъ гуманизмомъ, а въ занятіяхъ и оцѣнкѣ народной словесности проявлялась глубокая и искренняя вѣра въ могучія духовныя силы русскаго крестьянства. И можно смѣло сказать, что своей научной дѣятельностью Вс. Θ. немало способствовалъ поддержанію и развитію въ нашемъ обществѣ искреннихъ симпатій къ простому народу.

Мы постарались дать посильный очеркъ болѣе чѣмъ 40 лѣтней настойчивой дѣятельности покойнаго Вс. Θ. Миллера по уясненію и научной разработкѣ загадочнаго русскаго эпоса и опредѣлить въ общихъ чертахъ результаты, къ коимъ пришелъ въ концѣ концовъ почтенный изслѣдователь. Къ сожалѣнію Вс. Θ. Миллеръ не успѣлъ дать синтезирующаго очерка развитія русскаго эпоса, какъ оно выяснилось на основаніи его и другихъ изслѣдованій. Его статьи были объединены въ Экскурсахъ, 2-хъ томахъ его пзвѣстныхъ Очерковъ; многія, появившіяся особенно въ послѣдніе годы, скоро дождутся своего объединенія, но къ систематическому обзору всѣхъ выводовъ Вс. Θ. приступилъ лишь въ послѣдній годъ. Преждевременная смерть унесла его въ разгаръ его научной работы, не дала возможности закруглить многолѣтнюю детальную работу.

И все же послѣ продолжительной и усердной дѣятельности Вс. Θ. Миллера изъ громадныхъ перемѣшавшихся развалинъ русскаго эпоса вырастаетъ въ болѣе или менѣ ясныхъ чертахъ сложное долголѣтнее сооруженіе. Начавъ съ выработки методовъ и съ проектовъ нѣсколько смѣлой реставраціи, вытекающей изъ одной идеи, Вс. Θед. другую половину своей научной дѣятельности посвятилъ детальному, кропотливому изученію отдѣльных частей. Въ результатѣ Вс. Θед. выяснили сложную природу матеріала, технику его строителей, показали его разновременныхъ мастеровъ, обнаружили русскую національную почву и фундаментъ самаго зданія, указали тѣ части зданія, какія были созданы самыми разнообразными мѣстностями древней Руси, почему и все сооруженіе можно поистинѣ назвать общенациональнымъ, опредѣлили тѣ разновременныя настройки и пристройки, приросшія къ зданію въ теченіе долгаго ряда вѣковъ, наконецъ уяснили украшающія детали и подробности и разнообразные ихъ источники... Конечно, Вс. Θ. Миллеръ не успѣлъ возстановить все это величественное зданіе во всѣхъ его частяхъ и подробностяхъ, но этого и не могъ онъ сдѣлать по самой сложности и необычайной трудности этой задачи. Самъ Вс. Θ. заявилъ, „что работа только начата и еще не одно поколѣніе будетъ работать надъ тѣми же вопросами, на которые наше старается дать посильный отвѣтъ“. Вс. Θ. Миллеръ всю жизнь глубоко вѣрилъ въ преемственность и силу научной работы—имъ всегда руководила надежда на мощь и прогрессъ науки...

Кончина Вс. О. Миллера больно отозвалась въ сердца всѣхъ искренно любящихъ науку и ея служителей, но для тѣхъ, кто былъ зачарованъ тѣмъ же міромъ пѣсенной поэтической старины, для кого всякое новое слово ея талантливаго и чуткаго истолкователя доставляло чувство неподдѣльнаго удовольствія и наслажденія—для тѣхъ утрата Всеволода Оедоровича Миллера—незамѣнима.

Борисъ Соколовъ.

Москва.

Памяти

Всеволода Θεодоровича Миллера.

Встрѣчаются удивительно гармоничныя натуры, вся жизнь и дѣятельность которыхъ представляютъ одно цѣлое, пополняя, поясняя и оправдывая другъ друга. Къ разряду такихъ цѣльныхъ людей принадлежалъ и Всеволодъ Θεодоровичъ Миллеръ.

При первой встрѣчѣ, въ первой бесѣдѣ насъ привлекало въ В. Θε. какое-то особое изящество въ обращеніи съ людьми, изящество рѣчи, самой мысли и ея выраженія. Это изящество сказывалось въ тонкой отдѣлкѣ каждой фразы, въ художественно-простомъ построеніи цѣлой рѣчи и тонкомъ освѣщеніи предмета его научнаго изслѣдованія.

Свободная отъ ослѣпительныхъ научныхъ гипотезъ, пышныхъ сравненій, скрывающихъ нерѣдко бездоказательность основной мысли, простая въ своемъ изяществѣ и изящная въ своей простотѣ, всегда строго научная рѣчь его дается легко пониманію читателей.

Недавно извѣстный ученый, говоря объ одной диссертациі, сравнилъ ее съ художественно сплетеннымъ кружевомъ.

Если позволительны поэтическія сравненія въ характеристикѣ научныхъ работъ, то я позволилъ бы себѣ сравнить большинство работъ В. Θε. съ художественными миниатюрами. Не объединяя длиннаго ряда своихъ научныхъ наблюденій въ одно большое цѣлое, В. Θε. далъ намъ блестящее собраніе тонко и красочно написанныхъ очерковъ и эскизовъ. Какъ талантливыя миниатюры, рисуя небольшія частности, даютъ намъ характеристику художественнаго вкуса и настроенія художника и его эпохи, такъ и статьи В. Θε. характеризуютъ тотъ періодъ исканій въ исторіи изученія русской народной словесности, который онъ пережилъ, тотъ знаменательный періодъ, когда мы устали уже отъ постоянныхъ странствованій отъ „хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды“, отъ Нормандіи до Китая, отъ Бѣлаго моря до Царьграда, по безконечнымъ степямъ, гдѣ когда-то кочевали половцы и гдѣ теперь отъ нихъ ничего не осталось, по

таинственному Ирану, по далекой Монголіи—и все въ поискахъ ка-кого-то таинственнаго благодѣтеля, который удѣлилъ русскому на-роду крупницу отъ своихъ поэтическихъ сокровищъ, и этой крупницей счастлива и славна русская народная поэзія. В. Ө. былъ глубоко убѣжденъ, что существовали на Руси культурные центры, а въ этихъ центрахъ были значительныя группы интеллигентныхъ людей, ко-торые творили и свое, а не только питались чужимъ добромъ, а если и брали чужое, то не слѣпо, а принаравливая это чужое къ своему родному.

Какъ сказано выше, художественность и увлеченіе—неотъем-лемое достоинство всѣхъ научныхъ работъ В. Ө. За что бы онъ ни взялся, всегда изъ-подъ его пера выходитъ нѣчто такое, что оста-вляетъ слѣдъ въ наукѣ и производитъ впечатлѣніе даже на мало подготовленнаго читателя. А В. Ө. занимали самыя разнообразныя области.

Первыя научныя симпатіи главнаго представителя нашей этно-графической школы были отданы сравнительному языкознанію, но и въ этотъ періодъ онъ уже удѣлялъ значительное количество времени народной поэзіи; такъ въ 1873 году имъ были напечатаны около 100 пѣсень и 20 сказокъ, записанныхъ во время поѣздки въ Литву для изученія литовскаго языка. Не перечисляя ряда мелкихъ его работъ, напечатанныхъ по-чешски, по-нѣмецки и по-французски, я укажу на его крупнѣйшіе труды. Такъ, въ 1876 году онъ защитилъ диссертацию на тему „Асвины-Диоскуры“. Въ 1877 году напечаталъ „Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ“, трудъ, недостаточно безпри-страстно оцѣненный въ свое время, но чрезвычайно интересный по новизнѣ и смѣлости нѣкоторыхъ мыслей. Въ 1879 и 1880 г.г. онъ вмѣстѣ съ М. М. Ковалевскимъ издавалъ „Критическое Обзорѣніе“. Къ этому же времени относится очень интересный періодъ въ жизни В. Ө. Онъ предпринимаетъ рядъ поѣздокъ на Кавказъ,—въ Осетію, Чечню, Кабарду,—для изученія быта, вѣрованій и языка этихъ племенъ, а также производить археологическія изслѣдованія въ названныхъ областяхъ, позже и въ Крыму.

Насколько обаятельно и сильно было впечатлѣніе, которое про-изводилъ В. Ө. на горцевъ, съ которыми ему приходилось сталки-ваться, я могу судить по слѣдующему случаю. Путешествуя въ 1912 году по Кавказу, я прошелъ пѣшкомъ по Военно-Осетинской дорогѣ и побывалъ въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ былъ В. Ө. И вотъ, въ одномъ аулѣ, Тибѣ, гдѣ мнѣ пришлось заночевать, я по-знакомился съ мѣстнымъ священникомъ, осетиномъ, о. Александромъ. Вечеромъ мы услышали гдѣ-то въ горахъ пѣсню. Я спросилъ его, не знаетъ ли онъ содержанія пѣсни. Передавъ мнѣ содержаніе ма-ленькой пастушеской пѣсни, о. Александръ неожиданно спросилъ меня, не знаю ли я ученаго, г. Миллера, который давно уже приѣз-

жалъ къ нимъ изъ Москвы, и записывалъ пѣсни. Трудно описать ту радость, которая отразилась на лицѣ священника, когда я отвѣтилъ ему, что знаю В. Θ. Странно было въ глухомъ, затерявшемся среди снѣговыхъ горъ осетинскомъ аулѣ, около коптящей свѣтильни, наполненной бараньимъ жиромъ, въ обществѣ человѣка, съ замѣтнымъ трудомъ подыскивающаго русскія слова, вести далеко за полночь бесѣду о далекомъ московскомъ ученомъ, о народной поэзіи, о наукѣ, о возрожденіи осетинскаго самосознанія и т. д. И чувство глубокаго уваженія испытывалъ я, видя, какъ оживился осетинъ-священникъ при воспоминаніи о мелькнувшемъ, какъ метеоръ, носителѣ свѣта знанія, успѣвшемъ надолго освѣтить его умъ яркимъ огнемъ и вызвать такое глубокое уваженіе къ наукѣ и къ личности представителя ея. Когда старикъ, церковный сторожъ, сидѣвшій тутъ-же въ саклѣ священника и пившій чай съ нами за однимъ столомъ, понялъ, о комъ идетъ рѣчь, онъ также что-то долго говорилъ мнѣ по-осетински, чего я, къ сожалѣнію, не понималъ, и что, какъ объяснилъ мнѣ священникъ, также было его воспоминаніями о добромъ и ласковомъ господинѣ изъ Москвы, который интересовался ихъ простыми пѣснями и сказками.

Результатомъ этихъ поѣздокъ на Кавказъ былъ рядъ трудовъ, посвященныхъ изученію Кавказа, значительная часть которыхъ составила три книги „Осетинскихъ этюдовъ“; двѣ первыя книги были его докторской диссертацией.

Продолжая заниматься этнографіей и погружаясь въ нее все больше и больше, В. Θ. въ то же время не оставлялъ и сравнительнаго языкознанія, и результатомъ занятій послѣднимъ была вышедшая въ 1891 г., составленная имъ и Кнауеромъ книга: „Руководство къ изученію санскрита“. Руководство это было рекомендовано въ свое время, какъ лучшее и, кажется, тогда единственное. Во всякомъ случаѣ, длинный рядъ нашихъ филологовъ приносятъ почившему глубокую благодарность за эту книгу.

Съ 1890 г. въ „Этнографическомъ Обзорѣннѣ“ начинаютъ печататься его „Матеріалы по исторіи былинныхъ сюжетовъ“, а въ 1892 г., въ Москвѣ, появляются „Экскурсы въ область русскаго народного эпоса“. Съ этихъ поръ имя Всеволода Теодоровича Миллера становится близкимъ для каждого, кто интересуется изученіемъ русской народной поэзіи.

Затѣмъ, въ журналахъ появляются весьма различныя по объему и глубинѣ, но всегда свѣжія и интересныя статьи В. Θ., посвященныя русскому былевому эпосу, и все яснѣе становится точка зрѣнія изслѣдователя.

Эти статьи составили два тома извѣстныхъ „Очерковъ русской народной словесности“. По поводу этихъ очерковъ я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. „Во всѣхъ... детальныхъ разысканіяхъ я руко-

водствовался однимъ основнымъ правиломъ—говорить Миллеръ—дѣлать изъ фактовъ тотъ выводъ, который логически изъ нихъ вытекаетъ, и не стараться отыскивать въ нихъ то, что хотѣлось бы найти“ (Очерки, т. II). И дѣйствительно, въ „Очеркахъ“ почти нѣтъ гипотезъ, хотя соблазнительно иногда было бы высказать гипотезу; но, вѣрный своему правилу, В. Θ. вездѣ дѣлаетъ только усиленный логическій выводъ изъ фактовъ.

Разбираясь въ работахъ другихъ ученыхъ, В. Θ. отдаетъ должное трудамъ своихъ предшественниковъ, хотя бы и принадлежащихъ къ другимъ школамъ. Оцѣнивая ихъ заслуги, важныя для состоянія науки въ ихъ время, онъ ясно видитъ ошибки ихъ. Ни мифологическая основа эпоса, ни теорія до—историческаго ни до—европейскаго, ни общеславянскаго или восточнаго происхожденія нашего эпоса, ни весьма вѣроятныя предположенія позднѣйшихъ заимствованій изъ Византіи или съ запада не разъяснили удовлетворительно вопроса о зарожденіи и развитіи эпоса.

„Я больше занимаюсь исторіей былинъ и отраженіемъ исторіи въ былинахъ,—говоритъ Миллеръ—начиная первую не отъ временъ до—историческихъ, не снизу, а сверху. Эти верхніе слои, не представляя загадочности, которою такъ привлекательна изслѣдователю глубокая древность, интересны уже потому, что дѣйствительно могутъ быть уяснены и дать не гадательное, а болѣе или менѣе точное представленіе о ближайшемъ къ намъ періодѣ жизни быliny. Такъ, иногда мы найдемъ въ былинѣ слѣды воздѣйствія на нее лубочной сказки или письменной старинной книжной повѣсти, иногда яркіе слѣды скоморошьеи передѣлки, иногда присутствіе того или другого собственнаго имени, дающаго возможность для хронологическихъ заключеній. Для уясненія исторіи былинъ я старался изъ сопоставленія вариантовъ вывести наиболѣе архаическій ея изводъ и, изслѣдуя историко-бытовыя данныя этого извода, опредѣлить по возможности періодъ его сложенія и районъ его происхожденія“ (Очерки I). Это—цѣлая программа изслѣдованія.

По мнѣнію Миллера, присутствіе въ нашемъ эпосѣ значительнаго количества историческихъ именъ указываетъ на то, что въ основѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ былинъ лежали историческія пѣсни. Нашъ эпосъ въ основѣ своей всегда былъ историческимъ, какъ эпосъ иранскій и греческій, и никакія позднѣйшія внесенія въ него сюжетовъ фантастическихъ и романическихъ не могутъ затушевать его главный фонъ. Это основное положеніе высказывалъ онъ еще въ „Экскурсахъ“ (1892 г.).

Однако, вліяніе иныхъ теорій на нѣкоторое время сказалось на дальнѣйшей работѣ Миллера, который готовъ признать, что эпическія сказанія сосѣднихъ съ Русью степеняковъ должны были оказать вліяніе на русскій эпосъ (Экскурсы, гл. VIII). Снова поднимая

вопросъ о вліяніи турецкихъ мотивовъ на русскій богатырскій эпосъ, В. Θ. источники этого вліянія видитъ въ дошедшихъ до насъ, при посредствѣ турковъ, отзвукахъ иранскаго эпоса, проникшаго на Русь черезъ Кавказъ и половцевъ. Но говоря объ этомъ вліяніи, Миллеръ замѣчаетъ: „Я не имѣлъ въ виду подробно и детально разсмотрѣть вопросъ о вліяніи турецкихъ мотивовъ на русскій богатырскій эпосъ... Мы вступаемъ на почву, еще совсѣмъ не разработанную и которую мы сами, конечно, не имѣемъ притязанія разработать“ (Экскурсы). И онъ совершенно правъ... Вліяніе степи, на которое указывали уже многіе,—вопросъ очень красивый, но сомнительный и требующій очень серьезныхъ доказательствъ; В. Θ. освѣтилъ нѣсколько моментовъ въ этомъ вопросѣ и затронулъ его лишь съ цѣлью показать, что онъ нуждается въ обстоятельномъ изслѣдованіи (Экскурсы, VIII).

Такой путь колебаній, приведшій Миллера къ той же исторической почвѣ, о которой онъ говорилъ въ первыхъ своихъ трудахъ по русскому былевому эпосу, вполне понятенъ каждому, кто занимается тѣми же вопросами, которыми занимался В. Θ.

Нѣтъ ни одного представителя любой изъ школъ, пытавшихся такъ или иначе рѣшить вопросъ о происхожденіи и сущности русскаго былевого эпоса, который въ чемъ-нибудь не сдѣлалъ-бы уступки другой школѣ. Огромный русскій былинный матеріалъ въ настоящее время представляетъ собою пеструю массу, ничѣмъ не связанную. „Нашъ былевой эпосъ представляется мнѣ грандіозной развалиной, обширнымъ многовѣковымъ сооруженіемъ, полнымъ таинственныхъ ходовъ и переходовъ, съ пристройками и надстройками отъ разныхъ временъ. Въ этомъ зданіи жили нѣкогда князья, пристраивая къ нему терема и вышки, украшая его византійской мусіей и восточными коврами. Въ свое время пограбили здѣсь половцы и татары; въ свое время проживали здѣсь московскіе бояре, ночевали казаки и, наконецъ, въ кое-какихъ еще обитаемыхъ закутахъ устроился неприхотливый олонекскій крестьянинъ“ (Экскурсы стр. 6). Общее у этихъ разбросанныхъ произведеній не идея, а, вѣроятно, какіе-то еще неуясненные общіе законы творчества. Но если попытки открыть законы творчества отдѣльныхъ писателей, можно сказать, оканчиваются неудачей, то какъ же трудно открыть законы творчества тѣхъ массъ, черезъ творческій аппаратъ которыхъ прошелъ весь матеріалъ, который мы теперь имѣемъ.

Слѣдовательно, такая работа, какую можно было произвести надъ эпосами другихъ народовъ, у насъ невозможна, это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, значительное количество и разнообразіе сюжетовъ требуетъ именно такого изслѣдованія отдѣльныхъ сюжетовъ. Поэтому, прежде чѣмъ можно будетъ построить что-нибудь цѣльное, необходимо произвести въ извѣстной мѣрѣ такую же предварительную работу, какую произвелъ Всеволодъ Θεодоровичъ въ „Очеркахъ“.

Невозможно возсозданіе утерянной—если она когда-нибудь существовала—эпопеи, но вполне возможно, хотя и очень трудно, рѣшить вопросъ: какія явленія прошлой культурной жизни превратились въ то, что народъ теперь называетъ „старинками“; что сдѣлала русская интеллигенція, когда-то очень близкая по своему развитію и своимъ интересамъ къ простому народу, въ развитіи этого народа; въ какихъ центрахъ кипѣла эта творческая работа и какъ, при чьей помощи, когда-то или граціозная бытовая повѣсть или героическое повѣствованіе растворилось въ народныхъ массахъ.

„Не отрицая высокаго значенія изслѣдованія бродячихъ сюжетовъ путемъ сравнительнаго метода, я вижу главный интересъ нашихъ былинъ въ націонализаціи этихъ сюжетовъ“ (Очерки, II).

Становясь на болѣе прочную, историческую почву, Миллеръ указываетъ опредѣленный путь наблюденій.

Большіе успѣхи для правильной оцѣнки былинъ достигнуты указаніями историческихъ пластовъ и слѣдовъ, которые въ нихъ оказываются, и сказочныхъ странствующихъ сюжетовъ или литературныхъ отголосковъ, вошедшихъ въ составъ былевыхъ пѣсенъ въ силу процессовъ циклизаціи и историзаціи.

Изученіе надо начинать, конечно, сверху; верхніе слои могутъ быть уяснены легко и дать не гадательное, а точное представленіе о ближайшемъ періодѣ жизни старинъ. Снимая съ послѣднихъ слѣды книжныхъ вліяній, скоморошьей передѣлки, можно, въ концѣ концовъ, дойти до древнѣйшаго извода и только здѣсь уже снова погрузиться въ область гаданій,—гдѣ впервые создали тотъ или другой сюжетъ. „Уловить пути распространенія устной сказки за многіе вѣка ея блужданія все равно, что ловить вѣтеръ въ полѣ“, потому что „какая-нибудь устная странствующая сказка не похожа на пересылаемое изъ страны въ страну письмо, сохраняющее въ своихъ штемпеляхъ слѣды всѣхъ пройденныхъ государствъ“ (Очерки I, IV). Въ „Очеркахъ по исторіи русской народной словесности“ матеріалъ расположенъ въ такомъ порядкѣ. Сначала сдѣланы указанія на состояніе современной поэтической традиціи въ Олонецкомъ краѣ, опредѣлена ея устойчивость въ этой области. Оказалось, какъ заключаетъ авторъ, что весь репертуаръ зашелъ на сѣверъ извнѣ, черезъ посредство профессиональных пѣвцовъ, какими были скоморохи. Традиція XIX в. восходитъ къ XVII—XVIII в., а, можетъ быть, и къ XVI, къ эпохѣ наиболѣе интенсивнаго развитія скоморошества. Въ крестьянской средѣ старины захудали, измѣнились, сократились. Современные сказатели, за весьма рѣдкими исключеніями, не въ состояніи схватить главный смыслъ старины, они обращаютъ вниманіе только на поразившую ихъ ту или иную чисто внѣшнюю подробность. Наоборотъ, въ эпоху скоморошества на Руси замѣчается наиболѣе интенсивный расцвѣтъ былевой поэзи. Слѣдо-

вательно, прямо и твердо становится на очередь совершенно еще не разработанный вопрос о скоморохах на Руси и ихъ роли. Изъ наблюдений надъ географическимъ распространениемъ старинъ оказывается, что всѣ сюжеты (ихъ только 35—40) имѣютъ неодинаковое территориальное происхожденіе и могутъ быть раздѣлены на 2 группы.

Прежнее дѣленіе старинъ на 2 цикла—кіевскій и новгородскій—не имѣютъ никакихъ ни хронологическихъ ни географическихъ достаточныхъ указаній. В. Миллеръ признаетъ, что имя кн. Владимира и упоминаніе города Кіева не можетъ дать никакихъ указаній на время и мѣсто составленія старинъ. Послѣднія могли быть составляемы и въ XVI и въ XVII в.в. пѣвцами, никогда не видавшими Кіева. Новгородъ же, въ силу особенностей своего положенія и жизни могъ оказаться центромъ созданія (а, можетъ, и передѣлки зашедшихъ изъ-за моря мотивовъ) несравненно большаго числа пѣсенъ, чѣмъ югъ, причемъ прежнее ограниченіе такъ называемаго новгородскаго цикла двумя—тремя старинами должно быть оставлено, какъ мало научное и не обоснованное.

Старины слѣдуетъ дѣлить не по присутствію въ нихъ именъ Кіева и Новгорода, а по характеру ихъ содержанія.

Не всѣ сюжеты былевого эпоса посвящены описанію богатырскихъ подвиговъ. Такія богатырскія и воинскія старины представляютъ лишь наиболѣе замѣтную группу былинь. Въ нихъ описываются битвы съ татарами, одиночныя схватки на заставахъ, схватки богатырей съ Идолищемъ, Тугариномъ. Не менѣе богатъ второй отдѣлъ, заключающій старины не богатырскаго характера, но рассказывающій случаи изъ повседневной городской жизни, любовныя приключенія, похищенія невѣстъ, распри и дразги—рассказы, напоминающіе новеллы, фавль. Таковы старины о Садкѣ, Ставрѣ, Чурилѣ, Дюкѣ, Потыкѣ. Конечно, существуютъ старины и смѣшаннаго характера, въ родѣ тѣхъ, гдѣ дѣло идетъ о добываніи женщинъ съ бою (Дунай, Добрыня и поленица), и ихъ трудно отнести безъ оговорокъ къ той или другой группѣ, но принципъ дѣленія былинь на личности ихъ не мѣняетъ.

Оба эти отдѣла пользовались неодинаковой, но большей или меньшей извѣстностью въ разныхъ областяхъ Россіи. Не всѣ области, населенныя великорусскимъ племенемъ, были одинаково богаты пѣснями, и не всѣ сюжеты сѣверной полосы Россіи были извѣстны въ южныхъ, центральныхъ и приволжскихъ великорусскихъ губерніяхъ. Сѣверъ, т. е. бывшая Новгородская область, по утверженію Миллера, далъ старины специально не богатырскаго характера, которыя въ общемъ и не выходили изъ предѣловъ сѣверной части Россіи, т. е. района своего происхожденія. Наоборотъ, старины богатырскаго характера сложены были въ районѣ южно-великоруссовъ и зашли уже въ послѣдствіи на сѣверъ. Это—основныя положенія Миллера.

Отвергая прежнюю кievскую и новгородскую циклизацию, В. Миллеръ признаетъ существованіе областныхъ цикловъ, указывая также на то, что наиболѣе богатые и культурныя области давали наибольшее количество поэтическихъ сюжетовъ. Такова, во-первыхъ, Галицко-волынская область. Изъ послѣдней дошли отголоски сказаній періода до—татарскаго, отразившіеся въ старинахъ о Чурилѣ, Потокѣ, Дунаѣ и Дюкѣ. В. Θ. Миллеръ признаетъ существованіе субстратовъ пѣсенъ, принадлежащихъ разнымъ областямъ и относящихся къ древнему времени. Эти субстраты передѣлывались въ эпоху реставраціи русскихъ старинъ (XVI в.) специалистами—скоморохами по своему такъ, что иногда измѣняли свой характеръ до неузнаваемости. Однако, при внимательномъ изслѣдованіи наносныхъ слоевъ въ нихъ можно замѣтить отчетливые слѣды древней пѣсни, отзывавшейся и стычками съ половцами, и подвигами кievскихъ или суздальскихъ богатырей, подтверждаемыми лѣтописными разсказами. Таковы положенія, сразу намѣтившія рядъ вопросовъ, отвѣтъ на которые должна дать наука.

Основнымъ мотивомъ его очерковъ является установленіе за многими сюжетами новгородскаго происхожденія. Типы богатырскіе могли принадлежать иному мѣсту и времени, но созданіе нѣкоторыхъ старинъ, по Миллеру, является спеціальной заслугой именно Новгорода. Таковы старины о Добрынѣ, Вольгѣ и Микулѣ, Чурилѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Хотѣнѣ, Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Ставрѣ и Садкѣ. Здѣсь не мѣсто критикѣ, но считаю нелишнимъ отмѣтить, что, какъ и у другихъ изслѣдователей, въ Очеркахъ остается въ тѣни самая крупная и самая загадочная фигура русскаго былевого эпоса—матерой казакъ Ильѣ Муромецъ. И даже послѣднія статьи его, посвященныя Ильѣ Муромцу, не удовлетворяютъ насъ. Почему это случилось? Причина, полагаю, общая всѣмъ изслѣдователямъ. Ильѣ Муромецъ не вмѣщается въ рамки исторической и этнографической школы. Теорія заимствованій, какъ она существовала до сихъ поръ только затемняла и такъ темный вопросъ. Можетъ быть, правы тѣ, которые утверждаютъ, что нужно искать сродныхъ Ильѣ образовъ въ скандинавскомъ эпосѣ; можетъ быть, правъ одинъ извѣстнѣйшій русскій ученый, который прямо сказалъ мнѣ въ бесѣдѣ объ Ильѣ: смотрите, не придется ли вамъ вернуться еще къ мифологической школѣ. Словомъ, говоря объ Ильѣ Муромцѣ, нельзя было дать строго логическихъ выводовъ, основанныхъ на фактахъ, а В. Θ. былъ очень остороженъ и сдержанъ въ своихъ заключеніяхъ.

Послѣ В. Θ. осталась цѣлая школа въ Москвѣ. Созданіе школы—фактъ огромной важности, когда мы говоримъ о томъ, какой слѣдъ оставилъ ученый въ исторіи нашего культурнаго развитія. Увлечь другихъ можно, только увлекаясь самому; заставить другихъ любить дѣло можно, только любя это дѣло.

Счастливы москвичи, которые слышали живое слово учителя, которые знали его въ полномъ расцвѣтѣ его силъ и энергій.

Пусть cadaго вдохновляютъ полныя вѣры и надежды слова его: есть надежда, говоритъ В. Θ. Миллеръ,—что современный научный періодъ—періодъ детальнаго изученія былинь съ ихъ историко-литературной и бытовой стороны—приведетъ въ недалекомъ будущемъ къ построенію полнаго и прочнаго ученія объ этой области русскаго народнаго творчества.

Какъ все, что дѣлаетъ человѣкъ, несовершенно, такъ, конечно, не безъ недостатковъ теорія Миллера, и самъ В. Θ. эти недостатки сознавалъ и на нихъ указывалъ. На его ученикахъ и послѣдователяхъ лежитъ обязанность завершить начатое ихъ учителемъ дѣло.

А. Розенфельдъ.

О собираніи сказокъ въ Орловской губерніи.

I. Условія, затруднявшія работу. II. Отношеніе къ народной литературѣ мѣстной интеллигенціи и духовенства. III. Внѣшнія затрудненія при собираніи народной литературы. IV. Гдѣ и при какихъ условіяхъ сохраняется сказка. V. Когда, гдѣ и кому рассказываютъ сказки. VI. Кѣмъ хранятся и рассказываются сказки и какія. VII. Что можетъ отразиться въ сказкѣ и отражается-ли въ ней рассказчикъ. VIII. Какъ рассказывается сказка и какъ къ ней относится рассказчикъ и слушатели. IX. Характеристика рассказчиковъ въ связи съ бытовыми условіями *).

Лѣтомъ 1913 года, по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, я собиралъ въ Орловской губерніи народную литературу. Я проработалъ съ перерывами почти все лѣто, и изъ этого времени рабочихъ дней я насчитываю полутора мѣсяца. Отдѣленіемъ мнѣ былъ предоставленъ фонографъ и валики, на которыхъ мнѣ удалось записать 60 напѣвовъ и, въ частности, четыре сказки. Записано мною 70 сказокъ, 200 частушекъ, около 50 загадокъ и 170 пѣсенъ въ Дмитровскомъ, Сѣвскомъ и Карачевскомъ уѣздахъ Орловской губерніи. Будучи уроженцемъ этой губерніи, я прежде былъ хорошо знакомъ съ говоромъ крестьянъ, что давало возможность точно записывать всѣ оттѣнки рѣчи, улавливая ихъ безъ особыхъ затрудненій для слуха. Выѣхалъ я 10 іюня при самой неблагопріятной погодѣ, которая началась 2-го іюня и продолжалась съ маленькими перерывами въ день или два вплоть до 15-го іюля, затрудняя переѣзды изъ одного села въ другое. Всѣ дороги, не говоря уже о проселочныхъ и большакахъ, были размыты и крестьяне съ большимъ трудомъ соглашались везти меня, хотя бы и до ближайшаго селенія. Въ дождливые дни крестьяне не соглашались везти меня, мотивируя свой отказъ нежеланіемъ мучить лошадей по размытымъ дорогамъ, а въ погожіе дни—занятостью лошадей,

---

*) Докладъ, читанный въ Имп. Р. Г. О.

какъ рабочаго скота, въ полевыхъ работахъ. Въ погожій день, болѣе удобный для переѣзда, все работоспособное населеніе уходило въ поле, спѣша убрать сѣно, которое, благодаря дождливому времени, на многихъ заливныхъ лугахъ оставалось не скошеннымъ и совершенно пропало во многихъ мѣстахъ, и въ эти дни не только почти невозможно было что-либо записать, но и трудно было раздобыть лошадей. Пользоваться же лошадьми крупныхъ землевладѣльцевъ, любезно предоставляемыхъ ими безвозмездно, представлялась возможность довольно рѣдко. Съ 20-го іюля, когда прекратились дожди, работа затруднялась еще болѣе тѣмъ, что одновременно съ уборкой хлѣбновъ была и запоздавшая уборка луговъ, и какъ въ тѣ, рѣдко выпадавшіе погожіе дни, такъ и теперь все работоспособное населеніе шло на работу съ ранняго утра и не возвращалось часто къ обѣду, оставаясь на полѣ до захода солнца. Въ такіе дни трудно было говорить о работѣ, ни отъ кого не добьешься ничего интереснаго, и никакія убѣжденія и просьбы рассказывать, хотя бы въ перерывы работы, не могли оказать дѣйствія: въ очень рѣдкихъ случаяхъ мнѣ удавалось что-либо записать. Вотъ тѣ затрудненія въ работѣ, которыя мнѣ приходилось испытывать, благодаря неблагоприятной погодѣ, затруднявшей, какъ въ переѣздахъ, такъ и въ отысканіи лошадей, и одновременно наступившимъ всѣмъ полевымъ работамъ, отнявшимъ все свободное время у населенія. Кромѣ того большое затрудненіе было и въ недостаткѣ средствъ въ работѣ, требующей иногда большихъ издержекъ.

Отношеніе къ моей работѣ мѣстной интеллигенціи было очень хорошее. Всюду я пользовался внимательнымъ и серьезнымъ отношеніемъ къ моей работѣ и радушнымъ гостепріимствомъ. Когда заходилъ разговоръ объ ихъ отношеніи къ народной литературѣ, къ обычаямъ и обрядамъ крестьянъ, то въ большинствѣ случаевъ они или вовсе не интересовались этимъ вопросомъ или у нихъ не было времени для этого и отзывались о нихъ шутя съ снисходительной улыбкой, какъ о некультурномъ пережиткѣ старины, который живетъ еще въ русскомъ малокультурномъ народѣ.

Насколько ошибочно это мнѣніе можно видѣть изъ того, что теперь въ Англіи свято сохраняются всѣ историческія процессіи съ обрядами и дѣйствующими въ нихъ исторически-сложившимися лицами; и отношеніе общества къ такимъ процессіямъ, въ которыхъ оно само принимаетъ самое живое участіе, и неизмѣрающій интересъ къ нимъ—говорятъ за себя.

Въ русскомъ обществѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще сохранились различныя народныя обряды, народная пѣсня и сказка, не проявляется живого интереса къ пережиткамъ старины, которые теперь только скрашиваютъ сѣрую и трудовую жизнь крестьянства. Въ нашемъ обществѣ слабо развито сознаніе необходимости поддержать

красивое зданіе творчества народной фантазіи, которое постепенно рушится подъ вліяніемъ города, фабрикъ и рудниковъ. Само крестьянство не въ состояніи поддержать это зданіе, и оно само начинаетъ отрицательно относиться къ нему; особенно сильное вліяніе въ этомъ отношеніи оказываетъ молодежь, побывавшая на заработкахъ и коснувшаяся культуры.

Люди, живущіе среди данной обстановки, такъ привыкаютъ къ ней, что почти не замѣчаютъ ея деталей и не интересуются ими, благодаря создавшейся привычка ихъ видѣть, а это имѣетъ большое значеніе въ отношеніи общества къ народнымъ обрядамъ и народной литературѣ. Кромѣ этого я хочу еще указать на вліяніе нашего духовенства въ этомъ отношеніи. Оно всячески старается заглушить и побороть въ народѣ всѣ обряды и народную литературу. Оно думаетъ, что благодаря этому въ народѣ падаетъ религіозность; оно жалуется, что благодаря этому народъ становится невѣрующимъ. Оно думаетъ, что именно въ этомъ кроется сила, разрушающая вѣру и религіозность народа. По словамъ тѣхъ священнослужителей, съ которыми я неоднократно сталкивался во время работы и бесѣдовалъ по этому вопросу, замѣтивъ въ нихъ такое отрицательное отношеніе къ народному творчеству,—ими замѣчено, что два десятка лѣтъ тому назадъ этотъ же народъ усердно посѣщалъ церковь и молился,—а вѣдь тогда сильнѣе жила въ его сознаніи необходимость обрядовъ старины и своей литературы, чѣмъ теперь, и приписывать этимъ причинамъ разрушеніе вѣры и религіозности—невозможно. Пользуясь авторитетомъ среди населенія, духовенство медленно разрушаетъ вѣковое зданіе народной фантазіи и является косвеннымъ виновникомъ движенія по новому пути къ уродливымъ формамъ, при содѣйствіи города и самого населенія, побывавшаго на заработкахъ. Представителями отрицательнаго отношенія къ народной поэзіи, среди духовенства, въ большинствѣ случаевъ, являлись люди пожилые и старые. Въ молодомъ духовенствѣ отношеніе къ этому вопросу, въ большинствѣ случаевъ, такое же, какъ и у остальной мѣстной интеллигенціи.

Теперь я перейду къ тѣмъ затрудненіямъ при собираніи народной литературы, которыя встрѣчались мнѣ со стороны самихъ крестьянъ—разсказчиковъ, и къ ихъ отношенію къ моей работѣ. Невольно возникаетъ вопросъ, возможно-ли установить какую-либо программу при собираніи народной литературы, т. е. возможно-ли указать какіе-либо приемы при собираніи, чтобы при ихъ помощи заставить разсказывать. Я думаю, что какіе бы мы не устанавливали приемы собиранія пѣсенъ или сказки теоретически, они всегда будутъ имѣть передъ собой противодѣйствующую силу на практикѣ, и побороть эту силу сможетъ не программа, а только исключительно умѣніе собирателя приноровиться къ данному случаю, способы котораго останутся всегда

чисто индивидуальными. Первое и главное затрудненіе въ работѣ это—недовѣрчивое и опасливое отношеніе крестьянъ къ собирателю. Они не могутъ себѣ представить, зачѣмъ это понадобились ихъ сказки; они не знаютъ за кого принимать собирателя и боятся говорить, думая, что за этимъ кроется что-то другое, какая-нибудь фискальная цѣль. Приходится затрачивать массу труда и времени, чтобы убѣдить рассказать сказку, и обычно приходится слышать такого рода восклицанія: „не, баринъ, ета ты брось,—скажишь табѣ, а тамъ кабы и не вышла чаво“.

Крестьянство запугано и боится довѣрять неизвѣстному человеку. Когда я ходилъ на село въ штатскомъ, то меня встрѣчали такими возгласами: „во बारे та, дѣлать нечева имъ и ходють за скасками, съ жиру бѣсютца, мала видна книжакъ стала“, а въ одномъ случаѣ меня даже приняли за агитатора, что непріятно отозвалось на работѣ. Когда я приходилъ на село въ формѣ, то меня хотя и принимали за чиновника, но относились гораздо лучше и болѣе серьезно, хотя и съ меньшимъ довѣріемъ. Вообще въ крестьянствѣ сложилось недовѣрчивое отношеніе къ каждому новому лицу въ формѣ, въ которомъ они всегда готовы видѣть чиновника, могущаго принести имъ вредъ. Крестьянинъ, если и приметъ собирателя за чиновника, то все же положеніе собирателя лучше тѣмъ, что, хотя крестьянинъ и будетъ относиться съ недовѣріемъ и опасно, все же онъ станетъ рассказывать, такъ какъ въ крестьянской массѣ сложилось нѣсколько странное убѣжденіе, что, если не сдѣлать того, что проситъ чиновникъ добровольно, то могутъ тоже заставить сдѣлать, и отъ этого будетъ хуже. Правда, рассказчикъ не воодушевится сказкой, она его не можетъ увлечь, но все же онъ расскажетъ, что просятъ отъ него. Подобные случаи, конечно, рѣдки, но могутъ встрѣтаться при работѣ, и съ ними приходится быть осторожнымъ, чтобы имѣть возможность при дальнѣйшей работѣ возстановить къ себѣ довѣріе рассказчика. Возникнуть подобные случаи, конечно, могутъ и не по винѣ собирателя, а совершенно случайно и неожиданно, въ зависимости отъ того, какъ будутъ принимать собирателя, если онъ въ формѣ. Кромѣ этого затрудненія въ работѣ, можетъ встрѣтиться еще затрудненіе и такого характера: если крестьянинъ случайно заподозритъ возможность эксплуатаціи его съ коммерческой цѣлью, то онъ начинаетъ торговаться, выпрашивать денежное вознагражденіе, и въ этомъ случаѣ не представляется абсолютно никакой возможности переубѣдить его, а такіе случаи возможны, когда собиратель дѣлаетъ подарки рассказчикамъ. Подобный случай былъ со мною въ селѣ Литижѣ Сѣвскаго уѣзда. Начало работы въ этомъ мѣстѣ шло очень хорошо, и въ продолженіи пяти часовъ мнѣ удалось записать три бытовыхъ сказки, записать почти дословно, такъ какъ онѣ рассказывались не спѣша, ясно и членораздѣльно. Въ перерывахъ между записываніемъ

сказокъ крестьяне вспоминали, какъ однородный случай, о поѣздкѣ Д. І. Святскаго, который ѣздилъ собирать костюмы для этнографическаго музея Александра III, и оставилъ по себѣ воспоминанія у мѣстнаго населенія. Благодаря этому, они скорѣе уяснили себѣ цѣль и моего пребыванія и охотно рассказывали сказки. Записавъ эти три сказки, я сдѣлалъ продолжительный перерывъ, въ теченіе котораго ко мнѣ пришелъ крестьянинъ, Петръ Степинъ, извѣстный въ селѣ, какъ балагуръ, весельчакъ и бывшій пѣсельникъ въ хороводахъ. Онъ предложилъ мнѣ сказать пѣсни, но когда я ему поставилъ напѣтый крестьянами вѣликъ, то онъ охотно согласился и пропѣлъ пѣсни въ рупоръ фонографа, при чемъ попросилъ, чтобы его передъ пѣніемъ угостили водкой, „штопъ голоса зычнай былъ“. Пѣсни пропѣлъ онъ отъ души и былъ самъ очень доволенъ ихъ услышать, когда я воспроизвелъ ихъ. Я ему далъ „на чай“ и, какъ оказалось послѣ, онъ отправился на село, встрѣтилъ тамъ своего пріятеля, большого любителя выпить, и рассказалъ, что за пѣніе его угостили и дали на водку и что „барину де сказки сказываютъ“, т. е. посоветовалъ самому отправиться и заработать на водку. Этотъ пришелъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ рассказывать сказки, только спросилъ—по чемъ я буду давать отъ сказки, назначивъ предварительно свою цѣну. Когда я пояснилъ ему, что я не плачу за сказки ничего, а только дѣлаю небольшіе подарки, по собственному усмотрѣнію, онъ мнѣ не повѣрилъ и началъ торговаться. Сказокъ рассказывать онъ не сталъ мнѣ и распустилъ въ селѣ молву, что я пріѣхалъ надувать народъ. Послѣ этого, всѣ мои попытки снова начать работу ни къ чему не привели, и мнѣ пришлось на слѣдующій же день уѣхать изъ Литижа. Правда, этотъ случай въ моей работѣ былъ единственный, но онъ очень характеренъ. Наученный имъ, впослѣдствіи я дѣлалъ подарки въ послѣдній день работы, въ данномъ мѣстѣ. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне очень удивлялись, что за пѣсни и сказки ихъ дарятъ. Еще большую трудность въ работѣ представляетъ опросъ рассказчика о его лѣтахъ, о его жизни, о томъ—отъ кого онъ научился рассказывать сказку,—вообще опросъ біографическихъ данныхъ рассказчика. На это онъ или вовсе не хочетъ отвѣчать или даетъ путанные и неправдоподобные отвѣты, что выяснялось въ разговорѣ съ его сосѣдями—односельчанами. И только путемъ побочнаго опроса сосѣдей, возможно было изъ однородныхъ отвѣтовъ установить біографическія данныя о рассказчикѣ. Какимъ путемъ возможно преодолѣть подобныя затрудненія—это вопросъ, разрѣшающійся чисто практически, и дать опредѣленный отвѣтъ на него почти невозможно. Необходимо прежде всего пробудить интересъ къ себѣ и возможно ближе войти въ психологію собравшагося кружка или рассказчика, или воспользо-ваться создавшимся настроеніемъ. Въ этомъ отношеніи мнѣ оказалъ немалую услугу фонографъ. Крестьянъ очень интересовало то, что

они могутъ слышать собственную рѣчь, собственное пѣніе и они очень часто съ удовольствіемъ мнѣ говорили и напѣвали валики. Когда, подъ вліяніемъ пробудившагося интереса къ собирателю, благодаря его фонографу, создавалось такое благодушное и веселое настроеніе собравшагося кружка крестьянъ, тогда обычно и удавалось начать записывать, сперва — слова спѣтой пѣсни для фонографа, такъ какъ, записавъ мотивъ, я обрывалъ пѣсню и конецъ ея записывалъ уже со словъ, а потомъ, когда видъ моего карандаша и тетради уже ихъ не пугалъ, то и какую-нибудь сказку записывалъ со словъ рассказчика. Послѣ этого крестьяне охотно рассказывали сказки, добродушно посмѣиваясь, а когда рассказчику удавалось увлечь сказкой слушателей, то они даже участвовали въ моей просьбѣ — рассказывать для меня сказки. Крестьяне въ большинствѣ случаевъ смотрѣли на записываніе сказокъ, какъ на непронизводительную работу и отношеніе ихъ къ собирателю было, какъ къ взрослому ребенку.

Бывали случаи, что и фонографъ приводилъ крестьянъ въ немалое смущеніе, и, не смотря даже на то, что въ предварительно прослушанныхъ ими пѣсняхъ они и узнавали свои деревенскія пѣсни, убѣдить ихъ спѣть было очень трудно. Они боялись „чортовой машины“, какъ они называли фонографъ. А въ одномъ селѣ, гдѣ населеніе до сихъ поръ не имѣетъ понятія о граммофонѣ и не слышало его никогда, послѣ того какъ была уже записана мною пѣсня одной пожилой крестьянки, и когда я сталъ воспроизводить валикъ, то мужъ ея, прослушавъ нѣкоторое время, съ неподдѣльнымъ ужасомъ заявилъ мнѣ: „штошь ты, баринъ, съ бабай-та маей исдѣлалъ, вѣтъ ана таперь кликуха будетъ“, и тотъ часъ же напустился на жену, упрекая ее въ томъ, что, не смотря на его предупрежденія не дѣлать угодное нечистой силѣ, она все-таки его не послушала, и вотъ теперь онъ долженъ будетъ весь вѣкъ маяться съ нею. И мнѣ еле-еле удалось убѣдить его, что ничего дурного не можетъ быть, объяснивъ примитивнымъ способомъ устройство „чортовой машины“. Конечно, подобные случаи единичны, но и съ ними приходилось сталкиваться. И чаще всего крестьянокъ заставляеть пѣть женское любопытство, потому что, когда онѣ поютъ, то у нихъ и голосъ дрожить, и не хватаетъ воздуху, и на лицѣ суевѣрный страхъ. Единственный путь, который возможно указать, чтобы возбудить довѣріе къ собирателю — это посредничество мѣстной интеллигенціи. Рассказчикъ больше довѣряетъ просьбѣ и убѣжденіямъ лица, уважаемаго въ селѣ, за которымъ стоитъ авторитетъ, котораго онъ знаетъ и соглашается рассказывать, благодаря скорѣе его просьбѣ, нежели просьбѣ и доводамъ собирателя. Неоднократно во время начала работы, въ данномъ мѣстѣ, меня сопровождалъ кто-нибудь изъ мѣстной интеллигенціи, и при его посредничествѣ я начиналъ работать. Послѣ этого я уже работалъ самостоятельно и въ большинствѣ случаевъ успѣшно.

Цѣль моей работы крестьянамъ я обычно объяснялъ необходимою знать сказки для ученія, чтобы ихъ напечатать въ книжки, которыя впослѣдствіи будутъ читать ихъ же внуки и правнуки. Необходимость этой работы я мотивировалъ передъ ними тѣмъ, что вотъ умретъ старикъ разсказчикъ, сказки его забудутъ и нечего будетъ разсказывать дѣтямъ. И старики обычно соглашались, говоря съ сожалѣніемъ о томъ, что въ старину лучше жили, и сказку любили слушать и пѣсни пѣли хорошія и что—теперь не то, не тѣ люди пошли. Вообще же причины собиранія сказокъ приходилось объяснять, приноравливаясь къ разсказчику, къ его понятіямъ и взглядамъ, употребляя и ложь, какъ средство заставить разговориться. Перебивать разсказчика во время сказки не стоитъ,—онъ можетъ подумать, что его сказка не интересна, что его хотятъ торопить, и онъ скомкаетъ сказку или даже не станетъ ее продолжать и начнетъ новую. Видя интересъ ко всякой разсказываемой сказкѣ, разсказчикъ ободряется тѣмъ, что его разсказомъ интересуются, и это даетъ ему чувство самоудовлетворенія. Когда разсказчикъ начинаетъ повторять сказку сначала (это требуется, чтобы провѣрить точно-ли записана она), то онъ еѣ разсказываетъ не такъ уже охотно, потому что ему самому не интересно ее повторять, и онъ старается ее сократить и быстрѣе окончить; она утомляетъ его своимъ повтореніемъ и, желая не повторяться и сохранить авторитетъ интереснаго разсказчика, онъ начинаетъ варьировать, добавляя уже изъ своей фантазіи. Я обычно не переспрашивалъ у одного и того же лица повторенія сказки, а прослушивалъ еѣ отъ другого разсказчика въ томъ же селѣ. Если иногда и получался варіантъ сказки, то во всякомъ случаѣ онъ былъ оригиналомъ и почти всегда повторялся точно, какъ и у перваго разсказчика, съ маленькими лишь измѣненіями предметовъ, употребляемыхъ дѣйствующими лицами сказки, но никакъ не въ происходящихъ въ ней дѣйствіяхъ, что можетъ случиться, когда одинъ и тотъ же разсказчикъ начнетъ варіировать и добавлять отъ себя.

Трудно войти въ довѣріе разсказчика; но какъ только это удалось сдѣлать, то онъ не только самъ охотно разсказываетъ, что знаетъ и помнитъ, но и помогаетъ найти другого односельчанина, который бы помогъ напомнить ему какую-нибудь сказку или же разсказалъ самъ, если помнитъ. Въ такихъ случаяхъ возможно и за короткій срокъ записать массу матеріала. Только послѣ этого отношенія между разсказчикомъ и собирателемъ становятся простыя и иногда даже любовно-душевныя и довѣрчивыя, что такъ необходимо при собираніи народной литературы.

Теперь я перейду къ вопросу исключительно о сказкахъ и постараюсь детальнѣе освѣтить, въ какомъ состояніи находится сказка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ пришлось работать прошедшимъ лѣтомъ, кѣмъ и какъ она разсказывается, кто является хранителемъ ея и,

наконецъ, въ заключеніи приведу характеристики нѣкоторыхъ разсказчиковъ.

Какъ и должно было предполагать, сказка сохраняется въ болѣе глухихъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ желѣзной дороги и торгово-промышленныхъ пунктовъ, но еще при условіи, что мѣстное населеніе не выходитъ на заработки на сторону. Въ такихъ мѣстахъ сохраняется сказка хорошо и мало варьируется. Гдѣ же существуютъ заводы и фабрики, и гдѣ на нихъ работаетъ пришлое населеніе, тамъ сказка почти исчезла, и еѣ замѣнилъ анекдотъ или небылица съ наибольшимъ элементомъ фантазій.

Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ на заводѣ или фабрикѣ работаетъ мѣстное населеніе и пришлаго элемента нѣтъ, или его самый незначительный процентъ, тамъ сказка сохраняется и до сихъ поръ очень хорошо, съ тою только особенностью, что въ сказкахъ въ большей степени появляется бытовой элементъ, и сама сказка переходитъ изъ фантастической въ бытовую. И только старые люди помнятъ еще старинную сказку съ фантастическимъ элементомъ. Яркимъ примѣромъ можетъ служить одинъ изъ пунктовъ въ моей работѣ—село Литижъ, Сѣвскаго уѣзда. Въ селѣ находится большой винокуренный заводъ; на немъ почти исключительно работаютъ мѣстные крестьяне, и пришлымъ элементомъ является только администрація. Въ селѣ до сихъ поръ женщины носятъ паневы; въ немъ до сихъ поръ свято сохраняются всѣ обряды съ пѣнями и хороводами, и особенность его жителей—нелюдимость и замкнутость. Жители сосѣднихъ селъ отзываются о литижцахъ, какъ о грубыхъ, дикихъ и некультурныхъ людяхъ.

Встрѣчаются и такія села, гдѣ населеніе болѣе зажиточное уходитъ въ Сибирь, а неимущее—на заработки, благодаря плохой почвѣ и невозможности прокормиться на мѣстѣ. Примѣромъ можетъ служить село Авчухи, Дмитровскаго уѣзда,—въ немъ остался почти одинъ женскій элементъ, а изъ мужского—или неработоспособные, или тамъ, гдѣ женщина не можетъ вести хозяйства самостоятельно. Въ такихъ селахъ сказка уже почти исчезла. Вообще же въ той губерніи, гдѣ я работалъ,—въ глухихъ мѣстахъ сказка сохранилась хорошо, ее любятъ и охотно слушаютъ. Вотъ въ какихъ условіяхъ находится сказка.

Сказка разсказывается не всегда. Можно отмѣтить особые періоды въ году, когда вспоминается сказка, и кто помнитъ ее и знаетъ—разсказываетъ. Однимъ изъ такихъ періодовъ является рождественскій постъ и праздники Рождества. Вечерами, „на посидкахъ“, когда въ избѣ собирается все семейство, а иногда и родные или сосѣди, время коротаютъ за домашней работойъ, слушая сказку. Въ Рождественскіе же праздники, когда молодежь веселится въ горницахъ (неотопляемая часть избы), то старуха или старикъ разсказываетъ дѣтямъ сказки

въ хатѣ, такъ какъ они не участвуютъ въ играхъ и гаданіяхъ молодежи. Или же подростки сами между собой, собравшись гдѣ-нибудь въ уголокъ, начинаютъ разсказывать другъ другу сказки, и если замѣтитъ ихъ старикъ или старуха, то подсаживается къ нимъ и продолжаетъ дальше разсказывать начатую сказку или же начинаетъ новую.

Разсказывается сказка и послѣ Рождества, вплоть до маслени, а послѣ уже ее смѣняетъ пѣсня грусти, неудачи и бездоля, такъ какъ веселыя пѣсни великимъ постомъ пѣть считается дѣломъ грѣховнымъ. Весной въ пѣснѣ мѣняются тона, она становится живой, радостной, а съ нею снова пробуждается и сказка, но разсказывается она уже не въ семейномъ кругу вечерами, а въ полѣ или лѣсу въ ночномъ. Обычно, въ ночное ѣздятъ подростки мальчики въ сопровожденіи кого-нибудь изъ старшихъ. Въ ночномъ разсказываются больше сказки чудеснаго содержанія, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются: лѣшій, водяной, русалки и вообще всякая нечисть, а также и звѣри. Этой сказкой развлекаютъ, отгоняютъ сонъ, а чтобы слушалась она съ большимъ интересомъ, разсказчикъ старается приподнять настроеніе страха у слушателей. Мнѣ пришлось быть одинъ разъ въ ночномъ и слушать сказку умѣлаго разсказчика, и я хочу теперь подѣлиться съ слушателями тѣмъ впечатлѣніемъ, какое она оставила на мнѣ. Начинается она случайно, изъ разспросовъ какого-нибудь мальчика о томъ мѣстѣ, гдѣ въ данную минуту караулятъ лошадей, и маленькіе слушатели непременно ожидаютъ, что старшій скажетъ что-нибудь необыкновенное, страшное и чудесное. И невольно вспоминается описаніе ночного въ разсказѣ Тургенева „Бѣжинъ лугъ“. Постепенно создается настроеніе, и всѣ эти страхи и ужасы живутъ въ душѣ слушателей, а случайные звуки въ ночной тишинѣ еще болѣе ихъ усиливаютъ. Когда разсказываютъ сказку въ избѣ, то она не создаетъ такого настроенія, какое можетъ она создать въ ночной тишинѣ. Здѣсь ея живутъ слушатели, и въ ней самой живутъ образы, созданные народной фантазіей. И если, кромѣ того, разсказчикъ обладаетъ въ достаточной степени фантазіей, то онъ начинаетъ варіировать, создаетъ новые образы, разсказываетъ въ лицахъ, увлекается самъ сказкою и начинаетъ ея жить. Настроеніе повышается, напрягается слухъ и слушатели, затановъ дыханіе, живутъ страхами сказки. Мнѣ пришлось пережить такую сказку въ ночномъ, когда она невольно захватила меня, и мнѣ передалось настроеніе маленькихъ слушателей.

Иногда разсказываютъ сказку или чаще коротенькую небылицу въ перерывѣ полевой работы; но это очень рѣдко.

Сказка разсказывается, какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ, но характеръ ихъ различенъ. Дѣтямъ чаще разсказываютъ сказки чудеснаго содержанія, взрослымъ же—бытовыя, а если онѣ и имѣютъ фантастическій элементъ, то онъ въ большинствѣ случаевъ аллегорич-

чень, и сама сказка иногда становится поучительной. Когда слушателями бывают дѣти и подростки, то сказки рассказываютъ чудеснаго содержанія, когда же слушаютъ сказку и взрослые и дѣти, то рассказываются сказки самаго разнообразнаго содержанія, и часто интересъ дѣтей предпочитается интересу взрослыхъ, такъ какъ, по словамъ рассказчиковъ, въ сказкѣ можно научиться „уму-разуму“. Также можно указать на сказки, которыя рассказываются только въ кругу мужчинъ, но такія сказки неприличнаго содержанія, хотя онѣ подчасъ дышатъ юморомъ и народнымъ остроуміемъ. Вообще въ сказкахъ для нашего слуха встрѣчается масса неприличныхъ выраженій, которыя, совершенно не замѣчаются слушателями деревни, такъ какъ безъ крѣпкаго слова вообще русскій человѣкъ не можетъ обходиться и даже любитъ вставить его во время, безъ зла, а—отъ всей души.

Сказки хранятся чаще всего въ семьяхъ болѣе обезнеченныхъ и зажиточныхъ, какъ и весь обрядовый укладъ жизни крестьянина. Такія семьи имѣютъ больше досуга; имѣютъ возможность собираться въ тѣсномъ семейномъ кругу и, когда хозяйственные разговоры и работы дня окончены, то охотно слушается сказка за домашней работой. Члены такой семьи не ходятъ на заработки, и она находится подъ меншимъ вліяніемъ всего наноснаго. Сказка рассказывается, какъ мужчинами, такъ и женщинами, хотя все же можно замѣтить градацию сказки среди рассказчиковъ. Женщинами рассказываются сказки по большей части чудеснаго содержанія, и фантастическій элементъ въ нихъ преобладаетъ. Содержаніе ихъ сказки очень рѣдко измѣняется, а нѣкоторыя мѣста въ сказкахъ повторяются буквально, и всѣ сказки женщинъ болѣе стараго происхожденія. Объясняется это тѣмъ, что женщина очень рѣдко уходитъ на заработки, и тѣмъ, что, какъ болѣе консервативный элементъ, хранить устои семьи и жизни съ ихъ обычаями, обрядами, такъ же какъ и пѣсню и сказку. Онѣ говорятъ, что ни изъ пѣсни, ни изъ сказки слова не выкинешь. Женщина больше всего имѣетъ общенія съ дѣтьми, и еще дѣвочкой—подросткомъ она уже учится сказкѣ, какъ нянька своихъ меньшихъ братьевъ, и забавляетъ ихъ сказкой. Когда она становится матерью, а затѣмъ и бабушкой, то здѣсь она еще больше имѣетъ общенія съ дѣтьми. Сказкой она ихъ успокаиваетъ и, пугая страшными рассказами, сосредоточиваетъ ихъ вниманіе, чѣмъ отвлекаетъ ихъ слезы и убаюкиваетъ. Мужчины, какъ менѣе причастный элементъ къ воспитанію дѣтей, такихъ сказокъ знаютъ меньше. Какъ бывалый элементъ, они больше могутъ видѣть и знать жизнь, изъ нея они могутъ большому научиться, и въ своихъ сказкахъ они поучаютъ и не только дѣтей, но и взрослыхъ.

Сказки мужчинъ съ фантастическимъ элементомъ это—о разбойникахъ и солдатахъ. Среди мужчинъ, конечно, скорѣе можно встрѣ-

тить сказочника, т. е. особенно интересующагося сказкой и посвящающаго почти весь свой досугъ сказкѣ, но такіе сказочники очень рѣдки. Они съ удовольствіемъ сами прослушиваютъ новую сказку и иногда даже идутъ въ сосѣднее село, чтобы специально слушать сказку.

О такомъ сказочникѣ мнѣ недавно сообщили. Въ селѣ Вязилки-Варново, Боховскаго уѣзда, Орловской же губерніи, до сихъ поръ живъ еще старикъ 107 лѣтъ, который почти уже ослѣпъ, и средствомъ къ существованію служитъ ему сказка. Онъ ходитъ по селу по очереди въ болѣе зажиточныя семьи, собираетъ вокругъ себя маленькихъ слушателей и рассказываетъ сказки. Не только дѣти, но, какъ мнѣ передавали, и взрослые заслушиваются его сказками. Но такіе сказочники очень и очень рѣдки. Вообще же сказки мужчинъ носятъ скорѣе поучительный характеръ, и весь фантастическій элементъ въ ихъ сказкѣ, какъ я уже упоминалъ, аллегориченъ. Сказки изъ животнаго міра рассказываются, какъ мужчинами, такъ и женщинами; этотъ видъ сказки общъ и тѣмъ и другимъ.

Рассказываютъ сказки и старые люди, хотя, какъ я замѣтилъ, особенно хранятъ сказку, особенно ею интересуются, берегутъ и стараются передать люди средняго возраста. Въ сказкахъ отражается міровоззрѣніе крестьянъ, ихъ идеалы и семейный бытъ. Въ нихъ онъ критикуетъ жизнь и людей и имъ онъ поучаетъ „уму-разуму“. Въ сказкѣ одухотворена природа и животный міръ; она надѣляетъ животныхъ психическими свойствами человѣка, они живутъ въ ней интересами людей, и ихъ отношенія къ людямъ не безразличны. Даже сама природа въ сказкѣ не остается безучастной къ жизни человѣка, и въ сказкахъ съ фантастическимъ элементомъ она принимаетъ живое участіе въ его жизни—въ образахъ царевенъ, царевичей, кощея безсмертнаго и другихъ образахъ; въ природѣ человѣкъ видитъ борьбу въ его же интересахъ.

Въ сказкѣ отражается не только указанное мною, но и самъ рассказчикъ. Онъ не можетъ, конечно, отразиться во всѣхъ сказкахъ,—такъ, напримѣръ; въ сказкахъ съ фантастическимъ содержаніемъ духовный міръ рассказчика не отражается вовсе; въ такихъ сказкахъ рассказчикъ является только точнымъ передатчикомъ того, что онъ слышалъ отъ другихъ. Въ немъ сложилось убѣжденіе, что въ такія сказки добавить своего онъ не можетъ, потому что „такъ ета ушь павелось отъ старыхъ людей“, „слова не выкинуть изъ етой скаски“. Нѣкоторыя части сказки, кто бы ихъ ни рассказывалъ, всегда повторяются точно, такъ, напримѣръ, въ сказкѣ о Наливномъ яблочкѣ слова—„каровушка-буровушка, у мене мать была, теперъ мачеха, дала павесма замашекъ, чтопъ папрясть, паткать и трубочкаю скатать“ повторялись слово въ слово разными рассказчиками. Подобныхъ примѣровъ въ сказкахъ можно встрѣтить массу. Такія сказки всегда

почти передаются точно, мало варьируются и почти не зависят от фантазии рассказчика. В нем сложилось убеждение, что в таких сказках он не имеет права ничего ни изменить, ни убавить, а должен рассказывать так, как он их сам слышал. К этой же категории сказок можно еще отнести сказки из животного мира, где, хотя рассказчик и наделяет животных психическими свойствами человека, но сам почти не принимает никакого участия и передает точно содержание сказки.

В этих сказках отразилось и мировоззрение крестьянства и бытовые условия его жизни, но указать на то, чтобы это зависело от рассказчика — невозможно. Как в сказках с фантастическим содержанием, так и в сказках из животного мира, сам рассказчик почти не участвует. Излюбленными действующими лицами сказок животного мира являются те животные, с которыми человек имеет дело и в жизни, это чаще всего домашние животные; из диких — те, с которыми ему приходится или вести постоянную борьбу, или сталкиваться в общении. В остальных сказках очень часто рассказчик добавляет от себя. В бытовых сказках отражаются условия, в которых живет сам рассказчик; в них он часто описывает окружающую его обстановку, а иногда в разговорной речи действующих лиц в сказке, он рассказывает так, будто одним из них является он сам. В таких случаях и сама сказка в его устах оживает, и сам рассказчик живет ею. В таких сказках отражается не только материальное обеспечение семьи рассказчика, жизнь его односельчан, окружающая его природа, название места действия в сказке, знакомого самому рассказчику, но также отражается его духовный мир и отношение его к людям. В сказках быличах и юмористического содержания рассказчик точно также участвует сам или одним из действующих лиц, или косвенно — собственными суждениями. И в этих сказках может отразиться бытовая сторона крестьянской жизни и его мировоззрение в его отношении к действующим лицам, по желанию самого рассказчика, в зависимости от того — насколько он обладает умением рассказывать. Можно указать на небольшую часть сказок — это сказки о разбойниках. Насколько мне пришлось наблюдать, эти сказки рассказываются в тех местах, где сохраняются леса, местопребывание разбойничьих шайк. Где же нет лесов, там довольно редко можно встретить и сказки о разбойниках. Орловская губерния в этом отношении интересна тем, что по ней проходит граница между степью и лесной местностью, в ней мне и пришлось наблюдать это явление. Сказки же о солдатах распространены повсеместно, и по своему содержанию они довольно однообразны. Говоря о сказках, по собственному наблюдению, я могу разделить сказки на две группы

по тому, что можетъ отразиться въ сказкѣ по желанію самого рассказчика и, что въ нихъ отразилось до него, гдѣ онъ остается только пересказчикомъ слышаннаго. Къ первой группѣ я отношу сказки съ фантастическимъ содержаніемъ и сказки животнаго міра; ко второй—бытовья, о разбойникахъ, солдатскія и юмористическія. Рассказчикъ, передавая сказки первой группы, остается объективнымъ въ изложеніи,—во второй же группѣ онъ участвуетъ самъ или какъ дѣйствующее лицо, или косвенно, описывая бытовую сторону жизни дѣйствующихъ лицъ и обстановку, и отражается въ ней постольку, поскольку онъ ближе къ дѣйствительности, и поскольку самъ рассказчикъ можетъ участвовать въ сказкѣ, какъ дѣйствующее лицо.

Интересно отмѣтить и то, какъ рассказывается сказка, и какъ къ ней относится рассказчикъ и слушатели. Когда сказку рассказываетъ старый человѣкъ, то передъ сказкой скажетъ присказку, небольшую, коротенькую, но иногда очень остроумную. Больше всего къ сказкѣ дѣлаютъ присказки старухи. Одна изъ моихъ рассказчицъ, Серафима Сорокина, рассказывая сказки непременно добавляла присказку. Въ концѣ сказки тоже добавляютъ, говоря, напримѣръ: „я тамъ была, метъ, пиво пила, по губамъ тякло, а въ ротъ ни напала“, или—„такъ-та была у насъ у старинку, биваль мушь сваю жинку“ и тому подобныя присказы. Но не къ каждой сказкѣ рассказчикъ сдѣлаетъ такое вступленіе или закончитъ ее коротенькимъ присказомъ. Насколько мнѣ пришлось наблюдать, то къ фантастическимъ сказкамъ, какъ болѣе стараго происхожденія, почти всегда дѣлается присказка; также дѣлается присказка къ сказкамъ и бытовымъ, ноучительнаго характера, но только въ концѣ сказки, въ видѣ моральнаго наставленія или вывода, такъ, напримѣръ, въ сказкѣ: „Баба отъ змяи взята“ въ концѣ рассказчикъ добавилъ: „эта дѣла кончена, баба отъ змяи взята; какъ была баба змяей, такъ и осталась“.

Иногда такіе выводы дѣлаются въ концѣ сказки какой-нибудь пословицей. Не всѣ сказки и рассказываются одинаково. Мнѣ пришлось слышать сказки, которыя рассказываются особымъ складомъ, на распѣвъ, довольно монотонно, и танія сказки болѣе старыя, такъ какъ ихъ рассказываютъ одинаково большинство рассказчиковъ изъ лицъ преклоннаго возраста.

Это, напримѣръ, сказки: Аленушка и братецъ Иванушка, о Наливномъ Яблочкѣ. Сказки же о разбойникахъ, бытовья, солдатскія и юмористическія, всегда рассказывались мнѣ говоромъ, и ни одно мѣсто изъ нихъ не говорилось на распѣвъ. Манера рассказывать сказку въ значительной степени зависитъ отъ самого рассказчика, но онъ всегда считается съ тѣмъ—какая сказка: можно-ли ее говорить обыкновенно или же—„по особому“. Если рассказчикъ знаетъ, что такая-то сказка старая, и она въ старину сказывалась по особому, то онъ считаетъ недопустимымъ нарушить старину и будетъ рассказывать особенно. Когда я

спрашивалъ: почему онъ ее такъ рассказываетъ, обыкновенный отвѣтъ былъ тотъ, что „старые люди такъ всегда сказывали“. Такіе рассказчики въ большинствѣ случаевъ были люди старые, а молодое поколеніе съ этимъ уже не считается и рассказываетъ не растяжно, а кто какъ захочетъ. На распѣвъ рассказываются сказки болѣе старыя—фантастическія.

Сказокъ, которыя бы имѣли стихотворный складъ, мнѣ встрѣтить не пришлось.

Нѣкоторыя части сказки поются, такъ, напримѣръ, въ сказкѣ о Наливномъ Яблочкѣ поются слова: „каровушка-буровушка, у мене мать была—типерь мачеха“, и въ этой же сказкѣ: „катлы кипють кипучіе, агни гарять гарючіи, нажи точуть булатныи, мине рѣзать хочуть“.

Записать по фонографу мнѣ не удалось ни сказки, сказанной на распѣвъ, ни той части сказки, которая поется. Въ бытовыхъ сказкахъ рассказчикъ вводитъ иногда собственное замѣчаніе или дѣлаетъ какой-нибудь выводъ, по собственному усмотрѣнію. И если рассказчикъ человѣкъ уже старый, надѣленный житейскимъ опытомъ и пользующійся уваженіемъ, то къ его замѣчаніямъ прислушиваются, такъ какъ изъ нихъ можно чему-нибудь научиться. Также вставляются замѣчанія рассказчика и въ юмористическія сказки. Сказку вообще не принято перебивать, и если она понравилась слушателямъ, то ее выслушаютъ внимательно до конца, а кто не желаетъ слушать, то уходитъ, но перебивать рассказчика нельзя, это обижаетъ его. Если кто сдѣлаетъ замѣчаніе, то рассказчикъ отвѣтитъ на это пословицей: слушать не слушай, а врать не мѣшай. Я могу указать на одинъ родъ сказки, когда и рассказчикъ прерываетъ ее своими замѣчаніями, и слушатели ихъ дѣлаютъ—это сказки юмористическія. Если такая сказка рассказывается съ увлеченіемъ и умѣло, то слушатели отъ души смѣются, дѣлаютъ замѣчанія, и это нисколько не мѣшаетъ сказкѣ, наоборотъ даже оживляетъ ее.

Рассказчики различно относятся къ сказкамъ. Рассказывая фантастическую сказку, онъ передаетъ ея содержаніе; образы его могутъ захватить, но самой сказкѣ онъ не вѣритъ; когда онъ рассказываетъ бытовую сказку или сказку о разбойникахъ, то онъ вѣритъ ей, вѣритъ тому, что это происходило на самомъ дѣлѣ, правда, люди прикрасили ее небылицей, но все же подобное можетъ случиться въ жизни, и если не теперь, то во всякомъ случаѣ, это было въ старину, иначе бы не стали рассказывать ее старые люди. До сихъ поръ живетъ еще въ народѣ вѣра, что были и русалки, и лѣшій есть, и домовой, но только ихъ человѣкъ не можетъ видѣть и, рассказывая про нихъ сказку, онъ все-таки вѣритъ въ существованіе „всякой нечисти“. Точно также относятся къ сказкѣ и слушатели. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ пришлось работать, сказка еще не умерла, ее еще любятъ и слушаютъ.

Вотъ чѣмъ могу я подѣлиться о сказкахъ, по собственному наблюденію.

Теперь я дамъ небольшія характеристики двухъ рассказчиковъ, наиболѣе интересныхъ, встрѣтившихся мнѣ во время работы.

Серафима Владимірова Сорокина—живетъ въ селѣ Радогощъ, Сѣвскаго уѣзда, Орловской губерніи. Село находится въ 50-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Дмитровска и въ 40-ка верстахъ отъ уѣзднаго города Сѣвска. Отъ ближайшей, Московско-Кіево-Воронежской, ж. д., оно отстоитъ въ 11 верстахъ. Село стоитъ на рѣкѣ Нерусѣ, на границѣ Дмитровскаго уѣзда. Въ селѣ находится двѣ школы: церковно-приходская и земская. За Нерусой тянутся на большое пространство лѣса, гдѣ, по рассказамъ стариковъ, въ старые годы, было не мало разбойниковъ, и гдѣ, по преданію, и теперь схоронено не мало кладовъ. За Нерусой непосредственно прилегаетъ къ с. Радогощъ небольшой поселокъ, подъ именемъ „Монастырекъ“. Тамъ былъ въ старину монастырь, упраздненный при Екатеринѣ Великой, и отъ него то носитъ названіе и поселокъ, хотя онъ и недавняго происхожденія. Въ селѣ Радогощъ, съ недавняго времени построена спичечная фабрика, гдѣ работаетъ исключительно мѣстное населеніе. Въ четырехъ верстахъ отъ села находится большой сахароваренный заводъ, гдѣ также работаетъ мѣстное населеніе, такъ какъ работа на заводѣ почти не совпадаетъ съ полевыми работами крестьянъ, и они могутъ имѣть благодаря ему постоянный заработокъ. Крестьяне живутъ довольно зажиточно и чисто. Многія хаты крыты желѣзомъ, почти вездѣ досчатый полъ, нерѣдко устланный половиками. Населеніе рослое и здоровое: женщины ходятъ очень чисто и нарядно даже и въ будни. На заработки населеніе не выходитъ, имѣя постоянный заработокъ на заводахъ и хуторахъ Воейкова.

Сорокина, 60-ти лѣтъ, небольшого роста и немного сутуловата. Изъ женщинъ ее считаютъ въ селѣ лучшей рассказчицей, и она известна еще какъ знахарка. Про нее въ народѣ говорятъ даже, что она съ „нечистой силой“ знакома. Знаніемъ знахарства она не стѣсняется и даже гордится, такъ какъ увѣрена въ томъ, что она можетъ помогать односельчанамъ. На заработки изъ села она никуда не выходила и не грамотна. Сказки она рассказываетъ съ увлеченіемъ. Сказки фантастическаго содержанія она рассказывала на распѣвъ и нѣкоторыя части ихъ даже пѣла, это,—какъ я уже упоминалъ,—въ сказкѣ о Наливлѣмъ Яблочкѣ. Научилась рассказывать сказки отъ своей бабки и матери и рассказывала ихъ, еще когда была подросткомъ, какъ нянька своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ. Всѣ ея сказки фантастическія, и только одна изъ животнаго міра „про лису“. Объ ней я узналъ отъ учителя земской школы, который и зазвалъ ее въ школу съ другими женщинами, когда бабы возвращались съ моленья. Въ деревнѣ существуетъ обычай у женщинъ молиться отдѣльно отъ мужчинъ объ

урожаѣ. Въ этотъ-то день я и пріѣхалъ въ Радогощъ. Крестьянки были подвыпивши, охотно зашли въ школу, спѣли мнѣ нѣсколько пѣсенъ, поскакали, и одна изъ нихъ, Сорокина, рассказала тутъ же одну сказку. Въ этотъ день она рассказывать больше не стала, а обѣщала рассказать на слѣдующій. Когда я пришелъ къ ней на слѣдующій день, то она долго не соглашалась рассказывать сказки, говоря, что она сказокъ не знаетъ и вчера „ета съ пьяну балтнула“. Но когда я предложилъ ей опохмѣлиться послѣ вчерашняго, она была довольна и, немного выпивъ, начала рассказывать.

Изъ женщинъ, рассказывавшихъ мнѣ сказки, пьющей была только Сорокина, хотя вообще въ деревнѣ женщины немного пьютъ почти всѣ. Вначалѣ на рассказъ она была скупа и только, когда я пообѣщалъ ей подарить платокъ, она продолжала рассказывать очень охотно и немного оживилась. Платокъ она попросила показать и, когда я показалъ, то она покрыла имъ голову, говоря, что онъ ей поможетъ рассказывать. Проговоривъ такимъ образомъ часовъ пять подрядъ она отказалась рассказывать, ссылаясь на усталость. На слѣдующій день, когда я къ ней зашелъ, то она рассказывать не стала больше, и я не могъ ничѣмъ ее соблазнить.

Сказки ея старья; когда начинаетъ рассказывать, то говоритъ присказку; сказку говоритъ не торопясь и даже ожидала—пока я не остановлюсь писать. Выговоръ у нея отъ старости уже неясный, но рассказывала она очень хорошо. Рассказывать не торопилась, и прежде чѣмъ рассказать сказку, она припоминала ее, выбирая какая получше, постариннѣй. Запасъ у нея очевидно очень большой, но выпытать ихъ было невозможно и не было никакихъ средствъ искутить ея упрямство. Когда я сталъ просить и уговаривать ее сказать какую-нибудь сказку по фонографу, то ничего не помогло, и, къ сожалѣнію, ея на валикѣ я не имѣю. Вообще же она была одной изъ лучшихъ рассказчицъ, которыхъ мнѣ пришлось слышать въ эту поѣздку.

Иванъ Сыромятновъ. Въ томъ же селѣ Радогощъ, мнѣ указали, какъ на хорошаго рассказчика, на старика 75 лѣтъ, Ивана Сыромятнова. Въ его избѣ мнѣ пришлось быть два раза, въ ней же мнѣ пѣли и пѣсни для фонографа его снохи. Старикъ Сыромятновъ къ моему посѣщенію въ первую минуту отнесся немного недовѣрчиво, но послѣ непродолжительной бесѣды, началъ рассказывать. Онъ отличается гостепрѣимствомъ и не отпустилъ меня, не угостивъ чаемъ. Человѣкъ онъ непьющій, а если и пьетъ, то очень рѣдко. Онъ послалъ самъ за водкой, желая угостить меня и сопровождавшаго меня на село сына учителя земской школы, студента, говоря что такой гость, какъ я—особенный. Онъ угостилъ всѣхъ членовъ семьи и, выпивъ очень немного самъ, началъ рассказывать. На слѣдующій день, когда я снова пришелъ слушать его сказки и хотѣлъ угостить его, онъ отказался отъ этого, но съ удовольствіемъ принялъ подарокъ.

Это старикъ высокаго роста, благообразный, немного сутуловатъ. Держится свободно и хотя не бывалъ въ городѣ на заработкахъ и не былъ подъ вліяніемъ городской культуры, но во всемъ чувствуетъ себя не слѣпымъ, и въ этомъ отношеніи ему помогаетъ большой природный умъ. Въ семьѣ его очень любятъ, не боятся, но уважаютъ и исполняютъ его совѣты. Какъ рассказчикъ онъ очень интересный, говоритъ ясно, членораздѣльно, не торопясь, ожидаетъ когда записываютъ. Особенность его рассказа—онъ не повторяется; его сказка носитъ простой и реальный характеръ, и всѣ превращенія чудеснаго свойства дышатъ въ его рассказѣ той же простотой и жизненностью, какой дышалъ и самъ онъ. Рассказъ свой онъ ведетъ въ лицахъ, живо и интересно и подчасъ дышитъ здоровымъ юморомъ. Онъ великолѣпно помнитъ крѣпостное право и охотно про него рассказываетъ. Самъ онъ неграмотный и изъ села никуда не выходитъ уже очень давно; на заработкахъ не былъ, такъ какъ имѣетъ достатокъ и единственно, когда онъ не жилъ въ селѣ—это во время солдатчины. Въ немъ соединился и здоровый духъ, и жизнерадостность и общительность. Въ обхожденіи онъ очень ласковъ и какъ собесѣдникъ очень интересный и разнообразный. Онъ охотно и самъ пѣлъ пѣсни и охотно рассказаль небольшую сказку въ рупоръ фонографа. Изъ всей моей поѣздки онъ одинъ оставилъ у меня свѣтлое и хорошее воспоминаніе, какъ и сказочника, такъ и незауряднаго человѣка среди крестьянской массы.

Іосифъ Каллиниковъ.

Изъ быта бесарабскихъ румынъ.

II.

Погребальные обычаи и обряды румынъ Бессарабіи.

Возвышенное, точнѣ говоря, отвлеченное ученіе христіанства поражало народную мысль, чисто первобытная фантазія помогла ему въ этомъ, и такимъ образомъ явились въ высшей степени оригинальные полуязыческіе взгляды на смерть и на ея обстоятельства, которые упорно сохраняются до сихъ поръ. Въ особенности интересны взгляды на смерть у бесарабскихъ румынъ, какъ у народа мало просвѣщеннаго и, благодаря своей самозамкнутости и косности развитія, мало поддающагося культурѣ.

Еще во время тяжелой болѣзни румыны слѣдятъ за больнымъ съ цѣлью угадать близость смерти. Когда больной любитъ лежать больше лицомъ къ стѣнѣ и часто закрывать глаза, когда онъ смотритъ на концы своихъ пальцевъ, когда на трубѣ того дома кричитъ сова, когда въ домъ приходитъ черная кошка, когда дворовая собака воетъ и роетъ ямы, когда лопаются безъ видимой причины обручи на бочкахъ, слышится странный гулъ, шумъ въ стѣнѣ, гаснетъ свѣча, когда, наконецъ, является больному у изголовья его смерть съ провалившимся носомъ,—значить, близокъ конецъ.

Немалое вліяніе на близость смерти, по вѣрованію румынъ Бессарабіи, имѣютъ и сновидѣнія самого больного, его домашнихъ и знакомыхъ. Значеніе сновъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ ничего особеннаго сравнительно съ обыкновеннымъ значеніемъ ихъ: вообще, благопріятные сны означаютъ выздоровленіе больного, и наоборотъ. Такъ, напримѣръ, плохимъ сномъ считается у румынъ—купаться въ грязной мутной водѣ, и хорошимъ—въ чистой, прозрачной; деньги во снѣ—также плохой признакъ.

Умирать больному на кровати румыны, обыкновенно, не даютъ, а переносятъ его на полъ на большой кусокъ бѣлаго полотна. Существованіе этого обычая можно объяснить хотя бы тѣмъ, что впослѣдствіи весьма непріятно было бы ложиться на ту постель, гдѣ умиралъ больной. У изголовья умирающаго ставятъ на землю горшокъ съ

водой, къ краю его прилѣпливаютъ восковую свѣчу, другую свѣчу даютъ въ сложенные на груди руки умирающаго и зажигаютъ свѣчи. Это называется „параклисомъ“. Самый моментъ смерти также любопытенъ для наблюдений домашнихъ; тяжело умирающій больной—великій грѣшникъ, спокойно и тихо—праведникъ. Если умирающій въ агоніи произноситъ чье-нибудь имя, то скоро и тотъ отправится за нимъ. Въ это уже время присутствующіе, а въ особенности родные, должны оплакивать умирающаго.

Когда удары церковнаго колокола оповѣстятъ румынское селеніе о смерти, близкіе покойника приступаютъ къ омовенію. Для этого необходимы четыре человѣка, обыкновенно старухи. Обмываютъ покойника пучкомъ соломы, намоченной въ теплой водѣ, а чаще въ винѣ, смѣшанномъ съ деревяннымъ масломъ *).

Женатому покойнику во время омовенія надѣваютъ на лѣвую руку обручальное кольцо, а дѣвицамъ дѣлаютъ кольцо изъ воску или просто обматываютъ палецъ стеблемъ пшеницы. Сосудъ и свѣча, стоявшіе у изголовья, кольцо, мыло, гребешокъ и полотенце отъ омовенія достаются старухамъ, омывающимъ мертвеца; имъ даютъ также, разрѣзавъ на части, то полотно, на которомъ умиралъ больной.

Душа, по вѣрованію румынъ, также нуждается въ омовеніи. Для этого на окно, ближайшее къ образу, ставятъ стаканъ воды, и рядомъ вѣшается полотенце. То и другое не убирается въ теченіе сорока дней со смерти покойника.

Еще задолго до смерти покойникъ назначаетъ, въ какія вещи одѣть его. Эта одежда бережно хранится и передъ одѣяніемъ очищается. Замѣчательно, что для одежды покойника, собственно для бѣлья, грѣхомъ считается употребить полотно покупное, а не домашняго приготовленія.

Въ передній уголъ, подъ образа большой комнаты („касъ мари“), кладутъ на столъ покойника, въ руки вкладываютъ свѣчу, выпрямляютъ голову и ноги. Когда у покойника не совсѣмъ закрываются глаза,—плохой признакъ: ему одному не хочется уходить, и онъ смотритъ, кого бы взять на тотъ свѣтъ. Плохимъ признакомъ считается также, если у покойника страшное выраженіе лица: онъ, видимо, недоволенъ чѣмъ-нибудь: небрежно совершили надъ нимъ какой-нибудь обрядъ, мало хотятъ раздать милостыни, или плохо оплакиваютъ его. Изголовье покойника украшаютъ цвѣтами; на голову молодого покойника или ребенка надѣваютъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ и листьевъ. Пожи-

---

*) Вино виноградное съ масломъ въ данномъ случаѣ или напоминаетъ случай съ сострадательнымъ самаряниномъ или есть остатокъ языческаго намазыванія тѣла масломъ. При этомъ грѣшно сжечь эту солому, а бросаютъ ее вмѣстѣ съ сосудомъ отъ вина въ прудъ или на дорогу. На этотъ обычай не разъ обращали вниманіе священники, указывая на вредъ его, такъ какъ, купаясь въ прудѣ, легко можно заразиться, если болѣзнь покойника была заразительна.

лону на голову надѣвають „кучму“ (баранью шапку), съ которой и хоронятъ, впрочемъ, снявъ ее съ головы и положивъ рядомъ.

Женщины должны оплакать достаточно покойника; это одна изъ главныхъ заботъ родныхъ и знакомыхъ покойника. Тѣ родственники, которые мало плачутъ, мало убиваются, заслуживаютъ плохую репутацію на селѣ. Трауръ выражается въ слѣдующемъ: мальчики ходятъ безъ шапки, дѣвочки—съ распущенными волосами. Причитанія бесарабскихъ румынъ (бóчет) похожи на заплачки обще-славянскія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

I.

Куда унесся ты,
Куда скрылся, родной?
Изъ какой страны далекой
Мнѣ ждать тебя?
За какими высокими горами,
За какими большими морями,
За какими долинами широкими
Находишься ты и не думаешь о насъ?

II.

Добрый отецъ, дорогой отецъ,
Кто досматривать будетъ насъ,
Кто будетъ учить уму,
Жалѣть и защищать отъ злыхъ людей?

III.

Зачѣмъ родился мы,
Несчастные, на свѣтъ,
Зачѣмъ ты не взялъ насъ,
А оставилъ въ горѣ?

IV.

Тяжело жить сиротѣ,
Но вдовѣ гораздо хуже:
Сироту возьмутъ добрые люди,
А вдова всегда обижена,
И люди на селѣ плохо о ней говорятъ.

V.

За темныя тучи,
За бѣлыя горы,
За старыя лѣса,
Свѣтлое солнце скрывается:
Но показывается опять.
Какъ упавшій листокъ
Съ бѣлой акаціи, сохну я;
Какъ перекасти-поле, хожу по кладбищу.
Ты не явишься никогда!

VI.

Красавецъ мой, царевичъ,
Царевичъ изъ всѣхъ царевичей,
Насколько я тебя люблю,—
Насколько ты не любишь меня.
Покинулъ ты насъ навсегда
И оставилъ съ однимъ горемъ,
Бѣдныхъ стариковъ:
Меня и неутѣшнаго отца.

VII.

Что намъ дѣлать, когда
Никто не будетъ наставлять насъ.
Когда всѣ будутъ говорить:
„Бѣдныя вы, сироты, безъ отца!“
„Много хорошаго не знаете вы,
„Изъ васъ только воры выйдутъ,
„Которые спятъ въ ясные дни,
„А темной ночью крадутъ“.

Кромѣ причитаній, которыхъ у румынъ множество, родственники покойнаго въ горѣ проклинали себя и свою долю, дѣлаютъ себѣ пожеланія въ родѣ слѣдующихъ: „чтобы у меня повисли уши, какъ у свиньи“, „отпалъ носъ, какъ у смерти“, „глаза перемѣстились на голову“, „сгорѣлъ бы языкъ“, „перевернулись бы ноги пальцами назадъ“, „вылѣзли бы всѣ волосы и сдѣлались рыжими“.

Три дня, пока покойникъ находится въ домѣ, окружающіе стараются не нарушать молчанія. Главную роль въ этомъ играетъ „двойное“ воззрѣніе на душу умершаго. Всѣ мужчины, близкіе родственники покойника, ходятъ въ эти дни безъ шапокъ, несмотря даже на

непогоду, а женщины въ знакъ печали распускаютъ волосы и не собираютъ ихъ до самаго погребенія. Въ эти дни не подметають также комнатъ и не приводятъ ихъ въ порядокъ, чтобы показать покойнику, какое горе принесъ онъ имъ своею смертію и такимъ образомъ нарушилъ ихъ обыденный образъ жизни съ его аккуратностью и чистотой (молдоване Бессарабіи необыкновенно аккуратны и чистоплотны). Приходятъ знакомые и приносятъ съ собой свѣчи, лапанъ для окулированія и цвѣты для украшенія покойника.

Румыны полагаютъ покойника въ гробъ обыкновенно въ день похоронъ. И здѣсь существуютъ примѣты. Если гробъ вышелъ длинень или коротокъ,—въ семьѣ будетъ скоро другой покойникъ, которому гробъ будетъ по мѣркѣ; если по ошибкѣ внесли въ комнату и крышку отъ гроба—тоже плохая примѣта. Въ гробъ, кромѣ священныхъ предметовъ (креста, разрѣшительной молитвы, иногда Евангелія) кладутъ, еще, тайкомъ отъ священника, предметы, ничего общаго съ предметами религіи не имѣющіе. Прежде всего необходимы деньги, которыя кладутъ въ одну зажатую руку покойника, въ другую руку даютъ изъ воску крестикъ. Молдоване объясняютъ этотъ обычай необходимостью купить ту землю, которую будетъ занимать покойникъ. Если у послѣдняго не окажется денегъ для черта („драку“), то нельзя будетъ ему и спокойно лежать въ гробу *). Кромѣ денегъ, иногда кладутъ въ гробъ и другіе предметы, которые покойникъ любилъ при жизни, и безъ которыхъ ему было бы скучно. Напримѣръ, кладутъ „дримбу“ **); затѣмъ — табакерку, трубку, кисеть или что-нибудь другое въ этомъ родѣ. Бросаютъ въ гробъ еще горсть соли, завернутую въ бумажку. Эту соль берутъ затѣмъ обратно и насыпаютъ въ сѣно для коровъ и воловъ, чтобы, по выраженію самихъ румынъ, „покойникъ не унесъ съ собою благосостоянія на тотъ свѣтъ“, и такимъ образомъ счастье въ хозяйствѣ остается съ солью въ томъ же домѣ. Въ гробъ къ груднымъ дѣтямъ кладутъ два шарика воску, напичанные молокомъ матери, чтобы у матери не болѣли груди. Въ гробъ кладутъ также срѣзанные ногти покойника. Эти ногти, какъ объясняютъ румыны, помогутъ ему взлѣзть на тѣ высокія ледяныя горы, которыя стоятъ на пути въ загробный міръ. Предъ выносомъ развязываютъ узлы, развязываютъ ноги, руки и платокъ, которымъ обвязывали шею.

Послѣ отпѣванія гробъ выносятъ на кладбище. Во многихъ де-

---

*) Подобный обычай живо напоминаетъ собою обычай грековъ, клавшихъ въ ротъ умершему „оболь“ для Харона, который перевозилъ души ихъ черезъ адскую рѣку.

**) Музыкальный инструментъ, состоящій изъ пластинки, прикрѣпленной къ подковѣ. Прикладывая къ губамъ, дыханіемъ приводятъ въ дрожаніе пластинку, которая издаетъ звуки, измѣняющіеся вмѣстѣ съ измѣненіемъ формы рта.

ревняхъ существуетъ обычай не нести гробъ, а везти въ саняхъ, даже лѣтомъ, на волахъ. Повсюду и всегда возятъ на волахъ: на лошадахъ грѣшно. Время для погребенія неустановлено, но только чтобы было солнце, т. е. нельзя хоронить рано утромъ или поздно вечеромъ, чтобы покойникъ могъ послѣдній разъ взглянуть на солнце. Когда выходятъ съ гробомъ изъ комнаты въ сѣни, то опускаютъ его три раза надъ порогомъ, слегка касаясь его. Это выражаетъ послѣднее прощаніе покойника съ домомъ; то же самое повторяется и при выносѣ гроба изъ сѣней на улицу.

При выносѣ гроба на улицу разбиваютъ горшокъ; обычай этотъ выражаетъ желаніе румынъ, чтобы Смерть разбилась вмѣстѣ съ горшкомъ, т. е. потеряла бы свою силу надъ оставшимися въ живыхъ. Впереди шествія идетъ мальчикъ съ 9-ю калачами, нанизанными на платокъ; по бокамъ несутъ хоругви съ привязанными къ нимъ платками, въ уголки которыхъ зашиваютъ плату носильщикамъ. Впереди гроба несутъ крышку съ кускомъ полотна, калачемъ и свѣчей. Затѣмъ несутъ еще „поману“—вѣтку дерева съ навязанными на нее яблоками, конфетами, рожками и другими гостинцами, которые послѣ поминальнаго обѣда раздаютъ дѣтямъ. По объясненіямъ священниковъ, „помана“ служитъ прообразомъ райскихъ деревьевъ.

У самыхъ дверей стелятъ коверъ или большой кусокъ полотна, на него кладутъ подушку, блюдо съ кушаньемъ (обыкновенно „сармăли“—голубцы, можно сказать, самое любимое и распространенное кушанье румынъ Бессарабіи) и зажженной свѣчей, а по угламъ ковра—четыре калача, тоже со свѣчами и стаканомъ вина. Когда гробъ понесутъ надъ всѣмъ этимъ, священника просятъ благословить кушанье и калачи, которые сейчасъ же раздаютъ нищимъ. Обычай этотъ, т. е. перенесеніе гроба черезъ кушанья, имѣетъ значеніе; но вѣрованію народа, послѣдней трапезы покойника на землѣ.

По дорогѣ въ церковь, а оттуда на кладбище, шествіе нѣсколько разъ останавливается, и священникъ читаетъ заупокойныя эктеніи. Останавливаются обыкновенно на поворотахъ, на мостахъ, при воротахъ кладбища, не меньше 12 разъ. Каждый разъ передъ гробомъ стелятъ кусокъ полотна или полотенце съ калачемъ и деньгами. Черезъ все это носильщики должны перенести гробъ, а затѣмъ отдаютъ вещи бѣднякамъ, сопровождающимъ покойника. Обычай существуетъ, какъ говорятъ румыны, съ цѣлью облегчить переходы души черезъ препятствія, ведущія къ 12 мытарствамъ, о которыхъ молдоване все же имѣютъ, хотя и смутное, понятіе. Кромѣ 12-ти обязательныхъ раздачъ, родственники покойнаго еще нѣсколько разъ раздаютъ бѣднякамъ милостыню, чаще всего живую курицу, утку, барана, окропленныхъ ранѣе водой.

По приходѣ на кладбище происходитъ послѣднее прощаніе съ покойникомъ. Когда гробъ опустятъ въ могилу, черезъ нее передаютъ

въ руки бѣдняку живого пѣтуха и, замѣчательно, съ несвязанными ногами *). Всѣ, сопровождавшіе покойника, считаютъ долгомъ бросить въ могилу горсточку земли, а нѣкоторые бросаютъ и деньги съ цѣлью того же „выкупа земли“. Могильщики обыкновенно получаютъ по куску полотна въ длину могилы.

Вотъ еще одна примѣта, по которой румыны отгадываютъ, грѣшенъ или праведенъ покойникъ: если погребеніе пришлось въ понедѣльникъ, значитъ, покойникъ грѣшникъ, въ другіе дни—праведникъ.

Всѣ, провожавшіе покойника до могилы, приглашаются къ поминальному обѣду. Сначала должны „очиститься“—моютъ руки. Хорошей обстановкой и обиліемъ кушаній родственники выражаютъ свою любовь къ покойнику и свое горе по немъ. Священникъ благословляетъ кушанья, и начинается трапеза. Въ концѣ обѣда каждый получаетъ по калачу и свѣчѣ. Гости обыкновенно не помѣщаются въ хатѣ и располагаются на дворѣ. Въ концѣ обѣда весь столъ обходитъ „апауэ“ или „опоуэ“ (стаканъ краснаго вина), точнѣе—ръпауэ, отъ рѣпосат—„покойникъ“. Каждый изъ обѣдавшихъ долженъ отпить немного вина. Этотъ обычай, по объясненію мѣстныхъ священниковъ, означаетъ „предвкушеніе умершимъ благъ вѣчныхъ“. Впрочемъ, надо полагать, что объясненіе это ни на чемъ не основано. Къ началу обѣда во дворъ выкатываютъ изъ погреба бочку винограднаго вина.

Въ теченіе трехъ дней послѣ погребенія, каждое утро кто-нибудь изъ родственниковъ покойнаго ходитъ на могилу, окуриваетъ ладномъ и выливаетъ немного вина на могилу, рѣдко приносятъ цвѣты.

На третій день послѣ похоронъ служатъ панихиду, а затѣмъ во время обѣда поднимаютъ „шюр“. Такъ называется обычай бессарабскихъ румынъ поднимать во время пѣнія „вѣчной памяти“ блюдо или сито, или, наконецъ, деревянный кружокъ съ девятью калачами и 3-мя свѣчами. Всѣ гости должны взять въ руки блюдо и колебать надъ столомъ. Этотъ обычай, по объясненію мѣстныхъ священниковъ, служить знакомъ „всеобщаго воскресенія умершихъ“ или „возношенія души покойника на небо“. Такія же поминки съ панихидами и подниманіемъ „шюра“ бываютъ на 9-й и 40-ой день.

Въ теченіе 40 дней на окно кладутъ на ночь кусокъ хлѣба или

---

*) Этотъ обычай, всегда замѣчаемый въ Бессарабіи и упорно сохраняющійся, можно объяснять разное. Священники говорятъ вотъ что: какъ пѣтухъ своимъ пѣніемъ предвѣщаетъ разсвѣтъ каждый день, такъ точно служить онъ символомъ общаго разсвѣта для всѣхъ христіанъ—воскресенія изъ мертвыхъ. Сами румыны говорятъ иначе: подобно тому, какъ птица легко перелетаетъ черезъ пропасти, такъ и душа покойника свободно одолѣетъ всѣ препятствія, которыя ей придется перейти на пути въ другой міръ, и легко полетитъ на небо. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ вышеприведенныя объясненія неудовлетворительны, и скорѣе всего пѣтухъ есть остатокъ язычества, въ обрядахъ котораго онъ игралъ какъ извѣстно, немаловажную роль.

мамалыги, стаканъ воды и полотенце, такъ какъ, по вѣрованію румынъ, душа покойника не можетъ сразу привыкнуть къ лишенію пищи и приходитъ по ночамъ поѣсть, выпить воды и умыться. По истеченіи 40-дневнаго срока родственники непременно должны сдѣлать доброе дѣло въ память покойника. Обыкновенно въ Бессараби роютъ для этой цѣли колодець, гдѣ-нибудь при дорогѣ, строятъ мостъ, или же возобновляютъ загрязненный колодець, сломанный мостъ, и т. п. Обычаемъ румынъ строить колодцы въ память покойниковъ можно объяснить то обиліе колодцевъ, которое сразу замѣтно дѣлается лицу, въ первый разъ пріѣхавшему въ Бессарабію *). Затѣмъ поминаніе покойника происходитъ обыкновенно въ годовщину смерти или погребенія, на Өоминой недѣлѣ, въ Родительскую субботу и на Благовѣщеніе. Въ особенности важна панихида въ послѣдній день. По народному представленію, въ этотъ день душа умершаго пробуждается вмѣстѣ со всей природой отъ зимняго сна. Въ день Благовѣщенія румыны стараются встать какъ можно раньше и развести огонь, хотя бы было и тепло, для того, чтобы покойникъ погрѣлся у огня, когда придетъ домой навѣстить родственниковъ.

Какъ особый видъ поминанія, отмѣчу слѣдующій: на бѣлняка, подходящаго по возрасту къ покойнику, шьютъ полный костюмъ. Въ память взрослога покойника даютъ бѣднымъ коковку и кружку.

Послѣ погребенія покойники могутъ навѣщать своихъ родственниковъ. Рассказываютъ, напримѣръ, что къ одной женщины мужъ являлся каждую ночь, какъ объясняла себѣ вдова, для того, чтобы сказать ей, чтобы она не выходила замужъ опять. Тогда она обратилась къ знахаркамъ, и тѣ посовѣтывали сказать мужу, когда онъ придетъ, что она выйдетъ за своего родного брата. Она такъ и сдѣлала: мужъ въ сердцахъ хлоннулъ дверьми и больше не являлся.

Въ заключеніе прибавлю, что Страшный Судъ будетъ происходить, согласно вѣрованіямъ бессарабскихъ румынъ, на заговѣнье Великаго поста. Послѣ суда на землѣ будетъ рай, т. е. все то же, что было и раньше, но совершенное, и не будетъ страданій. Передъ вторымъ пришествіемъ будетъ голодъ, засуха, болѣзни, и не будетъ ульевъ (стѣпій). Священникъ объяснилъ мнѣ, что это означаетъ, что тогда не будетъ свѣчей для церкви.

(†) П. А. Сырку.

---

*) Румыны копаютъ колодцы для того, чтобы, по ихъ словамъ, утолить жажду покойника на томъ свѣтѣ, такъ какъ тамъ нельзя напиться никакимъ образомъ изъ чужого колодца; колодець превращается моментально въ чудовище.

Русскіе этнографическіе музеи и собранія.

III.

Троицкосавско-Кяхтинскій Музей.

Троицкосавско-Кяхтинскій Музей—одно изъ вспомогательныхъ учреждений Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Потребность открытія въ Троицкосавскѣ музея сознавалась давно мѣстнымъ обществомъ. Еще въ 1890 году составилъ кружокъ любителей, главнымъ образомъ изъ числа мѣстныхъ педагоговъ, начавшихъ собирать коллекціи и просившихъ разрѣшенія на открытіе музея. Это ходатайство какъ разъ совпало съ проѣздомъ черезъ Кяхту извѣстнаго сибирскаго дѣятеля и публициста Н. М. Ядринцева, возвращавшагося въ 1891 году изъ экспедиціи на р. Орхонъ. Ядринцевъ, со свойственной ему пылкостью, увлекся этой идеей и написалъ даже набросокъ рѣчи, которую хотѣлъ сказать при открытіи музея. Однако же, по независящимъ обстоятельствамъ, открытіе не состоялось. Два года спустя послѣ проѣзда Н. М. о той же идеѣ напомнилъ мѣстному обществу другой путешественникъ по Монголіи Д. А. Клеменць, прочитавшій здѣсь въ 1893 г. лекцію „О задачахъ мѣстныхъ музеевъ“. Наконецъ, давно назрѣвшей мысли суждено было осуществиться лишь въ іюль 1894 года, когда было открыто Троицкосавско-Кяхтинское Отдѣленіе И. Р. Г. О., и музей сталъ однимъ изъ его вспомогательныхъ учреждений.

Собранныя до того времени коллекціи сохранялись въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ тѣсной квартирѣ въ Троицкосавскѣ, при матеріальной поддержкѣ И. Д. Синицына и попеченіяхъ П. С. Михно. По открытіи Отдѣленія И. Р. Г. О. (въ 1894 году), Распорядительный Комитетъ въ первомъ же засѣданіи избралъ комиссію изъ числа своихъ сочленовъ, которая приняла коллекціи, положила начало систематическому каталогу и нѣкоторое время завѣдывала музеемъ.

Всѣ коллекціи были тогда же перевезены въ Кяхту въ каменный домъ, пожертвованный Отдѣленію Коммерціи Совѣтникомъ А. Д. Старцевымъ. Хотя домъ не вполне соответствуетъ своему назначенію, находясь въ слободѣ Кяхтѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города,

что весьма затрудняетъ какъ наблюденіе за музеемъ (ни квартиры для консерватора, ни рабочей комнаты при музеѣ не имѣется), такъ и его посѣщеніе горожанами въ холодное время года, тѣмъ не менѣе почтенный жертвователь своимъ даромъ упрочилъ благосостояніе вновь основаннаго учрежденія, коллекціи котораго могли бы не мало пострадать въ переменныхъ наемныхъ помѣщеніяхъ.

Такъ какъ пожертвованное зданіе, довольно ветхое, не было приспособлено для удобнаго размѣщенія музейныхъ коллекцій, то пришлось, по мѣрѣ средствъ, постепенно его расширять и въ теченіе 19 лѣтъ неоднократно ремонтировать¹⁾.

При размѣщеніи въ музеѣ перевезенныхъ коллекцій и распредѣленіи таковыхъ по инвентарю на отдѣлы, оказалось всего 470 номеровъ въ 2664 экземплярахъ. Изъ нихъ въ естественно-историческій отдѣлъ поступило всего 1809 экз., въ антропологическій—328 (по антропологии 35 и по этнографіи 293), въ отдѣлъ археологій—105 экз., нумизматики—378, промышленности и сельскаго хозяйства—44 экземпляра.

По мнѣнію Комиссіи, принимавшей коллекціи, наиболѣе цѣннымъ оказался отдѣлъ ест.-историческій, но таковой при перенесеніи изъ Троицкосавска въ Кяхту много пострадалъ: кости третичныхъ животныхъ и гербаріи были перепутаны, номера отдѣльныхъ минералловъ утеряны и т. п. Затѣмъ нѣкоторыя изъ коллекцій по ботаникѣ и энтомологіи, отпавленныя въ первые годы существованія музея разнымъ лицамъ для опредѣленія, не были возвращены въ музей и числятся также утерянными.

Слѣдующею по достоинству была найдена коллекція этнографическая, но такъ какъ она образовалась изъ случайныхъ пожертвованій самаго разнообразнаго характера, то страдала и вытекающими изъ этого недостатками.

Нумизматическій отдѣлъ образовался изъ монетъ, собранныхъ безъ всякой системы и относящихся преимущественно къ позднѣйшему времени. Къ тому же, болѣе цѣнныя монеты (золотыя и часть серебряныхъ), хранившіяся въ Троицкосавскѣ вмѣстѣ съ образцами золота, были похищены ворами.

Въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ по открытіи Отдѣленія И. Р. Г. О. коллекціями музея завѣдывала Е. Н. Соколова, а послѣ ея отъѣзда изъ Кяхты, въ августѣ 1896 г. былъ избранъ консерваторомъ музея В. С. Моллесонъ. Съ этого собственно времени начинается развитіе музея, который сталъ постепенно приращаться все новыми коллекціями, какъ пожертвованными, такъ и собранными консерваторомъ и другими лицами изъ числа членовъ Отдѣленія. Создался довольно

---

¹⁾ Два подвала передѣланы въ жилыя помѣщенія, сложено пять новыхъ печей, передѣланы полы и проч.

цѣнный отдѣлъ по доисторической археологіи, чѣмъ музей многимъ обязанъ А. И. Мостицу и П. С. Михно, доставлявшимъ коллекціи каменнаго вѣка, собранныя въ песчаныхъ выдувахъ, по берегамъ р.р. Селенги и Чикая, а особенно трудамъ д-ра Ю. Д. Талько-Гринцевича и Я. С. Смолева, раскопки коихъ дали много интересныхъ предметовъ изъ мѣстныхъ кургановъ. Консерваторъ музея В. С. Моллесонъ, будучи охотникомъ и прекраснымъ препараторомъ, какъ любитель природы, обращалъ особенное вниманіе на отдѣлы орнитологіи и ботаники, пополняя ихъ чучелами мѣстныхъ птицъ и гербаріями монгольской и забайкальской флоры.

Но въ самый разгаръ усиленной работы по музею и библиотекѣ, созданной трудами В. С. Моллесона изъ пожертвованій разныхъ лицъ, обществъ и учреждений, смерть преждевременно унесла этого незамѣнимаго труженика въ ночь на 1 Января 1899 г. Въ послѣдній годъ его жизни число музейныхъ коллекцій возросло до 1290 номеровъ (почти вдвое), а число посѣтителей достигло 1702 человекъ.

Трудность замѣщенія должности консерватора музея поставила Отдѣленіе И. Р. Г. О. въ весьма тяжелое положеніе, и лишь черезъ 8 мѣсяцевъ (въ концѣ августа 1899 г.) выборъ палъ на жену покойнаго, соучастницу многолѣтнихъ его экскурсій. Съ тѣхъ поръ по настоящее время музей постепенно развивается, но тѣснота помѣщенія и недостатокъ средствъ для его расширенія и капитальнаго ремонта невольно вызываютъ опасеніе за дальнѣйшее существованіе этого скромнаго очага знаній, находящагося на далекой окраинѣ, вдали отъ научныхъ центровъ.

Общее число коллекцій музея за 19-ти лѣтній періодъ существованія Отдѣленія И. Р. Г. О. достигло 2666 номеровъ въ количествѣ 16664 экземпляровъ, т. е. увеличилось почти въ 6 разъ. Онѣ распредѣляются по отдѣламъ слѣдующимъ образомъ:

въ отдѣлѣ естествознанія	1389 н.	въ 8662 экз.
” ” антропологіи и доисторич. археологіи	295 ” ”	3022 ”
” ” этнографіи	629 ” ”	3284 ”
” ” нумизматики	272 ” ”	1535 ”
” ” промышленности и сельского хозяйства	81 ” ”	161 ”

Естественно-историческія коллекціи, по мѣрѣ ихъ поступленія въ музей, отсылаются для опредѣленія разнымъ ученымъ спеціалистамъ, которые помѣщаютъ описанія обработаннаго ими матеріала, какъ въ „Трудахъ“ Отдѣленія, такъ и въ другихъ научныхъ изданіяхъ („Ежегодникъ“ Зоологич. Музея И. Акад. Наукъ, „Русское Энтомологич. Обзорѣніе“ и друг.).

Этнографическій отдѣлъ значительно пополнился въ 1900 году, когда д. чл. Отд. М. Г. Киселевъ пожертвовалъ въ музей вывезенную

изъ Фу-чжоу коллекцію манекеновъ южныхъ китайцевъ и моделей китайскихъ рѣчныхъ судовъ, китайскія географическія карты южныхъ провинцій и нѣсколько альбомовъ съ фотографическими снимками китайскихъ храмовъ, дворцовъ и т. п.

Кромѣ того въ китайскомъ отдѣленіи есть небольшая коллекція костюмовъ, украшеній, музыкальныхъ инструментовъ, художественныхъ издѣлій изъ кости, дерева, мыльного камня и фарфора; принадлежности для жертвоприношенія, модели земледѣльческихъ орудій, цѣнная коллекція разныхъ сортовъ чая и модели орудій чайнаго производства.

Въ японскомъ отдѣленіи, весьма небогатомъ, представляютъ интересъ манекенъ воина, образцы оружія (сабля и кинжалъ въ костяныхъ ножнахъ художественной работы), образцы дерева, японскаго печенья, художественныя издѣлія (черепеховыя и металлическія, картины, лакъ).

Въ монголо-бурятскомъ отдѣленіи обращаютъ на себя вниманіе манекены ламы и замужней монголки, исполненные по заказу въ Петербургѣ. Кромѣ того, коллекція типовъ (фотографій) бурятъ и халхасцевъ, виды Урги, модели юртъ, налатокъ, колыбелей, образцы лекарствъ, утвари, принадлежностей костюма; монгольскіе и бурятскіе шахматы, монгольскій лукъ со стрѣлами, модель поѣзда амбана и друг.

Буддизмъ и ламаизмъ представлены принадлежностями буддійскаго богослуженія и алтаря: иконы, фотографическія и скульптурныя изображенія буддъ, докшитовъ, субургановъ и другихъ священныхъ предметовъ, амулеты, музыкальные инструменты, курильницы, священные сосуды и проч. Особенный интересъ представляетъ, пожертвованная чл.-сотрудн. Отдѣленія А. Д. Корнаковой, полная коллекція принадлежностей обряда погребенія монгольскаго ламы-гелюна.

Благодаря тѣснотѣ помѣщенія, перечисленныя этнографическія коллекціи музея размѣщены лишь въ трехъ небольшихъ комнатахъ: въ верхнемъ этажѣ помѣщаются въ одной комнатѣ китайскій и японскій отдѣлы, и въ двухъ, передѣланныхъ изъ подвала, комнатахъ нижняго этажа—отдѣленіе буддійскаго культа и этнографія монголо-бурятъ.

Что касается другихъ народностей, то послѣднія представлены въ музеѣ весьма бѣдно. По этнографіи ороченъ имѣется всего лишь 7 предметовъ: мѣховая куртка и перчатки, коврики для посуды, берестяное ведро, модель берестяной колыбели и турсука. По этнографіи якутовъ—2 предмета: женская лѣтняя обувь и костяной гребень (складной). Изъ Якутска доставлена также лѣтняя чукотская одежда изъ рыбныхъ пузырей. Изъ Маньчжуріи имѣется 5 предметовъ: верхняя одежда бонзы, модель женскаго костюма, 2 ножа и привѣтственный адресъ (іероглифы изъ чернаго бархата наклеены на красной „канфѣ“), поднесенный Россійскому генеральному консулу населе-

ніемъ г. Гирина. Изъ Кореи—черная волосяная шляпа. Изъ Средней Азіи—женскій головной уборъ сартянки.

Перечисленные предметы размѣщены частью въ китайско-японскомъ, частью въ монголо-бурятскомъ отдѣленіяхъ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о коллекціи изъ быта забайкальскихъ старообрядцевъ, т. наз. „семейскихъ“. Этотъ небольшой отдѣлъ представленъ манекеномъ замужней старообрядки съ р. Чикоя, нѣсколькими образцами головныхъ уборовъ ¹⁾, музыкальныхъ инструментовъ и предметовъ домашняго обихода. Кромѣ того есть нѣсколько старообрядческихъ иконъ, лѣстовка и подручникъ. Перечисленные предметы выставлены въ помѣщеніи отдѣла промышленности и сельскаго хозяйства.

Въ отдѣлѣ „смѣсь“ вызываютъ интересъ вещи, принадлежавшія декабристамъ Бестужевымъ, жившимъ на поселеніи въ г. Селенгинскѣ, а именно: самоваръ, деревянное оклейное бюро работы М. А. Бестужева, акварельный портретъ о. Іакинфа Бичурина и двѣ картины масляными красками работы Н. А. Бестужева.

Къ концу 1913 года этнографическій отдѣлъ Троицкосавско-Кяхтинскаго музея состоитъ изъ 629 номеровъ (около 3300 экзempl.). Въ томъ числѣ:

по этнографіи „семейскихъ“	19 ном.
„ „ буряты	21 „
„ „ монголовъ	94 „
„ „ китайцевъ	214 „
„ „ маньчжуровъ	5 „
„ „ японцевъ	44 „
„ „ корейцевъ	2 „
„ „ ороченъ	7 „
„ „ чукчей	1 „
„ „ якутовъ	2 „
„ „ сартовъ	1 „
по буддійскому культу	128 „
„ шаманству	6 „
чайное производство	29 „
отдѣлъ „смѣсь“	56 „

Археологическій отдѣлъ состоитъ изъ объектовъ доисторической культуры (каменные орудія, утварь, бронзовые и костяные издѣлія, бусы и проч.), происходящихъ главнымъ образомъ изъ раскопокъ древнихъ могилъ, лежащихъ по теченію р.р. Селенги, Хилка и Джиды въ Забайкальѣ, а также изъ случайныхъ находокъ въ песчаныхъ выдувахъ по берегамъ р.р. Селенги и Чикоя. Представляетъ

¹⁾ Женскія кички „семейскихъ“, живущихъ по р. Чикоя, отличаются по формѣ отъ кичекъ старообрядковъ съ р. Хилка.

интересъ массивный бронзовый сошникъ, найденный близъ г. Урги въ Монголіи. Есть небольшія коллекціи неолитовъ изъ Минусинска, Гродненской губ. и Южной Франціи, полученныя въ обмѣнъ на дубликаты археологич. коллекцій музея.

Отдѣлъ Антропологіи заключаетъ около 600 экзempl. человѣческихъ костей и череповъ, происходящихъ преимущественно изъ раскопокъ д-ра Ю. Д. Талько-Грынцевича.

Д-ръ Талько-Грынцевичъ (нынѣ ординар. проф. антропологін Краковского университета), первый правитель дѣлъ Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія И. Р. Г. О., былъ въ полномъ смыслѣ слова „душою“ этого учрежденія, и въ теченіе 14 лѣтъ носятивъ не мало времени, труда и заботъ на пользу и развитіе музея, ежегодно обогащая его коллекціи новыми археологическими находками. Въ музеѣ хранятся двѣ цѣнныя для специалистовъ карты, составленныя Ю. Д. на основаніи произведенныхъ имъ изысканій: 1) карта распредѣленія древнихъ могильниковъ въ западномъ Забайкальѣ и 2) карта распредѣленія народностей Центральной Азіи до временъ Чингисъ-хана.

Благодаря все той же тѣснотѣ помѣщенія перечисленный выше матеріалъ по антропологіи и археологін размѣщенъ въ одной общей комнатѣ съ палеонтологическими коллекціями, частью на полу, что крайне затрудняетъ какъ подробный осмотръ выставленныхъ коллекцій, такъ и содержаніе ихъ въ должной чистотѣ и порядкѣ. Въ послѣдніе годы тѣснота помѣщенія стала ощущаться особенно сильно вслѣдствіе значительнаго прироста библіотеки Отдѣленія, занимающей третью нижняго этажа зданія музея и ежегодно пополняющейся изданіями разныхъ ученыхъ обществъ и учреждений, русскихъ и иностранныхъ, состоящихъ въ обмѣнѣ съ изданіями Отдѣленія.

Неудовлетворительность помѣщенія, занимаемаго музеемъ и библіотекой, невольно приводитъ къ мысли о необходимости расширить это помѣщеніе или выстроить новое зданіе. Съ этой цѣлью въ 1911 году былъ открытъ Отдѣленіемъ И. Р. Г. О. сборъ пожертвованій, давшій до сихъ поръ лишь 500 рублей, полученныхъ отъ Г. Покровителя Приамурскаго Отдѣла шталмейстера Н. Л. Гондатти. Неоднократныя ходатайства передъ Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ Петербургѣ относительно увеличенія правительственной субсидіи (500 р.) Троицкосавско-Кяхтинскому Отдѣленію, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ. Между тѣмъ, въ настоящее время необходимость расширенія зданія музея и, вмѣстѣ съ тѣмъ, капитальнаго его ремонта ощущается еще сильнѣе въ виду возрастающей ветхости зданія, угрожающей самой цѣлости и сохранности музейныхъ коллекцій.

Чтобы музей дѣйствительно могъ выполнить и осуществить тѣ цѣли, для которыхъ онъ предназначенъ, необходимо систематически пополнять его коллекціи недостающими предметами. Предстоитъ про-

должительный и упорный трудъ, нужны и значительныя денежныя средства. Интересъ къ музею растетъ, и широкіе слои мѣстнаго населенія охотно его посѣщаютъ по воскреснымъ днямъ, когда онъ бываетъ открытъ для публики съ 11 до 2 ч. дня. Съ 1 января по 20 ноября текущаго года посѣтило музей свыше 4-хъ тысячъ чело-вѣкъ, что для окраиннаго городка съ 10-ти тысячнымъ населеніемъ представляетъ весьма солидную цифру.

Завѣдывающая музеемъ

М. Моллесонъ.

Повѣрья, примѣты и заговоры

жителей Новоградъ-Волынскаго и Заславскаго уѣздовъ.

Печатаемые ниже этнографическіе матеріалы извлечены мною изъ архива Городецкаго музея (Ровенскаго уѣзда Волынск. муз.) барона О. Р. Штейнгель. Большая часть заговоровъ и примѣтъ собраны въ С. Посягвѣ, представляющемъ одинъ изъ глухихъ угловъ Новоградъ-Вол. уѣзда, мѣстнымъ учителемъ Павловскимъ. Населеніе С. Посягвы-малоруссы, занимающіеся по преимуществу земледѣліемъ, сохранившіе въ чистотѣ старинныя народныя воззрѣнія и понятія.

Повѣрья и примѣты.

1. Если въ селѣ есть мертвецъ, то сѣять что либо въ это время не годится, т. к. растенія „войдутъ въ землю“.

2. На „провода“ нельзя печь „млинци“ (блины), потому что „душамъ буде чадити під ніс“.

3. Въ пятницу прясть нельзя, а шить можно.

4. Гдѣ растутъ подсолнечники, тамъ не будетъ лихорадки.

5. „Треба бити жинку“,—говорятъ крестьяне, „то у неї печинки не будутъ гнити“.

6. Во время элизотіи, бабы въ одну ночь должны сообща соткать кусокъ полотна, сколько успѣютъ; при выгонѣ коровъ въ „череду“, бабы заставляютъ ихъ прыгать черезъ это полотно, что предохраняетъ скотъ отъ повальныхъ болѣзней.

7. Пасха здѣсь празднуется такъ: 1-й день почти всѣ ирываютъ на церковномъ погостѣ, привѣтствуютъ другъ друга, дарятъ крашанки, на 2-й день посѣщаютъ кумовьевъ на дому (обычай „волочильника“); 3 день пьютъ „могоричи“, 4-й день „намскій“, (навскій) „великдень“,—праздникъ умершихъ; на 7-й день „провода“, служатъ панихиды въ церкви и на кладбищѣ.

8. Если бьютъ кабана, то при разборѣ мяса обращаютъ вниманіе на кабанью *косу* (селезенку), если коса одинаковой ширины во всю длину, то говорятъ, что наступающая зима будетъ продолжительна и постоянна.

9. Если во время цвѣтенія ржи и пшеницы, цвѣтки начинаютъ появляться снизу колоса, то сѣвба въ этомъ году должна быть ранняя; если же посрединѣ колосевъ,—сѣвба средняя, а если колосья начинаютъ цвѣсти сверху, то сѣвба должна быть поздняя. Крестьяне строго соблюдаютъ это.

10. Ранній громъ по веснѣ предвѣщаетъ холодную весну. Если кто поймаетъ „зінське щеня“ и подавить его за горло, тотъ получитъ способность излѣчивать горловые болѣзни у людей; для излѣченія больного слѣдуетъ только коснуться горла и болѣзнь прекратится.

11. Терлычъ трава употребляется при очарованіи парней дѣвушками: онѣ носятъ у себя эту траву за пазухой, причемъ приговариваютъ: „Терлич, терлич! хлопців поклич“.

12. Когда зацвѣтетъ макъ, то скоро и чайки улетятъ изъ здѣшней мѣстности.

13. Громъ, разразившійся въ то время, когда земля еще не оттаяла, является примѣтой неурожайнаго лѣта.

14. „Вирій“ (водоворотъ) по народному повѣрью является мѣстомъ, куда на зиму прячутся ласточки.

15. При зѣвотѣ дѣлаютъ крестное знаменіе для того, „щобъ чортъ не вскочив“.

16. При икотѣ говорятъ, что въ этотъ моментъ кто-то вспоминаетъ икающаго изъ родныхъ или знакомыхъ; можно даже узнать, кто именно вспоминаетъ, для этого, задумывая отсутствующихъ, касаются слегка пальцами вѣкъ своего глаза, если при этомъ выпадетъ волосокъ, то это служитъ вѣрной примѣтой того, что задуманное лицо дѣйствительно вспоминаетъ икающаго.

17. Если у кого умираютъ дѣти, то мать обращается съ просьбой къ знакомой женщинѣ, чтобы она сшила новорожденному ребенку рубанку изъ своего матеріала, послѣ чего дѣти не будутъ умирать, „а будутъ годуватись“. Дабы вмѣсто выпавшаго зуба выросъ новый крѣпкій, бросаютъ первый на чердакъ и приговариваютъ: „мишко—мишко, на тобі зуба костяного, а мені дай желізного“. Существуетъ повѣрье, что въ нѣкоторыхъ мышинныхъ гнѣздахъ находятся камушки, изгрызенные мышатами, камушки эти служатъ средствомъ отъ боли зубовъ.

18. *Легенда о черепахъ и ея происхожденіи.* Жили когда-то въ одной хатѣ двѣ невѣстки, которыя постоянно враждовали между собой. Случилось однажды, что одна изъ невѣстокъ пригласила къ себѣ гостей, для чего и курицу зажарила. Во время угощенія является другая невѣстка и говоритъ первой: „а що же ты не подаєшь курки?“ „Якої курки?“ отвѣчаетъ та, „я не пекла“. „Колиж-бо бренешь, бо пекла; тамъ вѣчі стоить захована, ходи покажу“—затѣмъ обѣ направилась къ печи; ноднявъ покрывку, которой была покрыта жареная курица,

нашли тамъ живую черепаху. „На йїж“, сказала одна изъ невѣстокъ, указывая на черепаху.

19. Нельзя одождать мялки безъ нитки, потому-что не будутъ „конопли родити“.

20. На честного Христа (14 сент.) нельзя ходить въ лѣсъ, такъ какъ тогда „ужи в вирїй идуть“.

21. Если взять лягушку, то бородавки появятся на рукахъ.

22. По народнымъ понятіямъ: „скількі родится людей по цілому світі, то стілько же и вмере“.

23. При передачѣ иглки, булавки и ножницъ другому лицу, нужно предварительно слегка уколоть его, иначе лица эти между собою поссорятся.

24. При подачѣ соли во время ѣды, нужно засмѣяться, чтобы не произошло ссоры.

25. При зашиваніи на себѣ одежды, нужно держать въ зубахъ какой-нибудь предметъ, „щоб розум не зашився“, т. е., чтобы не поглупѣть.

26. Въ четвергъ нельзя ничего ни сѣять ни садить, потому-что все будетъ сѣдено червями.

27. Когда бываетъ въ семьѣ покойникъ, тоже ничего нельзя садить и сѣять, потому-что сѣмена сгніють, а не прорастуть.

28. Кошекъ нельзя возить жеребными кобылами, „бо кобила скине лоша“.

29. Когда у покойниковъ бываютъ открыты глаза, то то служитъ признакомъ, что вскорѣ въ этомъ же селѣ будетъ опять покойникъ.

30. У кого умерли дѣти, то лица эти никакихъ фруктовъ не ѣдятъ до 6 августа, въ противномъ случаѣ ихъ дѣтямъ будетъ тяжело „на тім світі“, имъ не дадутъ тамъ яблочка.

31. Просфору, полученную послѣ причастія, дѣлятъ между родными своими и знакомыми для того, „щоб по смерти зобачитись з ними на тому світі“, говоритъ народъ.

32. Въ дни Пасхи ходятъ нѣкоторые на могилы родственниковъ своихъ и закапываютъ тамъ крашенки (яйца), „щоб покойникамъ було чим разговитись на тому світі“.

33. *Ярчукъ*. Если сука впервые родить щенятъ, то щенятъ такихъ называютъ перваками, а если сука-первакъ родить впервые щенятъ, то называютъ ихъ ярчуками. Ярчуки по народному повѣрью всегда бываютъ очень злы и смѣлы; они и вѣдьму будутъ кусать и „вовкулака“ даже.

34. Если затеряется въ домѣ вещь, то, чтобы скорѣе отыскать таковую, перевязываютъ ниткой ножку стола, а также приговариваютъ: „чортику, чортику, пограйся, та и отдай“.

35. Чтобы собаки перестали вить, нужно въ комнатѣ опрокинуть стулъ кверху ножками.

36. При пожарѣ нельзя подымать кверху руки.

37. Если ласточка влетитъ въ комнату черезъ окошко, то это признакъ, что въ домъ тотъ прибудетъ новая душа, а если черезъ дверь, то убудетъ.

38. Свѣчка, слѣланная изъ жира покойниковъ, по народнымъ повѣрьямъ, употребляется ворами для того, чтобы во время воровства никто въ домъ не проснулся.

39. Если кто изъ семьи долго не возвращается домой, то нужно позвать его черезъ комнатную трубу, послѣ чего онъ сейчасъ придетъ.

40. *Народное мировоззрѣніе.* Земля представляется народомъ въ видѣ круглой площади, которая всюду по краямъ сходится съ небомъ, образующимъ какъ-бы крышу надъ землею. Лежитъ земля на водѣ, а вода на двухъ рыбахъ: самцѣ и самкѣ; каждая изъ двухъ рыбъ держитъ на себѣ землю по 3 года; при чередованіи этихъ рыбъ между собою, происходитъ землетрясеніе. Звѣзды, это свѣчи, которыми ангелы освѣщаютъ небо. Если злой духъ (чортъ) зажигаетъ на небѣ и свою свѣчу, то ангелы (добрые духи) сейчасъ же сбрасываютъ ее на землю, почему и бывають видны падающія звѣзды. Молнія происходитъ отъ того, что пророкъ Ілія ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ, при чемъ всегда присутствуютъ при немъ три ангела; одинъ изъ нихъ поддерживаетъ Ілію, другой правитъ лошадьми, а третій разсѣкаетъ мечомъ облака, и тогда открывается глазамъ нашимъ видъ настоящаго неба огненнаго (молнія). Громъ происходитъ отъ того, что Богъ поражаетъ злого духа, діавола огненною стрѣлою. Луна (мѣсяцъ) каждый мѣсяцъ нарождается новая и къ концу мѣсяца сгораетъ совершенно.

Новолуніе въ народѣ извѣстно подъ именемъ „молодыка“, четверти, фазы луны,—подъ названіемъ „кватиръ“ или „квадръ“, а полнолуніе—подъ названіемъ „пидповня“.

Заговоры.

1. Отъ головной боли употребляется такой заговоръ: „сходитесь горы и долины, сходитесь кости до N (имя больного) головы“; эти слова повторяются 12 разъ, причемъ голова больного повязывается „крайкой“.

2. Для прекращенія кровотеченія произносятъ слова:

„Ишовъ чернецъ черезъ ломецъ (т.-е. больное мѣсто), сіяв руту щоб не зійшла, щоб не боліло, щоб кровь не йшла“.

3. Отъ ячменя (чирея), вѣрѣжки (знахарки) лѣчатъ такъ: раскладываютъ зерна ячменя на 9 кучекъ, по 9 зеренъ въ каждой; потомъ берется ячмень изъ каждой кучки отдѣльно и сыплется на больное мѣсто.

4. „Врокъ“ у дѣтей ворожея лѣчить такъ: беретъ стаканъ съ водой и бросаетъ туда 9 угольковъ, затѣмъ этой водой умываетъ лицо ребенка, что то нашептывая.

5. Отъ лихорадки лѣчатъ такъ: отыскавъ цвѣтушій экземпляръ „коровяка“ (царскій скипетръ), пригибають его къ землѣ и накладываютъ камнемъ, приговаривая: „тоді тебя пущу, як перестане мене трясца трясти, як перестанут мени зуби болить“.

6. Отъ рожни читають такой заговоръ:

Святыи Юрій на сивому кони виїїзжає,

Трох людей встрічає:

— Куди, добри люди, идете

С топорами, с сокирами, с Божиими словами?

— Идем до Мариськи рожі вимовляти,

Несчасну от боли збавляти.

Ты рожіще, ты огнище,

Мы тебе ублагаем,

Жилки и составки вимовляем,

Щоб ты тут не шумила, не буила,

Червоной крови не ссала,

На густі води, на темні лози,

Тебе, роженъко, ссилаю,

Щоб ты там миць мала,

Билої кості тут не ломала“.

(Село Антонини Засл. у.).

7. Отъ рожі употребляется еще такой заговоръ:

И шла Божая матінка, золотим ціпочком підперязана. Здибав ее Іисус Христос, питає: „Куда Божая матінко ходила?“—„Не питайся Сину Назаранину, ходила на Кузьму-Димяна и на три девять ангели, рожі вимовляти. Рожа костяна, рожа деревянна, рожа чорна, рожа біла, рожа раба (рябая), рожа синя, рожа зелена, рожа бишихо, рожа та, що на дереві процвітає! Я тебе вимовляю, вибавляю, от рук, от ног, от крови, от кости, от сердца, от живота; заспану, заядяну, хожану, вброжану, подумляну, чоловіцку, жіноцьку, паробоцьку, дивоцьку, взиткі ти взялся,—с хативъ, з вітру, планет, з димів, иди собі на пуці, очерти, болота! Тут тобі не воевати, кості не ломати, крови не розливати, состав не ломати и червоної крови не пити! Иди собі на пуці, на сухи верби, на очерета, на болота! Я тебе замовляю, вапрохаю, и на ти сторони висилаю и нехай там буде аж до страшного суду“.—(С. Юначки Великіе, Заславск. у.).

Этотъ заговоръ сообщенъ волостнымъ старшиною Д. Никитюкомъ съ характернымъ замѣчаніемъ:

„Выговариванію крестьяне безусловно вѣрятъ и оно помогаетъ, что на практикѣ доказано. Знахарка эта крестьянка дер. Медцовъ Сиклитина Ковалюкова“.

8. Отъ грома, молнії, огня и наводненій:
Господня оружія на дьявола трасеца, на многая,
Господь нас ради воскресав
И своим чудом небо и землю потрасав.
Теперь грішнику ця кара посылаеца!
Че вин не опамятаеца.
Присвята, Діва на Сіяньскіи горі спала
И дивиний сон видала,
Що їи сина грішники брали
На хресті распинали,
Червиву гиву (?) за ногти гнали,
Терновій виночок на голову клали.
Мати ж моя злюбленна,
Сердцем сокрушенна —
Не дивись на мою муку,
Визьми Христа в руку.
Хто ці слова буде говорити
Того не буде грим бити,
Той не буде в огнях погорати,
В водах потопати,
И Сам Бог у него буде в головах стояти!..

(С. Антонины Засл. у.)

9. *Отъ „пристрѣта“*: „заговляю пристрит из води из хмари, из бури из пламені, пичний, димний, от раба Божого Гордія от сердца, от души, от печени, от ялителей, от унтроб и всяких жил“.

Заговоры сопровождаются молитвами: „Отче нашъ“ и „Богородице дѣво“. Повторяются они для вящего успѣха по 3 раза, по 9 и даже по 70 разъ.

Сообщилъ *Ив. Абрамовъ*.

Способъ умыканія невѣстъ среди вотяковъ Елабужскаго уѣзда.

Свадебные обряды у вотяковъ въ общихъ чертахъ своихъ повсемѣстно сходятся. По смыслу, многіе обряды при свадьбѣ, вмѣстѣ съ обильными слезами невѣсты, служатъ выраженіемъ жалости и сожалѣнія ко всему родному—дому, мѣсту, гдѣ проведена молодость. Чувствуется въ искреннихъ слезахъ невѣсты и инстинктивный страхъ за будущее, страхъ предстоящей борьбы со свекровью, совмѣстная жизнь съ которой часто является жизнью въ берлогѣ двухъ медвѣдицъ.

Роль жениха на свадьбахъ почти ни въ чемъ не выражается. Его присутствіе обязательно только при вѣнчаніи—тамъ, гдѣ принято вѣнчаться при свадьбѣ же. Въ большинствѣ случаевъ женихи даже не находятъ нужнымъ одѣться въ чистую праздничную одежду, такъ какъ на пирахъ вовсе не присутствуютъ. Комиченъ фактъ, бывшій въ одной деревнѣ Елабужскаго уѣзда: пока родственники ѣздили за невѣстой, женихъ проработалъ въ лѣсу; пока же пировали въ домѣ жениха, онъ пролежалъ на полатахъ въ другой избѣ. Положимъ, фактъ этотъ исключительный: жениху шелъ только восемнадцатый годъ, и онъ выглядывалъ мальчикомъ; женился не онъ, женили его родители: для дома нужна была работница. Однако и въ другихъ случаяхъ женихи—если не ѣздятъ въ лѣсъ и не лежатъ на полатахъ, то активнаго участія на свадьбѣ не принимаютъ. — Подробности вотяцкихъ свадебныхъ обрядовъ не разъ уже описывались различными этнографами ¹⁾, и потому здѣсь я не распространяюсь о нихъ.

Особенный интересъ представляетъ способъ умыканія невѣстъ, часто практикуемый среди вотяковъ Елабужскаго уѣзда. Молодежь среди нихъ вполне свободна въ своихъ сношеніяхъ. Отъ этого многія дѣвушки еще до брака имѣютъ дѣтей. Такой легкій взглядъ на физическую чистоту объясняется тѣмъ, что родившихъ или беременныхъ вотячекъ нерѣдко охотнѣе берутъ замужъ. Можно предположить, что причина послѣдняго заключается въ томъ, что вотяки по природной чертѣ характера склонны къ семейной жизни, а

¹⁾ Существуетъ отдѣльная брошюра о свадебныхъ обрядахъ вотяковъ Казанскаго уѣзда Багина. О свадебныхъ же обрядахъ имѣется отдѣльная статья въ книгѣ Гаврилова: „Произведенія народной словесности среди вотяковъ“.

беременность служить доказательствомъ способности дѣвушки къ дѣтороженію ¹⁾).

Однако, христіанское пониманіе вѣббрачнаго сожителства, какъ безнравственности, начинаетъ постепенно прививаться къ міровоззрѣнію вотяка. Съ этой точки зрѣнія, беременная или родившая дѣвушка въ семьѣ родителей дѣлается, если не лишнимъ членомъ, то павшимъ, достойнымъ сожалѣнія. Дѣвушка, очутившаяся въ такомъ положеніи, не дѣлается уже разборчивой невѣстой—часто богатыя выходятъ за бѣдныхъ. Женихи пользуются такимъ случаемъ, такъ какъ имъ тутъ не приходится или почти не приходится платить калыму.

Вотъ въ этихъ случаяхъ чаще и практикуется способъ умыканія. Какъ только распространится слухъ о беременности той или иной дѣвушки, она становится уже безпокойною — боится выходить на игрища. Характеренъ способъ умыканія тѣмъ, что часто дѣвушка не знаетъ, что ее увезутъ и къ кому увезутъ. Желавшій жениться находится скоро и ждетъ только случая умчать. Умыкаютъ невѣсту обыкновенно въ праздники во время „юшана“, какъ вотяки называютъ увеселенія молодежи, происходящія чаще ночью на улицахъ и выражающіяся въ пляскѣ подъ звуки „гармошки“. Умыкать невѣсту помогаютъ жениху его товарищи.—Разъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ умыканія.

Была праздничная ночь. На улицѣ стоялъ шумъ, хохотъ, крики, пискъ гармошки, пляска. Послышался звонъ колокольчика. Въ увлеченіи молодежь на это не обратила вниманія. Вдущіе, два парня, прежде чѣмъ толпа успѣла сообразить въ чемъ дѣло, схватили заранѣе намѣченную жертву, посадили въ тарантасъ, и колокольчикъ вновь загремѣлъ. Съ перваго момента я даже не понялъ, въ чемъ дѣло. Уже послѣ объяснили мнѣ, что увезли невѣсту.

Схваченная дѣвушка тогда только узнаетъ свою участь, когда привезутъ ее къ жениху. Чтобы она не сбѣжала, ее запираютъ лѣтомъ въ клѣтъ, а зимой въ избу, нерѣдко вмѣстѣ съ женихомъ. Беременная дѣвушка, помня свое ноложеніе и не ожидая лучшей участи, рѣдко протестуетъ противъ такого насилія. Смирившаяся дѣвушка на другой же день уже хозяйка въ домѣ жениха; но не смирившаяся старается въ возможныхъ случаяхъ до вѣнца сбѣжать, и убѣгаетъ. Одинъ женихъ два раза умыкалъ, и въ оба раза невѣсты сбѣжали. Послѣдняя сбѣжала, проживъ полгода съ женихомъ.

Бываетъ и такъ, что женихъ съ невѣстой заранѣе уговорятся; тогда умыканіе практикуется только съ цѣлью избѣжать обычныхъ свадебныхъ расходовъ.

---

¹⁾ Послѣдствія свободныхъ сношеній до замужества не преминули сказаться. Среди вотяковъ Сарапульскаго уѣзда сильно распространены венерическія болѣзни, привезенныя, вѣроятно, со службы солдатами.

Бываетъ, что и невинныхъ дѣвушекъ умыкаютъ насильно, безъ вѣдома ихъ. Но въ этихъ случаяхъ чаще встрѣчается сильный протестъ со стороны умыкаемыхъ, рѣшающихся всѣми мѣрами спасти свою честь и свободу.

Былъ такой случай. Одна дѣвушка понравилась парню изъ сосѣдней деревни, отстоящей въ 7 верстахъ. Не надѣясь на ея согласіе, рѣшилъ онъ ее умчать. Для этого было выбрано время общественнаго моленія, которое должно было произойти въ скоромъ времени и гдѣ должна была быть и намѣченная дѣвушка. Когда пріѣхали за дѣвушкой, она подъ горой на рѣчкѣ мыла почки жертвеннаго животнаго (мѣсто моленія было на горѣ). Одна изъ подругъ ея догадалась предупредить ее. Тогда она тотчасъ забросила свое дѣло, и вдоль по рѣчкѣ, по болоту да по грязи, убѣжала въ деревню, гдѣ и заперлась въ клѣтѣ. Пріѣхавшіе за невѣстой догадались въ чемъ дѣло, поскакали скорѣе въ деревню, проѣхали вдоль всей деревни, невѣсты не нашли, и вернулись ни съ чѣмъ. Тогда женихъ заслалъ сватовъ, чтобы свадьбу справить обыкновеннымъ порядкомъ. Невѣста отказалась, но братъ ея рѣшился насильно выдать (отца не было въ живыхъ). Пропили, накупили матерій и оставили невѣсту для шитья на нѣсколько недѣль въ домѣ брата. Между тѣмъ невѣста тайно послала свою подругу въ другую сосѣднюю деревню сказать тамъ одному парню, который ей нравился, что она выйдетъ за него замужъ, если онъ согласенъ взять ее. Парень согласился. Въ тотъ же день изъ той деревни пришли двѣ дѣвушки, и невѣста вмѣстѣ съ ними тайно отъ родныхъ ушла въ домъ ко второму жениху. Первый женихъ, узнавъ какимъ-то образомъ о продѣлкахъ дѣвушки, пріѣхалъ къ роднымъ ея, переполошилъ всѣхъ и вмѣстѣ съ ними поѣхалъ искать ее въ другую деревню, гдѣ и нашли ее, отъ испуга спрятавшуюся въ подпольѣ у второго жениха. Ее тотчасъ же повезли въ домъ перваго жениха и, чтобы она впередъ не пыталась сбѣжать, тогда же мимоѣздомъ обвѣнчали въ приходскомъ храмѣ.

Настоящій фактъ передавала сама пострадавшая, повидимому, успѣвшая уже примириться со своимъ положеніемъ.

Примѣчаніе. Настоящія свѣдѣнія собраны въ дер. Комякѣ Можгинской вол. Елабужскаго у. Вятской губерніи; лица, съ которыми произошли описываемые здѣсь факты, живы и въ настоящее время.

Казань. 1914.

И. В. Яновлевъ.

Вотяцкія легенды,

записанныя въ Поршурскомъ приходѣ Елабужскаго
уѣзда Вятской губерніи въ 1902 и 1903 году.

(Записаль и перевелъ *Ив. В. Яковлевъ*).

Пять настоящихъ легендъ (№№ 1, 3—6) записаны со словъ вотяка 45-ти лѣтъ, находящагося въ переходномъ состояніи отъ язычества къ христіанству ¹⁾. Это—большой любитель сказокъ и легендъ—радъ послушать и самъ поразсказать. Будучи самъ неграмотнымъ, онъ съ книжкой ходитъ по сосѣдямъ-грамотѣямъ и проситъ ихъ почитать ему. Настоящія легенды онъ выслушалъ, по его словамъ „отъ стариковъ“.—Легенда о „появленіи свѣта“ (№ 2) записана со словъ „восяся“—жреца, главнаго лица на общественныхъ языческихъ моленіяхъ; это былъ крещенный вотякъ, но онъ въ церковь не ходилъ и языческую вѣру называлъ „Авраамовой“.

1. Происхожденіе горъ.

Давнымъ давно, много тысячъ лѣтъ тому назадъ, не было еще земли, не было и живыхъ существъ. Былъ только одинъ всемогущій Богъ и его противникъ діаволъ (шайтанъ). На мѣстѣ земли волновалось одно безбрежное море-океанъ. Рѣшилъ Богъ создать землю, чтобы потомъ гдѣ было жить человѣку и животнымъ. Сѣлъ Богъ въ маленькую каменную лодку, а вслѣдъ за нимъ поплылъ и противникъ его—діаволъ. Сказалъ Богъ діаволу: „достань земли со дна воды!“ Нырнулъ діаволъ до дна и принесъ въ горстяхъ земли. Взялъ Богъ землю отъ діавола и началъ сѣять ее по водѣ. Вышла земля вся, и Богъ вторично повелѣлъ діаволу достать земли со дна. Досталъ діаволъ, но всю землю не отдалъ Богу—часть ея утаилъ: оставилъ во рту у себя, чтобы потомъ дѣлать то же, что будетъ и Богъ дѣлать. Богъ опять посѣялъ эту землю по водѣ. Затѣмъ Всевѣдущій, зная лукавство діавола, сказалъ ему: „всю ли землю, что досталъ со дна воды, ты отдалъ мнѣ?“

---

¹⁾ Религіозныя исканія этого вотяка описаны мною въ статьѣ „Изъ записокъ инородческаго миссіонера“ (Русская Школа 1907 г. и отдѣльно—въ сборникъ моихъ статей „Современные вопросы инородческаго просвѣщенія“). (И. Я.).

Привыкшій къ постоянной лжи діаволь скрылъ и на этотъ разъ истину и не сознался, что часть земли оставилъ во рту. Тогда Богъ благословилъ посяянную землю, и земля начала расти и увеличиваться и покрывать собой воду. Но вмѣстѣ съ этой землей начала расти земля и во рту діавола. Не можетъ діаволь говорить. Наконецъ, задыхаясь, сталъ онъ знаками просить у Бога помощи. Всегда добрый Богъ и здѣсь пожалѣлъ діавола. Повелѣлъ Онъ ему скорѣе изо рта выбрасывать землю. Началъ діаволь вытаскивать землю изо рта комьями и бросать ихъ какъ попало... Земля на водѣ межъ тѣмъ росла и росла и покрыла собой всѣ воды, кромѣ рѣкъ и озеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начали расти и комья, разбросанные діаволомъ, и превратились въ высокія дикія горы. Такъ появились у насъ на землѣ горы и неровности. Виновникъ ихъ появленія—діаволь. Потому мы и теперь при подъемѣ и спускѣ съ горъ безсознательно поминаемъ имя виновника, діавола-чорта: „Экъ, чортъ, кыче жужыт!“ (какъ высоко, чортъ возьми!)... „Чортъ побери, какъ тяжело подниматься!“.. Такъ вѣчно отъ діавола исходитъ одно зло,—и тогда и теперь онъ насъ не оставляетъ въ покоѣ.

2. Появленіе свѣта.

Много времени прошло послѣ сотворенія земли. Всѣ народы, какіе существуютъ на землѣ, были уже созданы. Не было только одного свѣта. Кругомъ была тьма. Собрались разъ народы и стали думать, какъ бы испросить у Бога свѣта. Рѣшили народы всякъ по своему умѣнію молиться. Первые начали молиться русскіе. Богъ не далъ свѣта. Молились потомъ черемисы, молились чуваши, татары. Не появлялся свѣтъ. Оставались одни вотяки. Начали послѣдними они молиться, животныхъ закалать. Закололи двѣнадцать жеребятъ—занялась заря; начали варить жертвы—показалось солнце; стали молиться („курыны“)—солнце поднялось на небо, и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени продолжаетъ оно съ утра до вечера освѣщать землю.

3. Происхожденіе табака и трубки.

„Было время, когда вотяки жили отъ русскихъ отдѣльно и не имѣли понятія ни о табакѣ, ни о трубкѣ. Вотяки народъ былъ здоровый и полный. Но русскіе взяли вотяковъ подъ свою руку, стали молодыхъ изъ нихъ въ солдаты забирать. Схватятъ молодого чело-вѣка, отнимутъ его отъ отца—матери и ушлютъ туда, куда самъ русскій царь не ѣздитъ никогда.

Жилъ въ нашей деревнѣ вотякъ по имени Агдыльманъ. Былъ здоровый, толстый, по два мѣшка хлѣба подъ мышкой таскалъ. Всѣ молодые вотяночки заглядывались на него и сами подсылали свахъ: не хочетъ ли онъ жениться на такой то. Но Агдыльманъ не торопился жениться, точно предчувствовалъ, что не суждено ему будетъ съ женой дома жить. И точно, скоро бѣда нагрянула.

Взяли Агдыльмана въ солдаты, забрили лобъ ему и отправили его такъ далеко, что онъ не могъ указать, въ какой сторонѣ его родина осталась. Уже возвратившись домой, рассказывалъ Агдыльманъ, что служилъ онъ гдѣ-то далеко, въ одномъ городѣ, гдѣ и зимы-то какъ слѣдуетъ не бываетъ, а лѣтомъ такъ жарко, выйти боишься.— „Должно быть оттуда до ада недалеко, оттого тамъ сильно и печетъ“,— догадывались вотяки ододеревенцы, слушая рассказъ Агдыльмана.

Прослужилъ Агдыльманъ нѣсколько лѣтъ, выучился по-русски говорить, и немного ему осталось служить. Идетъ онъ разъ по городу, а навстрѣчу ему человѣкъ, черный, въ странной одеждѣ. Во рту у него какая то палочка съ утолщеннымъ концомъ, откуда такъ и валитъ дымъ; а дымъ этотъ былъ такой, что когда Агдыльманъ проходя мимо него хотѣлъ вздохнуть и нечаянно вдохнулъ дымъ, такъ закашлялся, что въ глазахъ синіе кружки пошли. Удивился Агдыльманъ такой силѣ дыма, рѣшился спросить онъ человѣка и подошелъ къ нему. (Не зналъ Агдыльманъ, что это былъ чортъ, не зналъ и того, что плохо ему будетъ отъ него).

— „Что это за машина, баринъ?“ спросилъ его Агдыльманъ.

— „Это трубка“, отвѣчалъ чортъ.

— „А какая отъ нея польза, зачѣмъ она нужна?“ спрашивалъ Агдыльманъ.

— „Видишь ли—началь объяснять чортъ:—на толстый конецъ трубки накладываютъ растеніе, а растеніе это называется табакомъ; потомъ этотъ табакъ закуриваютъ, и онъ начинаетъ дымить. И тянешь этотъ дымъ въ себя. Въ этомъ то дымѣ вся сила и заключается. Онъ заставляетъ сильнѣе сердце биться, облегчаетъ болѣзни, тоску-кручину отгоняетъ, и въ одиночествѣ веселитъ. Вотъ какую силу имѣетъ дымъ отъ табака!“

— „Откуда же самъ табакъ добывается? У насъ, помнится, не было такого растенія“,—продолжалъ спрашивать Агдыльманъ.

— „Этотъ табакъ недавно на землѣ сталъ расти, и то не вездѣ. Можетъ быть и тебѣ нужно его? Я дамъ тебѣ его даромъ. Да и какъ не дать такому молодцу, какъ ты. Придешь домой, поѣшь табакъ, научишь и другихъ курить, и спасибо скажутъ тебѣ несчастные, одинокіе“,—объяснилъ чортъ.

Убѣдился Агдыльманъ этими доводами, да и самому тоску хотѣлось отогнать отъ себя,—такъ сильно въ послѣднее время онъ началъ скучать,—взялъ Агдыльманъ отъ чорта трубку и табакъ и тутъ

же закурилъ. А какъ закурилъ, такъ весело ему стало, что онъ чуть было не запѣлъ свою давно забытую родную грустнаго напѣва пѣсню, гдѣ свѣтлосиніе глаза вотяночки сравниваются съ синими цвѣтками въ поляхъ, а ихъ бѣлокурые волосы—съ чесанымъ льномъ,—но остановился, вспомнивъ, что онъ солдатъ да и въ городѣ находится.

Съ тѣхъ поръ Агдыльманъ началъ курить, и до самой смерти не бросалъ—не могъ прожить безъ табака и одного дня. Воротился Агдыльманъ на родину, да ужъ не тотъ Агдыльманъ: вмѣсто румянца на лицѣ одніѣ кости, скулы повыдались, глаза потускнѣли, подбородокъ жиденькой шерстью обросъ. Пожалуй бы и невѣсты не пошли за него замужъ, если бы онъ вздумалъ жениться. Воротившись домой, Агдыльманъ сталъ на огородѣ табакъ разводить, научилъ и однодеревенцевъ курить. Удивительно то, что кто ни начнетъ курить, никакъ не можетъ отстать. Скоро всѣ вотяки привыкли курить, только старики въ первое время воздерживались; теперь и старики сплошь и рядомъ курятъ.

Между тѣмъ Агдыльманъ на родинѣ не только не поправлялся, но съ каждымъ днемъ становился все хуже и хуже. Его постоянно мучилъ кашель съ мокротой. Подъ конецъ изъ горла стала показываться кровь. Силы его оставили, и онъ слегъ въ постель. Будучи въ постели, захотѣлъ Агдыльманъ узнать, съ чего это приключилась съ нимъ такая невиданная и неслыханная болѣзнь. Призвалъ онъ къ себѣ всезнающаго „туно“ (ворожеца) и тутъ кстати рассказалъ ему исторію съ табакомъ на службѣ. А когда Агдыльманъ описалъ, отъ какого человѣка онъ принялъ табакъ, такъ „туно“ руками замахалъ и сталъ произносить свои заклинанія. „Туно“ объяснилъ Агдыльману, что табакъ онъ получилъ отъ чорта и что самому „туно“ нерѣдко случалось видѣть чорта въ такомъ же видѣ, какимъ описалъ его Агдыльманъ, и болѣзнь-то, навѣрное, произошла отъ чортовой травы—табака.

Горько стало Агдыльману, когда узналъ, что онъ, по невѣдѣнію своему, непосредственно отъ чорта передалъ зло народу; тѣмъ болѣе стало горько, что онъ не въ силахъ остановить распространеніе этого зла и самъ даже погибаетъ отъ него. Развѣ только послѣднее да еще невѣдѣніе его будетъ служить ему оправданіемъ предъ Богомъ. Больно становилось ему, какъ бывало вспомнить, что сѣмена табака принесены были изъ ада. Отъ думъ еще хуже стало Агдыльману, и скоро его не стало въ живыхъ“...

Такъ закончилъ рассказъ старикъ-вотякъ и, неодобрительно покачавъ головой, прибавилъ еще: „Не знаю, простить ли ему Богъ на томъ свѣтѣ, хотя и по невѣдѣнію дѣлалъ онъ зло. Ужъ больно много зла отъ него стало на землѣ. Вотъ мой сынъ тоже курить, тоже что-то слабъ здоровьемъ. Да и самъ я въ молодости курилъ, но, слава Богу, сумѣлъ во время бросить“.

4. Вотякъ и богатырь.

Въ прежнее время на землѣ не было такихъ людей, каковы теперь мы. Населяли ее какіе-то великаны полулюди — Алангасары. Одинъ изъ этихъ великановъ со своею матерью жилъ въ лѣсу въ то время, когда на землѣ стали появляться настоящіе люди. Алангасаръ былъ вышиною аршинъ десять. Стали около него селиться изрѣдка вотяки. Алангасаръ вотяковъ принялъ за одну изъ породъ птицъ. Идетъ онъ разъ по лѣсу и видитъ—вотьякъ долбитъ дерево, корыто себѣ дѣлаетъ. Алангасаръ подумалъ, что это дятель дерево долбитъ, схватилъ его, положилъ въ карманъ и принесъ домой. Дома онъ сталъ показывать матери: „смотри-ка, какого я дятла поймалъ“. Тогда мать говоритъ ему: „это не дятель, глупый ты мой, а новый человекъ; скоро насъ на землѣ совсѣмъ не будетъ, наше мѣсто займутъ они; ступай оставь его тамъ, откуда взялъ“. Алангасаръ отнесъ вотяка обратно и оставилъ на прежнемъ мѣстѣ. Скоро Алангасаръ опять встрѣтился съ вотякомъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Въ концѣ разговора онъ сталъ его звать къ себѣ въ работники. Вотякъ согласился и пошелъ за Алангасаромъ. Дорогой Алангасаръ вырвалъ съ корнемъ огромную ель и понесъ ее домой на топливо, заставивъ и вотяка помогать себѣ. Алангасаръ шелъ впереди и несъ ель за вершину, а вотякъ сзади у корня—вмѣсто того, чтобы нести, поѣхалъ верхомъ на корнѣ и пѣсню запѣлъ. Какъ только Алангасаръ обернется, онъ соскочить съ корня, подставить плечо подъ ель да еще попускаетъ Алангасара: „ну, иди же, иди скорѣе“. Утомился Алангасаръ, а вотякъ все еще пѣсни распѣваетъ. Дивится Алангасаръ, какъ это въ такомъ маленькомъ существѣ такая сила, что зависть беретъ. Пришли домой, поужинали, и утомленный Алангасаръ легъ спать. Легъ и вотякъ. Но не можетъ уснуть Алангасаръ—все его вотякъ со своей необъятной силой тревожить. Рѣшился онъ убить его. Вышелъ тихонько на дворъ и принесъ со двора бревно. А вотякъ догадливъ былъ: положилъ на мѣсто себя чурбанъ, кафтаномъ своимъ прикрылъ, а самъ улегся подъ печь. Ударилъ Алангасаръ бревномъ по чурбану—чурбанъ до потолка чуть не вспрыгнулъ. Ударилъ Алангасаръ еще два раза и, думая, что вотякъ убить уже, легъ спать. Тогда вотякъ вылѣзъ изъ подъ печи и улегся на постели. Проснувшись утромъ, Алангасаръ къ своему удивленію видитъ, что вотякъ живъ еще. Началъ онъ спрашивать вотяка, что ему во снѣ приснилось. Вотякъ отвѣчалъ: „видѣлъ, что меня кто то не то пальцемъ щелкалъ, не то прутомъ хлесталъ“. Испугался Алангасаръ такой силы вотяка и сталъ отсылать его домой. А вотякъ ему говоритъ: „я тебѣ поработалъ“, поработай теперь ты мнѣ. Дѣлать нечего, послушаться вотяка-силача опасно, и пошелъ Алангасаръ за вотякомъ. Въ этотъ день вычистили

они большую площадь лѣса подъ пашню. Вотякъ только указываетъ, что и какъ дѣлать, а работаетъ все Алангасаръ. Вечеромъ пошли къ вотяку ужинать. Вотякъ спрашиваетъ жену: „приготовила ты намъ ужинъ?“ Она отвѣчаетъ: „я ждала отъ тебя мяса свѣжаго“. Тогда вотякъ говоритъ: „вотъ я поймалъ большого звѣря, заколемъ его“. Испугался Алангасаръ этихъ словъ и пустился бѣжать, позабывъ ужинъ и усталость. А вотякъ радъ, что легко отвязался отъ великана-богатыря.—Такъ то вотъ, хотя люди въ прежнее время были и сильнѣе и здоровѣе, да догадки мало было, а теперь у маленькихъ слабыхъ людей ума оказывается больше. Такъ и должно быть: гдѣ сила не беретъ, тамъ умомъ возьметъ.

5. Отъ діавола зло.

Жили два брата. Старшій изъ нихъ былъ женатъ. Сталъ онъ младшаго брата обижать. Тяжело показалось младшему жить съ братомъ, и онъ ушелъ отъ него. Шелъ, шелъ онъ, зашелъ въ лѣсъ; стало вечерѣть, ноги устали. Легъ онъ подъ дубомъ на соломѣ и заснулъ. Ровно въ полночь прилетаетъ на этотъ дубъ „пері“ (діаволь). „У-у... ты здѣсь?“ разнесся его дикий голосъ по уснувшему лѣсу такъ, что весь лѣсъ застоналъ. Отвѣта не послѣдовало. Младшій братъ проснулся отъ этого крика и, боясь показаться на глаза пері, прислонился къ дубу и сталъ сидѣть ни живъ, ни мертвъ. Скоро недалеко послышался отвѣтный крикъ, и къ дубу подлетѣлъ другой пері. Сквозь вѣтки деревьевъ младшему брату удалось разглядѣть подлетавшаго пері. Весь онъ былъ черный, глаза сверкали огнемъ, голова отъ густыхъ волосъ казалась большою, на рукахъ и ногахъ вмѣсто ногтей виднѣлись когти.

— „Ну, что ты успѣлъ сдѣлать за послѣднее время?“ спросилъ первый пері подлетѣвшаго.

— „Одинъ мужикъ—началъ рассказывать подлетѣвшій—умываясь, незамѣтно изъ грудного кармана въ лохань уронилъ кошелекъ съ деньгами. Помои изъ лохани потомъ вылили на дворъ, и деньги эти вмѣстѣ съ помоями проглотила бѣлая корова. Послѣ мужикъ спохватился денегъ, сталъ искать и не могъ найти. Деньги для мужика были большія, все сбереженіе было тутъ. Пошелъ онъ къ „туно“ гадать, куда пропали деньги. Туно я внушилъ сказать, что деньги у мужика украдены однимъ изъ его семьи. Мужикъ заподозрилъ свою сноху и сталъ пытаться ее, а такъ какъ та не сознается, то мужикъ въ сердцахъ рѣшилъ убить ее. Вотъ радость-то для насъ, однимъ грѣшникомъ больше будетъ... Ну, ты какъ?“

Сталъ говорить первый пері: „Одинъ купецъ строитъ плотину. Сколько днемъ выстроить, то ночью я прорываю. И такъ вотъ ужъ

нѣсколько дней подъ рядъ. Выведу его изъ терпѣнія. Согрѣшить онъ, не стерпитъ*.

— „А могутъ ли тебѣ помѣшать въ этомъ дѣлѣ?“

— „Могутъ. Стоитъ только найти „никаноровъ крестъ“ (траву ¹⁾) и положить его въ основаніе плотины— моему дѣлу конецъ. Кто только можетъ догадаться объ этомъ?“

Весь разговоръ этотъ слышалъ сидящій въ страхѣ подъ дубомъ младшій братъ. Рѣшилъ онъ разстроить козни пери—помочь мужику и купцу и себѣ этимъ что-нибудь выгадать. Пошелъ онъ къ потерявшему деньги мужику, вызвался найти потерянные деньги и за услугу сталъ просить половину найденныхъ. Мужикъ обѣщалъ—все равно одному ему было не найти. Велѣлъ младшій братъ заколоть бѣлую корову и распороть ей животъ. Усумнился мужикъ: „ты мнѣ только корову испортишь: вѣдь туно сказалъ, что деньги украдены“. Но младшій братъ настоялъ на томъ, чтобы закололи корову. Во внутренностяхъ коровы дѣйствительно нашли деньги и раздѣлили пополамъ. Денегъ всего оказалось 500 рублей. Съ тѣхъ поръ мужикъ пересталъ вѣрить „туно“.

Тогда младшій братъ отыскалъ „никаноровъ крестъ“, помогъ купцу плотину устроить и за услугу тоже получилъ вознагражденіе. Разбогатѣвъ, младшій братъ вернулся домой. Сталъ старшій братъ разспрашивать, откуда онъ досталъ столько денегъ. Тотъ говоритъ ему: „Ступай, послушай въ лѣсу подъ дубомъ и узнаешь, какъ достать деньги“. Пошелъ старшій братъ и легъ подъ дубомъ. Въ полночь пери опять сошлись и начали говорить: „Плохи дѣла: кто то насъ подслушалъ и испортилъ наше дѣло. Надо осмотрѣть кругомъ, нѣтъ ли кого опять“. Нашли они подъ дубомъ старшаго брата. и тутъ соннаго его и замучили.

6. Въ мірѣ грѣхъ.

Жилъ въ одной деревнѣ старикъ. Сынъ и сноха у него умерли. Оставался только одинъ малолѣтній внучекъ. Тяжело показалось старику жить среди людей, гдѣ каждый тѣмъ и живетъ, что у слабого кусокъ почти изо рта вырываетъ. Жаль было ему и внучка, которому, прежде чѣмъ научиться отличать правую руку отъ лѣвой, пришлось бы испытать горечь жизни. Вѣдь некому его защитить. Ушелъ старикъ со внукомъ вмѣстѣ въ пустыню. Когда подросъ внукъ, старикъ рѣшилъ показать ему міръ. Пошли въ деревню, гдѣ раньше жили, и дорогой зашли въ кузницу. Кузнецъ началъ ковать раскаленное до бѣла желѣзо, и искры посыпались во все стороны.

---

¹⁾ Вотяцкаго названія этой травы рассказчикъ не зналъ; цвѣтокъ у травы отличается крестообразнымъ строеніемъ лепестковъ.

Мальчикъ заинтересовался блестящими точками—искорками и сталъ ловить ихъ голыми руками. Кузнецъ закричалъ: „брось, обожжешься!“ Мальчикъ началъ спрашивать у дѣда: „что онъ, дѣдъ, говоритъ?“ Чистъ и безгрѣшенъ былъ онъ и грѣха не зналъ, а потому и искры не дѣйствовали на него. Отъ кузницы пошли они дальше. Видятъ—женщина несетъ воду съ рѣки. Мальчикъ спросилъ у дѣда: „какое это, дѣдъ, существо идетъ?“—„Это твоя тетка, она твоей матери сестра“.—Ребенокъ удовлетворился отвѣтомъ, хотя изъ сказаннаго ничего не понималъ.

Такъ они обошли всю деревню. Каждый вновь видимый предметъ возбуждалъ любопытство ребенка, и на каждый изъ вопросовъ внука дѣдъ давалъ объясненіе или дѣлалъ замѣчаніе. На обратномъ пути они опять зашли въ кузницу. Мальчикъ, какъ и прежде, хотѣлъ схватить сыплющіяся искры, но обжегся. Вотъ что значитъ побывать въ мірѣ, узнать міръ. Въ мірѣ грѣхъ. Невинный ребенокъ, и тотъ успѣлъ, хотя мысленно, заразиться грѣхомъ. Самый воздухъ въ мірѣ вреденъ.

И. В. Яковлевъ.

Изгнаніе шайтана у вотяковъ.

Въ этнографической литературѣ есть указанія объ обычаѣ изгнанія шайтана у вотяковъ ¹⁾, но подробнаго описанія этого обряда нигдѣ нѣтъ. Мои личныя наблюденія этого обычая относятся къ дер. Кизекову, Алнанской вол., Елабужскаго уѣзда, Вятской губ.; кромѣ того, я пользуюсь рассказомъ воспитанника Казанской Учительской Семинаріи Алексѣя Тихомирова, который лично видѣлъ совершеніе этого обряда въ дер. Иштугановъ Починокъ, Старо-Юмьинской вол., Мамдышскаго уѣзда, Казанской губ. Эти источники даютъ мнѣ возможность описать изгнаніе шайтана болѣе или менѣе подробно.

Сначала я опишу изгнаніе шайтана (шайтан улььян) въ дер. Кизековѣ, а потомъ, въ видѣ добавленія, опишу этотъ же обычай въ дер. Иштугановъ Починокъ.

Изгнаніе шайтана въ дер. Кизековѣ бываетъ въ великій четвергъ. Молодежь въ этотъ день съ утра готовится: кто готовитъ колотушку, трещетку, кто—бересту и бумагу. Колотушка (нушы) дѣлается изъ обрубка бревна: обрубокъ, толщиною 3—4 вершка и вышиною 2 или болѣе вершка, просверливается, и въ отверстіе вдѣлывается палка, служащая рукояткой; трещетка (тырѣтон) имѣетъ видъ ящичка, съ двухъ сторонъ открытаго; съ третьей стороны къ такому ящичку придѣлывается рукоятка, а съ четвертой—прикрѣпляется веревочка съ тяжестью; когда, держа за рукоятку, ящичкомъ машутъ, то веревочка раскачивается и ударяетъ тяжестью то въ дно, то въ крышку пустого ящичка, отчего и получается своеобразный шумъ. Для бересты мальчики нарочно ходятъ въ лѣсъ и потомъ раздають ее тѣмъ изъ старшихъ, которые собираются итти на изгнаніе шайтана.

Съ наступленіемъ вечера начинаютъ собираться гдѣ-нибудь на улицѣ. Каждый беретъ съ собой дубину или палку. Карманы и пазухи набиты почти у всѣхъ берестой и бумагой, разорванной на кусочки. Накапливается человѣкъ 20 или 30. Кто-нибудь беретъ свою лампу, и тогда всѣ направляются въ баню. Народу становится все больше и больше. Наконецъ, баня наполняется ²⁾, и нѣкоторымъ, за неимѣніемъ

---

¹⁾ В. Бехтерева, Вотяки (Вѣстн. Евр. 1880, № 9, с. 161).

²⁾ Нужно замѣтить, что вотяцкія бани строятся гораздо больше, чѣмъ русскія деревенскія бани: у вотяковъ въ одной банѣ обычно моются 4—5 семей сразу—сначала мужчины, а потомъ женщины.

мѣста, приходится стоять у входа. Сюда приходятъ не только молодые, но и пожилые, хотя стариковъ не бываетъ. Вскорѣ начинается игра во взносъ податей (по-вотяцки выт тырон).—Надо сказать, что обрядъ изгнанія шайтана распадается на игры и собственно изгнаніе.

Игра во взносъ податей происходитъ такъ. Описанное выше собраніе выбираетъ изъ своей среды „царя“, „наслѣдника“ его, „губернатора“, „земскаго начальника“, „станового“, „старшину“, „писаря“ и „разсылнаго“. Всѣхъ этихъ лицъ выбираютъ крикомъ: сначала называютъ имя выбираемаго лица, потомъ прибавляютъ вѣжливое обращеніе „агай“ и затѣмъ—его новый чинъ, напр.: „Иванъ-агай губернаторъ“. При этомъ кричать такъ громко, что нѣкоторые закрываютъ уши.

„Царь“, „наслѣдникъ“ и „губернаторъ“ садятся въ банѣ на полку рядомъ. Около „губернатора“ стоитъ или сидитъ „становой“. Противъ полка на лавкѣ садятся „земскій начальникъ“, „старшина“, „писарь“. Послѣднія два лица составляютъ „волостное правленіе“. Средоточіе игры составляютъ „становой“, „земскій начальникъ“ и „волостное правленіе“. „Царь“ же съ „наслѣдникомъ“ и „губернаторъ“ почти не участвуютъ въ игрѣ.

Послѣ выборовъ „старшина“ посылаетъ „разсылнаго“ извѣстить „общество“ (присутствующихъ) о „сборѣ податей“. Разсылный ходитъ изъ угла въ уголъ бани и кричитъ, что нужно „вносить подати“. Специальнаго „сборщика податей“ не выбираютъ. Каждый подходитъ къ „земскому начальнику“, „старшинѣ“, „писарю“ и, вынимая изъ кармана или изъ-за пазухи кусочки бумаги и бересты, кладетъ въ полу этихъ должностныхъ лицъ. Бумага и береста считаются деньгами. Печатная бумага при этомъ не годится. Неимѣющіе „денегъ“ говорятъ, что они записываются „мѣшанами“. Такихъ „мѣшанъ“ бываетъ, впрочемъ, очень немного.

Послѣ двухъ, трехъ „взносовъ податей“, „волостное правленіе“ посылаетъ разсылнаго извѣщать „обществамъ“ о томъ, что нужно везти „деньги“ въ „казну“. Тогда въ „волостное правленіе“ подають „тройку лошадей“. Эту тройку представляютъ три парня, за полы которыхъ держится четвертый парень—„ямщикъ“. „Деньги везутъ“ „земскій начальникъ“, „старшина“ и „писарь“. Подходятъ они къ полку и даютъ горстями каждому изъ сидящихъ на полку бересту и бумагу. Потомъ они возвращаются на прежнее мѣсто.

По возвращеніи опять начинаютъ „сбирать подать“ и опять также на „тройкѣ“ „везутъ“ „деньги“. Кто-нибудь изъ сидящихъ на полку—„становой“ или „губернаторъ“, рѣже самъ „царь“—начинаетъ ругаться и спрашиваетъ: „почему мало привозятъ податей?“ Иногда высшее начальство приказываетъ смѣнить „старшину“ и „писаря“, и тогда на мѣсто ихъ выбираютъ новыхъ. Случается и такъ, что „старшину“ или „писаря“ высшее начальство обвиняетъ въ растратѣ

„казенныхъ денегъ“. Тогда ихъ судить „губернаторъ“. Онъ присуждаетъ къ розгамъ, т.-е. къ ударамъ березовымъ прутикомъ. Исполняющимъ лицомъ при этомъ бываетъ „становой“.

Игра во взносъ податей продолжается до пѣнія пѣтуховъ. Въ продолженіе игры смѣняются только „старшина“ и „писарь“, а также „разсылный“. Другіе руководители выбираются на всю игру. Въ концѣ игры бумага и береста у многихъ истощается. Между тѣмъ, „сборъ податей“ все продолжается. Кто не платитъ „подати“, того „земскій начальникъ“ привлекаетъ къ суду. Судитъ онъ же. Кромѣ ударовъ прутикомъ, бываетъ болѣе тяжелое наказаніе: земскій начальникъ приказываетъ разсылному навѣсить камень на шею осужденнаго, и осужденный нѣсколько разъ обходитъ баню съ камнемъ на шеѣ. Кромѣ этихъ наказаній, „сажаютъ въ тюрьму“, причемъ тюремю обыкновенно служитъ мѣсто подъ баннымъ полкомъ.

Кромѣ обвиненій со стороны „начальства“, каждый изъ присутствующихъ также старается обвинить въ чемъ-нибудь другого. Вотъ примѣрный эпизодъ. Гдѣ-нибудь въ углу раздается душу раздражающій крикъ: „ой, воръ, воръ!“ Вниманіе всѣхъ переносится на это происшествіе. Оказывается, что парень лѣтъ 20-ти схватилъ слабѣйшаго и притворяется, что на него нападаетъ воръ. Схватились за этого „вора“ еще нѣсколько человѣкъ и повели въ уголъ, гдѣ помѣщается „волостное правленіе“. „Земскій начальникъ“ началъ судить „вора“. Поймавшій вора объясняетъ, что онъ ѣхалъ изъ города съ деньгами и что вотъ этотъ „воръ“ хотѣлъ его ограбить. Выступили и „свидѣтели“. Одинъ „свидѣтель“ говоритъ, что онъ везъ дрова и видѣлъ покушеніе „вора“. Другой „свидѣтель“ начинаетъ еще больше сочинять. „Воръ“ оправдывается, но ему „земскій начальникъ“ не даетъ и говоритъ. „Земскій начальникъ“ присуждаетъ „вора“ къ розгамъ, т.-е. опять къ ударамъ прутикомъ. Исполнителемъ въ такихъ случаяхъ являются „разсылный“ и его помощники.

Подобнаго рода обвиненіямъ нѣтъ конца. Обвиняють другъ друга въ кражѣ лошади, поджогѣ дома, изнасилованіи дочери и т. д. Обвиняють иногда въ такихъ фантастическихъ преступленіяхъ, какъ, напр., въ устройствѣ водяной мельницы подъ домомъ царскаго дворца.

Такимъ образомъ, почти каждый наказывается ударами прутика. Нѣкоторые наказываются разъ по пяти, по шести, такъ что общее число ударовъ доходитъ до 200. Во все время игры смѣхъ и хохотъ не прекращаются. Въ банѣ становится душно, и дверь остается открытой.

Но вотъ пропѣли пѣтухи. Всѣ бросаютъ „деньги“ и выходятъ изъ бани. Каждый беретъ за свое орудіе и начинаетъ колотить баню съ крикомъ: „эу, эу, эу!“—Орудіями служатъ описанныя выше колоушки, а также и простыя палки (боды), иногда—небольшія бревна.—Отъ бани переходятъ къ ближайшему дому. Домъ колотятъ съ такимъ

же крикомъ; ударяють въ стѣны дома съ улицы, а хозяинъ своего дома заходитъ и во дворъ и тамъ также колотить постройки. Стукъ бываетъ настолько силенъ, что дребезжатъ оконныя стекла. Отъ одного дома переходятъ къ другому, пока не обойдутъ всю деревню. Десятки голосовъ смѣшиваются, и получается страшный гулъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ слышны ружейные выстрѣлы. Въ концѣ деревни бросаютъ свои орудія и мирно расходятся по домамъ.

Эти орудія долго потомъ валяются; ихъ никто не беретъ, такъ какъ они, послѣ обряда изгнанія шайтана, считаются нечистыми.

Въ дер. Иштугановъ Починокъ, Старо-Юмьинской вол., Мамадышскаго уѣзда, Казанской губ., изгнаніе шайтана бываетъ въ среду на страстной седмицѣ. Играть въ баню приходятъ только молодежь. „Царя“ и вообще руководителей игры выбираютъ такъ же, какъ въ Кизековѣ. Когда играютъ во взносъ податей, то подходятъ къ „старшинѣ“ и говорятъ, что имѣютъ столько-то душъ земли. Соотвѣтственно количеству душъ платятъ и „подать“. „Подать“ здѣсь платятъ натурой: приносятъ въ кошелькахъ моченый горохъ и даютъ старшинѣ горошинокъ по 10 за „душу“. Если кто придетъ безъ гороху, то „старшина“ заявляетъ объ этомъ „земскому начальнику“. Послѣдній присуждаетъ бить виновнаго мокрымъ вѣникомъ по лицу. Наказанія здѣсь бываютъ только за неуплату „податей“. Горохъ старшина кладетъ въ карманъ, а потомъ, послѣ сбора, раздаетъ „царю“ и „начальникамъ“ горстями. Тѣ этотъ горохъ ѣдятъ. Сборъ „подати“ бываетъ только одинъ разъ.

Послѣ сбора „подати“ начинается игра въ солдаты. „Солдатъ“ учать „царь“ и „губернаторъ“. „Губернаторъ“ дѣлитъ присутствующихъ на пары, а „царь“ намѣчаетъ извѣстное разстояніе, которое „солдаты“ должны перепрыгивать. Кто перескочитъ меньшее разстояніе, тотъ проноситъ своего товарища (изъ своей пары) отъ одной стѣнки бани до противоположной. Играть тоже до пѣнія пѣтуховъ послѣ чего начинается самое изгнаніе шайтана.

Обрядъ изгнанія шайтана начинается съ одного конца деревни. Съ крикомъ „верва шу“ подходятъ къ каждому дому и колотятъ избу, ворота, заборъ. Такъ проходятъ всю деревню и въ концѣ деревни бросаютъ свои орудія. Потомъ собираются въ группу и устраиваютъ бѣгъ отъ одного конца деревни до другого. При этомъ говорятъ, что первый прибѣжавшій къ концу деревни проживетъ очень долго, а послѣдній—нынче же умереть. Отсюда расходятся по домамъ.

Придя домой, зажигаютъ на полу вѣтку можжевельника (сусо пу). Каждый изъ семьи перепрыгиваетъ черезъ пламя. Если въ семьѣ есть дѣти, то ихъ обыкновенно матери переносятъ черезъ пламя. Все это дѣлается для очищенія отъ шайтана.—По вѣрованію вотяка, шайтанъ

можетъ поселиться въ человѣкѣ.—Съ цѣлью же изгнать шайтана, въ этотъ вечеръ стрѣляютъ изъ ружья черезъ плечо того больного, который, по ихъ мнѣнію, захворалъ отъ испуга.

Еще во время игры въ банѣ нѣсколько человѣкъ уходятъ, чтобы описать желѣзной лопатой кругъ около всего дома того сосѣда, котораго они считаютъ за колдуна (ведон). По представленію вотяка, въ домѣ колдуна живетъ шайтанъ. Шайтанъ въ эту ночь выходитъ изъ дома колдуна, чтобы заколдовать людей. И вотъ, съ тою цѣлью, чтобы шайтанъ и самъ колдунъ не выходили изъ дому, дѣлаютъ кругъ. Шайтанъ и колдунъ не могутъ ужъ выйти изъ этого круга и страшно, мучатся. Они губятъ домашнихъ животныхъ самого же колдуна.

Когда молодежь уходитъ играть, то оставшіеся дома натыкаютъ надъ дверями и окнами избы, клѣтей, конюшенъ вѣтки можжевельника, такъ какъ думаютъ, что шайтанъ боится можжевельника.

Въ этотъ же вечеръ на гриву лошадей, на шею коровы и др. скотины вѣшаютъ шарики, выстроганные изъ можжевельника, чтобы спасти скотъ отъ шайтана.

Можно думать, что игры во взнось податей и въ солдаты совершаются въ воспоминаніе какого-нибудь историческаго событія изъ жизни вотяковъ.—Вотяцкія названія руководителей въ этихъ играхъ, кромѣ „царя“, который называется по-вотяцки эксе́й, заимствованы изъ русскаго языка.

Трофимъ Н. Борисовъ.

Матеріалы по киргизской и татарской музыкѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Собирая настоящій матеріалъ, я руководствовался преимущественно музыкальными соображеніями, тѣмъ болѣе что незнаніе языка меня весьма затрудняло при записываніи текста.

Къ сожалѣнію, вслѣдствіе краткосрочности моего пребыванія въ Семирѣчѣ, наиболѣе интересная по своей неизслѣдованности область киргизской пѣсни представлена очень бѣдно.

Весь собранный матеріалъ мною раздѣленъ на три части: 1) Киргизскія пѣсни (записаны частью лѣтомъ 1910 года въ Копальскомъ уѣздѣ Семирѣченской области, частью зимой 1911 года въ Петербургѣ), 2) Пѣсни семирѣченскихъ татаръ ¹⁾ (записаны лѣтомъ 1910 года въ г. Копалѣ Семирѣченской области) и 3) Пѣсни крымскихъ татаръ (записаны лѣтомъ 1910 и 1911 года, за исключеніемъ одной, въ Байдарской волости Ялтинскаго уѣзда Таврической губ.).

Исправленіе текста и переводъ пѣсенъ на русскій языкъ сдѣланы Александромъ Николаевичемъ Самойловичемъ, которому я и приношу глубокую благодарность.

Всев. Шнитниковъ.

Придавая важное значеніе для этнографіи турецкихъ племенъ изученію ихъ музыкальнаго творчества, весьма мало намъ до сихъ поръ извѣстнаго ²⁾, я охотно взялся за редактированіе текстовъ и переводовъ киргизскихъ и татарскихъ пѣсенъ, собранныхъ В. Н. Шнитниковымъ, обладающимъ спеціальной музыкальной подготовкой.

---

¹⁾ Семирѣченскіе татары являются выходцами изъ восточныхъ губерній Европейской Россіи (Казанской, Самарской и пр.), и ни языкомъ ни нравами не отличаются отъ казанскихъ татаръ. Живутъ преимущественно въ городахъ, не такъ обособленно, какъ киргизы, а потому и пѣсни ихъ не отличаются особенной самобытностью.

²⁾ Литературу вопроса см. у С. Г. Рыбакова: „Музыка и пѣсни Уральскихъ мусульманъ“ (Сиб. 1897), стр. 316—327, и въ Трудахъ Музыкально-Этнографической Комиссіи (Москва, 1906 г. и сл.): библиографическіе указатели книгъ и статей по музыкальной этнографіи. Въ I томѣ названныхъ „Трудовъ“, а также въ „Этнографическомъ Обзорѣ“ за 1901 г. (вып. 4) издана „Программа для собиранія народныхъ пѣсенъ и другихъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ“.

Такъ какъ самъ собиратель признаетъ, что основной интересъ его матеріаловъ — музыкальный, а не фольклорный, я, за неимѣніемъ свободнаго времени, ограничился возстановленіемъ текста и исправленіемъ перевода на русскій языкъ, а мѣстами и новымъ переводомъ только отрывковъ изъ собранныхъ В. Н. Шнитниковымъ текстовъ. Изъ 5 киргизскихъ мелодій текстъ имѣется при 2-ой и 3-ей; изъ 7 мелодій семирѣченскихъ татаръ текстъ записанъ для 5-ти (№№ 6—10); на 13 крымско-татарскихъ мелодій имѣется безъ текста 4 (№№ 13, 14, 15, 25); всѣ крымско-татарскіе тексты — безъ перевода.

А. Самойловичъ.

I. Киргизскія пѣсни.

1. Записана въ іюнѣ 1910 г. у киргизъ Копальскаго уѣзда, Семирѣченской области. Пѣлась въ унисонъ, поочередно мужчинами и женщинами. Слова импровизировались во время пѣнья. Содержаніе пѣсни — состязаніе мужчинъ и женщинъ въ остроуміи на тему испытываемаго ими страха и почтенія передъ пріѣзжими господами (чиновниками).

2. Колыбельная. Эта пѣсня мнѣ любезно предоставлена Н. А. Лебедевымъ. Записана въ 1909 г. въ Каркаралинскомъ уѣздѣ Семипалатинской области.

Оспан-байдың кыз едім мән Зулқыја,
Устағаным колума җармоніја.

aldij — aj!

Еі кыдырған бајағы есәр чакта,
Боз-бала-мән болуб-әм (?) кампаніја.

aldij — aj!

Кож кој, бѣпѣм, кој бѣпѣм!
Цѣлама бѣпѣм, алдѣ—ај!

* *
*

Кѣп сѣјрдѣ бастаган сур кунацын.
Цаман цардан бетѣмѣ кѣрд'ау ажым.

алдѣ—ај!

Лашынѣа лажык сункар едѣм
Кѣдѣрѣттѣ ісѣнѣ бар-ма лацым?

алдѣ— ај!

Кож кој бѣпѣм, кој бѣпѣм!
Цѣлама бѣпѣм, алдѣ—ај!

Я была дочерью Оспанъ-бая, Зулькія,
Въ рукахъ я держала гармонику.

Баю-бай!

Когда я въ прежнее, беззаботное время гуляла по (своему)
народу,

Я водила компанію съ молодежью.

Баю-бай!

Полно, полно, мое дитяtko, оставь, мое дитяtko!
Не плачь, мое дитяtko, баю-бай!

* *
*

Многихъ коровъ вожачка, сѣрая трехлѣтка.
Отъ дурного друга (мужа) у меня на лицѣ появились
морщины.

Баю-бай!

Я была кречетомъ, достойнымъ сокола.
Есть-ли у меня средство противъ дѣйствія судьбы?

Баю-бай!

Полно, полно, мое дитяtko, оставь, мое дитяtko!
Не плачь, мое дитяtko, баю-бай!

[Пѣсня сочинена одиннадцатислоговыми четверостишіями въ подражаніе книжному метру „ремель“; четверостишіи всего—8; въ каждомъ четверостишіи имѣются малый припѣвъ послѣ второго и четвертаго стиховъ и большой припѣвъ—послѣ четвертаго. Въ 3-емъ стихѣ 2-ого четверостишія недостаетъ двухъ слоговъ.

Въ припискѣ къ пѣснѣ сообщается, что это—колыбельная пѣсня, которую пѣла молодая женщина, убаюкивая сына, рожденнаго отъ любовника; мужа своего она не любила.

Колыбельныхъ пѣсень среди турецкихъ племенъ собрано вообще, къ сожалѣнію, крайне мало. Что касается, въ частности, киргизовъ, то я, не наводя особыхъ справокъ, могу сослаться на двѣ работы А. А. Диваева:

1) Киргизскія колыбельныя пѣсни (Отд. отт. изъ Изв. Туркест. Отд. И. Р. Геогр. Общ. за 1900 г.) и

2) Каракиргизскія колыбельныя пѣсни (Отд. отт. изъ Сборн. матер. для стат. Сыръ-Дар. области за 1905 г.). Въ обѣихъ этихъ работахъ тексты приведены только въ мусульманской транскрипціи и въ русскомъ переводѣ. Припѣвъ „баюшки-баю“ въ записяхъ А. А. Диваева, приблизительно, тотъ же, что и въ записи В. Н. Шнитникова „алды, алды, ал бѣпѣм“ („ак бѣпѣм“ или „шырабым“ и т. д.), „лама, балам, лама, атаканді кынаба!“ и т. д. Слово „алды“ (aldij) слѣдуетъ, очевидно, сопоставлять съ глаголомъ „алда“—радовать дѣтей, успокоить (Словарь Радлова, I, 413), а слово „бѣпѣ“, переведенное въ словарь Радлова (IV, 1706) чрезъ маленькое дитя, Диваевымъ переводится двояко: „дитя“ (Изв. Турк. Отд.) и „шапочка“ (Сб. матер.).

Третій стихъ второго четверостишія заимствованъ изъ рѣчей свата: „у васъ соколь, у насъ кречеть“ (Диваевъ, О свадебномъ ритуалѣ киргизовъ, отд. отт. изъ Уч. Зап. И. Каз. У—та, 1900).—А. С.]

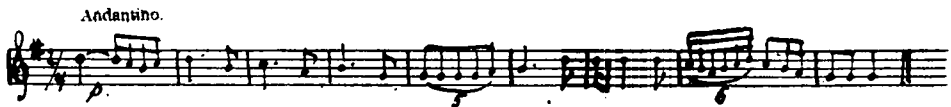
3. Записана въ апрѣлѣ 1911 г. Пѣлась киргизомъ Копальскаго уѣзда Семирѣченской области Мурзаханомъ Толебаевымъ.

Табулзунуң түбүндө торбай-да бар.
Аңал цетсә цап сактар цер кайда бар?
Бр цаксы-мән бр цаман ар кайда бар.
Екі цаксы косулар күн кайда бар?

Подъ таволожникомъ жаворонки бываютъ.
Коли смерть придетъ, есть ли мѣсто, гдѣ душу утаить?
Вмѣстѣ съ хорошимъ плохой всюду бываетъ.
Когда бываетъ день, чтобы сошлись двое хорошихъ?

4. Записана въ апрѣлѣ 1911 г. Пѣлась тѣмъ же. Слова импровизируются во время пѣнія.

5. Записана въ апрѣлѣ 1911 г. Пѣлась тѣмъ же.

II. Пѣсни семирѣченскихъ татаръ.

Эти пѣсни записаны мною въ іюлѣ 1910 года въ гор. Копалѣ Семирѣченской области.

Алм'ағашның алмасын
Јатлар кѣлп алмасын!
Хатка бѣлѣк салмадым.
Цаным, хатрың калмасын!

* *
*

Самауар којдым, чайлар іштім
Ічәсім кѣлгәнғә.
Јазу јазун хатлар салдым
Сін цанкајны сѣјгәнғә.

* *
*

Кол цаулырым цувар-ідім,
Ішпк тѣбѣм кѣл булса.
Сағат сәјін кѣрәр-ідім,
Цар астындан јол булса.

Јблоко съ яблони
Чужіе, прпдја, не взыли бы!
Въ письмо подарка я не вложплъ.
Душечка моя, не обпжайся!

* *
*

Самоваръ я поставплъ, чаю наплся,
Такъ какъ мнѣ ппть захотѣлось.
Грамотку наплсавъ, письмо послалъ,
Такъ какъ люблю тебја, душечка.

* *
*

Ј стпралъ бы свой ручной платокъ,
Если бы передъ мопмъ крыльцомъ было озеро.
Часами бы я смотрѣлъ (на тебја),
Если бы подъ обрывомъ была дорога.

7.

Арасан јул' үстүндән
Байға чаба тур'-атлар.
Ізләсә—тапмас, чакырса—кілмәс
Хош кілгәнсіз, кунаклар!

По Арасанской дорогѣ
Состязаются въ бѣгѣ гнѣдые кони.
Искать—не найти, звать—не придутъ,—
(Такимъ) гостямъ добро пожаловать!

8.

Чілтрап акан чіпмәнің
Асты дарја болмасын!
„Сүјәм, сүјәм!“ дәп айтканың
Сүјгәнің хајла болмасын.

У-һа-һа! трәпака,
Мілыј жарлар нішләтә?

* * *

Ој, отрыјык, отрыјык,
Ыстол үстүн толтрыјык!
Бү-гүн мунда раһат.
Таң атканға отрыјык!

* * *

Ат бајладым бағанға
Атым токтамағанға.
Кампанја нәһәсәлә!
Цыр ул цырламағанға.

* * *

Цігән атым—саураска,
Сүјліј җаман напасна,
Сүјләгән җаман сүјліј-бәрсиң!
Біз цүріјік сағласна!

Подъ журчащимъ ручьемъ
Какъ бы не было моря!
„Люблю, люблю!“ ты говоришь,—
Любовь твоя какъ бы не была уловкой.
У-ха-ха, трепака,
Милые друзья что подѣлываютъ?

* * *

Эй, сядемте-ка, сядемте!
Столь полностью заставимъ!
Сегодня здѣсь спокойно.
До разсвѣта посидимте!

* * *

Коня привязалъ я къ коновязи,
Такъ какъ конь мой не стоитъ.
Компанія не весела,
Такъ какъ пѣсенъ не поютъ.

* * *

Запряженный мой конь—савраска.
Дурное говорить напрасно.
Говорящiе дурное пусть говорятъ!
Будемте гулять согласно!

9.

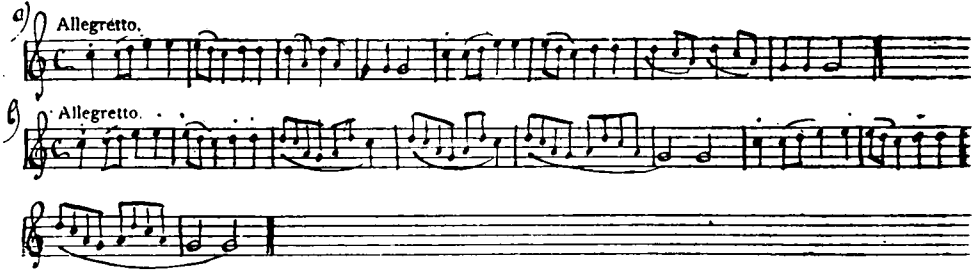

Утурѣаным урундык
Кордым јашыл шымылдык.
Барабыз онда, барабыз мунда.
Ајрылѣан кош биз болдык.

* * *

Сижу я на стулъ,
Спустилъ зеленый пологъ.
Ходимъ тамъ, ходимъ здѣсь.
Мы стали разлученными птицами.

10.

Сандууаш алдым Копалдын,
Кара-кашлы баладын.
Сән тумағансын анадын,
Цаным, інгән қавадын.

* * *

Сандык сандык сары алма
Кызлар ашi бу алма.
Бәні ташлап јадны сәwsәң,
Учмах ішігін таб'-алма.

Соловья купилъ я въ Копалѣ
Отъ черноброваго молодца.
Не родилась ты отъ матери,
Душка моя, а спустилась съ неба.

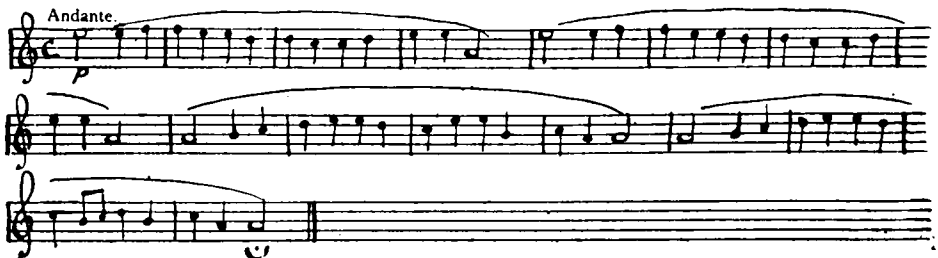
* * *

Сундуки желтыхъ яблокъ.
Дѣвушки ѣдятъ эти яблоки.
Меня если бросишь, а другого полюбишь,—
Чтобъ не смочъ тебѣ найти дверей рая!

11. Слова не записаны.

12. Колыбельная. Пѣлась женщиной. Слова не записаны.

III. Пѣсни крымскихъ татаръ.

13. Записана лѣтомъ 1909 г. въ окр. Узеньбашикъ Симферопольскаго уѣзда.

Оксѣк мінарѣ,
Кашлары карѣ.
Алтын парѣ, кумѹш парѣ
Јолладым јарѣ.

* * *

Екі адым атып
Артыма бактым.
. . . . . коргѣн соң
Бајылдым (?) калдым.

* * *

Оксѣк мінарѣ
Тѹбѹндѣн каштым.
А кыз сѣниң ѣфкарыңдан
Пивалѣр (?) іштім.

Высокій минареть.
Брови ея черныя.
Золотыя деньги, серебряныя деньги
Послалъ я другу.

* * *

Два інага ступивъ,
Назадъ я оглянулся.
Увидѣвъ . . . . .,
Я упалъ въ обморокъ (?).

* * *

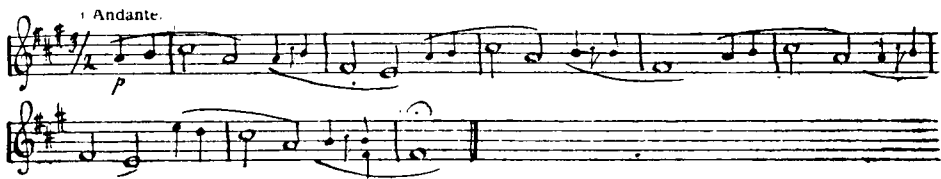
Подъ высокимъ минаретомъ
Я пробѣжалъ.
О, дѣвушка! съ мыслями о тебѣ
Я выпилъ пива (?).

[Эта пѣсня была весьма популярной въ Крыму, въ частности— въ Бахчисараѣ, въ 1912—13 гг.; она имѣетъ много вариантовъ для отдѣльных куплетовъ.—А. С.].

14. Записана лѣтомъ 1910 г. Пѣлась татаркой Фатимѣ, изъ дер. Узунджа Байдарской вол. Ялтинскаго уѣзда. Слова не записаны.

15. Записана лѣтомъ 1911 г. Пѣлась татаркой изъ дер. Саватка Байдарской вол. Ялтинскаго уѣзда. Слова не записаны.

Слѣдующія пѣсни записаны лѣтомъ 1911 г., пѣлись татаринѣмъ Сеферъ Али Челеби-джанъ-оглу изъ дер. Саватка Байдарской вол.

16.

Бакың, дослар, бәним кара җазыме
 Бү-дүңҗадә нәләр кәләр башыма
 Бән үлүрсәм бәҗит җазың дашыма
 Äjlän-a, sävdügüm, Mävläm kerim-dr.
 Äman, Mävläm! Säñ väñ bänim myradym.
 Ja väñ mradymy,
 Ja al çanymy!

* * *

Сабадан оҗрадым бән бір гузәлә,
 Гузәл аҗләтмәдә, кулдүрдү бәни.
 Уммас ідім сәндән бән бу кәрәмі...

Взгляните, друзья, на мою черную судьбу!
 Въ этомъ мірѣ что постигаетъ мою голову.
 Если я умру, напишите стихи на моемъ (могильномъ)
 камнѣ.

Подожди, моя возлюбленная, Господь милостивъ!
 Пощади, Боже мой! Даруй Ты, что я желаю.
 Или даруй, что я желаю,
 Или возьми мою душу.

Поутру повстрѣчался я съ одной красавицей.
Красавица не огорчила меня, а разсмѣшила.
Я не ожидалъ отъ тебя такой милости.

17. Припѣвъ.

Жамур жабар, су булань
... даблѣрі долань
Јурѣдігім дѣрт баблань
Кадам сѣнің цилбѣлѣрің
Бѣн чѣѣјім дугмѣлѣрің

* * *

Жамур жабар даш устѣнѣ
Калѣм ојнар каш устѣнѣ
Јар! нѣ дѣсѣң, баш устѣнѣ
Кадам сѣнің мѣмѣлѣрің
Бѣн сарајым іңцѣ бѣлің!

Дождь идетъ, вода мутится,
... горы обходить.
Сердечко мое страданьемъ сковывается.
Счастье—твой ласки.
Я разстегну твои пуговицы.

* * *

Дождь идетъ на камни,
Калямъ играетъ на бровяхъ.
Другъ! что бы ты ни сказалъ, я къ твоимъ услу-
гамъ.

Счастье—твой груди.
Я обойму твой тонкій станъ.

18.

Мѣјханѣнін шішѣлѣрі пѣрлѣјүр
Дохтур бѣшім јарѣлѣрім баблѣјүр

Гөмүр гөзлү баш уңунда аялајур.
Саула, дохтур, бән өләдәкмијим?
Өмәсәм, јарымі горадәкмијим?

* * *

Калатадан чәјүрдиләр јолумы
Баш он поліс бағладылар колумы
Аман, поліс гаўшәк бағла колумы,
Бән билірім хапысханә јолуны.

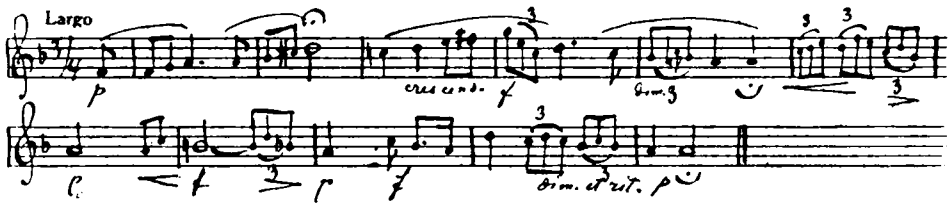
Бутылки питейнаго дома блестятъ.
Докторъ мои раны перевязываетъ.
(Красавица) съ глазами, какъ уголь, у изголовья пла-
четъ.

Скажи, докторъ, не умру ли я?
Коли я не умру, друга моего увижу ли я?

* * *

Пресѣкли мнѣ путь изъ Галаты,
Пять-десять полицейскихъ связали мнѣ руки.
Карауль! полиція, полегче связывай мнѣ руки,
Я знаю путь въ тюрьму.

19. Колыбельная.

Чәләк чапчак әрасы—
Ај, нині!
Јухласын чәләбинін баласы,
Ај, нині!

* * *

Аја дәсәң, јарашыр,
Ај, нині!
Гулбакчајы долашыр,
Ај, нині!

* * *

Балта балта дәмірләр,
Ај, нині!
Алла вәрсін өмүрләр!
Ај, нині!

Среди ведеръ и кадокъ—
баю-бай!
Пусть спитъ дитя господина,
баю-бай!

* * *

Если уподобить его мѣсяцу, подходитъ,
баю-бай!
По цвѣтнику онъ гуляетъ,
баю-бай!

* * *

Топоръ, топоръ,— желѣзо ¹⁾,
баю-бай!
Богъ да даруетъ жизнь,
баю-бай!

20. Тумалакъ.

Кашläpi карä kalämä баңзар,
Коәläpi сija зäйтуна баңзар.
Олур-исä, олсун—томалаңык олсун!
Истäрим: јанабында чүфтä гу! олсун!

* * *

Бән бир факыр јигитім, гицä күндүз кәзäрим
Гүәäl чиркин сајламам, сәүдүгүмi гөрәмәм.
Олур-исä, олсун—сәүдүңгүм олсун!
Истäрим: јанабында чүфтä баң олсун!

Брови ея черны, на „калямъ“ похожи.
Глаза ея черны, на оливы похожи.
Если есть (такая), пусть будетъ, (только) пусть
кругленкая будетъ.
Я хочу, чтобы на ея щекахъ было двѣ розы!

* * *

Я—бѣдный парень, день и ночь шатаюсь.
Красивыхъ, уродливыхъ не разбираю, своей возлюблен-
ной увидѣть не могу.

¹⁾ Ср. „Для крупнаго куска желѣза молотъ есть“. А. Диваевъ, Кирг. колыб. пѣсни, цит. изданіе, № 10.

Если есть (такая), пусть будетъ, (только) моей
возлюбленной пусть будетъ.
Я хочу, чтобы у ней на щекахъ пара родинокъ
была!

21.

Оксѣк мінарѣдѣн аттым бѣн бір таш.
Нѣ анѣм вар, не бабам вар, нѣ кардаш.

Съ высокаго минарета бросилъ я камень.
Ни матери у меня нѣтъ, ни отца, ни брата.

[Вариантъ этой пѣсни имѣется въ сборникѣ А. Олесницкаго:
„Пѣсни крымскихъ турокъ“ (— татаръ), стр. 5, № 5 и въ сборникѣ
Куноша „Oszmán-török népköltési gyűjtemény“ II, стр. 347, № 14.—А. С.]

22.

Чакырчы дабдан ѣнѣжур,
Корку нѣ-дир, бѣлмѣжур.
Бана чакырчы дѣрлѣр.
    Жар фѣдан бѣжлы,
    Мартинѣм фѣшѣнѣг долы.

* *

Арабам ѣкин долы
Табакам дѣтѣн долы
Бана дѣрлѣр чакырчы.
    Жар фѣдан бѣжлы,
    Ѧтрафым душман долы

* *

Мѣхмѣт дѣрлѣр адына,
Шѣкар уѣмас дадына,
Бѣнѣ уран бір нѣдѣ.

Јар фідан бојлы,
Ірмәсін мырадына!

Чакырджы съ горъ спускается,
Что такое страхъ, онъ не знаетъ.
Меня зовутъ „Чакырджы“.

Другъ—съ тонкимъ станомъ.
Мое ружье полно зарядовъ.

* * *

Арба моя жатвы полна,
Мой кисеть табаку полонъ.
Меня зовутъ „Чакырджы“.

Другъ—съ тонкимъ станомъ.
Вокругъ меня—враговъ полно.

* * *

Махметъ зовутъ его по имени.
Сахаръ ему не по вкусу.
Меня побившій—хаджи.

Другъ—съ тонкимъ станомъ.
Да не достигнетъ онъ своихъ желаній!

23.

Andantino.

Облағым, холуму саллама,
Нафилә бәним үчүн ағләмә,
Бәни бабам сана вәрмәјцәк.
Нафилә корүңи јоллама.

Ах, аман, аман!

* * *

Дәрәдә јылан отәр,
Бағдатта курма битәр,
Гүзәл јарың којнунда
Јапраксыз мәјва битәр

Ах, аман, аман!

* * *

Кабах кәнар, туз істәр,
Бәним цаным кыз істәр
Кыз олмаса, тул олсун,
... бәјаз олсун.

Ах, аман, аман!

Козленокъ мой, руки моей не трясн,
Напрасно изъ-за меня не плачь,
Меня отецъ мой за тебя не выдасть.
Напрасно свахи не посылай.

Ахъ, пощадите!

* * *

По долинь змѣя ползаетъ.
Въ Багдадѣ финики растутъ.
На груди у красиваго друга
Безъ листьевъ плоды растутъ.

Ахъ, пощадите!

* * *

Тыква варится, соли хочетъ.
Душа моя дѣвушки хочетъ.
Если не дѣвушки, такъ вдовушки.
... . пусть бѣлымъ будетъ.

Ахъ, пощадите!

24. Зампара.

Анија да бәним әлли дәрәм шәкәрім?
Сән сархуш, кәл, бән цәфаны чәкәрім
Јүрі јаурум, јүрі арслан јаурум, јүрі!
Кәчмәдімі буралардан Коңжалынын бірі?
Алдадылар чоңуңу вirmәділәр казы
Јанабында калмыш, аман, дiшләрінін ізі

* * *

Анија да бәним әлли дәрәм жофуртум?
Коңжалыдан бір чоңуңук дофурдым.
Јүрі јаурум, јүрі арслан јаурум, јүрі!
Кәчмәдімі буралардан зампаранын бірі.

* * *

Анија да бәним әлли дәрәм парасам?
Мумнар јакып бән јәрәмі әрасам,
Јүрі јаурум, јүрі арслан јаурум, јүрі!
Кәчмәдімі буралардан сарыхушун бірі.

Гдѣ же мои пятьдесятъ драхмъ сахару?
 Ты, пьяный, приди, я—страдаю!
 Ну, птенчикъ мой, ну, левъ-птенчикъ мой, ну!
 Не проходилъ ли здѣсь одинъ изъ Конійцевъ?
 Обманули мальчика, не дали . . . (?).
 На щекѣ у него остался, увы, слѣдъ его зубовъ.

* * *

Гдѣ же мои пятьдесятъ драхмъ іогурта?
 Отъ Конійца родила я одного ребеночка.
 Ну.....
 Не проходилъ ли здѣсь одинъ изъ волокитъ?

* * *

Гдѣ же мои пятьдесятъ драхмъ порея?
 Поищу-ка я своего друга, зажгя свѣчи.
 Ну.....
 Не проходилъ ли здѣсь одинъ изъ пьяныхъ?

25. Плясовая.

*) По объясненію пѣвшаго, „хайтарма“ слѣдуетъ послѣ всякаго танца и заключается въ ускореніи танца. Темпъ ея значительно быстрее.

В. Ө. Миллеръ, какъ этнографъ.

(Рѣчь на засѣданіи, посвященномъ его памяти, въ Этнографическомъ Отдѣленіи
И. Р. Географическаго Общества).

Еще одна область знанія претендуетъ на право и честь считать покойнаго Всеволода Өедоровича Миллера въ числѣ своихъ наиболѣе заслуженныхъ и славныхъ дѣятелей.

Эта область знанія—этнографія.

За славой ираниста, сравнительно-языковѣда, изслѣдователя языковъ и народовъ Кавказа и историка былевого эпоса,—за славой, наконецъ, популярнаго профессора, замѣстителя славной кафедрѣ славнаго Буслаева, остаются какъ бы въ тѣни заслуги В. Ө., какъ этнографа.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности всѣ его работы, начиная со студенческой работы „По поводу сказки о ворожеѣ“, продолжая Асвины-Діоскурами, Осетинскими и Татскими этюдами и кончая работами о былевомъ эпосѣ и сказкѣ, уже не говоря о такихъ чисто этнографическихъ работахъ, какъ «Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго музея», этюды о масленицѣ, объ обычномъ правѣ у карачаевцевъ или похоронныхъ обрядахъ у кавказскихъ народовъ и т. д.—развѣ всѣ эти главнѣйшія работы его жизни, являясь спеціальными работами въ области отдѣльных дисциплинъ, въ то же время не являются такими же вкладами въ науку этнографіи?

Развѣ вопросъ о взаимодѣйствіи и миграціи сюжетовъ—не важнѣйшій вопросъ также и этнографіи?

Или возьмите его Осетинскіе или Татскіе этюды.

Я уже не говорю о тѣхъ частяхъ этюдовъ, особенно осетинскихъ, которыя трактуютъ о вѣрованіяхъ или сложныхъ историко-этническихъ проблемахъ древнѣйшихъ судебъ юга Россіи и Кавказа: значеніе этихъ частей для этнографіи очевидно.

Но даже чисто лингвистическая часть—транскрибированные тексты, переводъ столь ясный и въ то же время столь близкій къ подлиннику и, наконецъ, богатая фольклористическія примѣчанія къ текстамъ—развѣ это не образецъ того, что требуется отъ современнаго ученаго этнографа, отъ котораго прежде всего ждутъ глубокаго знанія языка, научной фонетической передачи текста, яснаго и лингвисти-

чески точнаго перевода, одухотвореннаго проникновеннымъ пониманіемъ быта и духа изучаемаго народа?

Не даромъ лингвистическіе этюды В. Θ. явились образцами для слѣдующаго поколѣнія этнографовъ.

Когда я 13 лѣтъ тому назадъ пріѣхалъ въ Петербургъ и впервые познакомился съ издаваемыми Академіей Наукъ фольклорными работами нашихъ этнографовъ Дальняго Востока, Богораза и Іохельсона, то съ перваго взгляда я съ глубокимъ удовлетвореніемъ убѣдился, что эти прекрасныя работы выполнены даже съ внѣшней стороны по образцу изданныхъ ранѣе Академіей же осетинскихъ и татскихъ этюдовъ.

И такъ во всѣхъ работахъ В. Θ.: всюду чувствуется этнографъ, и въ каждой изъ нихъ этнографъ найдетъ для себя что-нибудь важное, цѣнное.

И не случайно этотъ всесторонне талантливый человекъ, начавши со сравнительнаго языкознанія, все болѣе и болѣе проникался проблемами и интересами этнографіи.

Безспорно, на немъ сказалось вліяніе его знаменитаго учителя Буслаева, такъ много сдѣлавшаго для русскаго фольклора и этнографіи, но были причины и болѣе общаго характера.

То было время, когда сравнительное языковѣдѣніе, съ котораго В. Θ. началъ свой научный путь, устремилось изъ тѣснаго круга чистой филологіи на заманчивый путь исканій въ области сравнительной культуры арійскихъ народовъ, основавъ двѣ новыхъ гуманитарныхъ дисциплины—Сравнительнаго изученія религіи и Сравнительной мнѳологіи.

То было время, когда въ области историческаго знанія съ такимъ блескомъ выступила такъ называемая антропологическая школа, произведшая такой глубокій переворотъ въ цѣлыхъ областяхъ гуманитарныхъ наукъ. Это было время, когда впервые въ явленіяхъ примитивной культуры стали видѣть настоящій ключъ къ пониманію позднѣйшаго, новѣйшаго,—ключъ къ пониманію самаго процесса развитія культуры.

И эти новыя теченія не могли не сказаться на такомъ умственно-чуткомъ и разностороннемъ человекѣ, какимъ былъ В. Θ., и съ тѣмъ большей силой, что всѣ его интересы, какъ мы видѣли, съ первыхъ же шаговъ тяготѣли къ этнографіи.

У В. Θ. было такое же тяготѣніе къ этой области знанія, какъ и у его стараго друга и товарища молодости, здѣсь среди насъ присутствующаго, славнаго государствовѣда и соціолога, М. М. Ковалевскаго.

И если М. М. это тяготѣніе привело къ эмбриологіи права, то В. Θ. оно привело къ эмбриологіи эпоса.

Ограниченность времени, имѣющагося сегодня въ моемъ распо

ряженіи, не позволяетъ мнѣ, къ сожалѣнію, очертить передъ вами хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ все то, что внесъ В. Θ. своими общими трудами въ самыя различныя области этнографіи. Это значило бы въ сущности коснуться всѣхъ главнѣйшихъ трудовъ всей столь научно-плодотворной жизни В. Θ. Да въ этомъ и нѣтъ надобности: труды эти слишкомъ извѣстны и далеко за предѣлами одной этнографіи, и о нихъ тутъ, кромѣ того, говорили и будутъ говорить спеціалисты самыхъ различныхъ отраслей знанія.

Позвольте, поэтому, коснуться сегодня только той стороны дѣятельности В. Θ., которая посвящена была исключительно спеціальнымъ интересамъ этнографіи.

Здѣсь именно мы яснѣе всего увидимъ то постоянное тяготѣніе В. Θ. къ этнографіи, о которомъ я упомянулъ раньше, — тяготѣніе, проявившееся съ первыхъ шаговъ его научной дѣятельности.

Я имѣю въ виду его многолѣтнее руководство двумя этнографическими учрежденіями въ Москвѣ—Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія и Дашковскимъ Этнографическимъ Музеемъ.

Начну съ послѣдняго.

Это было въ 1884 г. В. Θ. успѣлъ уже защитить докторскую диссертацию, состоялъ профессоромъ въ университетѣ, былъ предсѣдателемъ Этнографическаго Отдѣла, и нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ только-что вернулся изъ 3-ей поѣздки къ осетинамъ, гдѣ, сопутствуемый М. М. Ковалевскимъ, занимался собираніемъ матеріала для осетинскаго словаря.

При такихъ обстоятельствахъ, среди разгара профессорской дѣятельности и кабинетныхъ работъ, поглощавшихъ все его время, онъ принимаетъ скромную должность хранителя Дашковского Этнографическаго Музея.

Что могло толкнуть В. Θ., перегруженного занятіями, на скромную, кропотливую, черную работу хранителя музея, какъ не исключительное „тяготѣніе“ къ этнографіи?

Тяжелая задача выпала на его долю.

Прежде всего въ чисто техническомъ отношеніи. Изъ прекрасныхъ коллекцій, собранныхъ съ такимъ трудомъ и усиліями, только часть была выставлена, другая была запрятана въ сундукахъ, недоступная ни для обозрѣнія публики ни для научнаго изученія, а всѣ коллекціи въ совокупности были подъ вѣчнымъ страхомъ медленной гибели отъ пыли и моли.

Не надо быть музейнымъ работникомъ, чтобы представить себѣ, что долженъ былъ испытывать такой пылкій этнографъ, какъ В. Θ., получивъ въ такомъ видѣ драгоценный научный матеріаль.

Съ большимъ трудомъ В. Θ. удалось отвоевать лишній залъ и, благодаря расширенію помѣщенія, не только ввести большую систе-

матичность въ выставленномъ матеріалѣ, но и спасти отъ забвенія и тлѣна запытаннныя цѣнныя собранія, какъ передъ тѣмъ ему удалось спасти отъ вѣрной гибели послѣдніе остатки героическаго эпоса осетинъ.

Далѣе, предстала задача еще болѣе серіозная,—задача на этотъ разъ чисто научнаго характера.

Въ томъ видѣ, въ какомъ В. Θ. засталъ Музей, гдѣ предметы были выставлены въ грубо - географическомъ порядкѣ, Музей былъ совершенно лишенъ научнаго характера.

„Географическое размѣщеніе коллекцій,—писалъ В. Θ. въ 1887 г.¹⁾—удовлетворяющее лишь бѣглому обзору типовъ народностей и бытовой обстановки, не соотвѣтствовало строго-научному методу изученія этнографіи. Необходимо было предпринять болѣе систематическое размѣщеніе коллекцій, при которомъ каждая народность съ бытовыми предметами, ей принадлежащими, занимала бы мѣсто среди ближайшесродственныхъ ей народностей того же племени.

„Такимъ образомъ, географическое размѣщеніе уступило мѣсто этнографическому. Проведеніемъ этнографическаго принципа имѣлось въ виду приспособить Дашковскій этнографическій музей къ цѣлямъ систематическаго изученія этнографіи, которое, съ основаніемъ при университетѣ кафедры географіи и этнографіи, должно развиваться въ ближайшемъ будущемъ, какъ предметъ университетскаго преподаванія“.

Эта цитата очень характерна не только для пониманія роли В. Θ. въ дѣлѣ научнаго преобразованія Дашковскаго музея: она характеризуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно исключительное для того времени по своей широтѣ воззрѣніе на научное значеніе этнографіи вообще и этнографическихъ музеевъ въ дѣлѣ постановки университетскаго преподаванія въ частности.

Оставалось еще одно важнѣйшее и труднѣйшее дѣло—разобраться въ огромномъ матеріалѣ, собранномъ со всѣхъ концовъ лицами, чаще всего мало компетентными,—матеріалѣ, плохо каталогизированномъ и дефектно опредѣленномъ, научно разработать его и описать, слѣлавъ его вмѣстѣ съ тѣмъ общимъ достояніемъ ученаго міра.

Эту работу В. Θ. выполнилъ въ своемъ „Систематическомъ описаніи коллекцій Дашковскаго Этнографическаго музея“²⁾.

Подъ этимъ скромнымъ названіемъ скрывается обширный научный трудъ, потребовавшій отъ В. Θ. десяти лѣтъ работы, трудъ, который за два десятилѣтія, протекшія со времени его появленія, не только не потерялъ своей цѣнности, но остается пока единствен-

---

¹⁾ Предисловіе къ „Систематическому описанію Дашковскаго музея“, стр. XII, XIII.

²⁾ Всего вышло (1887—1895 гг.) 4 выпуска.

нымъ изъ работъ этого рода въ Россіи. И не только у насъ, ибо на западѣ, гдѣ этнографія сдѣлала столь блестящіе успѣхи, гдѣ имѣются сотни прекрасныхъ музейныхъ специалистовъ, труды этого рода крайне рѣдки. Я уже сказалъ, что скромное названіе этой работы совершенно не соотвѣтствуетъ ни цѣнности ея содержанія ни обширности вложеннаго въ нее труда. По тому времени составленіе даже простыхъ описаній этнографическихъ предметовъ представляло необычайныя трудности. Для нѣкоторыхъ отдѣловъ и самыхъ главныхъ, именно славянскихъ народностей Россіи — за отсутствіемъ музейно-регистраціоннаго и литературнаго матеріаловъ — пришлось прибѣгнуть къ специальнымъ анкетамъ. Такъ, III выпускъ, посвященный славянскимъ народамъ Россіи (великороссамъ, бѣлоруссамъ, малороссамъ и полякамъ) составленъ исключительно на основаніи цѣлой тысячи отвѣтовъ народныхъ учителей на анкетный листъ, разосланный во всѣ концы Россіи В. Θ. Разработанный на основаніи этихъ отвѣтовъ матеріаль до сихъ поръ составляетъ цѣнный первоисточникъ среди скудной литературы по матеріальному быту славянскихъ народовъ Россіи. По другимъ отдѣламъ — инородческому и западно-славянскому — пришлось перерыть обширную специальную литературу на русскомъ и иностранномъ языкахъ. И въ результатъ получился не каталогъ, а цѣлая описательная этнографія Россіи и славянскихъ народовъ, или, какъ выразился справедливо самъ В. Θ., получилось „пособіе къ изученію внѣшняго быта народностей, населяющихъ Россію, поскольку быть послѣднихъ представленъ коллекціями музея“ ¹⁾.

Но В. Θ. не ограничился одними описаніями. Помимо краткихъ характеристикъ для каждой изъ 119 народностей, вошедшихъ въ „Описаніе“, дана довольно обширная для того времени библіографія, предназначенная служить пособіемъ для будущаго поколѣнія этнографовъ.

Съ великой признательностью должны нынѣшніе этнографы, въ распоряженіи которыхъ теперь имѣются цѣнные обширные сборники по библіографіи, вспомнить ту кропотливую работу, которую выполнили въ свое время единолично В. Θ. и ради которой ему пришлось съ великимъ трудомъ урывать время отъ другихъ своихъ самыхъ разнообразныхъ научныхъ работъ, единственно изъ сознанія, какъ онъ выражается, что эта работа „несомнѣнно можетъ быть полезна любителямъ и изслѣдователямъ этнографіи“ ²⁾.

Еще и теперь многіе москвичи, работавшіе въ то время въ Румянцевскомъ музеѣ, расскажутъ вамъ про то, какъ В. Θ. не пропустилъ ни одного дня, чтобы не явиться сейчасъ послѣ университета

---

¹⁾ Предисловіе къ „Систем. описанію“, стр. I.

²⁾ Тамъ же.

въ бібліотеку и часами рыться среди книжной и газетной пыли, откапывая матеріалъ для своей бібліографіи.

Таково было его тяготѣніе къ дѣлу этнографіи въ Россіи!

Перехожу къ руководительству В. Θ. Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ.

Съ 1881 г., въ теченіе 33 лѣтъ, онъ безсмѣнно стоялъ во главѣ этого учрежденія, столь много сдѣлавшаго по фольклору и этнографіи Россіи и группировавшаго вокругъ себя всю такъ называемую московскую этнографическую школу, общепризнаннымъ главою и создателемъ которой былъ В. Θ.

Необыкновенно счастливо сочетались въ немъ всѣ данныя, необходимыя для научнаго руководителя вообще и въ области этнографіи въ частности. Прежде всего, особенно цѣнна была въ немъ, какъ руководитель, его необычайно разносторонняя научная образованность, столь необходимая для того, чтобы самому ориентироваться и руководить въ такихъ энциклопедическихъ отрасляхъ знанія, какъ этнографія и фольклоръ. Въ этомъ отношеніи едва ли онъ имѣлъ равнаго себѣ въ Россіи. Во время дискуссій не разъ приходилось поражаться богатствомъ его знаній въ такихъ областяхъ, которыя казались совершенно чуждыми кругу его собственныхъ научныхъ интересовъ.

Вспоминаю его первое появленіе еще въ качествѣ гостя въ нашей средѣ—здѣсь, въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія. Дискутировался докладъ о примѣненіи статистическаго метода въ вопросѣ о заимствованіяхъ въ культурахъ африканскихъ негровъ. Одно замѣчаніе В. Θ. о древнѣйшихъ связяхъ между культурами Индіи и Африки, подкрѣпленное цѣнными данными изъ области исторіи и этнографіи, сразу перенесло вопросъ изъ области гаданій на твердую почву исторіи и фактовъ.

Эта же разносторонность поразила меня во время бесѣды при посѣщеніи имъ академическаго музея этнографіи. Въ каждомъ отдѣлѣ В. Θ. не только проявлялъ живѣйшій научный интересъ, но всегда какъ разъ болѣе всего останавливался на томъ, что особенно интересуетъ специалистовъ въ данной области.

Другая, не менѣе цѣнная черта—это его научная чуткость, широта и свѣжесть мысли, не дававшая ему, какъ это часто случается со многими специалистами, застывать на разъ навсегда принятыхъ теоріяхъ и доктринахъ,—даръ непрерывнаго развитія и движенія. Онъ началъ въ фольклорѣ и міѳологіи съ Куна и сумѣлъ съ громаднымъ интересомъ и сочувствіемъ слѣдить до послѣдняго дня за всѣми новѣйшими теченіями антропологической школы. Отсюда его широкая научная терпимость, столь необходимая для руководителя смѣняющихся поколѣній, отсюда непрерывавшійся до конца жизни живой, радостный научный контактъ съ ученой молодежью.

Наконецъ, у него былъ цѣнный даръ привлекать людей. У него

было то природное благожелательство, которое не дается никакой тренировкой, которое является истинным даром Божиимъ. Какъ тепло онъ умѣлъ относиться къ научнымъ работникамъ, даетъ нѣкоторое представление слѣдующая цитата изъ доклада его о положеніи этнографіи въ Россіи:

„Спросимъ теперь себя,—говорилъ В. Θ.,—откуда берутся эти многочисленные работники въ области этнографіи, эти лица, присылающія ученымъ обществамъ свои наблюденія, записи, коллекціи, обогащающія наши музеи. Эти скромные труженики, разсѣянные по всему лицу русской земли, эти добровольцы науки, совершающіе добровольныя, нерѣдко недобровольныя, поѣздки въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ Россіи,—принадлежатъ просвѣщенному классу народа, такъ наз. интеллигенціи. Интересъ къ этнографическимъ наблюденіямъ поддерживается и питается въ этомъ классѣ работниковъ не однимъ научнымъ влеченіемъ, а главнымъ образомъ глубокимъ сочувствіемъ къ жизни низшихъ слоевъ народа, сохраняющихъ въ своемъ быту много переживаній старины, и высоко гуманнымъ отношеніемъ нашего общества къ инородческому населенію Россіи. Этой духовной работой нашей интеллигенціи мы имѣемъ полное право гордиться.

„Едва ли въ какой-либо другой культурной странѣ мы найдемъ такіе кадры труженниковъ, работающихъ безвозмездно, ради идеи и поставленныхъ притомъ въ тяжелыя матеріальныя, иногда нравственныя условія. Едва ли въ другой европейской странѣ этнографія такъ мало обременяетъ государственный бюджетъ, какъ въ нашемъ отечествѣ“¹⁾.

Но благожелательство у В. Θ. не ограничивалось только „чувствами“ и добрымъ отношеніемъ къ людямъ: оно было въ полномъ смыслѣ слова дѣйственнымъ. Онъ привлекалъ людей не только своимъ энтузіазмомъ, своей любовью къ этнографіи, своей личной обаятельностью, но и всегдашней готовностью помогать всѣмъ и каждому своимъ совѣтами и трудомъ. Въ предисловіи къ 1 выпуску извѣстныхъ „Сборниковъ матеріаловъ по этнографіи, издаваемыхъ при Дашковскомъ Этнографическомъ музеѣ“, В. Θ., призывая мѣстныхъ дѣятелей къ собиранію этнографическихъ матеріаловъ, сообщаетъ своимъ будущимъ сотрудникамъ, что „литературную обработку присланныхъ матеріаловъ редація принимаетъ на себя“, и проситъ авторовъ, „не стѣсняясь формой изложенія, сосредоточить все свое вниманіе на точности сообщаемыхъ данныхъ“.

Всякій, кто имѣлъ дѣло съ грудями сырого этнографическаго матеріала, въ такомъ изобиліи присылаемаго съ мѣстъ столь часто въ

---

¹⁾ „Вступительное слово при открытіи подсекціи этнографіи на XII-омъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей“ (Этногр. Обзор., 1909, № 4, стр. 5).

самомъ примитивномъ вплоть до безграмотности видѣ, сумѣть оцѣнить ту громадную работу, которую принялъ на себя В. Θ., и ту силу поощренія, которую получалъ въ своей работѣ самый скромный работникъ на нивѣ этнографіи...

Если такъ тепло В. Θ. умѣлъ относиться къ „дальнимъ“, незнакомымъ ему людямъ, проявившимъ интересъ къ этнографіи, то что уже говорить о тѣхъ, которые окружали его въ родной Москвѣ. Здѣсь силой своей обаятельной личности и своего научнаго энтузіазма онъ сумѣлъ сгруппировать вокругъ себя для научной работы цѣлый кадръ какъ своихъ многочисленныхъ слушателей и слушательницъ, такъ и сотрудниковъ по Этнографическому Отдѣлу для дружной и совмѣстной работы. И безъ преувеличенія можно сказать: если въ Москвѣ выросъ широкій интересъ къ этнографіи, какъ нигдѣ въ Россіи, если въ Москвѣ возможно стало университетское преподаваніе этнографіи, если въ Москвѣ стали возможны такіе преподаватели, какъ Николай и Вѣра Харузины, то этимъ она обязана главнымъ образомъ В. Θ.

Не могу при этомъ не напомнить про одну особенную заслугу В. Θ. въ этой области. Ему первому пришла счастливая мысль привлечь изъ среды учащейся молодежи представителей различныхъ народностей Россіи и славянскихъ странъ для изученія культуры и фольклора родныхъ имъ народовъ. Благодаря этой счастливой мысли, русская этнографія обогатилась цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ работъ лицъ, интимно знакомыхъ съ языкомъ и жизнью описываемыхъ народовъ. Дашковскіе сборники, издававшіеся В. Θ., наполнены статьями почти исключительно такихъ компетентныхъ работниковъ, которые заинтересовались своимъ собственнымъ народомъ только благодаря воздѣйствію В. Θ.

Остается еще напомнить о славной дѣятельности руководимаго въ теченіе 33-хъ лѣтъ В. Θ. Этнографическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія и объ его органѣ—„Этнографическомъ Обзорѣніи“, въ который В. Θ. вложилъ столько труда и какъ редакторъ и какъ авторъ безчисленныхъ статей и рецензій. Эта дѣятельность достаточно хорошо извѣстна всей Россіи.

Ограничусь поэтому только нѣсколькими цифрами за одно ближайшее десятилѣтіе (1898—1908 гг.). На засѣданіяхъ Отдѣла за этотъ періодъ было сдѣлано болѣе 200 сообщеній,—не считая 50 сдѣланныхъ въ музыкальной комиссіи этого Отдѣла, —вышло 40 томовъ „Этнографическаго Обзорѣнія“ и было предпринято до 70 этнографическихкихъ поѣздокъ ¹⁾...

Вмѣстѣ съ благодарной памятью о В. Θ., какъ о замѣчательномъ ученомъ, этнографѣ и фольклористѣ, навсегда останутся памятными

---

¹⁾ Ср. „Этногр. Обзорѣніе“, 1909 г., № 4, стр. 3.

незабвенныя услуги, оказанныя имъ въ качествѣ руководителя двухъ крупнѣйшихъ этнографическихъ учреждений въ Россіи и главы и вдохновителя московской этнографической школы.

Позвольте въ заключеніе воздать должное памяти В. Θ. отъ имени нашего Этнографическаго Отдѣленія, которымъ онъ руководилъ со времени переѣзда своего въ Петербургъ. Не долго суждено было намъ пользоваться его руководствомъ, но мы никогда не забудемъ глубокой разносторонности, которую онъ вносилъ въ многообразные вопросы, здѣсь обсуждавшіеся, горячаго интереса, проявленнаго имъ къ дѣламъ нашего Общества, и той атмосферы обаятельнаго благожелательства, которую онъ внесъ въ нашу среду. Еще двѣ недѣли тому назадъ въ этомъ самомъ залѣ, гдѣ мы теперь собрались для печальнаго торжества, мы работали подъ его руководствомъ, и онъ, живой и бодрый, какъ всегда, дѣлился съ нами своими богатыми знаніями по веддійской мнѳологіи. Ничто не предвѣщало, что мы такъ скоро лишимся его.

Теперь его нѣтъ, но духъ его, его горячая любовь въ наукѣ, его аучные завѣты и его научное наслѣдіе останутся съ нами.

Л. Штернбергъ.

Критика и библиографія.

б. Р. Кедрина. Обрядъ „крещенія“ и „похоронъ кукушки“ въ связи съ народнымъ кумовствомъ. „Этн. Обзор.“ 1912.

Послѣдній выпускъ „Этнографическаго Обозрѣнія“ (1912 г. № 1—2) представляетъ нѣкоторую цѣнность по своему содержанію: шесть статей (Н. С. Арсеньева, Р. Е. Кедринной, В. Н. Харузиной и А. А. Носовой, Е. Н. Елеонской и Вл. Вл. Богданова) касаются одной или очень близкихъ между собою темъ. Г-нъ Арсеньевъ обзрѣваетъ тексты сакральныхъ плачей надъ умирающимъ богомъ, главнымъ образомъ въ древнихъ передне-азиатскихъ культахъ. Вл. Вл. Богдановъ даетъ рецензію на книгу д-ра Арnaudова—Студии върху българскитѣ обреди и легенди,—касающуюся болгарскихъ празднествъ, аналогичныхъ адоніямъ и русскимъ купальскимъ обрядностямъ. Наконецъ, г-жа Кедрина предлагаетъ детальное изслѣдованіе обряда „крещенія“ и „похоронъ кукушки“ въ связи съ народнымъ кумовствомъ. При этомъ авторъ пользуется уже новыми записями обряда, напечатанными въ той же книжкѣ остальными изъ переименованныхъ лицъ. До послѣдняго времени обрядъ „похоронъ кукушки“ былъ со-всѣмъ неизвѣстенъ изслѣдователямъ. Въ 1908 г. появилась запись обряда, напечатанная В. Я. Кошкарнымъ въ книгѣ „Географич. очерки Калуж. губ.“ (Кал. 1908 г.); въ 1909—1911 гг. были произведены еще четыре записи обряда г-жей Кедринной въ той же Калуж. губ., В. Н. Харузиной и А. А. Носовой въ Орловск. губ. и Е. И. Елеонской въ Тульск. и Кал. губ. До сихъ поръ съ именемъ „кукушки“ былъ извѣстенъ другой обрядъ—„крещеніе кукушки“ (библиограф. обзоръ его записей (17) данъ г-жей Кедринной на стр. 108). Обрядъ этотъ—пользуюсь словами г-жи Кедринной—„въ общихъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ: дѣвушки и молодыя женщины идутъ въ лѣсъ, однѣ безъ мужчинъ; тамъ находятъ себѣ травку „кукушку“, дѣлають изъ нея куклу, нарядивъ ее въ сарафанъ, или просто свиваютъ ее вѣнкомъ; цѣлуются надъ нею, мѣняются крестами, яйцами, платками и становятся кумами. Потомъ слѣдуетъ общая ѣда, причемъ въ числѣ необходимыхъ кушаній—непремѣнно яичница, какъ это бываетъ во многихъ весеннихъ обрядахъ. Затѣмъ приходятъ мужчины,

присоединяются къ дѣвушкамъ, водятъ вмѣстѣ хороводы, поютъ обыкновенныя весеннія пѣсни, и на этомъ празднество кончается. Здѣсь нѣтъ ни похоронъ ни вырыванія „кукушки“, и самая кукушка часто получаетъ видъ обыкновеннаго тропцкаго вѣнка (Кедрина, стр. 111). Согласно новымъ записямъ обряда, помимо крещенія, совершаются похороны „кукушки“ (причемъ, по свидѣт. г-жи Кедриной, въ Калуж. губ. первоначально подъ кукушкой подразумѣвалось чучело настоящей птицы—кукушки; теперь же это чучело замѣняется травой „кукушкины слезы“ и др.). Обрядъ похоронъ состоитъ въ томъ, что дѣвицы или молодыя бабы, какъ и въ обрядѣ крещенія, наряжаютъ корень травы (раньше чучело птицы) въ женскій костюмъ, кумуются надъ этой куклой и затѣмъ зарываютъ ее въ лѣсу (раньше на кладбищѣ), предварительно положивъ ее въ сдѣланный по заказу гробикъ (въ нѣкот. мѣстностяхъ въ какую-нибудь коробку). Въ Троицынъ день „кукушку“ вырываютъ; кумы дарятъ другъ другу бусы, орѣхи, подсолнухи и возвращаютъ платки, которыми обмѣнялись при крещеніи кукушки. Иногда кукушку оставляютъ на деревѣ, иногда уносятъ домой для будущихъ похоронъ. Таково въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе обрядовъ (Кедр., стр. 100—112). Въ своей статьѣ г-жа Кедрина пытается дать историческое и этнографическое объясненіе этихъ обрядовъ. Присмотрѣвшись къ времени совершенія обряда, она приходитъ къ заключенію, что обрядъ похоронъ кукушки—весенній; цитируя нѣсколько разъ Фрэзера, г-жа Кедрина сближаетъ похороны кукушки съ извѣстными уже аграрными празднествами—русскими адоніями, купальскими обрядами (стр. 114—118). Поэтому, слѣдовало бы ожидать, что, дѣлая указанный выводъ, г-жа Кедрина тѣмъ самымъ дастъ блестящее подтвержденіе интересной гипотезѣ А. Н. Веселовскаго, возводившаго извѣстные на Руси виды кумовства къ купальской обрядности: мы видѣли, что въ похоронахъ кукушки кумовство играетъ огромную роль. Исходя изъ подробнаго анализа празднествъ въ честь Іоанна Кр. на Западѣ и основываясь на распространенности тамъ обычая кумиться въ Ивановъ день, на многочисленныхъ свидѣтельствахъ объ Іоаннѣ Крестителѣ, какъ покровителѣ кумовства, А. Н. Веселовскій и въ русскомъ кумовствѣ видѣлъ (правда, сильно измѣненные) пережитки эротическаго элемента въ купальскихъ обрядахъ, аналогичныхъ адоніямъ. Однако, прямыхъ свидѣтельствъ о кумовствѣ именно въ это время онъ не имѣлъ. „У насъ нѣтъ свидѣтельства—говорилъ А. Н. Веселовскій—объ ивановскомъ кумованіи въ русскихъ обрядахъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи существуетъ обычай между женщинами кумиться и дружиться въ Петровъ день, на лугу, причемъ онѣ водятъ хороводы, цѣлуются и мѣняются крестами“ (Веселовскій, „Гетеризмъ, побратимство и кумовство въ купальной обрядности“. Журн. М. Н. Пр. 1894, февр., стр. 316). Если же тѣсно сближать похороны кукушки съ похоронами

чучель Купалы (въ Ивановъ день) или аналогичныхъ ему чучель Костромы, Ярилы и, согласно Веселовскому (ib., стр. 310), не придавать большого значенія хронологической разницѣ, то мы въ похоронахъ кукушки находимъ то совпаденіе купальской обрядности и кумовства, которое доказывать, но не могъ подтвердить наличными фактами покойный ученый. Но г-жа Кедрина не раздѣлила точки зрѣнія А. Н. Веселовскаго и выдвинула (см. стр. 122 и сл.) собственное объясненіе кумовства, связаннаго съ „крещеніемъ“ и „похоронами кукушки“. По ея мнѣнію, нельзя выводить обычай кумовства только изъ весенней обрядности, какъ это дѣлалъ Веселовскій, считавшій, что кумовство замѣнило „собою другія болѣе реальныя черты натуралистическаго культа“. Г-жа Кедрина пытается разграничить нѣкоторые виды кумовства на Руси и кумовство на западѣ. Такъ, она утверждаетъ, между прочимъ, что „позднѣйшее западное кумовство сохраняетъ тотъ же характеръ ухаживанія, которое происходитъ между лицами разнаго пола, и что браки между кумомъ и кумою очень обычны и не запрещаются ни церковью ни народными воззрѣніями“ (стр. 122); между тѣмъ, въ русскомъ кумовствѣ будто бы бросается въ глаза отсутствіе эротическаго элемента, и „оно слишкомъ тѣсно связано съ другимъ видомъ духовнаго родства — побратимствомъ“ (стр. 123). Но это различіе между кумовствомъ западнымъ и русскимъ оказывается мнимымъ, такъ какъ въ той же статьѣ Веселовскаго, о которой мы упоминали, можно найти ясныя опроверженія мнѣнія г-жи Кедринной. И на западѣ часто кумуются лица одного пола (и это, какъ указываетъ Веселовскій, является результатомъ „эволюціи бытовыхъ формъ“) — см. стр. 393, а также стр. 394 и 395 („двое ребятъ одного пола“, кумовство двухъ женщинъ, дѣвушекъ между собою и др.); любовная связь кума съ кумой считается грѣхомъ (напр., въ Венеціи — см. Веселовскій, о. с., стр. 396—397) и т. д. Съ другой стороны, и въ Россіи кумуются также лица разнаго пола (см. Аничковъ, II, 204). Поэтому, видѣть въ русскомъ кумовствѣ нѣчто особенное, исключительное не приходится; также не приходится, вопреки мнѣнію г-жи Кедринной (стр. 123), рѣзко раздѣлять и два вида кумовства: съ эротическимъ элементомъ и безъ него, такъ какъ одинъ могъ тѣсно вытекать изъ другого, слѣдуя „эволюціи бытовыхъ формъ“. Раздѣливъ виды кумовства, г-жа Кедрина идетъ далѣе и пытается отдѣлить другъ отъ друга, казалось бы, тѣсно слитые обряды „крещенія“ и „похоронъ“ кукушки. Въ связи съ этой попыткой, г-жа Кедрина дѣлаетъ обширный экскурсъ въ область исторіи кумовства и побратимства (стр. 124—133), а затѣмъ выясняетъ вопросъ, почему предметомъ крещенія въ изучаемомъ обрядѣ является кукушка (стр. 133—136). Согласно съ разсужденіями г-жи Кедринной (вполнѣ допустимыми), „въ искусственное родство чаще вступали люди одинокіе, не имѣющіе настоящаго родства“; кукушка — образъ одинокой женщины; „обрядъ же кумовства

это—средство найти себѣ подругу, сестру, куму“. Далѣе авторъ выясняетъ, что, по его мнѣнію, въ обрядѣ крещенія кукушки скрѣпляло кумовство. Такими средствами, по его мнѣнію, могли быть: 1) трава, имѣвшая, навѣрное, любовное значеніе, 2) совмѣстное хожденіе за травой, 3) другіе обряды: поцѣлуй, обмѣнъ платками, кольцами, сплетеніе руками и т. д., 4) впоследствии союзъ кумовства стали скрѣплять обрядомъ крещенія со всѣми его церковными атрибутами. Обмѣну подарками г-жа Кедрина придаетъ огромное значеніе, а во взаимномъ возвращеніи подарковъ видитъ ритуальный смыслъ—раскумленіе. Но имѣющіяся въ ея распоряженіи данныя не даютъ основаній дѣлать подобныя заключенія. Отдача подарковъ, можетъ-быть, вовсе не являлась существенной частью ритуала и не имѣла другого значенія, какъ просто—окончаніе праздника; кромѣ того, она могла быть явленіемъ позднѣйшимъ. Въ заключеніе своей статьи г-жа Кедрина формулируетъ такъ свои выводы: I. „Крещеніе кукушки“ можно разсматривать, какъ соединеніе двухъ обрядовъ: а. Первый обрядъ—похороны и вырываніе куклы—имѣетъ широкое значеніе: это—обрядъ весенній, аграрный, имѣющій цѣлью увеличить производительность природы. в. Второй обрядъ—„крещеніе кукушки“ (названіе относится только къ нему)—есть случай вступленія въ искусственное родство при помощи совмѣстнаго выполненія общаго дѣла (отыскиваніе травы), обмѣна поцѣлуями, предметами и крещенія куклы. II. Причина соединенія этихъ двухъ обрядовъ: а. Оба обряда состоятъ изъ двухъ моментовъ: похороны и вырываніе съ одной стороны, и кумовство и раскумленіе съ другой. в. Центральную роль въ обоихъ обрядахъ играетъ разукрашенная кукла, сдѣланная изъ зелени. с. Соединеніе въ пары мужчинъ и женщинъ въ аграрномъ обрядѣ—„весеннее кумовство“ (приходъ парней къ дѣвушкамъ—остатки его)—могло притянуть обрядъ „кумовства—побратимства“, который служитъ основой „второго празднества“ (стр. 139).

Но мы, какъ было сказано выше, не можемъ согласиться съ раздѣленіемъ одного обряда на два разныхъ, генетически связанныхъ видовъ кумовства на два совершенно чуждыхъ другъ другу, считаемъ искусственнымъ созданіе обряда (и термина) „раскумленія“, а также не можемъ думать, чтобы кукла была органичнымъ элементомъ для обряда побратимства, если бы даже и можно было считать его стоящимъ внѣ генетической связи въ весенней обрядности. Кукушка—могла быть позднѣйшей осмысленной (на основаніи символическаго значенія птицы кукушки) замѣной купальскаго чучела съ другимъ названіемъ. (Признавая большое значеніе вновь занисаннаго обряда нельзя не высказать, однако, сожалѣнія, что г-жа Кедрина не съ достаточнымъ вниманіемъ отнеслась къ глубокой по содержанію статьѣ акад. А. Н. Веселовскаго).

Ю. Соколовъ.

6. **Даніиль Святскій.** Подъ сводомъ хрустальнаго неба. Очерки по астральной міеологіи въ области религіознаго и народнаго міровоззрѣнія. Съ 15 рис. въ текстѣ. Спб. 1913. 187. 8°.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія вышелъ въ свѣтъ цѣлый рядъ книгъ, посвященныхъ „астральному“ или историко-астрономическому объясненію міеовъ и легендъ, главнымъ образомъ—библейскихъ сказаній. Разумѣемъ книги: Hugo Winkler, *Himmels- und Weltenbild der Babylonier als Grundlage der Weltanschauung und Mythologie aller Voelker*. Лейпцигъ 1903; Dr. Erich Bischoff, *Babylonisch-Astrales im Talmud und Midrach*. Лейпцигъ 1907; Eduard Stucken, *Astralmythen der Hebraeer, Babylonier und Aegypter*. Лейпцигъ 1907; Ernst Siecke, *Drachenkaempfe. Untersuchungen zur indogermanischen Sagenkunde*. Лейпцигъ 1907; пасторъ Alfred Ieremias, *Babylonisches im Neuen Testament*. Лейпцигъ 1905; онъ же, *Das alte Testament im Lichte des alten Orients*. Лейпцигъ 1906; польскій публицистъ А. Niemojewski, *Bóg Jezus w świetle badań cudzych i własnych*. Варшава 1909; и нѣкоторыя другія. Изъ русскихъ авторовъ здѣсь долженъ быть названъ Н. Морозовъ, въ книгѣ котораго „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Исторія возникновенія апокалипсиса“ (Спб. 1907) историческій элементъ, впрочемъ, очень слабъ, почему она для новаго метода не характерна. Другой русскій изслѣдователь, работающій на томъ же поприщѣ,—астрономъ Д. О. Святскій, заглавіе новой книги котораго нами выписано выше.

Въ легендахъ и міеахъ перечисленные изслѣдователи видятъ отраженіе различнаго расположенія созвѣздіи на небесномъ сводѣ и передвиженія среди нихъ солнца, луны и планетъ.

Родоначальниками своего метода перечисленные изслѣдователи „астралистики“ считаютъ старыхъ французскихъ авторовъ Dupuis и Volney; книга перваго „*Origine de tous les cultes ou religion universelle*“ вышла въ печати въ Парижѣ еще въ 1794 году; трудъ втораго „*Les ruines ou méditations sur les révolutions des empires*“ etc. былъ не такъ давно (въ 1883 г.) переизданъ, также въ Парижѣ. Но этнографамъ эта старая родословная не говоритъ почти ничего. Этнографамъ ясно, что въ трудахъ новѣйшихъ „астралистиковъ“ мы имѣемъ, въ сущности, возрожденіе старой міеологической школы,—воскресеніе теоріи, казалось бы похороненной разъ навсегда.

Однако, между прежней міеологической и новою историко-астрономической или „астральной“ теоріями объясненія легендъ и міеовъ существуетъ и большая разница. Новая теорія воспользовалась всѣми выводами „теоріи заимствованій“ и отвѣчаетъ лишь на тѣ вопросы, о которыхъ молчитъ эта послѣдняя.

Заимствованія однимъ народомъ у другого, этимъ вторымъ у третьяго и т. д. рано или поздно приводятъ изслѣдователя къ чему-то оригинальному. Какъ и гдѣ сложилось, подъ вліяніемъ чего за-

родилось это оригинальное?—Разрѣшить эти послѣдніе вопросы „теорія заимствованій“ беспильна (если она не можетъ сослаться на какое-нибудь древнее произведеніе индивидуальнаго творчества). Тутъ - то и выступаетъ на сцену „астральная теорія“, объясняющая намъ, часто весьма удачно, самый процессъ зарожденія древнѣйшихъ мифовъ, потомъ странствующихъ отъ одного народа къ другому.

Историки литературы и этнографы, сколько намъ извѣстно, еще не считаются съ этою новою, „астральною“ теоріею. Возможно, что ученыхъ изслѣдователей нѣсколько [пугаетъ то юное увлеченіе, которое замѣтно въ трудахъ многихъ „астралистиковъ“. Какъ бы то ни было, но скоро и необходимо этнографамъ придется столкнуться съ этою новою (или хотя бы только обновленною) теоріею. Область примѣненія „астральнаго“ метода все расширяется и затрагиваетъ уже области, непосредственно относящіяся къ фольклору. Намъ извѣстно, что профессоръ философіи въ Карлсруэ, Артуръ Дреусъ (Drews) объяснилъ „астрально“ двѣ извѣстныхъ народныхъ сказки: „спящая царица и семь разбойниковъ“ и „красная шапочка и сѣрый волкъ“; это тотъ самый Дреусъ, нашумѣвшія книги коего „Die Christusmythe“ и „Die Petruslegende“ (Лена 1909) имѣютъ къ историко-астрономическому методу лишь сравнительно очень слабое отношеніе.

Прекраснымъ пособіемъ для перваго ознакомленія съ этою новою, „астральною“, теоріею можетъ служить книга г. Святскаго „Подъ сводомъ хрустальнаго неба“. Въ этой книгѣ указаны почти всѣ главные труды представителей „новаго метода“ (такъ нашъ авторъ называетъ историко-астрономическую теорію); нѣкоторые изъ этихъ трудовъ отчасти здѣсь и изложены. Самому г. Святскому пришла счастливая мысль примѣнить новую теорію къ апокрифическимъ сказаніямъ и легендамъ, распространеннымъ въ русскомъ народѣ.

„Астральныя сопоставленія библейской древности оставались долгое время замурованными толстымъ слоемъ иносказательнаго описанія. Теперь они раскрыты при свѣтѣ новаго метода изслѣдованія. И вотъ, эти же сопоставленія совершенно неожиданно обнаруживаются, почти въ подлинномъ своемъ видѣ, въ другой области—въ такъ называемомъ „русскомъ народномъ творествѣ“, оказывающемся на самомъ дѣлѣ отголоскомъ древней астралистики“ (стр. 111). Такъ пишетъ нашъ, нѣсколько увлекающійся, представитель „новаго метода“.

На астральной почвѣ г. Святскій объясняетъ народные мифы о лунѣ, связанные съ именами Каина и Авеля; въ нихъ онъ видитъ „отголосокъ легендъ старинной апокрифической письменности, уже въ началѣ имѣвшихъ, въ извѣстной своей части, астральный смыслъ“ (стр. 28—33). „Спиридонъ поворотъ“, извѣстный моментъ русскаго народнаго календаря (12-е декабря), восходитъ ко времени не ранѣе XVI-го столѣтія: зимнее солнцестояніе приходилось на день памяти

св. Спиридона во времена великаго князя Василя Ивановича III (1479—1533); самое приуроченіе „солнцеворота“ къ имени св. Спиридона могло возникнуть только въ образованныхъ сословіяхъ, знакомыхъ съ греческимъ языкомъ (стр. 61).

Фениксъ и Халкедрій, чудесныя птицы старинныхъ апокрифовъ, образцы коихъ перешли къ намъ отъ грековъ, а въ дальнѣйшемъ восходятъ къ египетскому искусству,—первоначально были образами вечерней и утренней зари (стр. 69).

Изъ данныхъ въ книгѣ г. Святскаго историко-астрономическихкихъ экскурсовъ три только-что отмѣченныхъ нами наиболѣе интересны для русскихъ этнографовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, экскурсии эти и наиболѣе убѣдительны.

Конецъ книги г. Святскаго (стр. 131—185) посвященъ статьѣ „Звѣздная мифологія народовъ Россіи“; здѣсь мы имѣемъ дѣло уже не съ домыслами „астралистиковъ“, а съ простымъ изложеніемъ научныхъ фактовъ. Названная статья—одинъ изъ первыхъ въ нашей литературѣ опытовъ изложенія русской народной космологіи спеціалистомъ астрономомъ. До сихъ поръ этой области касались большею частью лица, чуждыя спеціальныхъ познаній въ астрономіи, почему описанія ихъ нерѣдко оказываются неточными и неудобопонятными.

Мы далеки отъ мысли признавать всѣ тѣ выводы, нерѣдко довольно скороспѣлые, какіе можно найти въ трудахъ новѣйшихъ „астралистиковъ“. Мы уже говорили, что „новая школа“ переживаетъ еще пору новаго увлеченія. Но тотъ историко-астрономическій методъ, которымъ руководятся новые изслѣдователи, представляется намъ далеко не безплоднымъ. Методъ этотъ, конечно, не разрѣшитъ всѣхъ загадокъ, волнующихъ современнаго фольклориста; но кое-что изъ этихъ загадокъ онъ, думаемъ мы, разрѣшитъ. И вотъ этого-то кое-чего мы будемъ отъ него ждать.

Дм. Зеленинъ.

7. Prof. Dr. Lubor Niederle. Život starých slovánů. Dílu I. svazek 2. Praha. 1913. Стр. 391—897. 8°.

Мы привѣтствовали въ свое время (Жив. Стар. 1912, № 1, стр. 212—214) появленіе перваго выпуска названной работы извѣстнаго чешскаго ученаго. Теперь вышелъ второй выпускъ этого грандіознаго труда.

Напомнимъ, что задачею новаго труда проф. Л. Нидерле служитъ выясненіе древней языческой культуры славянскихъ народовъ въ періодъ передъ принятіемъ ими христіанства.

Настоящій второй выпускъ состоитъ изъ двухъ большихъ главъ, изъ которыхъ первая посвящена славянской одеждѣ и украшеніямъ,

а вторая—славянскому жилищу и другимъ постройкамъ. Въ первой (а по общему счету въ обоихъ выпускахъ—четвертой) главѣ описаны матеріалъ одежды (домашней выработки и привозный), одежда мужская и женская, верхняя и нижняя, обувь; прическа и головные уборы; орудія для шитья; княжеская одежда; украшенія: застѣжки и булавки, запонки и пряжки, украшенія на поясахъ, діадемы, височныя кольца и серьги, ожерелья съ привѣсками и шейныя гривны, оплечья, перстни и прочія мелкія украшенія.

Въ заключеніе этой главы дается слѣдующая обобщающая картина. Вплоть до Римской эпохи славяне не достигли въ выработкѣ предметовъ для украшенія ни особаго богатства, ни особаго разнообразія и изящества. Это явствуетъ изъ древнѣйшихъ погребеній эпохи сожженія въ славянской области; погребенія эти весьма бѣдны, и заключающіяся въ нихъ украшенія крайне несложны. Такъ и въ первыхъ столѣтіяхъ по Р. Хр. нельзя еще говорить о какомъ-либо развитіи мелкаго искусства у славянъ. Съ 1-го и до V-го вѣка все заполнено издѣліями римскихъ и греческихъ фабрикъ—италійскихъ, провинціальныя и черноморскихъ, между которыми встрѣчаются также вещи происхожденія сѣвернаго, скифо-сарматскаго и азіатскаго. Тогдашнее время не благопріятствовало развитію домашней художественной промышленности, нуждающейся въ спокойной работѣ. Славяне переживали тогда крайне безпокойное время, переселялись въ далекіе края, вели постоянныя войны и походы. Только когда все это прекратилось, когда въ VI—VII вв. народы во всѣхъ странахъ прочно осѣли и начали спокойную и благополучную жизнь, тогда только явились благопріятныя условія для развитія ремеслъ и искусствъ. Но полной безопасности все еще не было, и въ обиходѣ у славянъ все еще преобладали чужія издѣлія—италійскія и римскія; къ нимъ—чѣмъ позднѣе, тѣмъ въ большемъ числѣ—присоединяются на югѣ и на востокѣ издѣлія мастерскихъ византійскихъ, восточныхъ и сѣверныхъ. И такъ продолжается до самаго конца языческой поры. Только съ X-го вѣка начинаютъ и у славянъ—конечно, подъ вліяніемъ чужихъ образцовъ—появляться художественныя произведенія мѣстной выработки, и въ нѣкоторыхъ славянскихъ центрахъ (въ Кіевѣ, Рязани, Суздалѣ, Новгородѣ, Переяславлѣ, Прагѣ и на Балтійскомъ побережьи) возникаютъ мастерскія золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ и эмальернаго искусства. Только теперь начинается развитіе домашняго мелкаго искусства, но не одинаково у всѣхъ славянскихъ народовъ.

Одежда славянская особою роскошью не отличалась; она не изобиловала украшеніями даже и въ концѣ языческой и въ началѣ христіанской эпохи, если сравнивать ее съ одеждой и украшеніями сосѣдей германскихъ, финскихъ, турецко-татарскихъ и даже литовско-латышскихъ, не говоря уже о византійскихъ. Отличается она общею

простотою и въ ту пору, когда у славянъ развилась знаменитая промышленность золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ. Промышленность эта ограничивалась немногими главными торговыми центрами, гдѣ славяне жили богаче и одѣвались роскошнѣе, а прочій славянскій людъ—и въ Чехіи, и въ Польшѣ, и на Западѣ славянской Руси—былъ бѣденъ золотомъ и серебромъ. Погребенія конца языческой поры въ этихъ краяхъ всѣми изслѣдователями признаются скудными. (Причина бѣдности—отдаленность славянскихъ земель отъ центровъ древней культуры и отъ торговыхъ дорогъ). Типичныя для нихъ украшенія—бронзовыя и серебряныя (посеребренныя) височныя кольца, вплетенныя въ волосы или же прикрѣпленныя къ обнимающей волосы лентѣ; витые перстни, скрученные изъ одной или двухъ проволокъ; шейный шнуръ съ нѣсколькими бусами—стеклянными или каменными—и съ какой-нибудь металлической привѣской; серьги—вотъ и все. Всякаго рода другія украшенія—запонки, пряжки, нарядные пояса, гривны и оплечья—были внутри славянскихъ земель исключеніемъ.

Богаче развилась промышленность и больше украшеній стали носить только тѣ племена, которыя были въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ сосѣдями финскими, турецко-татарскими, литовскими и съ сѣверными русами, а также тѣ, которые сидѣли въ богатомъ, близкомъ къ римско-византійской культурѣ придунайскомъ краѣ. Было это, конечно, вліяніемъ тѣхъ же сосѣдей; славяне активно реагировали на то, что у нихъ видѣли, и стали одѣваться пышнѣе, хотя и съ меньшимъ вкусомъ. У славянъ, которые здѣсь жили и соприкасались съ этими сосѣдями, находимъ не только гораздо большее разнообразіе и богатство украшеній, типичныхъ и для другихъ славянскихъ мѣстъ (т.-е. височныхъ колецъ, діадемъ, перстней, пряжекъ и серегъ), но въ изобиліи встрѣчаемся и съ новыми украшеніями, которыя тамъ совсѣмъ отсутствовали—съ застѣжками, оплечьями и металлическими гривнами. При этомъ возникли новые и красивые типы мѣстнаго славянскаго производства, хотя и не вполне самостоятельные, а созданные въ подражаніе восточнымъ и византійскимъ образцамъ (таковы кіевскія серьги, височныя кольца московскаго и черниговскаго типа, сѣверянскія діадемы, богатѣйшія ожерелья южнорусскихъ кладовъ, серьги и височныя кольца хорватскихъ славянъ и т. д.). Любимымъ матеріаломъ было серебро, а излюбленнымъ техническимъ приѣмомъ—спайка зернистой филигранны. Издѣлія отличаются легкостью, развитымъ вкусомъ и элегантностью, какъ въ своей формѣ, такъ и въ способахъ ношенія. Серебро было уральское; алтайское золото составляло большую рѣдкость.

Совсѣмъ иное видимъ у сосѣднихъ народовъ той же эпохи, начиная съ Ковны, Вильны, Витебска и до заволоцкой чуди, до финскихъ и болгарскихъ погребеній на Окѣ, Камѣ и Волгѣ. Здѣсь го-

раздо больше украшеній, но все массивнѣе, неуклюжѣе, безвкуснѣе.

Глава вторая (по общему счету 5-ая) описываетъ доисторическое жилище въ средней Европѣ вообще, славянскій домъ въ пору полукочевого быта и въ пору полной осѣдлости: разсмотрѣны первыя историческія свѣдѣнія и археологическія находки отъ конца языческой эпохи, выясненъ тогдашній типъ землянки и шалама (колибы) и для сравненія привлеченъ этнографическій матеріалъ. Первоначальное развитіе славянскаго жилища сопровождается появленіемъ сѣпей и притвора, а потомъ и крыльца, при сохраненіи однокамернаго типа домовъ. Для уясненія дальнѣйшаго развитія описанъ основной типъ германскаго дома. Въ славянскомъ жильѣ появляется изба съ печью, затѣмъ—кухня въ сѣняхъ и, наконецъ, клѣтъ, свѣтлица и комора. Вертикальное расчлененіе жилья и этажи; вопросъ о сѣверномъ вліяніи.—Княжескіе дворцы. Чердакъ и теремъ. Баня. Дворъ и хозяйственныя службы: житница, амбаръ, шпихеръ, стодола и гумно, хлѣвъ, одрина, сушильня.—Внѣшнее и внутреннее устройство жилища; постройки деревянныя и каменныя; срубъ, крыша, окна, дверь и запоры; завалина; огнище и печь. Постройки общественныя.

Въ заключеніи къ этой главѣ коротко излагается общій ходъ въ развитіи славянскаго жилища. Древнѣйшій типъ—однокамерная, слабо расчлененная землянка, съ плетеными изъ прутьевъ сѣтнами; типъ этотъ держался долго; еще въ X—XII вв. встрѣчались на Кіевскомъ городищѣ домъ-полуземлянки. Но прежде этой поры произошелъ важный переворотъ въ томъ смыслѣ, что домъ стали ставить надъ землею изъ матеріала болѣе прочнаго и массивнаго—изъ срубленныхъ стволовъ, укрѣпляемыхъ въ уголъ или въ столбы. Этотъ переворотъ стоялъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что славяне (прежде VIII—IX в.) прочно осѣли и занялись земледѣліемъ. При этомъ же переворотѣ и даже, быть можетъ, въ связи съ нимъ славянское жилище подверглось впервые чужому вліянію. Къ этой порѣ нужно относить заимствованіе нѣсколькихъ важныхъ германскихъ названій: хызъ, буда, котъ, сѣтна, хлѣвъ, стодола, доска, блюдо, перешедшихъ къ славянамъ при многочисленныхъ столкновеніяхъ ихъ съ германцами со времени перваго Бастарискаго наступленія на востокъ въ V—III вв. до Р. Хр. и до конца Готскаго и Герульскаго господства въ IV в. по Р. Хр. въ Польшѣ и на Руси, а еще въ большей мѣрѣ и съ давнѣйшей поры—при столкновеніяхъ съ разными германскими племенами въ восточной Германіи между Эльбою, Дунаемъ и Вислою. Къ тѣмъ же столкновеніямъ, приблизительно въ первой половинѣ I-го тысячелѣтія по Р. Хр., надлежитъ относить сверхъ того и переходъ къ славянамъ германской stuba. Съ ними же перешла и банная печь, конструированная частью по образцу римскаго отопленія, а частью по образцу пекарныхъ печей,

возникшихъ передъ тѣмъ на сѣверѣ, можетъ-быть, и самостоятельно.

Изба съ печью принялась у славянъ быстро и уже прежде X-го вѣка распространилась даже до самаго отдаленнаго востока. Только южные славяне, которые со времени христіанской эры продвинулись на югъ и въ VI-мъ в. окончательно отдѣлились отъ сѣвера, хотя и выслушали и принесли съ собою термины изба и печь, но ушли съ сѣвера однако же прежде, чѣмъ ихъ быть сжился съ печью въ избѣ; и такъ какъ ничего подобнаго въ новомъ мѣстѣ своего жительства на Балканахъ они не нашли, то у нихъ и осталось открытое огнище внутри однокамерной кучи, въ то время какъ на сѣверѣ принялась и распространилась изба съ печью.

Второй періодъ сильнаго нѣмецкаго вліянія на славянскій домъ наступилъ со времени появленія въ Германіи, въ V—VI вв., мощнаго франконскаго государства. Это послѣднее имѣло оживленныя политическія сношенія съ западными и южными славянами; на почвѣ этихъ-то сношеній славяне и подверглись вліянію знаменитой франкской культуры, развившейся б. ч. на романской основѣ. Славяне снова стали передѣлывать свои дома по образцу весьма цѣлесообразно устроеннаго (на римскій ладъ) франкскаго жилища. Произошло это прежде всего тамъ, куда направлялась первая нѣмецкая колонизація. Область распространенія франкскаго вліянія на славянское жилище не была особенно большою, такъ какъ славяне затѣмъ расселились на непомѣрно громадномъ пространствѣ и распались на отдѣльныя политическія и культурныя части, черезъ что прежняя внутренняя связь между ними ослабѣла; при всемъ томъ область эта охватила весь западъ, до Вислы, Татры и Савы. Слѣды франкскаго вліянія въ западно-славянскомъ домѣ: очагъ въ сѣняхъ, наружная (изъ сѣней) топка избы, кафленая кампа въ избѣ возлѣ прежней печи, особый аппаратъ для варки пищи на очагѣ, новая избынная утварь, новыя названія: кухня, комора, коминъ и нѣкоторыя мелкія детали.

Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ вліянія франковъ не было, славянскій домъ развился частью самостоятельно, частью подъ иными вліяніями. Самостоятельно развились клѣтъ съ горницею, которыя постепенно расширялись и преобразовались въ новую свѣтлую избу. Подъ иными вліяніями, вѣроятно, произошло существенное видоизмѣненіе сѣверо-русскаго (великорусскаго) жилища въ ярусный домъ съ нѣкоторыми сѣверными деталями (шолныша, голбець) и съ ригею, овиномъ. Южному вліянію обязано возникновеніе западно-славянскихъ и русскихъ полатей и, быть можетъ, терема.

Южные славяне остались въ своихъ стародавнихъ „кучахъ“ сравнительно свободными отъ чужихъ западныхъ вліяній; но зато условія новаго горнаго края, въ коемъ они очутились, и затѣмъ со-

сѣдство византійскаго, а послѣ—восточнаго быта привели ихъ къ яруснымъ каменнымъ постройкамъ съ разными мелкими особенностями (напр., многочисленными верандами и т. п.); а на Адриатическомъ морѣ развился цѣлкомъ домъ романскаго стиля. Нѣмецкому вліянію южные славяне поддали только въ новѣйшее время: выразилось оно въ присоединеніи къ старой кучѣ собы съ печью.

Но весь этотъ третій періодъ въ развитіи славянскаго жилища—а именно: окончательное проникновеніе франкскаго типа—принадлежитъ уже историческимъ временамъ. Къ концу языческой поры можно относить только начало этого періода, начало мѣстнаго преобразования кѣлти въ комору, связанную съ домомъ.

Что же касается двора, то для славянъ были издавна характерными отдѣльныя одинокія постройки, а не соединеніе ихъ съ жилымъ домомъ въ одну связь подъ одною крышею. Что до способа постройки, то сначала видимъ преобладаніе плетня, обмазаннаго глиною, потомъ—вязку цѣпами и въ столбы, а на стрехѣ—типичную соломенную крышу.

Обиліе древнихъ, не позднѣе языческой поры, терминовъ свидѣтельствуетъ, что уже въ ту раннюю эпоху славянское жилище достигло большого культурнаго развитія.

Не нужно забывать, что большая часть этихъ обобщеній выведена проф. Нидерле впервые и что для доказательства ихъ привлеченъ громаднѣйшій, почти необъятный, матеріалъ изъ разныхъ научныхъ областей.

Главными источниками для автора въ настоящемъ выпускѣ служили данныя археологін, исторіи и языкознанія. Чисто этнографическія данныя привлекаются больше для сравненія и для дополненія. При всемъ томъ, эта новая книга проф. Нидерле представляетъ громадный этнографическій интересъ, весьма удачно разрѣшая одну изъ самыхъ назрѣвшихъ и очередныхъ задачъ славянской этнографіи.

Отмѣтимъ еще, что рассматриваемая книга снабжена предметнымъ указателемъ и весьма многочисленными рисунками, чертежами и планами; есть нѣсколько рисунковъ въ краскахъ.

Дм. Зеленинъ.

8. Die Schröpfköpfe bei den Slaven. Slav. baňa, baňka, lat. balnea. Von M. Murko. (Wörter und Sachen, kulturhistorische Zeitschrift für Sprach- und Sachforschung. Band V. Heft 1. 1913). Стр. 42. 4°.

Въ этнографической литературѣ уже довольно давно раздаются голоса въ пользу сближенія двухъ родственныхъ наукъ—языкознанія и народовѣдѣнія. Журналъ Archiv für Religionswissenschaft съ 1904 года поставилъ таковое сближеніе одною изъ своихъ главныхъ задачъ

(томъ VII, вып. 1—2, статьи редакторовъ этого журнала А. Дитриха и Г. Узенера). Книгу Г. Рейха *Der Mimus. Ein literar-entwickelungs-geschichtlicher Versuch* (Берлинъ. 1903) этнографы, въ частности нѣмецкій этнографъ А. Фиркандтъ, привѣтствовали въ свое время, какъ прекрасный образецъ такого плодотворнаго сближенія двухъ научныхъ отраслей—языкознанія и народовѣдѣнія (*Globus*, т. 85, № 22, ст. А. Vierkandt'a). А. Дитрихъ взаимное отношеніе этихъ двухъ наукъ опредѣлялъ такъ: „методъ и пособія для изслѣдованія даетъ языкознаніе; цѣль и содержаніе изслѣдованія опредѣляетъ народовѣдѣніе“ (тамъ же, со ссылкой на статью А. Dieterich'a въ *Zeitschrift d. Hessischen Vereins für Volkskunde*).

Если прежде за сближеніе народовѣдѣнія и языкознанія высказывались главнымъ образомъ этнографы, то въ послѣднее время съ проповѣдью того же сближенія выступили лингвисты, уже на иной нѣсколько почвѣ. Съ 1909-го года сталъ выходить журналъ *Wörter und Sachen. Kulturhistorische Zeitschrift für Sprach- und Sachforschung*, редакторами котораго состоятъ профессора: Р. Мерингеръ, В. Мейеръ-Любке, I. I. Миккола, Р. Мухъ и М. Мурко. Этотъ журналъ въ самомъ своемъ названіи подчеркнул ту вѣрную и плодотворную мысль, что лингвистическія этимологіи безъ сопутствующаго имъ изученія самыхъ вещей не даютъ прочныхъ выводовъ: необходимы параллельныя изслѣдованія исторіи словъ и исторіи выражаемыхъ словами предметовъ. Въ предисловіи къ первому тому названнаго журнала редакція его высказалась, между прочимъ, въ такихъ выраженіяхъ: „Исторія языка для выясненія словъ нуждается въ исторіи вещей (*Sachgeschichte*)“; „языковѣдѣніе есть только часть культуровѣдѣнія (*Kulturwissenschaft*)“; „въ соединеніи языковѣдѣнія и вещейѣдѣнія (*Sachwissenschaft*) лежитъ будущее исторіи культуры“. (*Wörter und Sachen*, I. 1909, Vorwort).

Статьи одного изъ редакторовъ названнаго журнала, градецкаго профессора славяновѣдѣнія Матвѣя Мурко могутъ служить особенно характерными образцами этого новаго направленія въ лингвистикѣ. Разумѣемъ его статьи: *Das Grab als Tisch* (*Wörter und Sachen*, т. II, вып. 1, 1910 г., стр. 79—160) и ту, заглавіе которой выписано нами выше.

Эта послѣдняя статья посвящена чисто семасіологическому вопросу о различныхъ значеніяхъ славянскаго слова *бѣня*, но она столь же интересна и для этнографа, сколь для лингвиста.—Статья эта снабжена 53-мя изображеніями и дѣлится на 6 главъ. Вотъ, въ краткихъ словахъ, ея содержаніе:

Сосуды и старинные хирургическіе снаряды для пусканія подкожной крови были извѣстны у славянскихъ народовъ подъ разными названіями; между прочимъ, ихъ звали: рогъ, рожокъ, такъ какъ первобытнымъ орудіемъ для этой цѣли служили именно рога живот-

наго. Сосуды для кровопусканія имѣютъ чаще форму кубка безъ ножки; у чеховъ, поляковъ и русскихъ они извѣстны подъ именемъ бѣнки, бѣньки (уменьшительное отъ сл. бѣня); русское слово въ этомъ значеніи заимствовано съ запада, вѣроятно отъ поляковъ.—И слово бѣнька, особенно же сл. бѣня имѣютъ въ славянскихъ языкахъ разнообразныя, на первый взглядъ не имѣющія между собою связи, значенія: „мыльня и ванна, сосудъ и куполь“. Выясненію и распространенію всѣхъ этихъ значеній сл. бѣня и бѣн(ь)ка въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ посвящена первая глава разсматриваемой работы.

Источникъ заимствованія славянскаго слова *бѣня* оставался до сихъ поръ спорнымъ. Проф. Мурко подробно излагаетъ исторію этого лингвистическаго вопроса, отвергаетъ, по лингвистическимъ основаніямъ, широко распространенную этимологію этого слова изъ греческаго *βαλνειον* и выводитъ славянское слово изъ народнаго латинскаго *balnia* (глава 2-ая).

Глава третья посвящена „вещественнымъ доказательствамъ“ (*sachliche Begründung*) этой этимологіи. Греческія *βαλανεῖον* перешли въ Италію, нашли здѣсь для себя благопріятную почву и извѣстны здѣсь были подъ названіями *balineum* или *balneum*, а послѣ—*thermae* и *gymnasium*. Отличительною особенностью въ архитектурѣ этихъ римскихъ бань, какъ показываютъ помпейскія раскопки, были шарообразные купола надъ холодильниками съ водоемами; купола эти изображали голубое небо со звѣздами, а сверху имѣли отверстіе для свѣта. Бани такой архитектуры распространились потомъ у арабовъ, въ Византіи и у константинопольскихъ турокъ. Ту же архитектуру восприняли и христіанскіе храмы восточной церкви, такъ какъ при храмахъ устраивались крещальни (*baptisterium*) съ водоемами для коллективнаго крещенія и другихъ надобностей. Такого рода крещальни съ куполами надъ ними были, между прочимъ, въ италійскомъ городѣ Бари (IV в.), въ Черногоріи около Подгорицы (VI в.), въ Далматіи (VI в.), въ Истріи. Въ Россіи купола дали начало другимъ церковно-архитектурнымъ украшеніямъ—главамъ, маковкамъ и луковицамъ. Названіе этихъ церковныхъ куполовъ „банями“ особенно распространено по старой римской дорогѣ, которая вела отъ Адриатическаго моря черезъ Старую Сербію съ одной стороны въ Македонію, съ другой—въ Болгарію. По этой же дорогѣ распространялись отъ Адриатическаго моря и латинскіе *dies rosae*, *rosalia*, которые дошли и до русскихъ.

Отъ металлическихъ церковныхъ куполовъ и маковокъ значеніе слова бѣня, бѣнька перенесено было на полушаровидные и шарообразные предметы, въ частности—на пузатые сосуды. Выясненію формъ и употребленія такихъ сосудовъ и ихъ названій посвящена четвертая глава разсматриваемаго труда.

Новое значеніе „рудникъ“ сл. б́аня получило у словаковъ, чеховъ, поляковъ, малоруссовъ, мадьяръ и румынъ, а въ старое время также у болгаръ и сербовъ—вслѣдствіе той же шарообразной формы рудничныхъ ямъ.

Привлекаемая въ одинаковомъ обиліи и съ одинаковою тщательностью лингвистическія и культурно-историческія данныя дѣлають выводы проф. Мурко почти неуязвимыми.—Касаясь хода и обстоятельствъ культурнаго вліянія однихъ народовъ на другіе, коротко изложенная нами статья проф. Мурко представляетъ большой интересъ для весьма широкаго круга ученыхъ читателей.

Дм. Зеленинъ.

Бібліографія за 1911 годъ

по этнографіи, религіи, языкознанію и фольклору.

Книги и журнальныя статьи, вышедшія въ Россіи

(за исключеніемъ книгъ и статей на польскомъ, малороссійскомъ и финскомъ языкахъ).

Составилъ Б. Э. Петри ¹⁾.

Общее и разное.

269.

1. Ивановскій, А. А. Населеніе земного шара. Труды Антропологическаго отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э., т. XXVII.
2. Погодинъ, А. Л. Изъ новѣйшей литературы о культурѣ и родинѣ индо-европейцевъ. Ж. Мин. Нар. Просв. 1911, ноябрь, стр. 68.
3. Арнольди, В. По островамъ Малайскаго архипелага. Впечатлѣнія и наблюденія натуралиста. Москва, 1911.
4. Федоровъ, П. А. Гончарное производство. Съ 16 рисунками. СПб. 1905 г.
5. Хомяковъ, М. М. Задачи антропологии на востокѣ Россіи. Казань, 1911.
6. Бартольдъ, В. Исторія изученія востока въ Европѣ и въ Россіи. Лекціи, читанныя въ Импер. СПб. Ун-тѣ. СПб. 1911.
7. Мацокинъ, Н. Материнская филіація въ Восточной и Центральной Азій. Вып. 1-й. Мат. фил. у китайцевъ, японцевъ и корейцевъ. Извѣстія Восточн. Инст., т. XXXII.
8. Мацокинъ, Н. Материнская филіація въ Восточной и Центральной Азій. Вып. 2-й. Матер. фил. у тибетцевъ, монголовъ, мяоцзы, лоло и таи. Изв. Восточн. Инст., т. XXXVI.
9. Максимовъ, А. (рецензія на книгу) Николай Мацокинъ. Материнская филіація въ Восточной и Центральной Азій. Этнограф. Обзор., 1911, № 3—4, стр. 227.
10. А. Б. Изученіе восточныхъ языковъ въ Россіи. Средняя Азія, 1911 г., янв., стр. 96.
11. Виташевскій, Н. Изъ области первобытнаго испихонейроза. Этногр. Обзор., 1911, № 1—2, стр. 180.
12. Харузина, В. Объ участіи дѣтей въ религіозно-обрядовой жизни. Этнограф. Обзор. 1911, № 1—2, стр. 1.
13. Желизко, І. В. Нѣсколько примѣчаній къ аналогіи художественныхъ способностей налеолитическаго человѣка и нѣкоторыхъ примитивныхъ племенъ. Пер. съ чешскаго А. О. Кашпара. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Ком. № 45, 1911, стр. 31.
14. Де-Ламартиньеръ. Путешествіе въ сѣверныя страны. Перев. Семеновича М. 1911 г.
15. Бубновъ, Н. М. (сокращ. излож. доклада). Какъ образовались и откуда взялись наши цифры. Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. 22, вып. 1—2, отд. I, стр. 9. Кіевъ, 1911.
16. Веселовскій, Н. Второе дополненіе къ статьѣ „Погрѣшности и ошибки при изданіи документовъ по сношенію русскихъ государей съ азіатскими владѣльцами“. Живая Старина 1911, I, 31.

¹⁾ Настоящая работа выполнена подъ руководствомъ Л. Я. Штернберга, которому принадлежать какъ общій планъ ея, такъ и распредѣленіе матеріала. *Ред.*

С л а в я н е.

(Общее. Западные и южные славяне).

35.

17. Бенешевичъ, В. Н. Обзорѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію, составляемое А. Л. Бемомъ, В. Н. Бенешевичемъ, Вс. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ подъ ред. В. Н. Бенешевича. Вып. I и II. Изв. Отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ. 1911 г., т. XVI, кн. 1, стр. 253—350, и кн. 4, стр. 283—356.
18. Флоринскій, Т. Д., проф. Славяновѣдѣніе. Лекціи, читанныя въ 1910—11 году. Кіевъ. 1911.
19. Поповичъ, Павелъ, проф. Обзоръ исторіи сербской литературы. (Древняя литер. Народная словесность.—Дубровницкая литер.). Пер. съ сербск. подъ ред. проф. П. А. Лаврова. СПб. 1912 г.
20. Краткій очеркъ исторіи славянскихъ литературъ и языковъ. Пер. съ нѣм. слушательницъ женскихъ курсовъ подъ ред. В. Поржезинскаго и М. Сперанскаго. М. 1911 г.
21. Шахматовъ, А. Сполы—исконные сосѣди славянъ. Живая Старина 1911, вып. I, стр. 21.
22. Богдановъ, Вл. (реценз. на статью). А. Schachmatof. Zu den ältesten slavisch - keltischen Beziehungen. Berlin. 1911. Этногр. Обзорѣніе 1911, № 3—4, стр. 219.
23. Ягичъ, И. В. Вопросъ о рунахъ у славянъ. Энциклопед. Славянск. Филологіи. Вып. 3, стр. 1—36, СПб. 1911.
24. Яцимирскій, А. И. (рецензія на кн.). П. Поповичъ, Приповетка о девојци без руку. Извѣстія Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. XVI, кн. 3, 328—360 (1911 г.).
25. Трусманъ, Г. Летто—славянскіе элементы въ этрусскихъ надписяхъ. Ревель. 1911.
26. Эндзелинъ, И. Славяно-балтійскіе этюды. Харьковъ. 1911.

27. Ильинскій, Г. А. Грамоты болгарскихъ царей. М. 1911.
28. Флоринскій, Т. Д. Рабство и торговля рабами въ Дубровникѣ по даннымъ Статута 1272 г. и его продолженій. Serta Boristhenica. Кіевъ. 1911.
29. Державинъ, Н. Болгарскія „иѣснопѣйки“ А. В. Върбански 1910 г. (крит. замѣтка). Жив. Ст., 1911, I, 145.
30. Соболевскій, А. И. (рецензія на книгу). С. Младеновъ. Старитѣ германски елементи въ славянскитѣ езици. София. 1910 г. Ж. Мин. Нар. Просв. 1911, май, стр. 157.
31. Соболевскій, А. И. (рецензія). Slavisches Etymologisches Wörterbuch von d. r. Erich Berneker. Heidelberg, 1908—10 г. Ж. Мин. Нар. Просв. 1911, ноябрь, стр. 187.
32. Талько-Грынцевицъ, Ю. Д., проф. Экскурсія въ Чехію и Моравію. Труды Троицкосавско - Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурск. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общ., т. XIII, вып. 1, за 1910 г., 1911 г., стр. 7.
33. Зеленинъ, Дм. К. Rhamm. Die altslawische Wohnung (крит. замѣтка). Живая Стар. 1911, II, 303.

Р о с с і я.

(Общее и разное)

432.

34. Хомяковъ, М. М. Этнологическая исторія Поволжья по новѣйшимъ литературнымъ даннымъ. Извѣстія Общ. Арх. Истор. и Этногр. при Имп. Казан. Унив., т. XXVII, вып. 1, стр. 1.
35. Флоринскій, Т. Д., проф. Этнографическая карта Западнаго Славянства и Западной Руси. Составлена по новѣйшимъ даннымъ. Кіевъ. 1911. Приложение. Оясненія, источники и пособія. Статистическія данныя. Поправки. Кіевъ. 1911.
36. Соболевскій, А. И. Опытъ русской діалектологіи. Нарѣчія великорусское, бѣлорусское и малорусское, Кіевъ, 1911.

37. Погодинъ, А. Нѣсколько данныхъ для русской мнѳологіи въ XV вѣкѣ. Живая Старина. 1911. В. III, 425.
38. Марковъ, А. (Крит. зам.). Дурново П. и Ушаковъ Д. Хрестоматія по великорусской діалектологіи. М. 1910. Этнограф. Обзор. 1911, № 1--2, 269.
39. Бобринскій, А. А., гр. Народныя русскія деревянныя издѣлія. Вып. IV. М. 1911.
40. Чарушинъ, А. А. Крестьянскія переселенія въ бытовомъ ихъ освѣщеніи. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера 1911, № 18, стр. 500.
41. Чарушинъ, А. А. Крестьянскіе сходы въ бытовомъ ихъ освѣщеніи. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русскаго Сѣвера, 1911 г., № 21, стр. 740.
42. Перетцъ, В. Н. Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра. Гл. XVIII—до конца. Изв. Отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, 1911, т. XVI, кн. 3 и 4.

Архангельская губ.

451.

43. Цейтлинъ, Г. Поморскія народныя сказки. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера 1911, № 3, стр. 180.
44. Марковъ, А. В., Масловъ, А. Л., Богословскій, Б. А. Матеріалы, собранныя въ Архангельской губерніи лѣтомъ 1901 г. Часть II: Терскій берегъ Бѣлаго моря. Съ прил. 62 великорусскихъ напѣвовъ. Духовныя стихи; былины и историческія пѣсни, пѣсни протяжныя, хоропроводныя, плясовыя, рождественскія, величальныя; свадебныя причитанія. Изв. И. О. Л. Е., А. и Э., т. CXIV. М. 1911 г., стр. 1—117.
45. Брянчаниновъ, А. Старинныя и былины Печорскаго края. Харьк. 1911.
46. Цейтлинъ, Г. Народныя игры въ Поморѣ. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 13, стр. 7.
47. Мамадышскій, Н. Н. Усинскій край. Подворно-экономическое изслѣдованіе поселеній р. Уссы, Печорскаго уѣзда, въ 1909 г. Арханг. 1911.

48. Рядчинъ, А. По глухимъ уголкамъ Русскаго Сѣвера. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 11, стр. 876; № 13, стр. 21.
49. Рядчинъ, А. Жизнь въ гор. Холмогорахъ и его уѣздѣ. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 8—9, стр. 676.
50. Белдыцкій, Н. Въ низовьяхъ Печоры. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, №№ 4, 5, 8—9, 11.
51. Зобковъ, С. Поморская деревня, ея жизнь и нужды. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 11, стр. 860; № 12, стр. 972.
52. Мурманскій, А. А. О Мурманѣ (промыслы). Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 1, стр. 17.
53. Александровъ, А. Грамотность и пьянство въ Поморѣ. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 8—9, стр. 687.
54. Анисимовъ, А. Въ Зырянскомъ краѣ (промышленность). Извѣщ. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 1, стр. 28 и № 5, стр. 361.
55. Журавскій, Андрей. Европейскій Русскій Сѣверъ. (Поморы, Самоѣды). Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 16, стр. 282.
56. Голубцовъ, Н. Къ исторіи города Колы, Архангельской губерніи. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 1, стр. 7 и № 5, стр. 392.
57. Калининъ, И. Онежане. Извѣщ. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 5, стр. 378; № 8—9, стр. 659.
58. Зобковъ, С. Изъ путевыхъ набросковъ по Сѣверу (Мурманъ). Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911 г., № 1, стр. 21.
59. Керцелли, С. В. По Большеземельской тундрѣ съ кочевниками. Арханг. 1911.
60. Шидловскій, А. Ф. Библиографическій указатель литературы, касающейся Большеземельской тундры и оленеводства, по матеріаламъ, собраннымъ Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера. Арханг. 1911 г.

Владимірекая губ.

454.

61. **Соболевъ, А.** Причитанья надъ умершими Владимірской губерніи. Этногр. Обзорѣніе, 1911, № 3—4, стр. 191.
62. **Назаровъ, М. И.** Основы стариннаго пчеловодства по заговорамъ, собраннымъ во Владимірской губ. Этнограф. Обзорѣніе, 1911, № 3—4, стр. 58.

Вологодская губ.

436.

63. **Поповъ, А. Н.** Русскія народныя пѣсни Вологодской губерніи святочные, протяжныя, скорыя. Извѣстія И. О. Л. Е., А. и Э., т. CXIV. М. 1911 г., стр. 329—340.
64. **Б., Вл. Едемскій.** Свадьба въ Кокшенигѣ. Тотемскаго уѣзда, Вологодской губ. (Критич. замѣтка). Этногр. Обзор. 1911, № 1—2, 289.

Воронежская губ.

65. **Поликарповъ, Ѳ. И.** Народная жизнь въ изображеніи П. С. Никитина. Этнографическій очеркъ. Памятн. Книж. Воронеж. губ. на 1911 г.

Вятская губ.

66. **Ильинскій, Л. К.** Народныя пѣсни (частушки) Вятской губ. (Уржумскій уѣздъ). Казань. 1911 г. Изв. Общ. Археологій, Истор. и Этногр. при Имп. Казанск. Ун., т. XXVII, вып. 4, стр. 299.
67. **Бердниковъ, В. Ѳ.** Старообрядчество и сектантство въ началѣ ихъ появленія въ Воткинскомъ заводѣ. Историко-этнографическій очеркъ. Извѣстія Саранульск. Земскаго Музея. Вып. I, стр. 17—35, 1911 г.

Казанская губ.

68. **Путинцевъ,** Частушки - припѣвки села Кубаса, Чистопольскаго уѣзда,

Казанской губ. Изв. Общ. Археологій, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанск. Ун., т. XXVII, вып. 2, стр. 139.

69. **Ильинскій, Л. К.** Народныя пѣсни (частушки), записанныя въ Казанской губ. Изв. Общ. Археологій, Истор. и Этногр. при Имп. Казанск. Унив., т. XXVII, вып. 1, стр. 101.

Курская губ.

70. **Рѣзанова, Ек. И.** Матеріалы по этнографіи Курской губ. Труды Курской Ученой Архивной Ком., вып. 1, Курскъ, 1911.
71. **Горяинова, А. П.** Пѣсни, собранныя въ с. Вышнемъ-Рейтцѣ и прилегающихъ деревняхъ Обоянскаго уѣзда. Труды Курск. Уч. Арх. Комис. I, 250—259 и 12 стр. нотъ. Курскъ. 1911.
72. **Марковъ, Р. Л.** Голубецъ на Красной Полянѣ. Труды Курск. Уч. Арх. Комис. I, 138—162. Курскъ. 1911.
73. **Златоверхниковъ, Н. И.** Иконописаніе въ Курской губ. Труды Курск. Уч. Арх. Комис. I, 78—85.

Нижегородская губ.

74. **Покрскій, Ѳ.** Образцы народнаго говора Нижегородской губерніи. Жив. Ст. 1911, I, 35.
75. **Никольскій, Н. В.** Изъ архивныхъ дѣлъ Нижегородской Духовной Консисторіи. Извѣст. Общ. Арх., Ист. и Этнографіи, т. XXVII, вып. 6. Казань. 1911, стр. 503—527 (о рыболовствѣ п о крещеніи татаръ въ 1749 г.).

Олонецкая губ.

48, 425, 464.

76. **Богданова, Н. С.** Олонецкій фольклоръ. Похоронныя причитанія и вопленицы. Памятн. кн. Олонецкой губ. на 1911 г.
77. **Шайгинъ, Н. С.** Олонецкій фольклоръ. Похоронныя причитанія Олонецкаго края. П-водскъ, 1911.

Оренбургская губ.

78. Райскій, П., прот. Свѣдѣнія по исторической географіи Оренбургскаго края. Труды Оренбургской Уч. Арх. Ком., вып. XXV, 1911, стр. 213.
79. Скаловъ, Б. Естественнно-историческій и хозяйственный очеркъ кочевыхъ волостей юга Темирскаго уѣзда. Изв. Оренб. Отд. И. Р. Г. О. 1911. XXII, 61.

Орловская губ.

432.

Пензенская губ.

432.

Пермская губ.

461.

80. Серебренниковъ. Свадебные обычаи и пѣсни крестьянъ Андреевской волости, Оханскаго уѣзда, Пермской губерніи. Пермскій Научно - Промышленный Музей, 1911, вып. IV.

Псковская губ.

81. Иеропольскій, К. Пѣсни, записанныя въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи. Труды Псковскаго Археол. Общ., вып. 7, 1910—11 г., стр. 119.

Саратовская губ.

82. Минхъ, А. А. Свадебныя, хороводныя и другія пѣсни Полчаниновской вол., Саратовскаго у. Труды Саратовской Учен. Арх. Ком. Вып. 28, 1911, стр. 51.
83. Смирнова, М. Родильные и крестильные обряды крестьянъ села Голицына, Курганской волости, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ. Этногр. Обзор. 1911, № 1—2, стр. 252.

Тверская губ.

84. Ушаковъ, А. Крестьянская свадьба въ концѣ XIX стол. въ Старицкомъ уѣздѣ Тверской губ. Тверская Старица. 1911, янв., июнь и августъ.

Ярославская губ.

452.

85. Булычевъ, П. Замѣтки о говорѣ деревни Ваулихи, Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда. Русск. Филог. Вѣстн., 1911, № 2 (т. LXV), стр. 281. Варш.
86. Костоловскій, И. В. Изъ свадебныхъ и другихъ повѣрій Ярославской губ. Этногр. Обзор., 1911, № 1—2, стр. 248.

Казаки.

432, 462.

87. Жакмонъ, П. П. Уралыцы и уралки. Ист. Вѣстн. 1911 г., июль, стр. 163.
88. Ильинскій, А. К. Пѣсни Оренбургскихъ казаковъ. Извѣстія Общ. Археологіи, Истории и Этнографіи при Императорск. Казанск. Унив., т. XXVII, вып. 3.
89. Томаревскій, И. И. Пѣсни казаковъ. М. 1911.

Малороссы.

36, 106, 432.

90. Кравченко, В. Гр. Этнографическіе матеріалы, собранныя въ Волинской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ, съ пред. М. Гладкаго. Труды Общества Изслѣдователей Волини, т. V, 1911.
91. Даниловъ, В. В. Среди кобзарей и лириковъ. Ист. Вѣстн. 1911, окт., стр. 301.
92. Грушевскій, Мих., проф. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Кіевъ, 1911.
93. Новицкій, Я. П. Народная память о Запорожѣ. Преданія и разсказы,

собранные въ Екатеринославщинѣ. 1875—1905 г. Лѣтопись Екатеринославской Уч. Арх. Ком., вып. VII, 1911, стр. 5.

94. М--въ, А. (рецензія на книги). Андрей Конощенко „Українськи письни зъ номами“. Одесса, 1902 г. и И. Демченко „Українське весилля“ (съ голосамы). Одесса, 1905 г. Извѣстія И. О. Л. Е., А. и Э., т. CXIV, М., 1911, стр. 391.

Бѣлоруссы.

36, 106.

95. Степанъ. Крестьянская свадьба въ южномъ Полѣсьи. Записки Сѣверо-Зап. Отдѣла И. Р. Г. О., 1910, к. I, стр. 161.
96. Романовъ, Е. Р. Бѣлорусскій сборникъ. Вып. VII. Пѣсни. Вильна. 1911.
97. Радченко, З. Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ Могилевской губ. (180 пѣсенъ). СПб. 1911.
98. Сержпутовскій, А. К. Сказки и рассказы бѣлоруссовъ - полѣшукъ. (Матеріалы къ изученію творчества бѣлоруссовъ и ихъ говора). Изд. Отд. русск. яз. и слов. И. А. Н. Спб., 1911 г.
99. Сказки, легенды, пѣсни. Минская Старина, вып. 2-й, 1911, стр. 214—234.
100. Никифоровскій, Н. Я. Полупословицы и полупоговорки, употребляемыя въ Витебской Бѣлоруссіи. Зап. С.-З. Отдѣла И. Р. Г. О., 1910 г., к. I, стр. 197.
101. Карскій, Е. Ѳ., проф. Бѣлоруссы. Историческій очеркъ словообразованія и словоизмѣненія въ бѣлорусскомъ нарѣчій. Варшавскія Универ. Изв. 1911, вып. I, стр. 57—64 и дальше.
102. Петропавловскій, А. И. „Водяныя отправки“ въ Могилевской губ. Этногр. Обзорѣніе 1911, № 3—4, стр. 184.
103. Wlast. Karotkajà Historyja Bie-larusi. Вильна, 1910.

104. Сапуновъ, А. П. Историческій очеркъ Витебской Бѣлоруссіи. Полоцко-Витебская Старина, 1911, кн. I, стр. 1.
105. Поповъ, Ив. Бѣлоруссія и бѣлоруссы. М. 1911.

Западный край.

106. Каминскій, В. А. Отчетъ поѣздкѣ въ Волинское Полѣсье для изученія народныхъ говоровъ лѣтомъ 1910 года. Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, 1911, т. XVI, кн. 4, стр. 67.
107. Ткачъ, В. Очерки Холмщины и Подляшья. Говоры, обычаи, обряды, типы, нравы, пѣсни, хозяйственный бытъ и пр. Холмъ. 1911.
108. Крыжановскій, Е. М. Русское Забужье (Холмщина и Подляшье). Сборникъ статей. СПб., 1911.
109. Тизенгаузенъ, бар. Нѣкоторые статистическія данныя о народонаселеніи Западнаго края. Съ приложеніемъ статистическихъ таблицъ. Минская Старина, вып. II, 1911, стр. 1.

Витебская губ.

110. Ивановъ, В. Примѣты и повѣрья крестьянъ Витебскаго у., Витебской губ. Зап. С.-З. Отдѣла И. Р. Г. О., 1910 г., стр. 208.

Гродненская губ.

410.

111. Романовъ, Е. Р. Матеріалы по этнографіи Гродненской губерніи. Вып. I, Вильна, 1911.

Литовцы.

459.

112. Вольтеръ, Э. Литовскіе варианты; легенды о женскихъ характерахъ. Живая Стар., 1911, стр. 433.
113. Вольтеръ, Э. Kalwaitis, W. Lietuwiszku wardu, klétele, Tilžeje, 1910 г. (крит. замѣтка). Живая Стар. 1911, II, 312.
114. Вольтеръ, Э. Lietuviu tauta Lie-

tuviiu Mokslo draugijos gaštai (критич. замѣтка). Живая Стар. 1911, II, 309.

115. Богородицкій, В. А. Діалектологическія замѣтки. VIII. Объ антропо-финическомъ строеніи жемайтскаго слова по наблюденіямъ въ Полангенѣ. Русск. Филолог. Вѣстникъ, 1911 г., № 1 (т. XLV), стр. 111. Варш.

Латыши.

116. Новоселовъ, Ю. Латыши. Рига, 1911 г.

Угро-финны.

502.

117. Шахматовъ, А. А. Къ вопросу о финско-кельтскихъ и финско-славянскихъ отношеніяхъ. I, II. Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, VI серія, 1911 г., № 9, стр. 707; № 10, стр. 791.
118. Петровъ, А. Предѣлы угрорусской рѣчи въ 1773 г. Записки Историко-Филол. фак. Имп. СПб. Унив., 1911, часть CV.
119. Богдановъ, Вл. Sirelius U. T. Ueber die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker. Helsing. 1910 г. (крит. замѣтка). Этнограф. Обзоръ 1911, № 1—2, 262.
120. Жаковъ, К. Судьбы угро-финскихъ племенъ въ историческое и въ до-историческое время. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 17, стр. 409.
121. Prants, H. Soome sugu rahwaste ajalooline aruemeine. (Прантсъ, Г. Историч. развитіе финскихъ народовъ). Ревель, 1911.
122. Погодинъ, А. Л. Изъ области русско-финскихъ отношеній. Изв. Отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ, 1911, т. XVI, кн. 4, стр. 37.
123. Prants, H. Soomesugu rahwad Weperegiis gajamisel. (Прантсъ, Г. Финскія племена во время основанія Россіи). Ревель, 1911.
124. Сношенія архангельскихъ карель

съ Финляндіей. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 7, стр. 561.

125. Е. Е. (рецензія на книгу). Anti Aarne: Finnische Märchenvarianten. 1911 г. Этногр. Обзоръ 1911, № 3—4, стр. 223.
126. Руотей, Н. Нѣсколько словъ о финляндской мнѳологіи. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 10, стр. 782.
127. Майковъ. Финляндія. СПб. 1911 г.

Эсты.

128. Leetberg, K. Kui pikalt on kalewipoeg rahwa luuletus? Летбергъ, К. Насколько Калевипоегъ (эст. народн. эпосъ) является народной поэзіей? СПб. 1911.
129. Eisen, M. I. Eesti ennemuisted jutud. (Эйзенъ, М. I. Эстонскія былины). Юрьевъ, 1911 г.
130. Eesti rahwanali. Эстонскія народныя шутки. Ревель. 1911.
131. Eisen, M. I. Eestlaste sügu. II pool. (Эйзенъ, М. I. Эстонцы. II часть). Юрьевъ. 1911.
132. Grossschmidt, O. Eesti rahwa ajalugu. (Гроссшмидтъ, О. Ист. эстонскаго народа). Юрьевъ. 1911 г.
133. Hausmann, R. Prähistorische Archäologie von Estland, Livland, Kurland. Юрьевъ. 1910.
134. Eesti Rahwa Museumi Zuhatuskiri Korjajatel. (Указатель эстонскаго народнаго музея). Юрьевъ, 1911.

Лопари.

14.

135. Рудневъ, А. К. В. Wiklund. Om lapparna i sverige, 1910 г., Stockholm (крит. замѣтка). Жив. Ст. 1911 г., I, 162.
136. Визе, В. Ю. Лопарская музыка. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера. 1911 г., № 6, стр. 481.

Самоѣды.

55, 59, 60, 148.

Зыряне.

137. Сорокинъ, П. А. Къ вопросу объ эволюціи семьи и брака у зырянъ. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русскаго Сѣвера, 1911, № 1, стр. 34 и № 5, стр. 356.
138. Белдыцкий, Н. П. О Печорскомъ краѣ. Пермскій Научно-Пром. Музей, 1911, вып. IV, стр. 56.
139. Сорокинъ, П. А. Современные зыряне. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911 г., № 18, стр. 525; № 22, стр. 811; № 23, стр. 876; № 24, стр. 941.

Черемисы.

140. Васильевъ, В. Черемисско-русскій словарь. Пособіе при изученіи черемисскаго яз. Казань, 1911.
141. Хомяковъ, М. М. О физическомъ типѣ луговыхъ черемисъ. Приложение къ проток. засѣд. Общ. Естественн. при Импер. Каз. Ун., № 265, Казань, 1911.

Мордва.

82.

Чуваши.

142. Никольскій, Н. В. Этнографическія замѣтки о чувашахъ Козьмодемьянскаго уѣзда, Казанской губ. Извѣстія Общества Археол., Истор. и Этногр. при Имп. Казан. Ун., т. XXVII, вып. 4, стр. 245.
143. Комиссаровъ, Г. Чуваши Казанскаго Заволжья. Извѣстія Общ. Археол., Истор. и Этногр. при Имп. Казан. Унив. XXVII, вып. 5, стр. 311.
144. Ашмаринъ, Н. И. Словарь чувашскаго языка. Вып. I. Казань, 1910 г.
145. Никольскій, Н. В. Краткій конспектъ по этнографіи чувашъ. Казань, 1911 г.
146. Архангельскій, Н. свящ. Гостепріимство въ семейномъ быту чувашъ. Извѣстія Общ. Арх., Истор. и Этнографіи, т. 26, вып. 6, стр. 640—644. Казань, 1911.

Остяки.

147. Богдановъ, Вл. (реценз. на книгу). В. Н. Пигнатти и др. Издѣлія остяковъ Тобольской губ. Тобольскъ, 1911 г. Этногр. Обзорѣніе, 1911, № 3—4, стр. 246.
148. Садовниковъ. Богатырь рѣки Сабуна, праваго притока рѣки Ваха. Ежегодн. Тобольскаго Губернскаго Музея. Вып. XX, за 1910 г., 1912 г.
149. Иванцевъ, П. Матеріалы по статистикѣ кондинскихъ остяковъ. Ежегодн. Тобольскаго Губернскаго Музея. Вып. XX, за 1910 г., 1912 г.
150. Пигнатти, Вас. Краткое сообщеніе о поѣздкѣ на рѣку Конду (М. Кондинская волость, Тобольск. уѣзда), лѣтомъ 1910 года. Ежегодн. Тобольскаго Губернскаго Музея. Вып. XX, за 1910 г., 1912 г.

Вогулы.

151. Каннисто, А. О драматическомъ искусствѣ у вогуль (перев. О. В. Циммерманъ). Пермскій Научно-Промыш. Муз., 1911, вып. VI, стр. 24.
152. Богдановъ, Вл. (реценз. на книгу). Каннисто, Артуръ. О драматическомъ искусствѣ у вогуль. Пермь, 1911 г. Этногр. Обзорѣніе, 1911 г., № 3—4, стр. 237.

Вотяки.

153. Хомяковъ, М. М. Эволюція вотскаго брака. Свадебный обрядъ глазовскихъ вотяковъ. Извѣстія Общества Археолог., Ист. и Этногр. при Имп. Казан. Унив., XXVII, вып. 4, стр. 271.
154. Верещагинъ, Гр. Вотяки и ихъ произведенія устной словесности. Пам. Кн. Вятской губ., 1911 г.
155. Верещагинъ, Гр. Вотскіе боги. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911 г., № 7, стр. 566.
156. Верещагинъ, Г. Человѣческія жертвоприношенія вотяковъ. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 10, стр. 784; № 12, стр. 996.
157. Лупповъ, П. Н. Матеріалы для исторіи христіанства у вотяковъ въ

первой половинѣ XIX в. Труды Вятской Ученой Архивной Комиссіи, 1911, вып. III, стр. 1—318.

158. Лупповъ, П. Н. Христіанство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX в. Труды Вятской Ученой Архивной Комиссіи, 1911, вып. I—II, стр. 1—568.
159. Хомяковъ, М. М. О краниологическомъ типѣ чепецкихъ вотяковъ въ связи съ общимъ развитіемъ вотякской народности. Труды О-ва Естествоиспыт. при Имп. Казанск. Ун-тѣ, т. XLIII, вып. 3.
160. Хомяковъ, М. М. О краниологическомъ типѣ чепецкихъ вотяковъ. Казань, 1910 г.

Бесермяне.

161. Хомяковъ, М. М. Къ вопросу о краниологич. типѣ бесермянъ Вятской губ. Казань, 1911. Матеріалы къ изученію Вятскаго края. Т. I, вып. I.
162. Зеленинъ, Дм. Матеріалы къ изученію Вятскаго края. Т. I, вып. I. Къ вопросу о краниолог. типѣ бесермянъ. Казань, 1911 г. (крит. замѣтка). Жив. Ст., 1911, I, 163.

Башкиры.

163. Белдыцкий, Н. На соколиной охотѣ (изъ очерковъ пермской Башкирин). Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 1, стр. 41.

Пермяки.

164. Крупкинъ, Ал. (свящ.). Вѣрованія пермяковъ-инородцевъ. Изв. Арх. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, 1911, № 4, стр. 301; № 5, стр. 349.
165. Жаковъ, К. У иньвенскихъ пермяковъ. Арх. 1910 г.

Сибирь.

453, 456

166. Паткановъ, С. О приростѣ инородческаго населенія Сибири. Статистическіе матеріалы для освѣ-

щенія вопроса о вымираніи первобытныхъ племенъ. Изд. Академіи Наукъ. Спб., 1911.

167. Паткановъ, С. Статистическія данныя, показывающія племенной составъ населенія Сибири, языкъ и роды инородцевъ. Т. II, Тобольская, Томская и Енисейская губ. Зап. И. Р. Г. О. Отд. статистики, т. XI, вып. 2, 1911 г.
168. Б., Вл. Паткановъ, С. О приростѣ инородческаго населенія Сибири (крит. замѣтка). Этногр. Обзор. 1911 г., № 1—2, 275.
169. Майновъ, И. С. Паткановъ. О приростѣ инородческаго населенія Сибири. И. А. Н. 1911 г. (критич. замѣтка). Живая Стар., 1911, II, 312.
170. Гартевельдъ, В. Н. Пѣсни сибирскихъ каторжанъ, бродягъ и инородцевъ. Спб., 1911. Изд. Ю. Г. Циммерманъ.
171. Миллеръ, Веев. Двѣ сибирскія былинны изъ записей С. И. Гуляева. Жив. Стар., 1911, III—IV, стр. 445.
172. Муровъ, Г. Т. По русскому Дальнему Востоку. Люди, ихъ жизнь и нравы. Дневникъ странника. Т. II. М. 1911 г.
173. Хворостанскій, П. Чолаксайскій русскій поселокъ въ Тургайскомъ уѣздѣ. Изв. Оренбургск. Отд. И. Р. Г. О. 1911, XXII, 120.
174. С., И. И. Распространеніе слѣпоты среди сибирскихъ инородцевъ. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1911 г., XLII, стр. 87.
175. Отчетъ объ Алтайской миссіи, за 1911 годъ. Томскъ, 1911.
176. Юхельсонъ, В. И. Изъ писемъ начальника Этнологическаго Отд. Камчатской экспед. Ф. П. Рябушинскаго. Спб. 1911. Отд. оттискъ изъ Изв. Имп. Русск. Географ. Общ., т. XLV, вып. IX, 1909 г. Спб. 1911.
177. Анохинъ, А. В. Письма. Извѣстія Рус. Ком. для изуч. Ср. и Вост. Азіи. Серія II, № 1, стр. 113.

МОНГОЛІЯ И МОНГОЛЫ.

8, 352, 502.

178. Гурьевъ, Б. Экономическое положеніе Монголіи. Вѣстникъ Азіи, 1911, № 8, стр. 74.
179. Фрозе, Б. Восточная Монголія и ея колонизація. Вѣстникъ Азіи, 1911, № 10, стр. 90.
180. Козловъ, П. Монголо-Сычуаньская экспедиція Имп. Русск. Географ. Общ., подъ начальствомъ подполковника П. К. Козлова, 1907—09 гг. Русская Старина. 1911 г., июнь, стр. 453; июль, стр. 33.
181. Козловъ, П. К. Русскій путешественникъ въ Центральной Азіи и мертвый городъ Хара-Хото. СПб. 1911 г.
182. Рамседтъ, Г. I. Къ вопросу о Кай-такахъ. Этнограф. Обзор., 1911 г., № 1—2, стр. 238.
183. Владиміровъ, Б. Отчетъ о командировкѣ къ бантамъ Кобдоскаго округа. Извѣст. Русск. Ком. для изуч. Ср. и В. Азіи, серія II, № 1, стр. 100.
184. Владиміровъ, Б. Я. Поѣздка къ кобдоскимъ дербетамъ, лѣтомъ 1908 г. СПб., 1911 г.
185. Долбепеевъ, Б. В. Дархатскій округъ, ред. В. Л. Котвича. Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приам. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XII, за 1909 г., 1911 г., стр. 96.
186. Самойловичъ, А. Монголо-шаманскій обрядъ завораживанія бунчуковъ въ началѣ XVI вѣка. Живая Стар. 1911 г., стр. 429.
187. Хитрово, А. Д. Ганчжурская ярмарка. Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ., т. XIII, вып. 2, за 1910 г., стр. 157, 1911 г.
188. Рудневъ, А. Плугъ у восточныхъ монголовъ. Живая Стар., 1911 г., II, 301.
189. Корнакова, А. Д. Официальный трауръ въ Монголіи. Труды Троиц-

косавско-Кяхтинск. Отдѣлен. Приамурск. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общ., т. XIII, вып. 1, за 1910 г., 1911, стр. 60.

190. Сапожниковъ, В. В., проф. Монгольскій Алтай въ истокахъ Иртыша и Кобдо. Томскъ, 1911. Изв. Импер. Томскаго Универс., книга XLIV.
191. Рудневъ, А. Д. Матеріалы по говорамъ Восточной Монголіи. Изд. Факульт. вост. яз. Имп. СПб. Ун-та 1911 г.
192. Владиміровъ, Б. Турецкіе элементы въ монгольскомъ языкѣ. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. II—III, стр. 153, 1911.
193. Владиміровъ, Б. Объясненіе къ картѣ С.-З. Монголіи, составленной монголами. Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XLVII, 1911 г., вып. VII—X стр. 491.

Буряты.

194. Затопляевъ, Н. Нѣкоторые изъ онгоновъ, почитаемыхъ въ Аларскомъ вѣдомствѣ. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., 1910 г., XLI, стр. 116.
195. Мацокинъ, П. Г. О вліяніи ламаизма на культурное развитіе бурятъ Забайкалья. Вѣстникъ Азіи, 1911 г., № 8, стр. 89.
196. Матеріалы для изученія бурятской народной словесности и языка. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., 1911 г., XLII, стр. 111.
197. Сборникъ монголо-бурятской народной поэзіи. Вып. II, подъ ред. Алмашъ Нарнаи (на монг. яз.), СПб., 1911 г.
198. Подгорбунскій, И. А. Нѣсколько замѣтокъ по фонетикѣ бурятскаго языка въ связи съ вопросомъ о транскрипціи бурятскихъ текстовъ. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., 1910 г., XLI, стр. 10.
199. Подгорбунскій, И. А. Матеріалы для грамматики разговорнаго бурятскаго языка. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., 1910 г., XLI, стр. 40.

Калмыки.

200. Джангарь. Героическая поэма калмыковъ, съ приложеніемъ вновь отысканной и впервые издаваемой третьей главы, въ оригинал. калмыцкомъ текстѣ. Редактировалъ А. Позднѣвъ, № 7, СПб., 1911 г., Имп. Акад. Наукъ.

Средняя Азія.

484.

201. Терентьевъ, М. А. Исторія завоеванія Средней Азіи. 3 тома. СПб., 1911 г.
202. Павловъ, Н. Г. Исторія Туркестана въ связи съ историческимъ очеркомъ сопредѣльныхъ странъ. Ташкентъ, 1911 г.
203. Юферовъ, Вяч. Изъ исторіи Туркестана. Средняя Азія 1911 г., февр.—мартъ. Ташкентъ.
204. Андреевъ, М. С. и Половцевъ, А. А. Матеріалы по этнографіи иранскихъ племенъ Средней Азіи. Ишканимъ и Ваханъ. Сборникъ Музея по Антроп. и Этногр. при И. Ак. Наукъ, в. IX.
205. Павловскій, Е. Н. Очерки Самаркандской области. Ист. Вѣстн., 1911 г., дек., стр. 1118.
206. Бржзницкій, І. А. Краткая статистическая записка о Пенджикентскомъ участкѣ, Самаркандскаго уѣзда. Средняя Азія 1911 г., XI, стр. 93.
207. Семеновъ, А. Ковры русскаго Туркестана. Этногр. Обзор. 1911 г., № 1—2, стр. 137.
208. Семеновъ, А. Указатель литературы о коврахъ Азіи. Этногр. Обзор. 1911 г., № 1—2, стр. 168.
209. Вѣселовскій, Н. Рецензія на изданіе: Ковровыя издѣлія Средней Азіи изъ собранія, составленнаго А. А. Боголюбовымъ. Вып. I и II. СПб. 1908—09. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. I, стр. 89, 1911 г.
210. Шишовъ, А. Таджики (продолженіе). Этнографическое и антропологическое изслѣдованіе. Средняя Азія 1911 г., январь—декабрь (кн. I—VI, VIII, XI—XII). Ташкентъ.
211. Вяткинъ, В. Отчетъ о раскопкахъ обсерваторіи Мирза Улугъ бека, въ 1908 и 1909 годахъ. Изв. Русск. Комит. для изуч. Ср. и Вост. Азіи. Серія II, № 1, стр. 76.
212. Амулеты у мусульманскихъ народовъ Крайняго Востока (пер. съ франц.). Средняя Азія 1911 г., VII, стр. 103.
213. Самойловичъ, А. Хивинская сатира на казак-киргизовъ. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. I, стр. 52, 1911 г.
214. Иностранцевъ, К. А. О до-мусульманской культурѣ Хивинскаго оазиса. Ж. Мин. Народ. Просв. 1911 г., февр., № 2, стр. 284.
215. Иностранцевъ, К. Коркудъ въ исторіи и легендѣ. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. I, стр. 40, 1911 г.
216. Гинетъ, Г. К. Таранчи и дунгане. (Очерки изъ поѣздки по Семирѣчью). Ист. Вѣстн., 1911 г., авг., стр. 672.
217. Матеріалы по изслѣдованію туземнаго и русскаго старожильскаго хозяйства и землепользованія въ Семирѣченской области, собр. подъ руковод. П. И. Румянцева. Т. I, вып. I. Лепсинскій уѣздъ. Изд. Переселенч. упр. СПб. 1911 г.
218. Анекдотъ кокандцевъ про ташкентскихъ сартовъ. Записалъ П. С. П. Средняя Азія 1911 г., февр., стр. 127. Ташкентъ.

Тюрки.

283, 287.

219. Radloff, W. Alttürkische Studien. IV, V. Bull. de l'Académie Impériale des Sciences. 6-e Serie. 1911. p. 305—326; 427—452.
220. Radloff, W. Kuan - Si - im Pusar. Eine türkische Übersetzung des XXV. Kapitels, der chinesischen Ausgabe des Saddharma pundarika. Bibliotheca Buddhica, XIV. СПб. 1911 г.

221. Radloff, W. Nachträge zum Chustuanit (Chuastuanvt), dem Bussgebete der Manichäer (Hörer). Bull. de l'Académie Imperiale des Sciences. 6-e série. 1911. p. 867—896.
222. Щегловъ. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Свѣдѣнія о хозяйствѣ осѣдлыхъ и кочующихъ инородцевъ, русскихъ крестьянъ и хуторянъ-овцеводовъ въ Трухменской и Ачикулакской степи Ставроп. губ. Т. I. Ставрополь, 1911 г.
223. Щегловъ, И. Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Матеріалы по изслѣдованію полевого и скотоводческаго хозяйства въ Трухменской и Ачикулакской степи. Т. II, вып. 1 и 2, т. III, т. IV. Ставрополь, 1911 г.
224. Б., Вл. (рецензія на книгу). Щегловъ И. Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губ., т. I—IV, 1911 г. Этногр. Обзорѣніе, 1911 г., № 3—4, стр. 251.
225. Фарфоровскій. Трухмены (туркмены) Ставропольской губ. Извѣст. Общ. Археолог., Исторіи и Этногр. при Имп. Казанск. Унив., т. XXVII, вып. 3, стр. 181.
226. Маловъ, С. Отчетъ о путешествіи къ уйгурамъ и саларамъ. Извѣст. Рус. Ком. для изуч. Ср. и В. Азіи, серия II, № 1, стр. 94.
227. Самойловичъ, А. Къ вопросу о нареченіи имени у турецкихъ племенъ. Живая Стар., 1911 г., II, 297.
228. Радловъ, В. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Выпускъ 24-й, т. IV, вып. VI. Изд. Ак. Наукъ, 1911 г.
229. Рахманкуловъ, Султанъ и Карамъ, Абдрахманъ. Русче-татарче мукемель лугать. Русско-татарскій словарь. Казань, 1911 г.
230. Насыровъ, А. К. Лугегъ. „Полный русско-татарскій словарь“. Казань, 1911 г.
231. Полный русско-татарскій словарь. Буквы А—Г. Казань 1911 г.
232. Нугайбековъ, Гимадъ. „Урнэкляръ“. Образцы новой транскрипціи. Казань.
233. Ибрагимовъ, Галимдзянъ. Татаръ сарфи. Грамматика татарскаго языка. Казань, 1911 г.
234. Ибрагимовъ, Галимдзянъ. Татаръ нахви. Синтаксисъ татарскаго языка. Казань, 1911 г.
235. Иманаевъ, Шейхъ Аттаръ. „Татаръ телененгъ нахви уасарфи“. „Синтаксисъ и грамматика татарскаго языка“. Казань. 1910 г.
236. Гордлевскій, Вл. Матеріалы по османскому фольклору. Жив. Стар., 1911, I, 131.
237. Мартиновичъ, Н. Малоазійскіе сказки, рассказы и анекдоты (изъ матеріаловъ по османскому фольклору). Живая Старина, вып. III, 1910.
238. Гордлевскій, Вл. Османскія сказанія и легенды. Этногр. Обзор., 1911, № 1—2, стр. 79.
239. Гордлевскій, В. А. Османскія сказки (краткое изложеніе). Этнографич. Обзор., 1911 г., № 3—4, стр. 203.
240. Гордлевскій, Вл. Анекдоты о ходжѣ Наср-эд-динѣ. Константинополь 1910 г. (1325). Жив. Ст., 1911 г., I, 152 (крит. замѣтка).
241. Гордлевскій, В. А. Тексты по османской народной словесности. Труды по востоковѣдѣнію, изд. при Лазаревскомъ инст. вост. яз., вып. XXXIV. М. 1911 г.
242. Ресимли, Латалофъ. Ходжа Насреддинъ - Эфенди. Анекдоты о Насреддинѣ. Казань, 1911 г.
243. Абдулъ-Хамидъ-оглы, Али. Алкикаятъ. Историч. рассказы и сказки (на казыкумукскомъ яз.). Темиръ-Ханъ-Шура, 1911 г.
244. Гордлевскій, Вл. Матеріалы для османскаго народнаго календаря. Живая Стар., 1911, стр. 439.
245. Лыкошинъ, Н. Дивана и Машрабъ (переводъ съ тюркскаго), продолженіе. Средняя Азія, 1911 г. мартъ—апрѣль. Ташкентъ.
246. Баруди, Гаминбзянъ. Китабъ--ель--салисъ леинъ -- ель арбагиннать ель--мутесаль--сила. Третья книга изъ серій --преданій, ч. III. Казань 1910 г.

247. Гари́фъ - бекъ, Мухаммедъ. Менгъ беръ хадистъ. Тысяча одно преда-
ніе. Казань, 1910 г.
248. Курьезные и смѣшные анекдоты
Пасредина Ходжи (на турецкомъ
яз.). Одесса, 1911 г.
249. Кобловъ, Я. Д. О татаризаціи ино-
родцевъ Приволжскаго края. Ка-
зань, 1910 г.
250. Самойловичъ, А. Рецензія на книгу:
E. Denison Ross. A collection of
poems by the Emperor Babur. Зап.
Вост. Отд. Имп. Русск. Археол.
Общ., т. XX, вып. 1, стр. 93, 1911.
251. Гордлевскій, Вл. Grothe, Hugo.
Geographische Charakterbilder aus
der asiatischen Türkei. * Leipz.
1909 г. (крит. замѣтка). Этнограф.
Обозр., 1911 г., № 1—2, 260.
252. Гордлевскій. Dr. Rudolf Tschudi.
Das Asafname des Lutfi Pascha
(крит. замѣтка). Жив. Ст., 1911, I, 157.

Киргизы.

458.

253. Мякутинъ. Юридическій бытъ кир-
гизовъ. 1. Вещное право. 2. обя-
зательственное право. Оренбургъ,
1910 г. Труды Оренб. Архивн. Ко-
миссіи, вып. XXV.
254. Хворостанскій, П. Норма земель-
наго обезначенія киргизъ 2-й Наур-
зумской волости Тургайскаго уѣзда.
Изв. Оренбург. Отд. И. Р. Г. О.,
1911 г., XXII, 139.
255. Скрыбинъ, К. И. Лѣченіе ударами
нагайки у киргизовъ. Историческій
Вѣстн. 1911 г., августъ, стр. 598.
256. Горячкинъ, А. Объ играхъ киргиз-
скихъ дѣтей во Внутренней Бу-
куевской Ордѣ, Астраханской губ.
Изв. Общ. Археолог., Истор. и
Этногр. при Имп. Казанск. Унив.,
XXVII, вып. 4, стр. 307.
257. Русско-киргизскій словарь. Казань,
1911 г.
258. Краткій русско-киргизскій словарь.
Казань, 1911 г.
259. Пахомовъ, І. Киргизское хозяйство
на Акъ-Кабѣ и на верховьяхъ Ку-
чума. Зап. Семипалатинскаго Подъ-

отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.,
вып. V, 1911.

260. Казакдынынг айтыскан улындыр-
лы. Изъ киргизскихъ сказаній. Ка-
зань, 1910 г.
261. Бекимовъ, М. Киргизская сказка.
(Этнограф. матер.). Средняя Азія
1911 г., янв, стр. 92. Ташкентъ.
262. Бекимовъ, М. Почему сложилось
мнѣніе у киргизъ, что земля дер-
жится на рогахъ быка. Средняя
Азія 1911 г., мартъ, стр. 107. Таш-
кентъ.
263. Карутцъ, Р. Среди киргизовъ и
туркменовъ на Мангышлакѣ. Пе-
реводъ Е. Петри. СПб. 1911 г.
264. Калтаевъ. „Қазақ ахвалындан бахе
иткян манзумасы“. Стихотвореніе
объ обстоятельствахъ жизни кир-
гизовъ. Казань. 1910 г.

Сарты.

265. Юферовъ, Вяч. и Бадъинъ, А. И.
Хозяйство сартовъ Ферганской
области. Изданіе Переселенческаго
Управл. Главн. Управл. Зем. и Земл.
Ташк. 1911 г.

Якуты.

11, 468.

266. Radloff, W., Dr. Die jakutische Spra-
che in ihrem Verhältnisse zu den
Türksprachen. St. P. 1908. Mémoires
de l'Académie Impériale des Scien-
ces. 8-e sér. vol. VIII, № 7.
267. Трошанскій, В. Ф. Наброски о
якутахъ Якутскаго округа. Подъ
редакціей и съ примѣчаніямп
Э. К. Пекарскаго. Казань, 1911 г.
268. Пекарскій, Э. К. Образцы народ-
ной литературы якутовъ. Вып. V.
Сказки. Изд. Имп. Акад. Наукъ.
Спб. 1911.
269. Анучинъ, Д. Н. О примѣненіи фо-
нографа къ этнографіи и въ частно-
сти о записи шаманскаго камланія
въ Среднеколымскѣ Якутской обла-
сти (съ приложеніями). Извѣстія
И. О. Л. Е., А. и Э., CXIV. М.,
1911 г., стр. 267—297.
270. Михайловичъ, Вас. [Вс. М. Юновъ].
Пекарскій Э. К. и Васильевъ В. Н.

Плащъ и бубень якутскаго шамана (критич. замѣтка). Этногр. Обзорѣніе, 1911 г., № 1—2, 284.

Тунгусы.

273.

271. Пекарскій, Э. и Цвѣтковъ, Вл. Пріаянскіе тунгусы. Жив. Стар. 1911, II, 219 и 323.

Палеазиаты.

I. Юкагиры и чуванцы.

272. Сокольниковъ, Н. П. Болѣзни и рожденіе челоуѣка въ селѣ Марковѣ на Анадырѣ. Этнографич. Обзорѣніе 1911, № 3—4, стр. 71.
273. Максимовъ, А. Рецензія на книгу Waldemar Jochelson. The Jukaghir and the Jukaghirized Tungus. P. 1, 1910 г. Этногр. Обзорѣніе, 1911, № 3—4, стр. 212.

II. Енисейскіе остяки.

274. Анучинъ, В. И. и Синельниковъ, Н. Л. Енисейскіе остяки. Труды Антрополог. Отд. И. О. Л. Е., А. и Э., т. XXVIII, выпускъ I.

Кавказъ.

482.

275. Миллеръ, В. О нѣкоторыхъ древнихъ погребальныхъ обрядахъ на Кавказѣ. Этногр. Обзор., 1911 г., № 1—2, стр. 125.
276. Марръ, Н. Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазцевъ и алановъ Святѣмъ Григоріемъ. Эчмιάдинъ.
277. Ткачевъ, Г. А. Ингуши и чеченцы въ семьѣ народностей Терской области. Владикавказъ, 1911 г.
278. Карауловъ. Краткій очеркъ грамматики языка „болкаръ“. Сборникъ матер. для описанія мѣстн. и плем. Кавказа. Вып. 42. 1912.
279. Дирръ, А. М. Рутульскій языкъ. Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. Вып. 42. 1912 г.
280. Марръ, Н. Я. Гдѣ сохранилось сванское склоненіе. Извѣст. Имп.

Акад. Наукъ, VI серія, 1911, № 17, стр. 1199.

281. Сванскіе тексты. Просмотрѣль проф. Н. Марръ. СПб. 1911. Изд. Факульт. Восточ. языковъ.
282. Сборникъ свѣдѣній о сѣверномъ Кавказѣ. Подъ ред. Г. Н. Прозрителева, томъ IV, съ приложеніемъ списка населенныхъ мѣстъ Ставропольской губ. (т. V „Сборника“). Ставрополь 1911.
283. Nemeth, J. Bericht über die Resultate meiner linguistischen Reise zu den tatarischen Stämmen des Kaukasus. Извѣст. Русск. Ком. д. изуч. Ср. и В. Азии, серія II, № 1, стр. 66.
284. Туманскій. Арабскій языкъ и Кавказовѣдѣніе. Тифлисъ 1911 г.
285. Кипшидзе, I. Ал. Biti do bozo. Чанское стихотвореніе. Изв. Имп. Акад. Наукъ, VI серія, 1911, № 16, стр. 1123.
286. Кипшидзе, I. Дополнительные свѣдѣнія о чанскомъ языкѣ. (Изъ лингвистической экскурсіи въ Русскій Лазистанъ). 1911. Матеріалы по яфетическому языкознанію, III, изд. Имп. Акад. Наукъ.
287. Востряковъ. Музыка и пѣсня у азербейджанскихъ татаръ. Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. Тифлисъ 1912 г., вып. 42.
288. Востряковъ. Сказки, записанныя въ Елисаветпольской губ. Сборникъ матер. для опис. мѣстност. и плем. Кавказа, вып. 42, 1912 г. Тифлисъ.
289. Трубецкой, Н. С., кн. Редедя на Кавказѣ. Этногр. Обзоръ 1911 г., № 1—2, стр. 229.
290. Барановъ, Евгений. Кабардинскія легенды. Пятигорскъ, 1911.
291. Хахановъ, А. С. Н. Шульгинъ. Изъ дагестанскихъ преданій о Шамилѣ и его сподвижникахъ. Тифлисъ, 1910 г. (крит. замѣтка). Этнограф. Обзор. 1911, № 1—2, 281.
292. Гордлевскій, Вл. Фир.-бекъ Кочарлинскій. Пѣсни „Саячи“. Пѣсня „Валеха“. Тифлисъ, 1910 г. (крит. замѣтка). Этногр. Обзор. 1911, № 1—2, 257.

293. Орбели, И. Развалины Ани. Исторія, современ. состояніе. Раскопки, пер. съ русск. архіеп. Іусинъ. Эчміадзинъ, 1911.
294. Харламовъ, М. А. Нѣкоторыя особенности живого говора города Майкопа, Кубанск. обл. Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, вып. 42, 1912.
295. Марръ, Н. Еще о словѣ „челеби“. (Къ вопросу о культурномъ значеніи курдской народности въ исторіи Передней Азіи). Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. II—III, стр. 99, 1911.

Армяне.

296. Марръ, Н. Я. Объ армянской иллюстрированной рукописи изъ халкедонитской среды. Изв. Имп. Акад. Наукъ, VI серія, 1911 г., № 18, стр. 1297.
297. Марръ, Н. Я. Богъ Տօրօնօс у армянъ. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ. VI серія, т. V, стр. 759.
298. Марръ, Н. Сирійское происхождение одного армянскаго слова. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археолог. Общ., т. XX, вып. I, стр. 64, 1911.
299. Марръ, Н. Я. Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи. Извѣстія Имп. Ак. Наукъ. VI серія, 1911, т. V стр. 137, 469.
300. Эллинский этнографич. сборникъ издав. при Лазаревскомъ Инстит. вост. яз. Вып. IX. Очерки армянской диалектологіи. М., 1911.
301. Самуельянъ, Х. Армянское обычное право. Тифлисъ, 1911.
302. Адонцъ, Н. Г. О происхожденіи армянъ—цатовъ. Журн. Мин. Нар. Просв., 1911, апрѣль, стр. 238.
303. Бабаянъ, Л. Армяне въ Молдавіи и Буковинѣ. (Историко-этногр. обзоръ). Тифлисъ, 1911 (на армянскомъ яз.).
304. Папазянъ, В. Исторія армянской литературы съ начала до нашихъ дней. Тифлисъ. 1911 (на армянскомъ яз.).
305. Дагбашянъ, А. Полный армяно-русскій словарь. V—VI вып. Тифлисъ, 1911.
306. Варданьянъ. Карта историч. Арменіи и сосѣднихъ странъ. Тифлисъ.
307. Lalayan, E. Institutions céremonielles chez les arméniens (на армянскомъ яз.). Azgagrakan Handess XIII ann. 1911.
308. Лалаянъ, Е. Васпураканъ. (Этнографія). Тифлисъ, 1911 (на армянскомъ яз.), изд. Армянск. Этногр. О-ва.
309. Thoramanian, P. Le nortex 'dans l'église arménienne (на армянскомъ яз.). Azgagrakan Handess. XIII ann. 1911.
310. Тороманьянъ, Т. Историческая армянская архитектура—Храмъ Текора (на армянскомъ яз.). Тифлисъ, 1911.
311. Lalayan, E. L'épopée populaire de Van (на армянскомъ яз.). Azgagrakan Handess. XIII ann. 1911.
312. Абежьянъ, М. Армянскій эпосъ. Тифлисъ, 1911 (на армянскомъ яз.). Изд. Армянск. Этногр. О-ва.
313. Lalayan, E. Les monastères dans le gouv. de Van (на армянскомъ яз.). Azgagrakan Handess. XIII ann. 1911.
314. Отчетъ о дѣятельности Армянскаго Этнографическаго Общества за 1910 г. Тифлисъ, 1911.
315. Финкъ, Ф. Н. Языкъ армянскихъ цыганъ. Записки Имп. Акад. Наукъ по Ист.-Фил. Отд. VIII т., № 5.

Грузины.

316. Меликсетъ-Бекъ, Л. М. Родство грузинъ съ испанцами по древнимъ источникамъ. Тифлисъ, 1911.
317. Аракчиевъ, Д. И. Сравнительный обзоръ народной пѣсни и музыкальных инструментовъ западной Грузіи (Имеретіи). Извѣстія И. О. Л. Е., А. и Э. CXIV. Москва, 1911, стр. 119—203.
318. Кипіани, Мих. Природа этимологическаго строенія грузинскаго языка. Тифлисъ.

319. Кипшидзе, И. Грамматика грузинскаго языка. (Лекции). Спб., 1911. Изд. И. О. Востоковѣднія.
320. Марръ, И. Я. Грузинскія приписки греческаго Евангелія изъ Коридіи. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, VI серия, 1911, № 4. стр. 211.
321. Бенешевичъ, В. Н. Четвероевангеліе въ древнемъ грузинскомъ перевоѣ. Имп. Акад. Наукъ, 1911.
322. Мерчулъ, Георгій. Житіе св. Григорія Хандзтійскаго. Грузинскій текстъ, перев. Н. Марра. Тексты и размышленія по армяно-грузинской филологіи, кн. VII. Изд. Фак. Вост.-яз. И. Спб. Унив.
323. Такайшвили, Е. Грузинскія древности, т. III. Тифлисъ, 1911 г. Изд. Общ. Истор. и Этногр.
324. Азира. Патара ашутн. Сборникъ пѣсенъ (на грузинскомъ языкѣ) Тифлисъ.

Китай и китайцы.

7, 8, 220, 348.

325. Макгованъ. Китайцы у себя дома. Очерки семейной и общественной жизни. Пер. съ англ. В. В. Ламанскаго. Спб., 1910.
326. Фольбаумъ, Н. Китай и китайцы. Очерки. М., 1911.
327. Литтль, Арч. Сѣверные Альпы. Вѣстникъ Азіи. 1911, № 7.
328. Сазоновъ, В. По китайской границѣ (изъ путевыхъ замѣтокъ). Историческій Вѣстникъ, 1911, кн. III, стр. 991.
329. Ивановъ, А. И. Страница изъ исторіи Си-ся. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, т. V, VI серия, 1911, стр. 831.
330. Шлегело. Исторія проституціи въ Китаѣ. Пер. съ франц. А. Журавскаго. Вѣстникъ Азіи. 1911, № 7.
331. Титовъ, А. Чума въ Китаѣ. Вѣстникъ Азіи, 1911, № 8, стр. 117.
332. Рудаковъ, А., проф. Вырѣзки изъ китайскихъ газетъ, издаваемыхъ на разговорномъ языкѣ. Пособіе къ лекціямъ по китайскому языку. Владивостокъ, 1910.

333. Алексѣевъ, В. М. О китайскомъ храмѣ. Спб. 1911.
334. Алексѣевъ, В. О нѣкоторыхъ главныхъ типахъ китайскихъ заклинательныхъ изображеній по народнымъ картинкамъ и амулетамъ. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. II—III, стр. 1, 1911.
335. Алексѣевъ, В. О разговорномъ обозначеніи китайскихъ такъ называемыхъ ключевыхъ знаковъ. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. I, стр. 49, 1911.
336. Алексѣевъ, В. Стихотворенія въ прозѣ поэта Ли Бо, воспѣваюція природу. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. II—III, стр. 185, 1911.
337. Кириловъ, Н. Алхимія Китая. Извѣстія Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., 1911, XLII, стр. 93.
338. Стромиловъ, В. Легенда о горѣ Лао-бай-шань. Вѣстникъ Азіи 1911, № 8, стр. 127.
339. Веберъ, К. И. Указатель къ географическому отдѣлу большой китайской энциклопедіи Ту-шу-дзи-чэнгъ. Записки Имп. Акад. Наукъ по Ист.-Фил. Отд., т. VIII, № 4.
340. Шифровый каталогъ китайскихъ книгъ Библиотеки Восточнаго Института. Владивостокъ, 1910.

Японія и японцы.

7.

341. Мендринъ, В. М. Исторія сіогуната въ Японіи. Извѣстія Восточнаго Института, т. XXXVI, вып. I.
342. Мендринъ, В. М. Исторія сіогуната въ Японіи. Нихонъ гайси. Сочиненіе Рай Дзіо Сисей, въ XXII книгахъ. Пер. съ японск. съ прим. и коммент. Книга I—II. Тайра. Владивостокъ, 1910.
343. Мендринъ, В. М. Соробунъ. Анализъ японскаго эпистолярнаго стиля. Частная переписка въ двухъ частяхъ. Ч. I. Введеніе и японскій текстъ въ полномъ начертаніи и скорописью. Владивостокъ 1910.

344. Спальвинъ, Е. Г. Нихонго-токухон. Японская хрестоматія. Отдѣлъ VII, ч. III, вып. 1-й и ч. II, вып. 2-й. Владивостокъ, 1911.
345. Спальвинъ, Е. Г. Нихонго-токухон. Японская хрестоматія. Отд. XVI, ч. II, вып. 2-й. Владивостокъ, 1911, и приложеніе: Ключевой указатель. Составилъ лекторъ япон. яз. М. Мацуда. Владивостокъ, 1911, изд. 2.
346. Спальвинъ, Е. Г. Обзоръ политич. устройства Японіи въ прошломъ и настоящемъ. Владивостокъ, 1910.
347. Спальвинъ, Е. Г. Обзоръ политическаго устройства Японіи въ прошломъ и настоящемъ. Вып. 2-й. Политическое устройство Японіи при конституціонной монархіи. Владивостокъ. 1911.
348. Позднѣвъ, Д. Новый іероглифическій японо-корейско-китайскій словарь, какъ попытка опредѣленія минимальнаго числа іероглифовъ, общихъ для трехъ языковъ. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. II—III, стр. 77, 1911.
349. Позднѣвъ, Димитрій. Пособіе къ изученію японскаго оффиціального языка. Спб. 1911.
350. Николаевко, П. М. Матеріалы по коммерческому образованію въ Японіи. Извѣстія Вост. Института, т. XXXVII, вып. II.
351. Ивановъ, П. Е. Въ интимныхъ уголкахъ и въ общественныхъ мѣстахъ у японцевъ (изъ записной книжки путешественника). М. 1911.

Корея.

7, 348.

Маньчжурія и маньчжуры.

352. Давидовъ, Д. А. Колонизація Маньчжуріи и С.-В. Монголіи (области Тао-Нань-Фу). Владивостокъ, 1911 (то же въ Изв. Вост. Института, т. XXXVI, вып. I. Владивостокъ, 1911).
353. Рудаковъ, А., проф. Маньчжурскіе разговоры съ китайскимъ перево-

домъ. Пособіе къ лекціямъ по маньчжурскому языку. Владивостокъ.

Евреи.

354. Вермель, С. С. Изъ патологіи евреевъ (рождаемость, смертность, заболѣваемость). М. 1911.
355. Берлинраутъ, Л. Я. и Раскинъ, М. С. Еврейское населеніе города Вологды. Опытъ статистическаго обследованія экономическаго, правового и культурнаго состоянія еврейскаго населенія внутреннихъ губерній Россіи. Подъ ред. проф. II. А. Каблукова. М. 1911.
356. Ioffe, S., Dr. Regesten und Urkunden zur Geschichte der Juden in Riga und Kurland. Lieferung 2. Riga. 1911.
357. Полянскій, Е. Я. Эмиграція евреевъ въ Палестину и возможные послѣдствія ея. Казань. 1911.
358. Прилуцкій, Н. Идише фолкслидערъ (Еврейскія народныя пѣсни). Варшава. 1911.
359. Ан-скій, С. Новый сборникъ народныхъ пѣсенъ (Н. Прилуцкаго). Еврейск. Стар., 1911, вып. IV.
360. Бейлинъ, С. Х. О нѣкоторыхъ поговоркахъ. Еврейская Старина, 1911, вып. I.
361. Клячко, М. Волынскія преданія. Еврейская Старина, 1911, вып. III.
362. Гольдштейнъ, С. М. Изъ сѣдлецкихъ древностей. Еврейская Старина, 1911, вып. I.
363. Отчетъ Еврейскаго Историко-этнографическаго Общества за 1910 г. Спб. 1911.

Арабы.

364. Коковцовъ, П. К. Изъ еврейско-арабскихъ рукописей Императорской Публичной Библ. II. Къ критикѣ текста мелкихъ произведеній Ибнъ-Джапахы. Изв. Имп. Акад. Наукъ, VI Серія, 1911, № 18, стр. 1219.
365. Крымскій, А. Исторія арабовъ и арабской литературы, свѣтской и духовной (корана, фыкха, сунны и

- пр.). Ч. I, 1—5. Труды по востоковѣдѣнію. Вып. XV, № 1. 1911. Изд. Лазаревскаго Института Восточн. языковъ.
366. **Али-ель-Кари.** Шарх Мухтасар-ель-Викая (Толкованіе на сочиненіе „Мухтасар-ель-Викая“). Т. I. Казань. 1908.
367. **Али-ель-Кари.** Шарх - Мухтасар-ель-Викая (Толкованіе на сочиненіе Шарх-Мухтасар-ель-Викая). Т. II. Казань. 1910.
368. **Крачковскій, И. Ю.** Историческій романъ въ современной арабской литературѣ. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1911, іюнь, стр. 260.
369. **Крачковскій, И.** Поэтъ корейшинтской плеяды. Зап. Вост. Отд. Импер. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. II—III, стр. 197, 1911.
370. **Мустафа оглы, Ахмедъ.** Латанфуль-Лугатъ, арабскій словарь. Темиръ-Ханъ-Шура, 1911.
371. **Ахмедъ, Динкузы.** Грамматика арабскаго языка. Темиръ-Ханъ-Шура, 1911.
372. **Либнани.** Рашидъ Атые. Правила арабскаго языка. Вып. IV (на арабскомъ яз.). Казань. 1911.
373. **Атали Мустафай.** Гилмы Нахвъ. Синтаксисъ арабскаго яз. Темиръ-Ханъ-Шура, 1911 (на арабскомъ языкѣ).
374. **Саббанъ, Магомедъ.** Шархъ Адабъ. Грамматика арабская. Темиръ-Ханъ-Шура, 1911 (на арабск. яз.).

КОПТЫ.

375. **фонъ-Леммъ, О. Э.** Мелкія замѣтки по коптской письменности. ХCV—CXIII. Извѣстія Импер. Акад. Наукъ, VI Серія, 1911, стр. 327, 453, 469, 927, 1135, 1237.
376. **фонъ-Леммъ, О. Э.** Мелкія коптскія замѣтки. LI—LV. Записки Импер. Акад. Наукъ по Ист.-Фил. Отд., т. VIII, № 12, 1911.

Иранъ и Персія.

377. **Андреевъ, М. С. и Половцевъ, А. А.** Матеріалы по этнографіи иран-

скихъ племенъ. Сборникъ Музея по Антр. и Этногр. Импер. Акад. Наукъ, IX.

378. **Иностранцевъ, К. А.** Парсійскій погребальный обрядъ въ иллюстраціяхъ гузератскихъ версій книги объ Арта-Вирафѣ. Извѣстія Импер. Акад. Наукъ, т. V, № 7, серия VI, стр. 557.
379. **Иностранцевъ, К. А.** Персидская литературная традиція въ первые вѣка ислама. Записки Импер. Акад. Наукъ по Ист.-Фил. Отд., т. VIII, № 13.
380. **Залеманъ, К.** Манихейскіе этюды. I. Средне-персидскіе тексты въ пересмотрѣнной транскрипціи со словаремъ и грамматическими примѣчаніями. Записки Импер. Акад. Наукъ по Ист.-Фил. Отд., VIII т., № 10.
381. **Минорскій, В. Ө.** Матеріалы для изученія персидской секты: „Люди истины“ или „али—илахи“. Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ Инст. Вост. яз., вып. XXXIII. М. 1911.
382. **Розенбергъ, Ф.** Бурдж—намаъ (по поводу изданія L. H. Gray). Зап. Вост. Отд. Импер. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. I, стр. 55, 1911.
383. **Орбели, I.** Колоколь съ анійскими орнаментальными мотивами XII—XIII в. Зап. Вост. Отд. Импер. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. I, стр. 23, 1911.
384. **Бартольдъ, В.** Персидская надпись на стѣнѣ анійской мечети Мануче. Анійская серія, № 5. Спб., 1911.

Индія.

385. **Мироновъ, Н. Д.** Джиннитскія замѣтки. Извѣстія Импер. Акад. Наукъ. VI Серія, 1911, т. V, стр. 349, 501.
386. **фонъ Сталь-Гольштейнъ, А., бар.** Сюанъ-Дзанъ и результаты современныхъ археологическихъ изслѣдованій. Зап. Вост. Отд. Импер. Русск. Археолог. Общ., т. XX, вып. I, стр. 9, 1911.
387. **Блаватская, Е. П.** Изъ пещеръ и дебрей Индостана. Спб., 1912.

388. Ачарьянъ, Г. (перев.). „Бхагавад-шта или Пѣснь Блаженнаго“. Перев. съ индійскаго параллельно съ франц. пер. Эчмιάдинъ, 1911.
389. Мироновъ, Н. Д. Каталогъ индійскихъ рукописей Имп. Пуб. Библ. (критич. замѣтка). Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, VI серія, 1911, т. V, стр. 108.
390. Щербатской, Ѳ. И. Краткій отчетъ о командировкѣ въ Индію. Извѣстія Русск. Ком. для изуч. Ср. и В. Азии. Серія II, № 1, стр. 70.
391. Мироновъ, Н. Beiträge zur Kenntniss der indischen Namengebung, von Dr. Alphons Hilka, 1910 (критич. замѣтка). Живая Стар., 1911, I, 157.
392. фонъ Сталь-Гольштейнъ, баронъ. Докладъ о его трудѣ: „Gandistotra“, санскритскій текстъ, приписываемый Аśvaghoṣa. Изв. Имп. Акад. Наукъ. VI серія, 1911, № 15, стр. 1044.
393. фонъ Сталь-Гольштейнъ, баронъ. Замѣтки къ Trīkāyastara. Изв. Имп. Акад. Наукъ. VI серія, 1911, № 11, стр. 837.
394. Риттеръ, П. Г. Санскритъ. Изд. О-ва взаимопомощи студ.-филолог. Харьк. Унив. 1911.

Религія и міѳологія.

(Общее и разное).

126, 155, 156, 164, 297, 468, 471, 495, 499.

Шаманство.

177, 186, 194, 269, 270. *

Буддизмъ и ламаизмъ.

195, 393.

395. Пишель, Р. Будда, его жизнь и ученіе. Пер. съ нѣм. съ дополнит. примѣч., подъ ред. проф. Д. Н. Анучина. М. 1911.
396. Б., Вл. (реценз. на книгу). Пишель, Р., проф. Будда, его жизнь и ученіе. Пер. подъ ред. проф. Анучина. М. 1911. Этногр. Обозрѣніе, 1911, № 3—4, стр. 226.

397. Буланже, П. А. Жизнь и ученіе Сиддарты Готамы, прозваннаго Буддой, т.-е. Совершеннѣйшимъ. Съ приложеніемъ извлеченій изъ буддійскихъ писаній. Подъ ред. Л. Н. Толстого. М. 1911.
398. Ивановъ, А. И. (рецензія на книгу). Далай-ламы Лхассы и ихъ сношенія съ маньчжурскими императорами Китая, 1644 — 1908. В. В. Рокхилла. Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XII, за 1909 г., 1911, стр. 129.
399. Mahavyutpatti—издать И. П. Миная. Приготовилъ къ печати Н. Д. Мироновъ. Собраніе буддійскихъ текстовъ, издаваемыхъ Имп. Акад. Наукъ, т. XIII (на санскр. яз.). Спб. 1911.
400. Radloff, W. Kuan-si-im Pusar. Bibliotheca Buddhica, XIV. Имп. Акад. Наукъ. См. № 220.
401. Воробьевъ, Н. И. Опись собранія буддійскихъ статуэтокъ, приобретенныхъ въ Сіамѣ въ 1906 г. Сборникъ Музея по Антр. и Этногр. при Имп. Акад. Наукъ, XII.

Исламъ.

402. Залеманъ, К. Г. Мусульманскія рукописи, вновь поступившія въ Азіатскій Музей въ 1909—1910 гг. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ. VI серія, 1911, № 4, стр. 251.
403. В. Б. (рецензія на книгу). Н. П. Остроумовъ. Исламовѣдѣніе. I. Аравія, колыбель ислама. Ташкентъ, 1910. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археолог. Общ., т. XX, вып. I, стр. 73. 1911.
404. Никольскій, М. Э. Паломничество мусульманъ въ Мекку. Историческій Вѣстникъ, 1911, апрѣль, стр. 256; май, стр. 603.
405. Гарлицкий, А. Броженія въ исламъ (перев. изъ книги Шоля „Исламъ и его основатели“). Средняя Азія 1911, апрѣль, стр. 97.
406. Гарлицкий, А. Правовѣріе и секты (перев. изъ книги Шоля „Исламъ

и его основатели". Средняя Азия 1911, январь, стр. 109. Ташкентъ.

Лингвистика.

10, 20, 30, 101, 115, 118, 192, 196, 198, 199, 219, 232, 266, 279, 280, 286, 295, 298—300, 315, 318.

407. Шерба, Л. В. Къ вопросу о транскрипціи. Изв. Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, 1911, т. XVI, кн. 4, стр. 161.

408. Мейе, А., проф. Введеніе въ сравнительную грамматику индо-европейскихъ языковъ. Перев. проф. Д. Кудрявскаго. Юрьевъ. 1911.

409. Истринъ, В. (рецензія на книгу). В. Поржезинскій. Элементы языковѣднія и исторіи русскаго языка. М. 1910. Журн. Мин. Нар. Просв., 1911, № 3 (мартъ), стр. 154.

410. Вольтеръ, Э. А. Слѣды древнихъ пруссовъ и ихъ языка въ Гродненской губерніи. Извѣстія Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ. 1911, т. XVI, кн. 4, стр. 151.

411. Соболевскій, А. И. Къ хронологіи одной особенности псковскаго говора. Русск. Филолог. Вѣстн. LXV, 1911, № 2, 403—408.

412. Буга, К. К. О происхожденіи литовскаго z. Русск. Филолог. Вѣстн. LXV, 1911, № 2, 302—330.

413. Буга, К. К. Baltica. Русск. Филолог. Вѣстн. 1911, № 3—4, 218—255.

414. Калима, Я. Первоначальное г въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ діалектахъ. Русскій Филолог. Вѣстн. 1911, № 1, 173—180.

Говоры.

36, 38, 74, 85, 90, 106, 107, 191, 294, 469.

415. Соболевскій, А. И. Русскіе говоры и польскій языкъ. По поводу книжки К. Nitsch. Mowa ludu polskiego. Русск. Филолог. Вѣстн. 1911, № 3—4 (т. LXVI), стр. 401. Варшава.

Словари и грамматики.

31, 140, 144, 199, 228 — 231, 233 — 235, 257, 258, 278, 305, 319, 348, 371—374.

416. Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Импер. Акад. Наукъ. 4-го тома выпускъ 5-й (Когда — Колпакъ). СПб. 1911.

Фольклоръ.

44, 45, 93, 98 — 100, 112, 148, 151, 154, 171, 196, 197, 200, 213, 215, 218, 236—243, 245—248, 250, 260, 262, 289, 290, 291, 311, 312, 360, 361.

417. Кропоткинъ, Е. П., кн. Народная поэзія. Сборникъ въ 5 частяхъ. Ч. I. 1750—1800. Казань, 1911.

418. Ончуковъ, Н. Е. Сѣверныя народныя драмы. Сборникъ. Спб. 1911.

419. Рубецъ, А. И. Преданія, легенды и сказанія стародубской сѣдой старины, записанныя по рассказамъ дорогой для меня няни Варвары. Стародубъ, 1911.

420. Миллеръ, Вс. ѳ. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ: XVIII. Къ крестьянству Микулы Селяниновича.—XIX. Стрѣлянье Ильи Муромца по церквямъ.—XX. Елена королевична литовская. Этнографическое Обзорѣніе 1911, № 3—4, стр. 173.

421. Масловъ, А. Л. Былины, ихъ происхожденіе и мелодическій складъ. Съ музыкальными приложеніями. Изслѣдованіе. Изв. И. О. Л. Е., А. и Э. CXIV. М. 1911.

422. Халанскій, М. Г. Отношеніе былинъ объ Ильѣ Муромцѣ къ сказаніямъ объ Олегѣ Въшѣмъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1911, сентябрь, стр. 40.

423. Миллеръ, В. ѳ. О нѣкоторыхъ мѣстныхъ отголоскахъ въ былинахъ. Изв. Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ. 1911, т. XVI, кн. 4, стр. 243.

424. Соболевскій, А. И. Былина о Савѣ Годиновичѣ по списку половины XVII в. Изв. Отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ 1911, т. XVI, кн. 1, стр. 1.
425. А. К. Былина „о Василиѣ Микуличѣ“. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера. 1911, № 7, стр. 572.
426. Святловскій, В. Гайавата, какъ историческая личность и какъ герой поэмы Лонгфелло. Спб. 1911.
427. Чебанъ, С. Н. Румынскія легенды о Богородицѣ. Этнограф. Обзоръ 1911, № 3—4, стр. 1.
428. Клиггеръ, В. П. Яйцо въ народномъ суевѣрїи. Serta Borysthenica. Сборникъ въ честь Ю. А. Кулаковского. Кіевъ. 1911.
429. Веселовскій, А. Н. Собраніе сочиненій. IV, 2. Спб. 1911.
430. Сперанскій, М. Н. Къ исторіи сборника пѣсенъ Кирши Данилова. Русск. Филолог. Вѣстн. 1911, № 1, 198—211.
431. Назаревскій, А. А. Къ исторіи легенды о происхожденіи картофеля. Русск. Филолог. Вѣстн. 1911, № 3—4, стр. 15—21.

Пѣсни.

- 29, 44, 63, 66, 68, 69, 80 — 82, 88, 89, 91, 94, 96, 97, 99, 107, 170, 292, 298, 317, 324, 358, 359.
432. Листопадовъ, А. И. Записи народныхъ пѣсенъ въ 1904 г. (Донская область, казачьи и малорусскія пѣсни и великорусскія пѣсни Орловской и Пензенской губ.). Изв. И. О. Л. Е., А. и Э., т. CXIV. М. 1911.
  433. Аракчіевъ, Д. П., Славинскій, М. Е. и Кастальскій, А. Д. Выкрики и наигрыши. Записи съ пред. Н. А. Янчука. Изв. И. О. Л. Е., А. и Э., т. CXIV. М. 1911, стр. 386.
  434. Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Новая серія. Подъ ред. В. Ф. Миллера и проф. М. Н. Сперанскаго. Вып. I. (Пѣсни обрядовыя). М. 1911.

435. Сперанскій, М. Н. Къ исторіи сборника пѣсенъ Кирши Данилова. Русск. Филолог. Вѣстн. 1911, № 1, т. LXV, стр. 198. Варшава.
436. Симаковъ, В. И. Жизнь крестьянской дѣвушки-сѣверянки по народнымъ частушкамъ. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера, № 7, стр. 577.
437. Масловъ, А. (рецензія на статью). А. Зачиняевъ. „Къ вопросу о коломыйкахъ“. Изв. И. О. Л. Е., А. и Э., т. CXIV. М. 1911, стр. 395.
438. Энгель, Ю. (рецензія на книгу). Е. Линева. Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Вып. I и II. Этногр. Обзоръ 1911, № 3—4, стр. 232.

Народная музыка.

- 136, 298, 317, 421, 438, 470, 474, 479, 502.
439. Абаза, А. Къ вопросу о пополненіи музыкальнаго отдѣла въ Курскомъ археологическомъ музеѣ. Труды Курск. Уч. Арх. Комиссіи I, 1911, стр. 169—171.

Сказки.

- 43, 98, 99, 125, 237, 261, 268, 288.
440. Смирновъ, А. М. Современное положеніе вопроса о русской народной сказкѣ и задачи ея научной разработки. Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XLVII, вып. VII—X, стр. 371; 1911.
  441. Смирновъ, А. М. Систематическій указатель темъ и вариантовъ русскихъ народныхъ сказокъ. Изв. Отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ. 1911, т. XVI, кн. 4, стр. 95.
  442. Смирновъ, А. М. Схематическій перечень вариантовъ сказокъ Архива Имп. Русск. Геогр. Общ. I—XI. Жив. Ст. 1911, I, 97.
  443. Васильевъ, А. Шесть сказокъ, слышанныхъ отъ крестьянина Ф. Н. Календарева. (Издалъ А. М. Смирновъ). Живая Стар. 1911, I, 117.

444. Кулжинекій, Я. С. Какъ сложилась сказка о Кириллѣ Кожемякѣ (о превращеніи исторіи въ сказку). Кіевъ. 1911.
445. Е—ая, Е. Roche. Contes limonsins recueillis dans l'arrondissement de Rochechouart. Paris, 1910 (критич. замѣтки). Этногр. Обозр. 1911, № 1-2, 268 (французскія нар. сказки).
446. Каменскій, В. И. Сказка о Лукерѣ и Иванѣ „Медвѣжьи Уши“. Со словъ крестьянина А. Рябова. Спб. 1911.
447. Боголѣповъ, С. Г. Этнографическіе этюды. Пять разсказовъ изъ путешествій по Россіи и двѣ сказки. М. 1911.

Обряды. Заговоры. Повѣрья.

- 12, 46, 61, 62, 76, 77, 83, 86, 102, 107, 110, 186, 189, 428.
448. Зеленинъ, Дм. „Обыденныя“ полотенца и обыденныя храмы. Живая Старина, 1911, вып. I, стр. 1—20.
449. Зеленинъ, Дм. Обрядовое празднество совершеннолѣтїа дѣвицы у русскихъ. Живая Старина, 1911, II, 233.
450. Зеленинъ, Дм. Къ вопросу о русалкахъ. Живая Старина, 1911, III—IV, стр. 357.
451. С. Е. Изъ народныхъ суевѣрій въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губ. Изв. Арханг. Общ. изуч. Русск. Сѣвера. 1911, № 7, стр. 564.
452. Костоловскій, И. В. Народное повѣріе о безплодіи близнецовъ. Живая Старина 1911, III—IV, стр. 499.
453. Бирюковъ, Я. Сибирскіе заговоры. Алтайскій Сборникъ, т. XI, 1912.
454. Перелецкий, П. О старинной картинкѣ „Похороны Костромы“. Вѣстникъ Археологін и Исторіи, изд. Имп. Археол. Инстит, вып. XX, стр. 90.
455. Клинггеръ, В. Животное въ античномъ и современномъ суевѣріи (окончаніе). Университетскія Извѣстія. Кіевъ, 1911, № 3, мартъ.

Обычное право.

41, 253, 301.

Семья и родъ.

7, 8, 137, 153, 325, 436, 471, 495.

Свадьбы.

44, 64, 80, 82, 84, 86, 95, 153, 436, 461, 467.

Похороны.

275, 378.

Народная медицина.

255, 337.

456. Красноженова, М. Матеріалы по народной медицинѣ Енисейской губ. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1911, XLII, стр. 65.
457. Шниткиндъ, Е. Р. Основы операціи обрѣзанія. (Ея происхожденіе, сущность и производство у всѣхъ обрѣзывающихся народовъ). Историко - хирургическо - санитарный этюдъ изъ области древнихъ культовъ и современной медицины. М. 1911.
458. Скрибинъ, К. И. Лѣченіе ударами нагайки у киргизовъ. Ист. Вѣстн. 1911, авг., стр. 598.
459. Петкевичъ, Г. Матеріалы по народной медицинѣ литовцевъ. Живая Стар., 1911, II, 107.
460. Блиновъ, Н. Н. Лѣчебникъ XVII вѣка. Памятн. Кн. Вятск. губ. на 1911 г., стр. 58—73.

Матеріальная культура.

3, 4, 33, 48, 51, 52, 79, 119, 147, 172, 173, 188, 207 — 209, 222 — 224, 254, 259, 263, 265, 377.

Сектантство.

461. Чесноковъ, А. Свадебные обряды и пѣсни „кержаковъ“. Жив. Ст. 1911, I, 57.

462. Гребеншиковъ, Г. Д. Рѣка Уба и убинскіе люди. (Литературно-этнографическій очеркъ). Алтайскій Сборникъ, т. XI. 1912 г.
463. Прозрителевъ, Г. Къ исторіи раскола и сектантства на Кавказѣ. Скопцы. Ставрополь. 1911.
464. Лихачевъ, А. О старообрядцахъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ. Петро-заводскъ. 1911.
465. Бондарь, С. Д. Адвентизмъ 7-го дня. Очерки сектовѣднія, издаваемые подъ ред. А. Н. Харузина. Вып. II. Спб. 1911.
466. Лебедевъ, А. Къ исторіи старообрядчества на Иргизѣ (отд. оттискъ изъ журнала „Старообрядческая Мысль“). М. 1911.

Программы.

467. Волковъ, Ѳ. Программа для собиранія свѣдѣній о свадебныхъ обрядахъ у великоруссовъ и инородцевъ Восточной Россіи. Жив. Ст. 1911. Вып. I, стр. 27.
468. Трошанскій, В. Ф. Опытъ систематической программы для собиранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. Жив. Стар. 1911, II, 247.
469. Труды Московской Діалектологической Комиссіи. Программа для собиранія свѣдѣній по сѣвернымъ великорусскимъ говорамъ. Сводъ матеріаловъ, собранныхъ комиссіей; Разанская губ.—обработалъ Н. Н. Дурново; Саратовская губ.—обработали А. С. Мадуевъ и Н. Н. Дурново; Тамбовская губ.—обработалъ Н. Н. Дурново. Рус. Филолог. Вѣстникъ 1911, № 3 и 4, т. LXVI, стр. 177. Варш.
470. Воробьевъ, Н. Программа для собиранія народныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Жив. Стар. 1911, II, 293.
471. Штернбергъ, Л. Я. Программа для собиранія этнографическихъ матеріаловъ. Составлена и издана его слушателями по лекціямъ, читаннымъ въ 1911—12 уч. году. (Изд. Общ. изуч. Сиб. и улучш. ея быта).

Описанія музеевъ.

134, 439.

472. Штернбергъ, Л. Я. Русскіе этнографическіе музеи и собранія. I. Музей Антропологін и Этнографіи имени Императора Петра Великаго. Живая Стар. 1911, III—IV, стр. 453.
473. Могилянскій, Н. М. Русскіе этнографич. музеи и собранія. II. Этнографическій Отдѣлъ Русскаго Музея Императора Александра III. Жив. Стар. 1911, III—IV, стр. 473.
474. Масловъ, А. Л. Иллюстрированное описаніе музыкальныхъ инструментовъ, хранящ. въ Дашковскомъ Этногр. Музеѣ, въ Москвѣ. Извѣстія И. О. Л. Е., А. и Э., т. CXIV. М. 1911, стр. 205—268.
475. Тенишева, М. К. Историко-этнографическій музей кн. М. К. Тенишевой въ Смоленскѣ. Смоленскъ 1911.
476. Московскій Публичный Румянцевскій музей. Иллюстрированный путеводитель по Этнографическому музею. I. Отдѣленіе иностранной этнографіи. II. Дашковскій Этнограф. Музей. М. 1911.
477. Данилевичъ, В. Е. Этнографическій музей Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Харьковъ. 1911.
478. Историко-этнографическій музей княгини М. К. Тенишевой въ Смоленскѣ. Прибавленія къ общему каталогу. Смоленскъ 1911.

Библиографическіе указатели.

60, 340, 389.

479. Библиографич. указатель книгъ и статей по музыкальной этнографіи. Извѣстія И. О. Л. Е., А. и Э., т. CXIV. М. 1911, стр. 397.
480. Ольденбургъ, С. Каталогъ бібліотеки Этногр. Отд. Р. М. И. Александра III. Спб., 1911. (крит. замѣтка). Живая Стар. 1911, II, 308.
481. Каталогъ бібліотеки Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Имп. Александра III. Спб. 1911.

482. Библіографич. указатель книгъ, сочинений и статей, относящихся къ статистикѣ, исторіи и этнографіи Сѣвернаго Кавказа. Ставрополь губ. 1911.
483. Залеманъ, К. Г. Мусульманскія рукописи, вновь поступившія въ Азіатскій Музей въ 1909—1910 г. Извѣстія Имп. Ак. Наукъ, т. V, стр. 251.
484. Г., Вл. Библіогр. замѣтка о Кауфманскомъ сборникѣ. М. 1910 г. Этногр. Обзорѣніе 1911, № 3—4, стр. 225.
485. Грушевскій, А. С. Наукове Товариство імені Т. Шевченка и его изданія 1905—1909. Изв. Отдѣл. русск. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ. XVI, 3, 1911, 56—132.

Біографіи, некрологи и пр.

486. Петри, Е. Л. Федоръ Карловичъ Руссовъ (біографія). Сборникъ Музея по Антроп. и Этногр. при И. Акад. Наукъ, в. X.
487. Гринг. Ник. Потанинъ. Зап. Семипалатинскаго Подъотдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., вып. V, 1911.
488. Грушевскій, А. С. Раннія этнографическія работы Н. И. Костомарова (къ поминкѣ † 1885—1910). Изв. Отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ. 1911, т. XVI, кн. I, стр. 28.
489. Могилянскій, Н. Ѳеодоръ Михайловичъ Плюшкінъ. Жив. Стар. 1911, II, 295.
490. Зеленинъ, Дм. Дилакторскій П. А. (некрологъ). Жив. Стар. 1911, III—IV, стр. 500.
491. Ольденбургъ, С. Памяти Николая Ѳеодоровича Петровскаго (1837—1908). Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. I, стр. 1. 1911.
492. Эварницкій, Д. И. Къ біографіи малороссійскаго этнографа Н. В. Закревскаго. Лѣтопись Екатеринославской Уч. Арх. Ком., вып. VII, 1911, стр. 117.
493. Эварницкій, Д. И. Къ біографіи малороссійскаго этнографа Н. В. Закревскаго 1805—1871. Историческій Вѣстникъ 1911, апрѣль, стр. 211.

Критика и библіографія.

494. Богдановъ. Вл. Weule, K. Die Kultur der Kulturlosen. (Крит. замѣтка). Этногр. Обзор. 1911, № 1—2, 265.
495. Максимовъ, А. (Реценз. на книгу). Lord Avebury. Marriage, Totemism and Religion. An Answer to Critics. 1911. Этногр. Обзорѣніе 1911, № 3—4, стр. 214.
496. Максимовъ, А. (Реценз. на статью). Hugo Kunike, Das sogenannte „Männerkindbett“ (Zeitschr. für Ethnol. 1911. Heft III u. IV). Этногр. Обзорѣніе 1911, № 3—4, стр. 215.
497. Виташевскій, Н. Kwartalnik etnograficzny „Lud“, т. XV, 1909 (крит. замѣтка). Жив. Ст. 1911, III—IV, стр. 508.
498. Богдановъ, Вл. (Реценз. на книгу). J. Lehmann. Flechtwerke aus dem Malayischen Archipel unter Zugrundelegung der Sammlungen des Städtischen Völker-Museums. Frankf.-am-M. 1912. Этногр. Обзорѣніе 1911 г., № 3—4, стр. 217.
499. Вильямсъ, Г. P. W. Schmidt. Grundlinien einer Vergleichung der Religionen und Mythologien der austro-nesischen Völker. Wien, 1910 (крит. замѣтка). Живая Стар. 1911, II, 317.
500. Зеленинъ, Дм. Матеріалы по этнографіи Россіи. Т. I. Изд. Этнограф. Отд. Р. Муз. И. Ал. III. 1911 (крит. замѣтка). Живая Старина 1911, III—IV, стр. 503.
501. Богдановъ, Вл. (Реценз. на книгу). Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. Исторія русскаго народнаго хозяйства, т. I. Кіевъ, 1911. Этногр. Обзорѣніе 1911, № 3—4, стр. 242.
502. М-въ, А. Рецензіи на работы, помѣщенные въ сборникъ въ честь 70-лѣтія Г. И. Потанина. Спб. 1909 г. — С. К. Буличъ. „Нѣсколько финно-славянскихъ музыкально-этнографическихъ параллелей“ и А. Д. Рудневъ, „Ме-

- лодіи монгольскихъ племенъ. Извѣстія И. О. Л. Е., А. и Э., т. СХІV. М. 1911, стр. 391.
503. Гордлевскій, Вл. Библиогр. замѣтка о журналѣ „Міръ ислама“. Спб. 1912. Этногр. Обзорѣніе 1911, № 3—4, стр. 224.
504. В. Б. Рецензія на журналъ „Средняя Азія“. Ташкентъ. 1910. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, вып. 1, стр. 82. 1911.
505. Зеленинъ, Дм. Памятная Книжка Вятской губ. 1911 г. (крит. замѣтка) Жив. Ст. 1911, I, 165.
506. Зеленинъ, Д. Труды Курской Губернск. Уч. Арх. Ком. 1911. Вып. I (крит. замѣтка). Живая Стар. 1911, III—IV, стр. 507.
507. Рудневъ, А. Сообщение о дѣятельности Ф. Ф. (Международной Федерациі Фольклористовъ). Жив. Ст. 1911, I, 105.
508. Гордлевскій, Вл. Федерациа фольклористовъ (крит. замѣтка). Этногр. Обзор. 1911, № 1—2, 258.

Примѣчаніе: Цифры, помѣщенные непосредственно подъ заглавіемъ того или другого отдѣла безъ указанія соответствующихъ имъ названій работъ, обозначаютъ, что эти послѣднія вошли въ другіе отдѣлы, но имѣютъ отношеніе и къ данному отдѣлу, подъ заглавіемъ котораго приводятся ихъ №№.

1. ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Общее и разное	441
Славяне	442
Россія (общее и разное)	—
Архангельская губ.	443
Владимірская "	444
Вологодская "	—
Воронежская "	—
Вятская "	—
Казанская "	—
Курская "	—
Нижегородская "	—
Олонецкая "	—
Оренбургская "	445
Орловская "	—
Пензенская "	—
Пермская "	—
Псковская "	—
Саратовская "	—
Тверская "	—
Ярославская "	—
Казаки	—
Малороссы	—
Бѣлороссы	446
Западный край	—
Витебская губ.	—
Гродненская "	—
Литовцы	—
Латыши	447
Финно-угры	—
Эсты	—
Лопари	—
Самоѣды	—
Зыряне	448
Черемисы	—
Мордва	—
Чуваши	448
Остяки	—
Вогулы	—
Вотяки	—
Бесеряяне	449

	Стр.
Башкиры	444
Пермяки	—
Сибирь	—
Монголія и монголы	450
Буряты	—
Калмыки	451
Средняя Азія	—
Тюрки	—
Киргизы	453
Сарты	—
Якуты	—
Тунгусы	454
Юкагиры и чуванцы	—
Остяки енисейскіе	—
Кавказъ	—
Армяне	455
Грузины	—
Китай и китайцы	456
Японія и японцы	—
Корея	457
Маньчжурія и маньчжуры	—
Евреи	—
Арабы	—
Копты	458
Иранъ и Персія	—
Индіа	—
Религія и миѳологія	459
Шаманство	—
Буддизмъ и ламанзмъ	—
Исламъ	—
Лингвистика	460
Говоры	—
Словари и грамматики	—
Фольклоръ	—
Пѣсни	461
Народная музыка	—
Сказки	—
Обряды. Заговоры. Повѣрья	462
Обычное право	—
Семья и родъ	—

	Стр.		Стр.
Свадьбы	462	Программы	463
Похороны	—	Описанія музеевъ	—
Народная медицина	—	Библиографическіе указатели	—
Матеріальная культура	—	Біографіи, некрологи и пр.	464
Сектантство	—	Критика и библиографія	—

II. Указатель отдѣловъ въ алфавитномъ порядкѣ.

	Стр.		Стр.
Арабы	457	Латыши	447
Армяне	455	Лингвистика	460
Архангельская губ.	443	Литовцы	446
Башкиры	449	Лопари	447
Бесермяне	—	Малороссы	445
Библиографическіе указатели	463	Маньчжурія и маньчжуры	457
Біографіи, некрологи и пр.	464	Матеріальная культура	462
Буддизмъ и ламаизмъ	459	Монголія и монголы	450
Буряты	450	Мордва	448
Бѣлоруссы	446	Народная медицина	462
Витебская губ.	—	Народная музыка	461
Владимірская губ.	444	Некрологи	464
Вогулы	448	Нижегородская губ.	444
Вологодская губ.	444	Обряды	462
Воронежская губ.	—	Общее и разное	441
Вотяки	448	Обычное право	462
Вятская губ.	444	Олонецкая губ.	444
Говоры	460	Описанія музеевъ	463
Грамматики	—	Оренбургская губ.	445
Гродненская губ.	446	Орловская губ.	—
Грузины	455	Остяки	448
Евреи	457	Остяки енисейскіе	454
Заговоры	462	Палеазиаты	—
Западный край	446	Пензенская губ.	445
Зыряне	448	Пермская губ.	—
Индіа	458	Пермяки	449
Иранъ и Персія	—	Персія	458
Исламъ	459	Повѣрья	462
Кавказъ	454	Похороны	—
Казаки	445	Программы	463
Казанская губ.	444	Псковская губ.	445
Калмыки	451	Пѣсни	461
Киргизы	453	Религія и міѳологія	459
Китай и китайцы	456	Россія	442
Копты	458	Самоѣды	447
Корея	457	Саратовская губ.	445
Критика и библиографія	464	Сарты	453
Курская губ.	444	Свадьбы	462
Ламаизмъ	459	Сектантство	—

	Стр.		Стр.
Семья и родъ	462	Фольклоръ	460
Сибирь	449	Черемисы	448
Сказки	461	Чуванцы	454
Славяне	442	Чуваши	—
Словари и грамматики	460	Шаманство	459
Средняя Азія	451	Эсты	447
Тверская губ.	445	Юкагиры и чуванцы	454
Тунгусы	454	Якуты	453
Тюрки	451	Японія и японцы	456
Финно-угры	447	Ярославская губ.	445

Матеріалы для своднаго списка періодическихъ изданій по этнографіи, антропологіи, фольклору и археологіи въ петроградскихъ библіотекахъ.

Печатаемый ниже сводный списокъ періодическихъ изданій по этнографіи, антропологіи, фольклору и археологіи (СспнЭАФА) составленъ мною на основаніи данныхъ, собранныхъ въ библіотекѣ И. Русскаго Географическаго общества Е. В. Разумовскою, въ университетской библіотекѣ И. П. Мурзинымъ, въ Музеѣ Александра III В. А. Егуновымъ, въ Имп. Публичной Библіотекѣ В. И. Сантовымъ, въ библіотекѣ Имп. Археол. Комиссіи А. С. Раевскимъ (и по печатнымъ каталогамъ), въ Имп. Арх. Обществѣ В. Н. Бенешевичемъ и Дм. Вл. Николаевымъ, въ библіотекѣ Имп. Акад. Художествъ Эдг. А. Шульцемъ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ Як. Ив. Смирновымъ, въ библіотекѣ Музея Антропологіи и Этнографіи И. Академіи Наукъ по указаніямъ Е. М. Романовой и въ библіотекахъ Академіи Наукъ и Университета по печатнымъ каталогамъ. Описаніе раздѣляется на три части:

I. Пн — Періодическія изданія, напечатанныя славяно-русскими буквами.

II. Пн — Періодическія изданія, напечатанныя латинскими буквами.

III. Списокъ изданій по ЭАФА, въ Петроградѣ не разысканныхъ, но имѣющихся въ Берлинской, Мюнхенской Придворныхъ или Вѣнскихъ библіотекахъ. Свѣдѣнія этого отдѣла почерпнуты изъ изданій: а) *Alphabetisches Verzeichniss der laufenden Zeitschriften, welche von der K. Hof- und Staatsbibliothek München und einer Anzahl anderer Bibliotheken Bayerns gehalten werden.* München 1909. 8°. XIV + 427 AVZM.

б) *Königliche Bibliothek zu Berlin Alphabetisches Verzeichnis der laufenden Zeitschriften März 1908.* 8°. V + 461 + 2 бѣл. (KBB AVZ).

в) *Generalkatalog der laufenden periodischen Druckschriften an den oesterreichischen Universitäts und Studienbibliotheken, den Bibliotheken der technischen Hochschulen, der Hochschule für Bodenkultur, des Gymnasiums in Zara, des Gymnasial-*

museums in Troppau und der Handels und nautischen Akademie in Triest. Herausgegeben im Auftrage des K. K. Ministerium für Cultus und Unterricht von der K. K. Universitätsbibliothek in Wien unter der Leitung von Dr. Ferdinand Grassauer. Wien. 1898. 8°. V + 796. Gkper. oest. Gr.

При обработкѣ матеріала для СспиноЭАФА мы не пользовали:

1. Каталогъ бібліотеки Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III (за время съ 1 декабря 1909 г. по 30 ноября 1910 г.). (Кб Зо МАИ). 4°. 46.

Изъ «Отчета Русскаго Музея Императора Александра III» (ОРМАИ).

2. Списокъ русскихъ современныхъ изданій съ 1703 по 1899 годъ со свѣдѣніями объ экземплярахъ, принадлежащихъ бібліотекѣ Императорской Академіи Наукъ. Корректурное изданіе. СПб. 1901. 8°. 2 + 1114. (Српн Ак.).

3. Каталогъ русскихъ книгъ бібліотеки Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, т. I. 1897; т. II. 1902 (Крк. СП. У.).

4. Списокъ главнѣйшихъ періодическихъ изданій, имѣющихся въ бібліотекѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. СПб. 1909. 8°. 2 + 100. (Спн СП. У.).

5. Sectio II-ra Bibliothecae Academiae Imperialis Scientiarum Index Librorum periodicorum. I Ephemerides et series quibus Bibliotheca per annum MDCCCXCVII aucta est.

II-е Отдѣленіе Бібліотеки Императорской Академіи Наукъ. Списокъ періодическимъ изданіямъ. I. Журналы и серіи, получавшіяся въ 1897 г. СПб. 1897. 4°. 32. (Илр).

6. Каталогъ Императорской Археологической Коммисіи СПб. 1904. (КИАК).

Отступая отъ прежде принятаго обычая, «многими доселѣ соблюдаемаго по старой памяти» (см. предисловіе Вв. Срезневскаго къ Спн Ак.), мы помѣтили заглавія по первому слову, независимо отъ его грамматическаго значенія, при иностранныхъ заглавіяхъ за исключеніемъ члена. Лицъ, желающихъ познакомиться съ обоснованіемъ этого распорядка, мы отсылаемъ къ статьѣ Градмана Über das Ordnungswort im alphabetischen Katalog. Von R. Gradmann въ Zs f Bw Bd. 25 Leipzig. 1908, стр. 289. Основой этого новаго порядка можетъ служить тезисъ Градмана на стр. 291:

Das Ordnungswort ist das erste Wort, das kein Artikel ist. Für die weitere Ordnung sind die folgenden Wörter genau in der gegebenen Reihenfolge massgebend.

Ограничиваясь обыкновенно при перечисленіи заглавій основною частью заглавія безъ объяснительныхъ словъ «Revue, Materiaux» и т. п., мы должны отмѣтить, что только заглавіе «Globus» должно быть сопровождаемо опредѣлителями III. Zs für Länder u. Völkerkunde, такъ какъ существуетъ еще:

Der Globus. Fachzeitschrift für Händler, Markt- und Messreisende, Schau-
steller, Hausierer. Nürnberg и Le Globe. Journal Géographique. Genève.

Нами примѣняются нижеслѣдующія сокращенія: ИРГО. = Императорское
Русское Географическое Общество; БАН. = Библіотека Академіи Наукъ; МЭАН. =
Музей Этнографіи Академіи Наукъ; ИАК. = Императорская Археологическая
Комиссія; БИАН. = Библіотека Императорской Академіи Художествъ; МАш. =
Музей Александра III; ИФН. = Историко-Филологическій Институтъ; МДУ. =
Музей Древностей Имп. Петроград. Унив.; У. = Библ. ИСП. Унив.; ИПБ. = Импер.
Публичная Библіотека; ИРАО. = Импер. Русск. Археол. Общество; ИФО. = Нео-
Филологическое Общество; СОБАН. = Славян. Отд. Библіотеки Академіи Наукъ;
ИЭ. = Императорскій Эрмитажъ; МА. = Библіотека Азіатскаго Музея Императорской
Академіи Наукъ; БМФ. = Библіотека Министерства Финансовъ.

Для цитированія сокращенія этнографическихъ журналовъ употребляются такія
же, какъ, напр., въ «Kulturgeschichtliche Bibliothek Herausgegeben von Dr. W. Foer»
въ Кёльнѣ. АИР = Archiv für Religionswissenschaft, РМ = Petermanns Mittei-
lungen и т. д.

Э. А. Вольтеръ.

I.

Азгграканъ - Андесъ (Этнографическій Сборникъ). Тифлисъ. МА.; У.; ИАК.; ИПБ.	Бѣлорусскій Сборникъ. ИРГО.
Азіатскій Вѣстникъ (изд. прекращено). ИАК.; У.; ИПБ.	Византійскій Временникъ. ИЭ.; БАН.; У.
Алтайскій Сборникъ. ИРГО.; МАш; БАН.; ИАК.; ИПБ.; Т. 1—10. 1894—1910.	Виленскій Временникъ. МАш; БАН.; ИПБ. 1901—1904.
Археографическій Сборникъ. ИРГО.	Военно-Историческій Вѣстникъ (съ прил. Дѣятельности Кіев. Общ. охраны па- мятниковъ старины). ИАК.; ИПБ.
Археологич. Извѣстія и Замѣтки (изд. пре- кращено). ИАК.; У.; ИПБ.	Воронежская Старина. Изд. Воронеж. Цер- ковно-Археологическаго Общества. ИАК.
Астраханскій Сборникъ , изд. Петровскаго общ. изслѣд. Астраханскаго края. ИРО.; 1896; Вып. I. ИРГО.; ИАК.; У.; МАш; ИПБ.	Временникъ Общ. ист. и древн. Росс. (изд. прекращено). ИПБ.; ИАК.
Босанека Вила. СОБАН.	Временникъ Эстляндской губ. ИАК.; ИПБ.

Вѣстникъ Азіи.

ИПБ.; ИРАО. 1909—1911, №№ 1—7,
МА.; МЭАН.; 1909, 1910; МАш; У.; ИРГО.

Вѣстникъ Археологій и Исторіи.

ИАК.; У.; МАш; ИПБ.; ИРГО.

**Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. (изд.
прекращено).**

ИРГО.; ИАК.; МАш; ИПБ.

Вѣстникъ народнаго дома (Львовъ).

ИАК.; У.; ИПБ.

Вѣстникъ Общ. древне-русскаго искусства.

ИАК.; ИПБ.; ИРГО.

Географическія Извѣстія (изд. прекр.).

ИРНО.

Дагестанскій Сборникъ.

ИАК.; МАш; ИПБ.; ИРГО.

**Двели Сакардвело. Древняя Грузія. Сбор-
никъ Грузинскаго Общества исторіи и
этнографіи.**

МАш; ИАК.; ИПБ.

**Дневникъ Антропологическаго Отдѣла (изд.
прекр.).**

ИПБ.

**Древности. Труды Имп. Московскаго Ар-
хеологическаго Общества.**

ИРАО. 1865—1901, тт. I—XXI. ИАК.;
У.; МАш; ИПБ.; ИРГО.; БИАХ.; ИЭ. 1861—
1890.

Древняя и новая Россія (изд. прекр.).

ИПБ. 1875—1881; МАш; БАН.; ИАК.;
БИАХ.; ИРГО.; У.; ИПБ.

Дѣйствія Нижегородской Арх. Ком.

ИРАО.; 1888—1892, 1910. ИАК.; ИРГО.;
У.; МАш; ИПБ.

**Еврейская Старина. Трехмѣсячникъ Евр.
историко-этнограф. Общества.**

ИПБ. 1909—1910; МАш; БАН.; ИПБ.

**Ежегодникъ Имп. Русскаго Географиче-
скаго Общества (изд. прекращено).**

ИАК.; МЭАН.; 1894 и 1896. ИРГО.; У.;
МАш; ИПБ.

**Ежегодникъ Кавказскаго Горнаго Общества
въ Пятигорскѣ.**

ИРГО.; ИАК.; ИПБ.

**Ежегодникъ Казанскаго научно-пром. Общ.
ИАК.; ИПБ.; ИРГО.**

Ежегодникъ Россіи (изд. Центр. стат. ком.).

ИАК.; МЭАН. 1904, 1905, 1906. ИПБ.;
ИРГО.; ИРАО. 1904—1905, 1907—1908.

**Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго
Общества.**

ИРГО.; У.; МАш; МЭАН. 1904, 1905—
1907, 1908; ИПБ. 1905—1909. Т. 1—3.

Ежегодникъ Тобольскаго губ. музея.

БМФ.; ИРАО. Вып. I—V; VII, XVI,
1893—1907, ИРГО.; МЭАН. 1894, 1905,
1906, 1909; МАш; ИАК.; ИПБ. 1893—1911.
В. 1—19. У.

Ежегодникъ Ферганской области.

ИАК.; ИПБ.; ИРГО.

Екатеринославское Научное Общество.

ИАК.; У.; ИРГО.

**Этнографичний Збірник. Видає Етногра-
фична Комісія Наукового Товариства
імені Шевченка.**

ИРГО. (X, XI, XIV, XVI, XXI, XXV—
XXVIII); СОБАН.; У.; МАш; МЭАН. XXIII,
XIX, XXI (неп.). ИПБ.

**Жива Старина. Этнографическо (фолк-
лорио) списание Руссе 1891—1894,
кн. 1—6.**

СОБАН.

**Живая Старина. Періодическое изданіе От-
дѣленія Этнографіи Имп. Русск. Геогр.
Общ.**

ИРГО.; У.; МАш; МЭАН. 1894—1908
(нѣтъ 1907); БАН.; ИАК.; ИФО. 1890—1
ИПБ. 1890—1910. ИРАО. 1904. Вып. II—III.

Живописная Россія (сборникъ и журналъ).

Изд. прекращено.

БАН.; ИПБ.

**Журналы засѣданій Костромской Архивной
Комиссіи.**

ИРГО.; ИРАО.; 1893—1898.

Журналы заседаний Нижегородской Архивной Комиссии.

ИРГО.; ИРАО. 1893, XX зас.

Журналы заседаний Рязанской Архивной Комиссии.

ИРАО.; 1885—1886.

Журналы заседаний Симбирской Архивной Комиссии.

ИРАО.; 1895—1896.

Журналы заседаний Тамбовской Архивной Комиссии.

ИРАО.; 1885—1886; 1901—1902.

Журналы заседаний Тверской Архивной Комиссии.

ИРАО.; 1884, 1887—1903, ИРГО.; ИАК.; ИИБ.

Записки Бессарабского Областного Статистического Комитета (изд. прекр.).

ИИБ.

Записки Виленской Археологической Комиссии (изд. прекращено).

ИАК.; ИИБ.

Записки Восточного Отделения Имп. Русск. Археол. Общ.

ИРАО.; 1886—1911 тт. 1—19, 20, вып. 1—3. ИИБ.; ИАК.; У.; МЭАН. (неп.). ИРГО.

Записки Восточно-Сибирского Отдела Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этнографии.

ИРГО.; БАН.; У. (неполн.); МАш; МЭАН. 1886, 1889, 1890 (неп.); БАН.; ИАК.; ИИБ. 1889—1890, 1896. Т. 1—3. ИРАО. 1885, т. XII. 1886, т. XVI.

Записки Зап.-Сибирск. Отд. И. Г. Общ.

БМФ.; ИРГО.; МЭАН. 1886, 1904, 1906, 1907; ИРАО. 1879—83; 1886; 1888—91—1909. БАН.; МАш; ИИБ. 1879—1910. Кн. 1—35; У.

Записки Имп. Одесского Общ. истории и древностей.

ИРГО.; ИАК.; У.; ИИБ.; ИРАО.; 1844—1907, тт. 1—3, 4 (отд. II—III), 5—27. И. Э.

Записки Имп. Русск. Археол. Общества, т. 2—8, 10, 11, 12 (неп.).

ИРАО.; 1886—1901, тт. I—XII (новая серия). ИРГО.; МЭАН.; У.; МАш; ИАК.; ИИБ.

Записки И. Р. Геогр. Общ.

БМФ.; ИРГО.; МЭАН. Томъ 30, 31, 32, 30, 34; БАН.; ИАК.; МАш; ИИБ. 1867—1909. Т. 1—34; У. ИРАО.; тт. 2, 4—13, 15—19, 20 (неп.), 21, 22 (неп.), 23—28, 29 и 30 (неп.), 31 (неп.), 32—33, 34 (неп.), 35—36, 37 (неп.), 38, 41—42, 47.

Записки Имп. Рус. Географ. Общ. по Отд. статистики.

ИРГО.; ИИБ.; СОБАН.

Записки Имп. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этнографии.

БМФ.; ИРГО.; БАН.; У.; МАш, МЭАН. 1864, 1878, 1884, 1885, 1886—1889, 1887, 1882—1888, 1888, 1890, 1891, 1894, 1895, 1897, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1906 (неп.); ИАК.; ИИБ. 1867—1909. Т. 1—34. ИРАО. 1811—84; 1885; 1889—91; 1894—95; 1900; 1902—904; 1906—1909. ИРАО. 1871—1909, тт. 3—12, 13 (неп.), 14, 15 (неп.), 17—20, 21 и 22 (неп.), 24, 25 (неп.) 26—29, 31—34.

Записки Кавказского Отдела И. Р. Г. О.

БМФ.; ИИБ. 1852—1911. Т. 1—29; ИРГО.; МЭАН. 1880, 1902—1910; БАН.; ИАК.; МАш. У. ИРАО. 1862—1866, кн. V—VI, VII, вып. I.

Записки Класе. Отд. И. Р. Археол. Общ.

ИРГО.; МЭАН.; У.; МАш; ИАК.; ИИБ.; ИРАО.; 1904—1910, тт. I—VI.

Записки Красноярского Подъотдела Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. по этнографии.

ИИБ. 1902. Т. 1; ИРГО.; БАН.; МАш; ИАК.; МЭАН. 1902, 1905, 1906, и 1 2 в.; ИРАО. 1905—1906 т. I. вып. I.

Записки Московского Археологического Института.

ИАК.; У.; ИИБ.

Записки Научного Товарищества имени Шевченка.

ИРГО.; МЭАН. 1908; МАш; СОБАН.; У.

Записки Пумизмат. Отд. И. Р. Археол. Общ. (неп.).

- ИРГО.; МЭАН.; У.; МАН; ИАК.; ИРАО.; 1906—1910 гг. I, II. Вып. 1—2.
- Записки Общ. изученія Амурскаго Края.
ИАК.; МАН; ИИБ.; ИРГО.
- Записки Общества исторіи, археологіи и права при Имп. Варшавскомъ Унив.
ИАК.; У.; ИИБ.; ИРАО. 1902—1911; 1—5.
- Записки Общества Любителей Кавказской археологіи.
ИАК.
- Записки Оренбургскаго Отдѣла Имп. Русск. Географич. Общества.
БМФ.; ИИБ.
- Записки Отд. р. и слав. археологіи II. Р. Арх. Общ.
ИИБ. 1851—1909. Т. 1—8; ИРГО.; У.; БАН.; ИАК.; МАН; МЭАН. (неп.). ИРАО.
- Записки Приамурскаго Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.
БМФ.; ИРГО.; МЭАН., томъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7; БАН.; ИАК.; МАН; ИИБ. 1894—1909. Т. 1—7. ИРАО. гг. I—III; IV ч. 1—2, 4; V. ч. 1.
- Записки Семипалатинскаго Подъотдѣла Зап.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.
ИИБ. 1903—1911. Т. 1—5; ИРГО.; МЭАН. 1907, 1909; БАН.; ИАК.; МАН. ИРАО. 1903—1911. Вып. 1—5.
- Записки Сѣверо-Западнаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ.
ИАК.; ИИБ.; ИРГО.; ИРАО. 1910. Кн. 1.
- Записки Украинскаго Научнаго Товарищества в Кіиві.
ИИБ. 1909—1911. Кн. 1—8; ИРГО.; СОБАН.; У.; МАН.
- Записки Уральскаго Общества Любителей Естествознанія.
ИИБ.; ИАК.; У.; ИРГО.; МАН; (неп.). ИРАО. 1874—1910 гг. 1 и 2 неп. 4—7; 8 и 9 неп. 10—13, неп., 15—17, 18 неп. 19 неп., 20 неп., 21, 23, 27—30.
- Записки Читинскаго Отдѣленія Приам. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.
ИИБ.; ИРГО.; МЭАН. Вып. 1—4; БАН.; ИАК.; МАН; ИРАО. 1901, 1905, 1907. 2—6, 8.
- Записки Юго-Западнаго Отдѣла Имп. Русскаго Геогр. Общ. (изд. прекращено) (Кіевъ).
ИРГО.; ИАК.; МАН; ИИБ.; ИРАО. 1874, т. II.
- Землеводѣніе. Періодич. изд. Геогр. Отдѣленія Имп. Общ. Люб. Ест., Антроп. и Этнографіи (Москва).
ИРГО.; БАН.; У.; МАН; МЭАН. 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910; ИИБ. 1894—1910. Кн. 1—16.
- Извѣстія на Етнографическаго Музея въ София.
ИРГО.; СОБАН.
- Извѣстія на Българското археологическо дружество.
ИАК.; СОБАН.
- Извѣстія Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера.
ИИБ.; ИАК.; ИРГО.; МАН. ИРАО. 1909—1911.
- Извѣстія Восточнаго Института во Владивостокѣ.
БМФ.; ИИБ. 1899—1910. Т. 1—18, 21—33, 35; ИРГО.; У.; МЭАН. 1899—1910; БАН.; ИАК.; МАН; ИРАО.
- Извѣстія Вост.-Сибирск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.
ИИБ. 1870—1910. Т. 1—41; ИРГО.; МЭАН. 1879—1890, 1893, 95, 96, 97, 1903, 1904—1908; БАН.; ИАК.; МАН; У.; ИРАО. гг. X—XVII, XIX—XXXI, XXXIV—XL.
- Извѣстія Имп. Археол. Комис. 1901—1911 (СПБ.).
ИИБ.; БИАН.; ИАК.; МЭАН.; У.; ИРГО.; МАН. ИРАО. 1901—1911. Вып. 1—38.
- Извѣстія Имп. Общества любит. Естествознанія Антроп. и Этнографіи при Имп. Моск. Университетѣ. Труды Антропологическаго Отдѣла.

ИРГО.; МЭАН., 1879, 1888, 1894, 1899, 1901, 1903, 1904, 1905, 1906, 1908 (неп.); МАш; БАН.; ИАК.; У.; ИПБ.

Извѣстія Имп. Общ. Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Имп. Моск. Университетѣ. Труды Этнографическаго Отдѣла.

ИПБ. 1866—1911. Т. 1 — 122; ИРГО.; У.; МАш; БАН.; ИАК.; МЭАН. (неп.).

Извѣстія Имп. Русск. Археол. Общ. (изд. прекращено).

ИРГО.; ИАК.; МАш; ИПБ.; ИРАО. 1859—1884 гг. I—X.

Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.

БМФ.; ИПБ. 1865—1910. Т. 1—18; ИРГО.; МЭАН., 1868, 1869, 1882, 1894, 1895, 1897—1902, 1908 гг.; БАН.; ИАК.; МАш; У. ИРАО. 1865 — 73; 1875 — 1911, гг. 1—8, 11—12 и 13 неп.

Извѣстія историко-филологическаго института кн. Безбородко (Шѣжинъ).

ИФИ.; ИПБ.; ИАК.; У.; МАш; ИРГО.; ИРАО. 1877—1909 гг. 1—26.

Извѣстія Кавказскаго Музея (Тифлисъ).

ИРГО.; МЭАН., томы II—V; БАН.; ИАК.; МАш; У.; ИПБ.

Извѣстія Кавказскаго Общества исторіи и археологіи.

ИАК.; ИПБ.; ИРГО.; ИРАО. 1904—1907, гг. 1—2.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ.

БМФ.; ИРГО.; ИПБ. 1872—1909. Т. 1—20; МЭАН., 1902—1909; БАН.; ИАК.; МАш.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣленія Имп. Московскаго Археологическаго Общества.

ИАК.; ИПБ.; ИРГО.

Извѣстія Калужской уч. арх. Комиссіи.

ИАК.; ИПБ.

Извѣстія Красноярскаго Подъотд. В.-Слѣ.

Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.

1902 — 1906. ИПБ. 1901—1909. Т. 1—2, ИРГО.; МЭАН., 1908, 1909; БАН.; ИАК.; МАш. ИРАО. 1902—1906 гг. I—II, неп.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп. Каз. Университетѣ.

ИРГО.; 1878 (неп.); 1879 (неп.); 1884; 1888 (неп.); 1889; 1890 (неп.); 1891 (неп.); 1892—94—1909. БАН.; У.; МАш; МЭАН., 1884, 1886, 1889, 1890 (неп.); ИАК.; ИПБ. 1878—1914. Т. 1—27. ИРАО. 1879—1910, т. 1 неп. 2, 5, 6 неп. 7, 8 неп. 9 неп. 10—11, 12 неп. 13—26.

Извѣстія Общества любителей изученія Кубанской области.

БМФ.; ИРАО. 1899—1902. Вып. 1—3; ИАК.; ИПБ.; ИРГО.

Извѣстія Общества любителей Кавказской археологіи.

ИРГО.; ИАК.; У.; ИПБ.

Извѣстія Оренбургскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ.

БМФ.; ИРГО.; МЭАН., 1902, 1903, 1905, 1909; БАН.; ИАК.; МАш; ИПБ. 1893—1909. Т. 1—19, 21. У.

Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и словесн.

Имп. Ак. Наукъ (СПБ.).

ИАК.; У.; МАш; ИПБ.; ИРГО.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь.

ИАК.; У.; ИПБ.; ИРГО.; ИРАО. 1896—1909.

Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи.

У.; ИРГО.; ИАК.; МЭАН.; ИПБ.; ИРАО. 1903—1909 №№ 1—8.

Извѣстія Таврической уч. Арх. Комиссіи.

ИАК.; МАш; ИПБ.; ИРАО. 1887—1911 №№ 2—45.

Извѣстія Тамбовской уч. Арх. Комиссіи.

ИРГО.; ИАК.; У.; МАш; ИПБ.; ИРАО. 1887—1909. Вып. 13—43.

Извѣстія Туркестанскаго Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. (Ташкентъ).

ИРАО. Тт. I—II, III кн. 1, IV кн. 2—9; V—VII. 1898—1909. ИРГО.; МЭАН., 1898, 99, 1900, 1902, 1903, 1906, 1907, 1908, 1909; БАН.; МАш; ИПБ. 1900—1908. Т. 1—7.

Историческій Вѣстникъ.

У.; ИПБ.; БАН.

Кавказская Старина (Тифлисъ).

ИАК.; ИИБ.; ИРГО.

Калужская Старина.

ИАК.; ИИБ.; ИРАО. 1901 — 903, 905, 910, тт. I—V.

Карацѣй. Лист за српски народни живот,

обичаје, предање. Алексинац.

СОБАН.; У.

Кіевская Старина (прекр.).

ИРГО.; МАп.; БАН.; ИАК.; ИИБ. 1882—1906. У.

Коллекціи Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III.

МАп.; ИИБ.

Костромская Старина.

ИИБ.; ИАК.; ИРГО.; У.; МАп. ИРАО. 1894—906. Вып. III—VI.

Кубанскій Сборникъ (изд. Куб. Области. Стат. Ком.).

ИРГО.; ИАК.; МАп.; ИИБ.

Курскій Сборникъ (изд. Курск. Губ. Статист. Комитета).

ИРГО.

Летописи Матице Српске.

МАп.; СОБАН.; У.

Летописи Србски.

ИРГО.

Лѣтописъ Екатеринославской ученой Архивной Комисіи.

ИАК.; ИИБ.

Матеріалы къ изученію Вятскаго края.

Изд. Куварскаго Образовательнаго Общества.

ИАК.; ИИБ.; ИРГО.

Матеріалы по археологiи Россiи. Изд. Имп.

Арх. Ком. № 1 — 33.

ИИБ. 1866—1910. №№ 1—33; ИРГО.; БАН.; У.; ИАК.; БИАН.; МАп.; МЭАН.; ИРАО. 1890—1907, 4—30; 32.

Матеріалы по изученію Пермскаго края.

Изд. Перм. научно-пром. музея.

ИАК.; МАп.; ИИБ.; ИРГО.; ИРАО. 1906. Вып. III.

Матеріалы по этнографіи Россiи. Изд. Этнограф. Отд. Русскаго Музея Императора Александра III.

ИРГО.; БАН.; У.; МАп.; МЭАН., т. I, 1910; БИАН.; ИАК.; ИИБ.; ИРАО. 1910, т. I.

Матеріалы до Українсько-руської етнологiи.

ИРГО.; МЭАН., 1899, 1900, 1901, 1902, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908; ИАК.; МАп. СОБАН.

Матеріалы до української етнологiи.

У.; МЭАН. 1909; СОБАН.; МАп.

Минская Старина.

ИИБ.; ИАК.

Нижегородскій Сборникъ (изд. Нижегород. Губ. Стат. Комитета).

ИИБ.; ИАК.; МАп.; ИРГО.

Новгородскій Сборникъ. Изданіе Новгородскаго Статистическ. Комитета 1865—

1866 гг. (изд. прекр.).

ИРГО.

Олонецкiй Сборникъ. Матеріалы для исторiи, географiи, статистики и этнографiи Олонецкаго края. (Изд. Олонецк. Губ. Ст. Комит.). Вып. I—IV (1875—1902).

ИРГО.; БАН.; У.; МАп.; МЭАН. 1886 (неп.); ИИБ. 1875—1902. Вып. 1—4. ИРАО. 1875—94. Вып. I—III.

Периодическо Списание на Българското книжовно дружество въ София.

ИРГО.; СОБАН.

Пермская Старина (изд. прекр.).

ИРГО.; ИАК.; ИИБ.

Пермскiй Край (изд. прекр.).

ИАК.; ИИБ.; ИРГО.

Пермскiй Сборникъ (изд. прекр.).

ИАК.; ИИБ.; ИРГО.

Протоколы засѣданiй Русскаго Комитета для изученiя Средней и Восточной Азiи.

ИПБ.; ИАК.; МЭАН.; У.; ИРГО.; ИРАО.
1903—905 1906 неп. 1907—1908 1909 неп.
Протоколы засѣданій Туркестанск. Кружка
Любителей Археологій.

ИРГО.; ИАК.; МЭАН.; ИПБ.; ИРАО.
1896—1909 1—14.

Исковская Старина.
ИАК.; ИПБ.

Родопски Напрѣдъкъ.
ИРГО.; СОБАН.; У.; МАШ.

Русскій Антропологическій Журналъ.
ИРГО.; БАН.; МЭАН. 1900—1905, 1907;
МАШ; У.; ИПБ. 1900—1905, 1908.
Русскій Филологическій Вѣстникъ.
ИПБ.; ИФО.

Сборникъ антропологическихъ и этногра-
фическихъ статей о Россіи и странахъ
ей принадлежащихъ, издаваемый В. А.
Дашковымъ. Кн. I (1868), II (1873).
ИРГО.; БАН.; МАШ; У.; ИПБ. 1868—73.
Кн. 1—2 (изд. прекр.).

Сборникъ Археологическаго Института (изд.
прекращено).
ИАК.; ИПБ.; ИРГО.; ИРАО. 1878—80.
Кн. 1—4.

Сборникъ Дагестанскій.
ИРГО.

Сборникъ за народни умотворенія, наука
и книжнина. 1888 (Софія).
ИРГО.; У.; МАШ; СОБАН.; ИПБ.

Сборникъ Имп. Правосл. Палестинскаго
Общества.
ИАК.; ИФИ.

Сборникъ истор.-филол. Общ. при инсти-
тутѣ кн. Безбородко.
ИАК.; У.; ИПБ.; ИРАО. 1896—1911,
тт. 1—4 6—7.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣст-
ностей и племенъ Кавказа.
ИРГО.; ИПБ. 1881—1910. Вып. 1—40;
У.; БАН.; МА; ИАК.; БИАХ.; МАШ; МЭАН.
ИРАО. 1881—1910; 1—XXXVI, XXXVIII—
XLI.

Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-
Дарьинской области.
ИРГО.; ИАК.; МАШ; ИПБ.; ИРАО.
1902—1907 тт. I—XIII.

Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, изда-
ваемый при Дашковскомъ Этнографиче-
скомъ Музеѣ. Вып. I (1885), II (1887),
III (1888) (изд. прекр.).
ИПБ. 1885—87. Вып. 1—3; ИРГО.; БАН.;
МАШ; ИАК.; У.; ИРАО. 1985—1887; I—II.

Сборникъ Музея (по) Антропологій и Этно-
графіи при Имп. Ак. Наукъ.
ИПБ. 1901—1911. Вып. 1—9; МЭАН.,
МАШ; ИРГО.; БАН.; У.; МАШ.

Сборникъ Новгородскаго Общества любите-
лей древности.
ИАК.; ИПБ.; ИРГО.; ИРАО. 1908 —
1910. Вып. I—III.

Сборникъ Общества древне-русскаго иску-
ства.
ИАК.; У.; ИПБ.; ИРГО.

Сборникъ Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп.
Ак. Наукъ.
ИРГО.; ИАК.; У.; МАШ; ИПБ.; ИРАО.
1867—1910 тт. I—III, V, VII—LXXXI
LXXXIII—LXXXVIII.

Сборникъ Пензенскаго Губ. Стат. Комитета
(изд. прекр.).
ИАК.; ИПБ.; ИРГО.

Сборникъ Рязанск. Губ. Стат. Комитета.
ИРГО.

Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ
(изд. прекр.).
ИРГО.

Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ.
ИРГО.; ИАК.; МАШ.

Сборникъ свѣдѣній о сѣверномъ Кавказѣ,
изд. Ставропольскимъ Стат. Ком.
ИРГО.; ИАК.; МАШ; ИПБ.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Ста-
вропольской губ., изд. Ставропольск.

- Губерн. Статист. Комитета (изд. съ 1868 г. прекр.).
ИИБ.
- Сборникъ Тверского Общества любителей исторіи, археологій и естествознанія.
ИАК.; ИИБ.; ИРАО. 1903. Вып. 1.
- Сборникъ Трудовъ членовъ Петровскаго Общ. изслѣд. Астрахан. края.
ИИБ.; ИАК.; У.; МАШ.
- Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго Общества.
ИРГО.; ИАК.; У.; ИИБ.; ИРАО. 1890—1909, тт. 1—15.
- Сборникъ Черниговскаго Земства.
ИИБ.
- Сибирскій Вѣстникъ (изд. прекращено).
ИАК.; ИИБ.
- Сибирскій Сборникъ.
ИИБ. 1886—1904; ИРГО.; МЭАН. 1886, 1887, 1891; МАШ.
- Смоленская Старина.
ИАК.; ИИБ.; ИРАО. 1909—1911. Вып. I—II.
- Списки Етнографіи Сборник. Списка Кральевска Академія.
МАШ; СОБАН.; У.
- Старина сръпског археолошког друштва. Београд 1884.
СОБАН.; У.
- Тверская Старина.**
ИАК.; ИИБ.
- Труды Антропологическаго Общества при Имп. В.-Медиц. Академіи.
МЭАН., томы I—VI; БАН.; ИАК.; ИИБ. 1894—1900. Т. 1—6. ИРГО.
- Труды Архангельскаго Статистическаго Комитета (изд. прекращено).
ИИБ.
- Труды Астраханскаго Губерн. Статистическаго Комитета.
- Труды Бессарабской уч. Арх. Ком.
ИАК.; ИИБ.; ИРГО.; ИРАО. 1900—1902, тт. I—II.
- Труды Варшавскаго Статистич. Комитета.
ИРГО.; ИАК.; МАШ; ИИБ.
- Труды Витебской ученой Арх. Комиссіи.
МЭАН., 1910; ИАК.; ИИБ. 1910. Кн. 1.
- Труды Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. 1863—1871.
ИИБ.
- Труды Владимірскаго уч. Арх. Ком.
ИРГО.; ИАК.; МАШ; ИИБ.; ИРАО. 1899—1910. Кн. I—XII.
- Труды Воронежской уч. Арх. Ком.
ИАК.; МАШ; ИИБ.; ИРАО. 1902—1904. Вып. I—II.
- Труды Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Археологическаго Общества (изд. прекращено).
ИАК.; У.; ИИБ.; ИРАО. 1890—98, 1855—74; тт. 1—17, 20—22.
- Труды Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.
ИИБ.; ИРГО.; БАН.; У.; МАШ; ИАК.
- Труды Вятской ученой Архивной Ком.
ИРГО.; ИАК.; МАШ; ИИБ.; ИРАО. 1905—1911.
- Труды Донскаго Войскаго Статистическаго Комитета (изд. прекр.).
ИИБ.
- Труды Казанскаго Губернскаго Статистическаго Комитета (изд. прекр.).
ИИБ.
- Труды Курекаго Губ. Статистическаго Комитета (изд. прекр.).
ИИБ.
- Труды Курекой г. Арх. Ком.
ИАК.; МАШ; ИИБ.
- Труды Общества Естествоиспытателей при Имп. Каз. Унив. Отдѣль Етнографіи.
МЭАН. 1873; БАН.; ИИБ. 1871—1910. Т. 1—43. У.
- Труды Оренбургской ученой Архивной Комиссіи.

- ИРГО.; МЭАН., 1904, 1906—1911; БАН.; ИАК.; МАш; МА.; ИИБ. 1897—1910. Вып. 1—21. ИРАО. 1897—1911; II—XXII. У.
- Труды Орловской уч. Арх. Ком. ИИБ.; ИАК.; МАш; ИРГО.; ИРАО. 1893. Вып. II.
- Труды Пензенской уч. Арх. Ком. ИРГО.; ИАК.; МАш; ИИБ.; ИРАО. 1903. Кн. 1.
- Труды Пермской Арх. Комиссии. ИИБ.; ИАК.; МАш. ИРАО. Вып. I—IX.
- Труды Подольскаго Епархіальнаго Петор.-статист. комитета (прекр.). ИРГО.
- Труды Подольскаго Церковнаго Ист.-археолог. Общ. ИРГО.
- Труды Полтавской уч. Арх. Ком. ИАК.; МАш; ИИБ.
- Труды Псковскаго археологич. Общества. ИАК.; У.; МАш; ИИБ.; ИРАО. 1901—1910.
- Труды Рязанской уч. Арх. Ком. ИИБ.; ИАК.; МАш; ИРГО.; ИРАО. тт. II—XXI, XXII. Вып. 2. XXIII. Вып. 1.
- Труды Саратовской уч. Арх. Ком. ИРГО.; ИАК.; МАш; ИИБ.; ИРАО. 1888—94 1902—1911, тт. I, II—III, неп. IV. Вып. 22—28.
- Труды Ставропольской Арх. Комиссии. ИАК.; ИИБ.
- Труды Томскаго Общества естествоиспытателей. ИАК.; ИИБ.; ИРГО.
- Труды Троицкосавско-Кяхт. Отдѣленія Приамурск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. ИРГО.; МЭАН. 1898 — 1904, 1906 — 1909; БАН.; ИАК.; МАш; ИИБ. 1899 — 1911. Т. 1—12. ИРАО. 1898—1909, тт. 1—8, 9. Вып. 2. У.
- Труды Туашинскаго научно-промышленнаго музея. ИАК.; МАш; ИИБ.
- Труды Херсонскаго Губ. Стат. Комитета. ИАК.; ИИБ.
- Труды Черниговской уч. Арх. Комиссии. ИАК.; МАш; ИИБ.; ИРАО. 1902—1911. Вып. 2, 4—8.
- Труды Ярославской уч. Арх. Комиссии. ИРГО.; ИАК.; МАш; ИИБ.; ИРАО. 1890—92, 1899—1909, тт. I—III, V.
- Украина.** МАш; СОБАН.; ИИБ.
- Харьковскій Сборникъ.** ИРГО.; ИАК.; МАш; ИИБ.
- Чтенія въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.** ИРГО.; ИАК.; У.; МАш; ИИБ.; ИРАО. 1846—1848 неп. 1858, 1859—60, неп. 1861—1911.
- Эмисскій Этнографическій Сборникъ.** МАш; ИИБ.
- Этнографическій Сборникъ, издав. Имп. Русск. Геогр. Общ. Вып. I—VI (изд. прекращено).** ИРГО.; У.; МАш; БАН.; ИИБ. 1853—1864. Вып. 1—6. ИРАО. 1853—54. I—III.
- Этнографическое Обозрѣніе. Изд. Этногр. Отд. Имп. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр., соет. при Имп. Моск. Унив.** ИРГО.; У.; МАш; МЭАН. 1889 — 1903 (неп.); БАН.; ИАК.; МАш; ИИБ. 1889 — 1911. Кн. 1—87. ИРАО. 1889 кн. 2; 1890 кн. 5; 1891—1896.

II.

- Aarbøger for Nordisk oldkyndighed og historie.** Kjøbenhavn. ИАК.; ИРАО.
- Abbildungen von Alterthümern des Mainzer Museums.** Mainz. ИАК.

Abhandlungen der hist.-philolog. Classe der
K. Gesellschaft der Wissenschaften zu
Göttingen. Göttingen.

ИРАО.

Abhandlungen der K. Böhmischen Gesell-
schaft der Wissenschaften.

ИРАО.

Abhandlungen (Acta Nova) der Kais. Leopold-
Carol-Deutschen Akademie der Natur-
forscher.

ИРГО.; Bd. LXXX. № 1 и 2; Bd. LXXIV.
№ 1, 1907; МЭАН.; У.

Abhandlungen der philosophisch-histori-
schen Classe der Königl. Akademie der
Wissenschaften zu Berlin.

ИРАО.

Abhandlungen der philosophisch-historischen
Classe der K. Bayerischen Akademie der
Wissenschaften. München.

ИРАО.

Abhandlungen der phil.-hist. Classe d. K. Säch-
sischen Gesellschaft d. Wissenschaft-
ten. Leipzig.

ИАК.

Abhandlungen der Schlesischen Gesell-
schaft für vaterländische Kultur. Philos.-
hist. Abtheilung. Breslau.

ИРАО.

Abhandlungen des Archäologisch-epigraphi-
schen Seminares der Universität. Wien.

БАН.

Abhandlungen für die Kunde des Morgen-
landes Leipzig.

ИРАО. 1898—1901.

Abhandlungen zur Landeskunde der Prov.
West.-Preussen. Graudenz.

ИАК. 1890—95.

Abregé du Bulletin de la Société Hongroise
de Géographie.

ИРГО.; МЭАН., сь 1898 — 1908 (неп.).

Académie d'archéologie de Belgique.

ИАК. 1868—1902.

Acta societatis Scient. Fennicae. Helsingfors.
ИРАО.; ИАК.

Actas das Sessoes da Academia Real das Sci-
encias de Lisboa.

ИРАО.

Actes X Congrès International des Orien-
talistes. Session de Genève. 1894.
Leides.

ИРАО.

Alemannia. Zs f. Sprache, Litteratur u.
Volkskunde des Elsasses. Hg. von Berlin-
ger. Bonn 1873.

БАН. I Ge. 75.

Almanach de l'archéologie français, ed. par
les membres de la Société française
d'archéologie de Caen. Caen.

ИАК.

Almanach. Magyar Tud. Akademiai.

ИРГО.; МЭАН. 1908, 1909, 1910.

American Anthropologist.

ИРГО.; МЭАН., 1894—97, 1905 — 1910
и др.

American Archaeology and Ethnology Uni-
versity of California Publications.

ИРГО.; У.; МЭАН. и дал.; МАН.

American Journal of Archaeology. The
Journal of the archaeolog. Institute of
America.

ИАК. 1897—1902. ИЭ. I—XI (1885—
96). I—XIV (1897—1909).

American Museum Journal. 1903—1911.

МЭАН.

Amtlicher Bericht über die Verwaltung der
Naturh., Arch. und Ethnol. Samml. des
Westphäl. Provincial-Museums. 1894—
1909.

МЭАН.

Am Ur-Quell. Monatschrift für Velkskunde.

МАН; ИИБ.

Analecta archaeologica Fennica. Gelsingfors.

БАН.

- Analecta Bollandiana. Paris-Bruxelles-Genève.
ИРАО. БАН.
- Annalen des K. K. Naturhistor. Hofmuseums. МЭАН.; Jf 1885, 86, 87 — 1893, 1896; МАм.
- Annalen des Vereins für Nassauische Alterthumskunde und Geschichtsforschung. Wiesbaden.
ИАК. 1881—1902 ИРАО.
- Annaler for Nordisk oldkyndighed og historie. Kjøbenhavn.
ИАК. ЭН. 1853, 1854.
- Annales Academici. Lugduni-Batavorum. ИРАО.
- Annales archéologiques. Paris.
ИАК.; ИРАО. ИЭ. I—XXVIII (1844—81).
- Annales de l'Académie d'Archéologie de Belgique.
ИАК. 1865—1893; 1895—1900; ИРАО. ИЭ. БАН.
- Annales de l'Académie de Reims. T. I—II, 1843—44.
ИЭ.
- Annales de la Société archéologique de Namur. Namur.
ИАК. 1865—1902; ИРАО.
- Annales de la Société d'Agriculture, Sciences, Arts et Commerce de Puy. Puy.
ИРАО.
- Annales de la Société d'archéologie de Bruxelles. Bruxelles.
ИАК. 1887—1903.
- Annales de la Société d'emulation du département des Vosges. Épinal.
ИРАО.
- Annales de la Société d'histoire, d'archéologie et des beaux-arts du Chaumont. Dijon.
ИАК. 1893—94.
- Annales del Museo de la Plata. 9. Seccion Antropologia. 10. Etnologia. 11. Seccion de Arqueologia.
БАН., I Ab. XXX.
- Annales del Museo Nacional de Mexico. ИРАО.
- Annales du cerele archéologique de Mons. ИАК. 1875—1902.
- Annales du Midi. Revue de la France Méridionale fondée sous les auspices de l'Université de Toulouse. Toulouse.
ИРАО.
- Annales du Musée Guimet.
ИРГО.; У.
- Année Géographique. 1869, 72, 73, 74, 76.
ИРГО.; МЭАН.
- Annuaire de la Société archéologique de la province de Constantine.
ИАК. 1854—57; ИРАО. ИЭ. 1858—62.
- Annuaire de la Société d'archéologie de Bruxelles.
ИАК. 1895—1903.
- Annuaire de la Société des antiquaires de France.
ИАК. 1849, 1851—55.
- Annuaire de la Société française de numismatique et d'archéologie.
ИАК. 1866—74.
- Annuaire de la Société royale des antiquaires de France. 1848—54.
ИЭ.
- Annual reports of the trustees of the Peabody Museum of American archaeology and ethnology. Cambridge.
ИАК. 1875—1876.
- Anthropologie. Matériaux pour l'histoire de l'homme, revue d'anthropologie, revue d'ethnographie réunis.
МАм; МЭАН. (1894); БАН.; ИЭ. (1893—1911); IV—XXII.
- Anthropos. Revue internationale d'ethnologie et de linguistique.

- ИРГО. (В. II, II. 1); У.; МАи; БАи; МЭАН.
- Antiquarisk Tidskrift, udg. af det Kong. Nordiske Oldskrift-Selskab. Kjøbenhavn. ИЭ.; ИАК. 1843—1863.
- Ἀνθρῶποφυτεία. Jahrbücher für folkloristische Erhebungen und Forschungen zur Entwicklungsgeschichte der geschlechtlichen Moral. МАи; ИИБ.
- Anzeiger d. finnisch-ugrischen Forschungen. У.
- Anzeiger der Ethnographischen Abtheilung des Ungarischen National Museums. ИРГО. (III. 1); МАи; МЭАН. 1903, 1904, 1905, 1908.
- Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums. Nürnberg. ИЭ. 1886—1910. ИАК. 1884—1889; 1900.
- Anzeiger für Kunde der Deutschen Vorzeit. Organ des Germanischen Museums. N. F. I—XXX (1853—1882). ИЭ.
- Anzeiger für schweizerische Alterthums-kunde. Indicateur d'antiquités suisses. Zürich. 1869. 1. 2; 1871—1910. ИЭ.
- L'archeografo Triestino. Trieste. I—IV. 1829. ИЭ.
- Archaeologia Aeliana. Newcastle. I—IV (1822—33) I—XVI (1837—94) XVII—XXV (1893—1900 ff.). ИЭ.
- Archaeologia Cambrensis. The Journal of the Cambrian archaeological association. I—IV (1846—49) I—V (1850—54), I—XV (1853—69), I—XIV, (1870—83), I—III (1884—86). ИЭ.
- Archaeologia: or miscellaneous tracts relating antiquity. Published by the Society of antiquaries of London. ИАК. 1843—1883.
- Archaeologiai értesítő (на венг. яз.). A magyar tudományos Akadémia archaeol. birottságának és az orsz. régészeti s emb. társulatnak körlöngé. Budapest. ИАК. 1876—1901. БАи; ИРГО.; МЭАН. (1903—1910).
- Archaeologiai közlemények (на венг. яз.). ИРГО. ИАК. 1871—97.
- Archaeologisch-epigraphische Mittheilungen aus Oesterreich-Ungarn. Wien. БАи.
- Archaeologische Zeitung. Berlin. I—XLII (1843—83). ИЭ.; ИАК. 1868—85.
- Archiv des Vereins für Geschichte und Alterthümer der Herzogthümer Bremen und Verden und des Landes Hadeln zu Stade. ИАК. 1880—86.
- Archiv für Anthropologie. ИРГО.; МЭАН. 1870, 72, 73, 76, 77, 79, 1904—1910 и дал.; МАи; БАи; У.; ИЭ. Bd. 25—28 (1899—1904), N. F. I (1903). ИАК. 1866—1901.
- Archiv für Landes- und Volkskunde der Provinz Sachsen. Halle. БАи., IX. №. 42^{ab}.
- Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. I—V, 1900. ИЭ.
- Archiv für Religionswissenschaft. Freiburg i. B. Red. Achelis. Leipzig. БАи.; ИЭ. VII—XIV (1907—1911).
- Archiv für Slavische Philologie. ИРГО.; БАи.; У.; МАи.
- Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Hrsg. von A. Erman. Berlin. ЕМФ.

Archives des Missions scientifiques et littéraires. Paris.

ИЭ.

Archivio per l'Anthropologia e la Etnologia.
HPTO.; МЭАН. 1873; МАи; БАН.

Archivio per lo studio delle tradizioni popolari. Palermo-Torino.

БАН.; III Gc 19a; HFO. 1885—1911.

Archivio storico, artistico, archeologico e letterario della città e provincia di Roma. I—IV. 1873—80.

ИЭ.

Argo. Zs für krainische Landeskunde. Laibach.
БАН.; X En. 8^{ee}.

Assyriologische Bibliothek.

МА.

Ἀσσυριολογικὴ Βιβλιοθήκη. ΑἈθηναί. I—X, 1872—81.

ИЭ.

Atti della Reale Accademia di archeologia, lettere e belle arti. Napoli.

ИАК. 1866—86. БАН. I Fd/52.

Atti della società di archeologia e belle arti per la provincia di Torino. I—VII (1873—87).

ИЭ.

Atti Istriani. Tergeste. I—II. 1843.

ИЭ.

Das Ausland. Wochenschrift für Erd- und Völkerkunde.

HPTO. (I. 43 — 55, 64); Y.

Ausonia. Revista della società italiana di archeologia e storia dell'arte. Roma. I—IV. 1906.

ИЭ.

The Australasian anthropological Journal (Anth. Society of Australasia). Sydney.

БАН. VIII F. 20^t.

Baltische Studien. Herausg. v. d. Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Alterthumskunde. Stettin.

ИАК. 1881—1902.

Beiträge zur Anthropologie u. Urgeschichte Bayern s. Organ d. Münchener Ges. für Anthropologie, Ethnologie u. Urgesch.

БАН.; VIII Aa. 13^b; III B. Bd. 1—4, 9, heft. 3.

Beiträge zur Assyriologie und semitischen Sprachwissenschaft. Bd. I—VIII. 1899.

ИЭ.

Beiträge zur deutsch-böhmischen Volkskunde.

Hgg. v. d. Ges. z. Förderung deutscher Wiss. Kunst u. Literatur in Böhmen. Prag.

БАН. I. Fe. 128^a; III B.

Beiträge z. Landes- u. Volkskunde v. Elsass-Lothringen.

Y.

Beiträge zur vaterländischen Geschichte. Basel.

ИАК. 1901. B-de I—V.

Beiträge zur Volks- u. Völkerkunde. Berlin 1893.

Y.; III B.

Bericht des Mus. für Völkerkunde in Leipzig.

МЭАН. (1873, 1883); БАН. VIII F. 19^d.
(продолжение Jahrbuch d. Städt. Museums f. V. zu Leipzig). ИАК. 1891—1901.

Bericht über die Tätigkeit der von d. Deutschen Anthropologischen Gesellschaft gewählten Kommission für Prähistorische Typenkarten. Berlin (также в Zs. für Ethnologie).

МЭАН. 1905 и 1906.

Berichte des Kön. Ethn. Mus. in München.

МЭАН. 1908.

Berichte d. Kgl. Gesellschaft für die Sammlung und Erhaltung vaterländischer Alterthümer in Kiel. Kiel.

ИАК. 1857, 1869—71, 72, 73.

Berichte d. k. Schleswig—Holstein—Lauenburgischen Gesellschaft für die Sammlung und Erhaltung vaterländ. Alterthümer. Kiel.

ИАК. 1841—69.

Berichte und Mittheilungen des Alterthums-Vereins zu Wien. Wien.

ИАК. 1870—78.

Berichte zur Alterthumskunde Schleswig-Holsteins. Kiel.

ИАК. 1878—85.

Biblioteca Anthropologico-Giuridica. Torino. У.

Biblioteka Wisły. Warszawa.

У.; СОБАИ.

Bibliothèque des Sciences religieuses.

У.

Bidrag till Kännedom af Finlands natur och folk atgifna af finska vetenskapsso-cieteten. Helsinki 1838.

ИПТО.; БАИ., X. Yr. 40b.; У.

Boletin do Museu Paraneze (Goeldi) de Historia Natural e Ethnographia.

ИПТО. (Vol. III. V).

Bremisches Jahrbuch, herausg. von d. histor.

Gesellschaft des Künstlervereins. Bremen.

ИАК. 1895—1902.

Bulletin archéologique de l'Athénæum français. Paris. Janvier 1855—octobre 1856.

ИЭ.

Bulletin de correspondance africaine. Antiquités Libyques, Puniques, Grecques et Romaines. Alger. I—V. 1882—86.

ИЭ.

Bulletin de correspondance hellénique.

Δελτίον Ἑλληνικῆς ἀλληλογραφίας.

ИАК. 1886—99.

Bulletin de l'Académie d'archéologie de Belgique. Anvers. III-e série des Annales, 2 partie №№ 1—20. IV série des Annales, 1 partie №№ 1—24. 2 partie №№ 1—30. V série des Annales, 1—4.

ИЭ. БАИ.

Bulletin de la commission des antiquités de la Seine-inférieure.

ИАК. 1868—1901.

Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie. Alexandrie. I—XII (1898).

ИЭ.

Bulletin de la Société archéologique du midi de la France.

ИАК. 1886—1901.

Bulletin de la Société archéologique et historique du Limousin.

ИАК. 1882—1903.

Bulletin de la Société archéologique, scientifique et littéraire de Beziers.

ИАК. 1883—1902.

Bulletin de la Société d'anthropologie de Lyon.

ИПТО.; ИЭ. Т. XI, 1892.

Bulletin de la Société d'histoire et d'archéologie de Genève.

ИАК. 1892—1902.

Bulletin de la Soc. Hongroise de Géographie. International (на разн. язык.).

ИПТО.; МЭАН., 1905, 1907, 1908, 1909.

Bulletin de la Société Khédiviale de géographie du Gaire.

ИПТО.

Bulletin de l'Association Intern. pour l'Expl. histor., archéol., linguist. et ethnographique de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient.

ИПТО.; У.; МЭАН. №№ 1—8.

Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême Orient.

ИПТО.; МЭАН., 1903 — 1910 (нен.). У.

Bulletin de l'institut archéologique liégeois.

ИАК. 1852—1902.

Bulletin des commissions royales d'art et d'archéologie. Bruxelles. Années III—XXII, XXVII—XLIII 1864.

ИЭ.; ИАК. 1862—72 (т. 7-й не полонъ).

- Bulletin des Musées. Paris. I—IV (1890).
ИЭ.
- Bulletin d'histoire ecclésiastique et d'archéologie religieuse. Romans.
БАН.
- Bulletin du Comité des travaux historiques et scientifiques. Section d'archéologie.
ИАК. 1883—1902.
- Bulletin du Muséum d'histoire naturelle.
ИРГО.; МЭАН., 1904 — 1910 и дал.
- Bulletin et annales de l'Académie d'archéologie de Belgique. Anvers. Vol. I—VII. (1843—50).
ИЭ. БАН.
- Bulletin et mémoires de la Société archéologique du départ. d'Ille-et-Vilaine.
ИАК. 1870—1894.
- Bulletin Hispanique. Des Annales de la Faculté des Lettres de Bordeaux et des Universités du Midi. II—XII. 1900—1910.
ИЭ.
- Bulletin Monumental. Paris. I—LXIII (1835—1898).
ИЭ.; ИАК.
- Bulletino archeologico italiano. (1862). I. Napoli.
ИЭ.
- Bulletino archeologico napoletano. Napoli. I—VI (1843—48), n. s. I—VIII (1852—63).
ИЭ.
- Bulletino archeologico Sardo. Cagliari. I—X (1855—64), n. s. I (1884).
ИЭ.
- Bulletino della commissione archeologico municipale di Roma. Roma. I—XXXIX (1899—1910).
ИЭ.
- Bulletino della commissione di antichità e belle arti di Sicilia. Palermo. 1864—74.
ИЭ.
- Bulletino dell' Imperiale Instituto Archeologico Germanico. Sezione Romana.
БАН.
- Bulletino di Archeologia. Christiania. (1863—1894).
ИЭ.
- Bulletino di Archeologia e Storia Dalmata. Spalato. I—XVII (1878—94).
ИЭ. БАН.
- Bulletino di paletnologia Italiana. Parma.
МАН.
- Bulletin of the Madras Government Museum.
МЭАН., 1894, 1896, 1897, 1899, 1900—01, 1901 — 1903, 1903.
- The Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. New York. 1905 I—III.
ИЭ.
- Bulletin of the Am. Mus. of Nat. History.
МЭАН.
- Bulletin Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology.
ИРГО. (№ 25 — 42); У.; МАН.; МЭАН. № 25, 26, 27, 28, 29, 32, 35, 36, 38, 39, 41, 48. ИИБ. №№ 28, 29, 32 — 34, 38 — 39.
- Bulletin Smith. Inst. U. States National Museum.
МЭАН.; МАН.
- Bulletin Philipps Academy Dep. of Arch.
МЭАН.
- Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris.
ИРГО.; У.; МАН.; МЭАН., 1894, 1905 — 1910 и дал. ИИБ.
- Bydragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië.
ИРГО.
- Byzantinische Zeitschrift. München. I—XX (1892—1911).
ИЭ.
- La Calabria. Rivista di letteratura popolare. 1889 — 1901.
ИФО.

Cambridge Antiquarian Society. Octavo Publications. №№ XXVIII—XXXI (1896—98).

ИЭ.

Carniola. Izvestja Muzejskega Društva za Kranjsko.

ИРГО.; СОБАН.

Časopis Mačicy Serbskeje.

ИРГО.; СОБАН.; У.; МАИ.

Časopis Matice Moravské.

СОБАН.

Časopis Moravského Musea Zemského vyd.

Mor. Musejní společnost. Brno.

СОБАН.

Časopis Musea království Českého v Praze.

ИАК. 1877—1894, 1898, 1899.

Časopis Muzeálnej slovenskej spoločnosti.

Turčiansky sv. Martin 1898.

СОБАН.; ИРГО.

Časopis Společnosti Přátel Starožitností českých v Praze. Příloha: Obzor prae-historický.

СОБАН.

Časopis Vlasteneckého spolku musejního v Olomouci.

СОБАН.

Catalogue Intern. of Scientific Literature 1903, 1904, 1906, 1907, 1908, 1910.

МЭАН.; ИРГО. I—VII.

Český Lid. Sborník věnovaný studiu lidu Českého.

МАИ.; СОБАН.; У.; ИИБ.; ИРГО.

Chronik der Ukr. Ševčenko Gesellsch. 1907—1910.

МЭАН.; У.

Comité de conservations des monuments de l'art arabe. Le Caire. Exercices. 1882—1901.

ИЭ.; ИАК. 1884—89.

Comptes-rendus de la Com-Imp. d'Archéologie 1863—1872.

МЭАН.; У.

Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles — Lettres 1890—97, 1900—1911.

МЭАН.; У.; ИЭ.

Congrès archéologiques de France.

ИАК. 1877—1900.

Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques. Compte-rendu.

ИРГО. 1892; ИИБ.; У.; ИЭ. 1905, 1909.

Contributions to North American Ethnology. Vol. II, VI.

МЭАН.

Contributions from the Un. St. National Herbarium. Vol. XII, XIII, XIV, XV.

МЭАН.; МАИ.

Correspondenz-Blatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte.

ИЭ. XVII (1886), XX (1889) XXV (1894), XXVI (1895). МЭАН. съ 1894 — 99 (неп.); МАИ. ИАК. 1870—74; 1850—84; 1885—87; 1889—90; 1892—97 (годы 1876—79, 1888 и 1898—неполные).

Cvetje z vertov sv. Frančiška. Časopis za verno katoliško ljudstvo, zlasti za ude tretjega reda sv. Frančiška. Gorica.

СОБАН.

Dania Tidsskrift for folkemål og folkeminder. Kjøbenhavn 1891.

ИФО. 1899—1902.

Δελτίον της ιστορικής και εθνολογικής Εταιρίας της Ελλάδος.

У.; ИФО. 1885—1906; ИИБ.

Δελτίον αρχαιολογικόν. Ἀθῆναι. IV—VIII. (1888—1892).

ИЭ.

Denkmäler, Antike. Hgg. v. d. Deutschen archaeologischen Institut. Berlin.

БАИ.

Dirva Lithuanian Quarterly Publication.
Shenandoah. 1898.

У.

Dirva-Zinyas. Shenandoah.

У.; ИЭ.

Dissertazioni della pontificia Accademia
romana di archeologia. Roma.

ИАК. 1881.

Dissertazioni dell'Accademia romana di
archeologia. Roma. I—XV (1821 —
33).

ИЭ.

Dom in svet, ilustrovan list za umetnost in
znanstvo. Ljubljana.

СОБАН.

Δύω γενικαὶ συνελεύσεις τῶν ἐταίρων
τῆς ἐν Ἀθῆναις ἀρχαιολογ. εταιρίας.
Ἐν Ἀθῆναις.

ИАК. 1862, 1867, 1868, 1870.

Ecole française de Rome. Mélanges d'ar-
chéologie et d'histoire. Paris-Rome.

ИАК. 1881—1901 (недостаётъ 1893, fasc.
1—2; 1896, fasc. 3—4; 1901, fasc. 3).

Ethnographia (на венг. яз.).

МЭАН., 1903, 1905 — 1910.

Etnografiskas siņas par latweescheem. «Dee-
nas Lapas» peelikums. I—IV. Rihgā.
1891—1894.

БАН.

Ethnologica.

МЭАН., 1909. МХIII.

Ethnological Survey Publications Manila.

ИРГО. (Vol. I, II, p. 1).

Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn.

БАН.; МЭАН. (1891 — 2, 1896); ИИБ.

Ethnologisches Notizblatt.

ИРГО. (B. I, 1 — 3, II, 1); У.; МЭАН.
1894, 95, 99.

Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική. Αθήναι.
1837 — 48, 1862 — 74, 1883 —
1910.

ИЭ. БАН.

Fataburen Nordiska Museet.

ИРГО.; МЭАН., 1907 — 1910 и д.; МАИ.

Finnisch-Ugrische Forschungen.

МЭАН., 1901 — 1908; МАИ; У.

Földrajzi Közlemenyek.

ИРГО.; МЭАН., 1904, 1906.

Foreningen for Norsk Folkemuseum.

МАИ. ИРГО.

Forschungen zur deutschen Landes- u.
Volkskunde. Stuttgart.

БАН., X Ef 2^b; ИИБ.

Gazette Archéologique. Paris. I—XIV
(1873—89).

ИЭ.; ИАК. 1878—1889.

Geographen Kalender.

МЭАН. МАИ. ИРГО.

Geographisches Jahrbuch.

ИРГО.; МЭАН., 1876, 1878; ИИБ.

Giornale Ligustico di Archeologia, Storia e
Belle Arti. Genova. I—XIX (1874—
92).

ИЭ.

Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Her-
zegovini. Sarajevo. 1889 и сл.

СОБАН.

Globus. Illustrierte Zeitschrift für Länder-
und Völkerkunde.

ИРГО. (B. III, XVII, LI — LVIII,
LXXXIV); МАИ; МЭАН., 1910; БАН.

Göttingische gelehrte Anzeigen. 1895—
1911.

ИЭ.

Gryf. Pismo dla spraw Kaszubskich. Koś-
cierzyna Westpr. 1909.

СОБАН.

Hessische Blätter für Volkskunde.

У.; ИИБ. Bd. 3—4.

Hlas. Měsíčník pre literatúru, politiku,
otázku socialnu.

СОБАН.

Indogermanische Forschungen.

БАН.; У. ИФН.

Internationales Archiv für Ethnographie.

Leiden.

ИРГО.; У.; МАИ; МЭАН., Bd. XVII, XVIII, XIX; БАН. ИИБ.

Internationales Zentralblatt für Anthropologie,

Etnologie u. Urgeschichte, paanye Z. f.

A. E. U.

Izvestja muzejskega društva za Krajnska v Ljubljani. 1891.

СОБАН.

Jahrbuch d. Bukowiner Landes - Museums.

Czernowitz.

У.

Jahrbuch der Gesellschaft für bildende

Kunst und vaterländische Alterthümer zu

Emden. Emden.

ИАК. 1884—93.

Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlun-

gen des Allerhöchsten Kaiserhauses.

Wien. I—XXIX (1883—1911).

ИЭ.

Jahrbuch des Kais. Deutschen Archäologi-

schen Instituts. Berlin.

ИАК. 1887—1902. БАН.

Jahrbuch der Gesellschaft für Lothringische

Geschichte und Alterthumskunde. Metz.

ИАК. 1888—1901.

Jahrbuch des städt. Mus. zu Leipzig.

МЭАН., 1907 — 1908, 1909.

Jahrbuch der Kaiserl. Königl. Central-

Commission zur Erforschung und Er-

haltung der Baudenkmale. Wien.

ИЭ.; ИАК.

Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreun-

den im Rheinlande. Bonn. I—CXVIII

(1842—1910).

ИЭ.; МДз. У.

Jahresbericht der Geogr. - Ethnogr. Ge-

sellschaft in Zürich.

ИРГО.

Jahresbericht d. Vereines f. siebenbürgische

Landeskunde. Hermanstadt. 1853.

БАН. X. Кб. 3; ИИБ.

Jahresberichte der histor. und antiquarischen

Gesellschaft zu Basel. Basel.

ИАК. 1893—1900.

Jahresberichte der Kgl. Böhmischen Gesell-

schaft der Wissenschaften. Prag.

ИАК. 1897—1898.

Jahresberichte d. Schweizerischen Landes-

museum in Zürich. Zürich.

ИАК. 1898—1901.

Jahresberichte des K. Sächsischen Alter-

thumsvereins über die Jahre 1880—1;

1882—3; 1883—4; 1884—5;

1885—6; 1887—8; 1893—1902.

Dresden.

ИАК.

Jahreshefte des Oesterreichischen Archäo-

logischen Instituts in Wien. Bd. I—

XIII (1898—1910).

ИЭ.

Jahreshefte d. Gesellschaft für Anthropol-

ogie u. Urgeschichte d. Oberlausitz

Görlitz.

БАН., X. Ео. 10*.

Jahreshefte des Württembergischen Alter-

thums-Vereins. Stuttgart.

ИАК. 1844—1879.

Jelgawas Latweeschu Beedribas Rakst-

neezibas Nodafas Rakstu krahjums. Мн-

тана (Jelgawā). 1890.

БАН.

Journal de la Société Finno-Ougrienne.

ИРГО.; МЭАН., 1906 — 1909; БАН., III

Оа *1. У.

Journal of American Folklore.

МЭАН., 1894 — 98, 1906—1910 и д.

ИФО. 1888 — 1906; ИИБ.

- Journal of Anthropology.
У. (I. II. 465).
- Journal of the Anthropological Society of
Bombay.
МЭАН., 1910.
- Journal of the Anthropological Institute of
Great Britain and Ireland. London.
У.; МАИ; МЭАН., 1904 — 1910 и далее;
БАН. VIII Аа. 14^d. ИРГО.
- The Journal of the British archaeological
Association. London.
ИАК. 1846—1887.
- Journal of the Buddhist Text and Anthro-
pological Society (Sarat Chandra Das).
Calcutta.
У.
- Journal of the Ethnological Society.
У.
- Journal of the Folk-Lore.
У.; ИИБ.
- The Journal of Hellenic studies. London.
ИАК. 1883—1903.
- Journal of the Anthropological Institute of
New York.
ИРГО.
- Journal of Indian Art. №№ 1 — 24
(1884—88).
ИЭ.; ИИБ. У.
- K**önigsberger Studien. Historisch-Philolo-
gische Untersuchungen. Heft 1. 1887.
ИЭ. БАН.
- Közlemenyek (на венг. яз.).
МЭАН., 1902, 1905, 1906, 1908, 1909,
1910. БАН.
- Κρητικά. Recueil de documents pour
servir à l'étude des traditions populaires.
МАИ; У. (неп.); ИИБ.
- Kunstgeschichtliches Jahrbuch der K. K.
Zentral-Kommission für Erforschung
und Erhaltung der Kunst und histori-
schen Denkmale. Wien. I—IV (1907—
1910).
ИЭ.
- Kwartalnik etnograficzny «Lud» (16.
1910). Cf. Lud.
СОБАН.
- Letopis Matice Slovenskej vo Viedni
(1864); v B. Bystrici (1869); v Turč
sv. Martině (1870—74).
У.; СОБАН.; ИРГО.
- Lietuvių Tauta. Laikraštis, skiriamas lie-
tuvių praeities ir dabarties tardymui.
Vilniuje. 1907.
БАН.; ИРГО.
- Lud. Organ Towarz. Ludozn. we Lwowie.
Cf. Kwartalnik etnograficzny «Lud».
1895.
ИРГО.; СОБАН.; У.
- Magazin herausgegeben von der Lettisch-
Litterärischen Gesellschaft. Mitau.
БАН.; ИРГО.
- Materyały antropologiczno-archeologiczne i
etnograficzne Kom. Antrop. Ak. Um. w
Krakowie. 1896.
ИРГО.; СОБАН.; ИИБ. ИАК. 1896—
1900.
- Mélusine. Recueil de mythologie, littera-
ture populaire, traditions et usages.
МАИ; ИРГО. 1878 и 1885—1900; ИИБ. У.
- Memnon. Zeitschrift für die Kunst- und
Kulturgeschichte des Alten Orients. Bd.
I—V (1907).
ИЭ.
- Mémoires de la commission des antiquités
du dép. de la Côte d'Or.
ИАК. 1841—66.
- Mémoires de la Société académique d'ar-
chéologie, sciences et arts du départ. de
l'Oise.
ИАК. 1894—1902.

- Mémoires de la Société archéologique de Montpellier.
ИАК. 1899—1903.
- Mémoires de la Société archéologique de l'Orléannais. Orléans. I—XXVII. (1851—1892).
ИЭ; ИАК. 1879—1892.
- Mémoires de la Soc. d'Anthrop. de Paris.
ИРГО.; МЭАН., 1893, 1895; МАИ.
- Mémoires de la Société d'Archéologie et de Numismatique de St. Pétersbourg.
ИРГО.; ИЭ. I—VI (1847—52).
- Mémoires de la Société des antiquaires de la Morinie. Saint-Omer. I—XIX (1833—83).
ИЭ; ИАК. 1879—1902.
- Mémoires de la Société des antiquaires de la Normandie. Paris. I—X (1824—36), I—X (1837—53), I—X (1853—80), I—III (1881).
ИЭ; ИАК. 1841—67.
- Mémoires de la Société des antiquaires de l'Ouest. Poitiers. Années 1833—97 (XX), XXI—XXIII.
ИЭ; ИАК. 1875—1902.
- Mémoires de la Société des antiquaires de Picardie. Amiens-Paris.
ИАК. 1851—1899.
- Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.
ИРГО.; У.; МЭАН., 1905, 1908, 1909; БАН., III Оа. **1.
- Mémoires de la Société royale des antiquaires du Nord. Copenhague. 1840—44, 1848—51, 1858—60, 1866—1896.
ИЭ; ИАК. 1836—1860, 1866—77.
- Mémoires de la Société royale des antiquaires du Nord. Section Russe. 1840—43.
ИЭ.
- Mémoires et Bulletins de la Société nationale (royale) des antiquaires de France. Paris. (1817—1911).
ИЭ.
- Mémoires et documents d'histoire et d'archéologie de Genève.
БАН.
- Memoirs of the American. Museum of Natural History.
ИРГО.; МЭАН. 1898, 1899, 1905, 1907.
- Memoirs of the Peabody Museum.
МЭАН., 1896, 1897, 1898, 1901, 1902, 1903, 1904, 1908, 1910; МАИ.
- Memorie della regale Accademia Ercolanesa di archeologia. Napoli. I—IX (1822—62).
ИЭ.
- Memorie Romane di antichità e di belle arti. Roma I—III, Pesaro IV (1824—27).
ИЭ.
- Mittheilungen an die Mitglieder des Vereins für Geschichte und Alterthumskunde in Frankfurt. Frankfurt.
ИАК. 1871—81.
- Mittheilungen aus dem Germanischen Nationalmuseum. Nürnberg.
ИАК. 1884—1889.
- Mittheilungen aus dem Museum f. deutsche Volkstrachten und Erzeugnisse des Hausgewerbes zu Berlin.
МАИ.
- Mittheilungen aus dem Museum für Völkerkunde in Hamburg.
МЭАН. 1906, 1908.
- Mittheilungen aus dem Städtischen-Museum für Völkerkunde zu Leipzig.
ИРГО. (Б. I, II. 1. 1905); ИИБ.
- Mittheilungen der Anthropol. Gesellschaft in Wien.
ИРГО.; МЭАН., 1894, 1895, 1897, 1900; БАН.; ИИБ. ИАК. 1871—81; 1882—1902 (недостаёт т. 24 вып. 4; т. 25 вып. 2—3; т. 30, вып. 7).

Mittheilungen der antiquarischen Gesellschaft zu Zürich. Zürich. I—XXVII (1841 ff.).

ИЭ.; ИАК. 1841—1903.

Mittheilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens in Tokio.

ИПО.; У.; БАН. (Yokohama).

Mittheilungen der Gesellschaft für vaterländische Alterthümer in Basel. Basel.

ИАК. 1843—62.

Mittheilungen der historischen und antiquarischen Gesellschaft zu Basel. Basel.

ИАК. 1894.

Mittheilungen der k. k. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Kunst und Historischen Denkmale I—XXVIII (1873—1901), I—X (1902—11).

ИЭ.

Mittheilungen der k. k. Geographischen Gesellschaft in Wien.

ИПО.

Mittheilungen der Litauischen Literarischen Gesellschaft. Heidelberg.

БАН.; У.

Mittheilungen d. Litterarischen Gesellschaft Masovia. Lötzen.

БАН.

Mittheilungen der prähistorischen Commission der Kais. Akademie der Wissenschaften. Wien.

ИАК. 1888—1901.

Mittheilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft (in Berlin), I—XVI, 1896—1911).

ИЭ.

Mittheilungen des antropologischen Vereins in Schleswig-Holstein. Kiel.

ИАК. 1899.

Mittheilungen des Freiburger Alterthumsvereins. Freiberg.

ИАК. 1867—79.

Mittheilungen des Germanischen National-Museums. Nürnberg. (1886—1910).
ИЭ.

Mittheilungen des historisch-antiquar. Vereins für die Städte Saarbrücken und St. Johann und deren Umgegend. Saarbrücken.

ИАК. 1846—59; 1899—1901.

Mittheilungen des K. Deutschen Archäologischen Instituts. Athen.

ИАК. 1876—1902.

Mittheilungen d. K. Sächs. Vereins für Erforschung und Erhaltung der vaterl. Alterthümer. Dresden.

ИАК. 1853—78.

Mittheilungen des Vereins für Geschichte und Landeskunde von Osnabrück. Osnabrück.

ИАК. 1882—98.

Mittheilungen des Vereins für Kaschubische Volkskunde. Leipzig.

ИИБ.

Mittheilungen des Vereins für Nassauische Altertumskunde und Geschichtsforschung an seine Mitglieder. Wiesbaden.

ИАК. 1899—1903.

Monadsblad Kongl. Vitterhets Historie och Antiquitets Akademiens. Stockholm. 1882, 1884, 1885, 1888, 1887.

ИЭ.

Monatsblätter. Herausg. v. d. Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Alterthumskunde. Stettin.

ИАК. 1887—1902.

Le Monde Oriental.

ИПО.; У.; МЭАН., 1906, 1907, 1909, 1910; ИИБ. МА.

Monumenta Hungariae archaeologica. Pest.

ИАК. 1869—79.

Monumenta Hungariae archaeologica aevi medii. Budapest.

ИАК. 1883.

- Monumenta Hungariae archaeologica aevi
praeistorici. Budapest.
ИАК. 1881, 1884.
- Monumenti antichi, pubblicati per cura della
Reale Accademia dei Lincei. Milano.
I—XIX (1890).
ИЭ.
- Μουσείον καὶ βιβλιοθήκη τῆς εὐαγγελ-
λικῆς Σχολῆς. Σμύρνη. (1873—85).
ИЭ.
- Le Musée. Revue d'art antique. Paris. I—
II, (1904—05).
ИЭ.
- Le Musée. Revue d'art mensuelle. Paris.
III—VI (1906—1909).
ИЭ.
- Museum der Alterthumswissenschaft. Ber-
lin. 1807, 1808.
ИЭ.
- Le Muséum et la Revue des religions. Lou-
vain.
МЭАН.
- Museumskunde. Zs f. Verwaltung u. Tech-
nik Öffentl. u. privater Sammlungen.
Berlin.
МАН; МЭАН.
- Mythologische Bibliothek hrsg. v. d. Ge-
sellschaft f. vergleichende Mythenfor-
schung. Leipzig.
ИИБ.
- Národopisný Věstník Českoslovanský v
Praze. 1897—1906.
ИИБ; СОБАН; ИРГО; У; МАН;
МЭАН. 1906, 1907, 1908, 1909, 1910.
- Niederlausitzer Mittheilungen. Zs. d. Nieder-
lausitzer Ges. f. Anthropologie u. Alter-
thumskunde. Guben.
БАН.
- Norsk Folkemuseum. Kristiania. 1903.
МАН; ИРГО.
- Notizie degli scavi di antichità. Roma.
1876—1911.
ИЭ.
- Nouvelles Archives des Missions scienti-
fiques et littéraires. Paris. I—VIII.
ИЭ; М. Д. У.
- Nuovo Bulletino di archeologia cristiana
(1899—1910).
ИЭ; БАН.
- Nyare Bidrag till Käunedom om de svenska
Landsmälen ock svenskt Folklif.
ИРГО. (1878—1903). ИФО. 1904—11
(иѣтъ 1906); ИИБ.
- Oriens Christianus. Rom. II—V (1902—
1908); I (1911).
ИЭ.
- Orientalisches Archiv. Leipzig. I—IV.
(1910—1911).
ИЭ.
- Original-Mittheilungen aus der ethnologi-
schen Abtheilung der Kgl. Museen zu
Berlin.
У.
- Oesterreichische Monatsschrift f. den Orient.
ИЭ. XXII—XXVII (1896—1901). МА;
ИРГО; У. XIII (1887) и с.г.; I. III. 288.
- Památky archaeologické a místopisné vydá-
vané od Archaeologického sboru Musea
království Českého.
МАН; СОБАН. ИАК. 1885—1903.
- Papers Anthropological of the American Mu-
seum of Nat. History.
МЭАН., 1907—1910.
- Papers of the Peabody Museum.
МЭАН., Vol. I, II, III, IV, VI, и д.; МАН
- Τὰ Περιωθέντα τοῦ ἐν Κωνσταντινου-
πόλει Ἑλληνικοῦ Φιλολογικοῦ Συ-
λλόγου. Κωνσταντινούπολις. IV—VII.
(1865—74).
ИЭ.

- Petermanns ver. mit Globus Mittheilungen.
МЭАН., 1911. МАи; У.; ИИБ.
- Portugalia. Materiaes para o estudo do povo portuguez.
ИАК. т. I. fasc. 1—2.
- Prachistorische Zeitschrift. I. 1909. Berlin.
МАи; ИИБ.
- Πρακτικά τῆς ἐν Ἀθήναις ἀρχαιολογικῆς ἐταιρείας. Αθήναι. 1871—83.
ИЭ.
- Pravěk. Ústředni list pro praehistorii a anthropologii zemí Českých. Olomouc.
СОБАН.
- Proceedings of the Cambridge Antiquaria Society № XXXVI—XL (1895—1898).
ИЭ.
- Proceedings of the United States National Museum.
МЭАН., Vol. I, III, IV, VII, VIII, IX, и сч. XIV—XXXVI. У.
- Przegląd archeologiczny. Lwów.
ИАК. 1882—90.
- Psychologische Studien. Hrsg. v. Wilhelm Wundt. Leipzig.
У.
- Publications de la Société d'Ethnographie. Section orientale.
У.
- Publications de la Société pour la recherche et la conservation des monuments historiques dans le Grand Duché de Luxembourg. Luxembourg. I—XLV (1845—97).
ИЭ.
- Publications of the Field Columbian Museum.
МЭАН., Vol. III, V, VI, VII, VIII, IX, XI, года 1903, 1904, 1905, 1907, 1908, 1909, 1910; БАН., I Ab. 350.
- Publications The Folklore Society.
У.
- Quellen u. Forschungen zur deutschen Volkskunde. Wien.
МАи; ИИБ.
- Rad jugoslavensko Akad. znanosti i umjetnosti.
ИРГО.; СОБАН.; У. ИАК. 1896—98.
- Rakstu-krajums izdots no Rigas Latvešu Reedribas Zinibu Komisijas, № 1—15 сч. Rigā. 1876—1911.
БАН.
- Records of the Australian Museum.
МЭАН., 1909, 1910.
- Recueil des notices et mémoires de la Société archéologique de la province de Constantine. Constantine. Alger. Paris. VI—XXX (1863—96).
ИЭ.; ИАК. 1879—1902. тт. 19, 20, 22—35.
- Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten. Giessen. I—IX (1903—1910).
ИЭ.
- Rendiconto (Società Reale di Napoli) dell' Accademia di archeologia, lettere e belle arti. Napoli.
БАН.
- Report of the Archaeological Survey of Westera India.
БАН.
- Reports of the American Museum of Nat. History.
МЭАН.
- Reports Annual of the Bureau of American Ethnology (Sm. Inst.).
ИРГО.; МЭАН., Vol. XVI—XXVI; МАи; БАН.; У.
- Reports Annual of the Bureau of Ethnology (Smiths. Inst.).
МЭАН., Vol. II—XV; БАН., I Fo. 58. МАи; У.; ИИБ.
- Reports Annual of the United States National Museum (Smiths. Inst.).

- МЭАН., 1887—1892, 1895—1909. МАм; У.
 Revista de archivos, bibliotecas y museos. Madrid. 3 época. I—IX (1897—1903). ИЭ.
 Revista Lusitana. Archivo de estudos philolog. e ethnol. relat. a Portugal. У.; НФО.
 Revue Archéologique. Paris. 1844—1911. ИЭ.; ИАК. 1845—1911.
 Revue Belge de numismatique. ИАК. 1875—1890.
 Revue Biblique internationale. Paris. VII—XII (1898—1903); I—VIII (1904—11). ИЭ.
 Revue d'anthropologie (Topinard). У.; МАм.
 Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale. Paris. IV—VIII (1897). ИЭ.
 Revue de droit international et de législation comparée. Bruxelles et Leipzig. БМФ.
 Revue de Hongrie. МЭАН., Vol. I и II.
 Revue de la numismatique Belge. ИАК. 1869—74.
 Revue de l'art chrétien. Bruxelles. 1883—89, 1893—1911. ИЭ.; ИАК.
 Revue de l'école d'anthropologie de Paris. МАм.
 Revue de l'histoire de religions. НФО. 1885—1911. ИРГО.; У.; МАм; МА.
 Revue des études ethnographiques et sociologiques publiée sous la direction de Arnold Van Gennep. Paris. ИРГО.; МАм; МЭАН.
 Revue des études grecques. Paris. I—XXIV (1899—1911). ИЭ.
 Revue des traditions populaires. МАм; НФО. 1889—1911. ИИБ.
 Revue d'ethnographie; продолжение см. R. d'Anthropologie. ИИБ.
 Revue d'Ethnographie et de Sociologie (Paris).
 Revue historique et archéologique du Maine. Mamers et le Maus. I—XVIII (1876—1885). ИЭ.
 Revue Orientale pour les études Ouralo-altaïques. ИРГО (Evf I—VII); МЭАН., 1902, 1905, 1906, 1908, 1909; МАм; У.
 La Revue Slave. БАН.
 Rijks Ethnogr. Museum te Leiden. 1894—1911. МЭАН.
 Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu. СОБАН. (1—15. 1878—1908 r.).
 Römisch-Germanisches Korrespondenzblatt. Trier (1908). I—IV. ИЭ.
 Ruś. Czasopismo poświęcone dziejom i kulturze Ukrainy, Podola, Wołynia i Rusi Czerwonej. Lwów. 1911. СОБАН.
 Séances et travaux de l'Académie de Reims. Reims. T. 1—77 (1845—85). ИЭ.
 Le Siellia artistica ed archeologica. Palermo. I—III (1887—89). ИЭ.
 Sitzungsberichte d. Alterthumsgesellschaft Prussia. БАН; ИАК; ИЭ. 1880—81; 1884—85.

Sitzungsberichte der Anthropologischen Gesellschaft in Wien.

МЭАН., 1901, 1902, 1904, 1905, 1906.

Sitzungsberichte d. gelehrten estn. Gesellschaft zu Dorpat.

ИРГО; БАИ I Gi. 91; МАИ; МЭАН. 1896, 98, 1900 — 1910.

Sitzungsberichte d. Kgl. Böhmisches Gesellschaft. d. Wissenschaften. Prag.

ИАК. 1892, 1896—1902.

Society County Folklore.

— Journal.

ИИБ.

— Printed extract.

— Publications.

— Record.

— the Folklore.

— The Internat. FLCongress Papers et Transactions.

— Transactions.

У.; I. II. 1116 — 1119.

Sprawozdania Komisji do badania historii i sztuki w Polsce. Kraków. Wydawnictwo Akademji Umiejętności w Krakowie
СОБАН.

Studi e materiali di archeologia e numismatica, pubblicati per cura di Luigi Adriano Milani. Firenze. I—II. 1899.
ИЭ.

Studien u. Forschungen zur Menschen u. Völkerkunde. Stuttgart.

МАИ.

Svenska Landsmål ock Svenska Folkli.

ИРГО. (1904 — 1908); МЭАН. 1905 и посл. ИИБ; МАИ.

Światowit. Rocznik. 1 — 7. Warsz. 1899 — 1914.

У.; СОБАН. XXIX в. 778. ИИБ.

Tijdschrift voors Indische Taal-, Land- en Volkenkunde.

ИРГО; МАИ.

T'oung pao. Archives pour servir à l'étude de l'histoire, des langues, de la géographie et de l'ethnographie de l'Asie orientale.

ИИБ; У.

Towarzystwo Naukowe w Toruniu. Societas literaria Torunensis Fontes.

СОБАН. (I. 1897 г. — XII 1908).

La Tradition. Paris.

ИИБ.

Transactions of the Antropological Society.

ИРГО (Vol II, III); У. ИАК.

Transactions of the Ethnological Society.

У.; ИИБ.

Transactions of the royal society of literature of United Kingdom. London. Vol. I—III, 1827—39, I—XIV, 1849—85.
ИЭ.

Travaux ethnographiques de la Société Finno-Ougrienne.

МАИ; ИРГО.

Die Umschau. Uebersicht über die Fortschritte und Bewegungen auf dem Gesamtgebiet der Wissenschaft, Technik, Litteratur und Kunst. Frankfurt. V—VIII, 1901.
ИЭ.

Verhandlungen d. Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte.

МЭАН., 1885—1890, 1892—1902; МАИ; БАИ; У.

Verhandlungen d. Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat.

ИРГО; БАИ. I Fi. 90 и X Ir 169**. МАИ; МЭАН. 1880, 83, 84, 91, 94, 1900, 904, 907, 910.

Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin.

ИРГО; МЭАН., 1890 — 1901; БАИ; У.; ИИБ.

- Verhandlungen der Versammlungen deutscher Philologen und Schulmänner. I—L (1838—1909).
ИЭ.
- Verhandlungen des II intern. Kongresses f. allg. Religionsgeschichte.
У.; ИЭ.
- Veröffentlichungen aus dem Kgl. Museum für Völkerkunde.
У.; МЭАН. 1890, 1901.
- Veröffentlichungen aus dem Städtischen Völker Museum. Frankfurt am Main.
МАН; ИИБ.
- Veröffentlichungen des Städtischen Museums für Völkerkunde zu Leipzig.
ИРГО.
- Věstník Českoslovanských Musei a spolků archeolog. Čáslav.
У.; СОБАН.
- Věstník slovanské filologie a starožitnosti. Praha.
У.; СОБАН.
- Vienac. Zabavi i pouci. Zagreb.
СОБАН.
- Volkskunde Tijdschrift voor Nederlandsche Folklore.
ИФО. 1890—1908.
- Volkskundliche Zeitschriftenschau für 1904, herausgegeben im Auftrage der hessischen Vereinigung für Volkskunde. Leipzig. 1907.
ИЭ.
- Volksmund. Alte u. neue Beiträge z. Volksforschung. Leipzig.
ИИБ.
- Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst. Trier. I—XXX (1882—1911).
ИЭ.
- Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. Kraków.
ИАК. 1892—1902.
- Wiś ilustrowana. Warszawa 1910.
СОБАН.
- Wisła.
ИРГО.; СОБАН.; У.; МАН.
- Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien u. der Hercegovina. Hsg. vom Bosn.-Here. Landesmuseum in Sarajevo. 1893.
БАН.; У.; МАН. ИЭ.
- Wissenschaftliche Veröffentlichungen der deutschen Orient-Gesellschaft. Heft. 3, 6, 8, 9. 1903.
ИЭ.
- Wörter und Sachen.
У.; БАН.; ИИБ.
- Ymer.
ИРГО.; ИИБ.
- Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu. 1910.
СОБАН.
- Zbiór wiadomości do antropologii krajowej Kom. Antr. A. Um. w Krakowie. I п с.л. 1877.
СОБАН.; ИИБ.; ИАК. 1878—1895.
- Zbornik. Na svetlo daje Slovenska Matica v Ljubljani. I. 1899 п с.л.
ИРГО.; СОБАН.
- Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb 1896, I с.л.
ИРГО.; СОБАН.; У.; ИИБ. ИАК. 1897—98.
- Zeitschrift d. Gesellschaft für Beförderung d. Geschichtsalterthums und Volkskunde von Freiburg, dem Breisgau u. d. angrenzenden Landschaften (продолжение — Alemannia).
БАН. X Ea. 36b.
- Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin.

- ИРГО.; МЭАН., 1902 — 1910; БАН.
1901 — 1910; МАИ; ИИБ.; У.
- Zeitschrift des römisch-germanischen Centralmuseums und des Vereins zur Erforschung der rheinischen Geschichte und Alterthümer. Mainz. I—V. 1906—1910.
ИЭ.
- Zeitschrift des Vereins für Völkerkunde.
МАИ; БАН.; III Аа. 7а; ИИБ.
- Zeitschrift des Vereins für Volkskunde.
(N. F. der Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft).
У.; МАИ; ИИБ.
- Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete. Weimar. I—XXV.
ИЭ.
- Zeitschrift für christliche Kunst. Düsseldorf. IX, XXIV (1896—1911).
ИЭ.
- Zeitschrift f. deutsche Wortforschung (F. Kluge). Strassburg.
У.
- Zeitschrift f. Ethnologie. Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte.
ИРГО. (I — XXVIII); У.; МАИ; МЭАН. 1869—1896 гг. съ 1869—1879, 1881—84, 1893—1896, 1903—1910; БАН. VIII F. 17b; ИИБ.; ИЭ. I—XLIII (1869—1911). ИАК. 1869—97.
- Zeitschrift für Geschichte und Auslegung der alten Kunst. Göttingen. I—III (1817—1818).
ИЭ.
- Zeitschrift für historische Waffenkunde. Leipzig I—V (1891—1911).
ИЭ.
- Zeitschrift f. Morphologie u. Anthropologie. (G. Schwalbe). Stuttg.
У.
- Zeitschrift f. oesterreichische Volkskunde. Supplement-Heft. Wien.
ИИБ.
- Zeitschrift f. österr. Volkskunde red. Haberlandt. Wien 1893.
ИИБ.
- Zeitschrift f. Vaterländische Alterthumskunde. Zürich. 1842.
ИЭ.
- Zeitschrift f. Völkerpsychologie u. Sprachwissenschaft.
БАН. III Аа. 7а; МАИ; У.; ИРГО.
- Zeitschrift f. Volkskunde hrg. Veckenstedt. Lpzg. 1889 — 1892.
ИФО.
- Zentralblatt f. Anthropologie. 1905—1911.
МЭАН.
- Zentralblatt für Anthropologie, Ethnologie u. Urgeschichte.
У.
- Žinyezia Kvartaliniis laikraštis. Tilžėje. 1900—1902.
БАН.

III.

Списокъ изданій по ЭАФА, въ Петроградѣ неразыеканныхъ.

- Abhandlungen u. Berichte des Königl. zoolog. u. anthropologisch-ethnographischen Museums zu Dresden hg. von Meyer. Berlin. 1877.
- Altdeutsche Blätter. Bonn.
- Annalas della Societad rhaeto-romansche. Cuera.
- Annaire des traditions populaires Soc. des trad. pop. an palais du Trocadéro. Paris.

- Anzeiger d. Vereins f. österr. Volkskunde.
Red. Haberlandt. Wien 1896.
- Anthropologisches Journal, hgg. von
Schmid.
- Archaeological Journal for the encouragement
and prosecution of researches into
the arts and monuments of the early and
middle age. London.
- The Archaeological Review. 1888—90.
- Archiv des Vereins für Siebenbürgische
Landeskunde.
- Archiv für Anthropologie u. Geologie Schles-
wig-Holsteins u. der benachbarten Ge-
biete. Kiel u. Leipzig.
- Atsume Gusa pour servir à la connaissance
de l'Extrême Orient.
- Atti della Pontificia Accademia Romana di
Archeologia. Roma.
- B**ayerische Gebirgs und Volkstrachtenzei-
tung. Beiträge zur Anthropologie Elsaß-
Lothringens. Straßburg.
- Beiträge z. Geschichte Landes u. Volkskunde
d. Altmark. Stendal.
- Bericht der Ges. für Völker- u. Erdkunde
zu Stettin. Greifswald.
- Bibliothek für Volks- u. Heimathskunde.
Sonderheft zu den Deutschen Gauen.
Kaufbeuren.
- Blätter der Vereines für Landeskunde von
Nieder-Österreich. Wien.
- Boletín folklórico español. Sevilla.
- Braga und Hermodé neues Magazin für d.
vaterländ. Alterthümer der Sprache,
Kunst u. Sitten. Leipzig.
- Budapest régiségei régészeti és történeti
évkönyv (Ежегодникъ древностей, ле-
гендъ и исторiя Будапешта).
- Bulletin de Folklore, organe de la Société
du Folklore wallon dirigé p. E. Mon-
seur. Brux.
- Bulletino del Vulcanismo italiano period.,
geolog. ed. archeolog. per l'osservazioni
ella storia oei fenomeni endogeni nel
suolo d'Italia. Roma.
- Chrestomathies orientales. 1841—49.
- Congrès international paléothnologique.
Compte rendu. Paris. 1866.
- Dep. of the Interior. Ethnological Survey
Publications. Manila.
- Erdélyi Múzeum kiadja az Erdélyi Museum-
Egyesület. Klausenburg (Седмиградскій
Музей).
- Etnografiska Bidrag af svenska missionärer
i Afrika. Stockholm.
- Etudes religieuses, philosophiques, histori-
ques et littéraires. Revue fondée en 1856
par des pères de la Compagnie de Jésus.
- Jahresbericht d. Vereins f. Oesterr. Volks-
kunde. Wien 1896.
- Jahresbericht des wissenschaftlichen Vereins
f. Volkskunde u. Linguistik in Prag.
1893.
- Japan und China. Monatschrift, hrgg.
Kurwiwa.
- Journal des Museum Godeffroy. Geogra-
phische, ethnograph. u. naturwissen-
schaftl. Mittheilgn. Hamburg.
- Journal of the American oriental society.
- Journal of the Indian Archipelago. Singapore.
- Journal of the Polynesian Society.
- Journal of the Royal Asiatic Society of
Great Britain and Ireland.

Λαογραφία (Volkskunde). Vierteljahrschrift der griech. Gesellschaft für Volkskunde. (Ig. I) 1909.

Man. A monthly Record of anthropological science. London.

Mélanges japonais.

Mémoires de la Société ethnologique.

Memoirs of american folklore society.

Memoirs of the American Anthropological Association. Lancaster.

Memoirs of the Geological Survey of New South Wales. Sydney. Departement of Mines and Agriculture. Ethnological Series.

Mittheilungen d. Vereins für Sächsische Volkskunde. Dresden.

Mittheilungen u. Umfragen zur bayrischen Volkskunde. Würzburg.

Mittheilungen zur jüdischen Volkskunde. Berlin.

Neue Carinthia. Zs f. Geschichte, Volks u. Alterthumskunde Kärnthens. Klagenfurt 1890.

Przegląd Zakopiański. Zakopane-Kraków. Publications de la Société suisse des traditions populaires. Zürich.

Publications de la Section orientale de la

Société ethnographique hongroise Budapest (A magyar néprajzi társaság szakosztályának Kiadványai).

Publikationen aus dem Kön. Ethnographischen Museum zu Dresden.

Revue du monde musulman.

Revue mensuelle de l'École d'anthropologie de Paris.

Revue orientale et americaine.

Rivista orientale.

Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift. Breslau.

Schriften d. Schweizerischen Gesellschaft f. Volkskunde: cf. Publications.

Schriften des Bayerischen Vereins für Volkskunst u. Volkskunde. München.

Veröffentlichungen der Grosseherzoglich Badischen Sammlungen für Alterthums u. Völkerkunde in Karlsruhe u. d. Karlsruher Alterthumsvereins.

Volkskunst und Volkskunde. München.

Zs d. Vereins f. das Museum schlesischer Alterthümer. Cf. Schlesiens Vorzeit in Bild u. Wort.

Zs f. Missionskunde u. Religionswissenschaft. Heidelberg.

Примѣчаніе. Настоящіе «Матеріалы» представляютъ собою опытъ сводки коллективной регистраціи специальныхъ журналовъ по ЭАФА. и потому являются далеко не полными. Желательно, чтобы замѣтки и дополненія для 2-го исправленнаго изданія присылались въ ИРГО на имя составителя.

Настоящій выпускъ «Живой Старины» печатался подъ наблюдениемъ предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи И. Р. Г. О., секретаря Отдѣленія, чл.-сотр. Н. О. Познанскаго и д. чл. Э. К. Пекарскаго и выпущенъ въ свѣтъ 23 августа 1914 г.